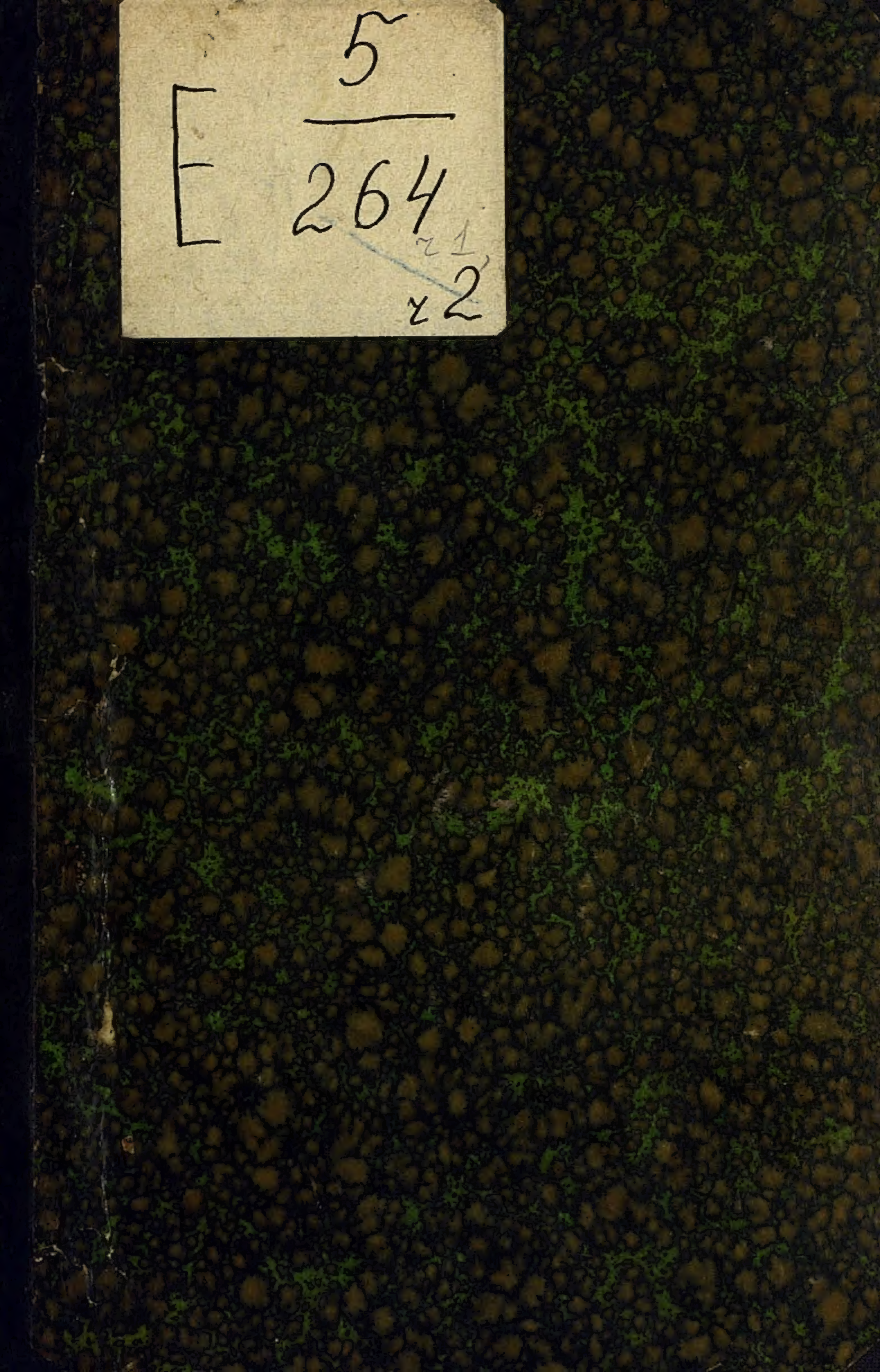
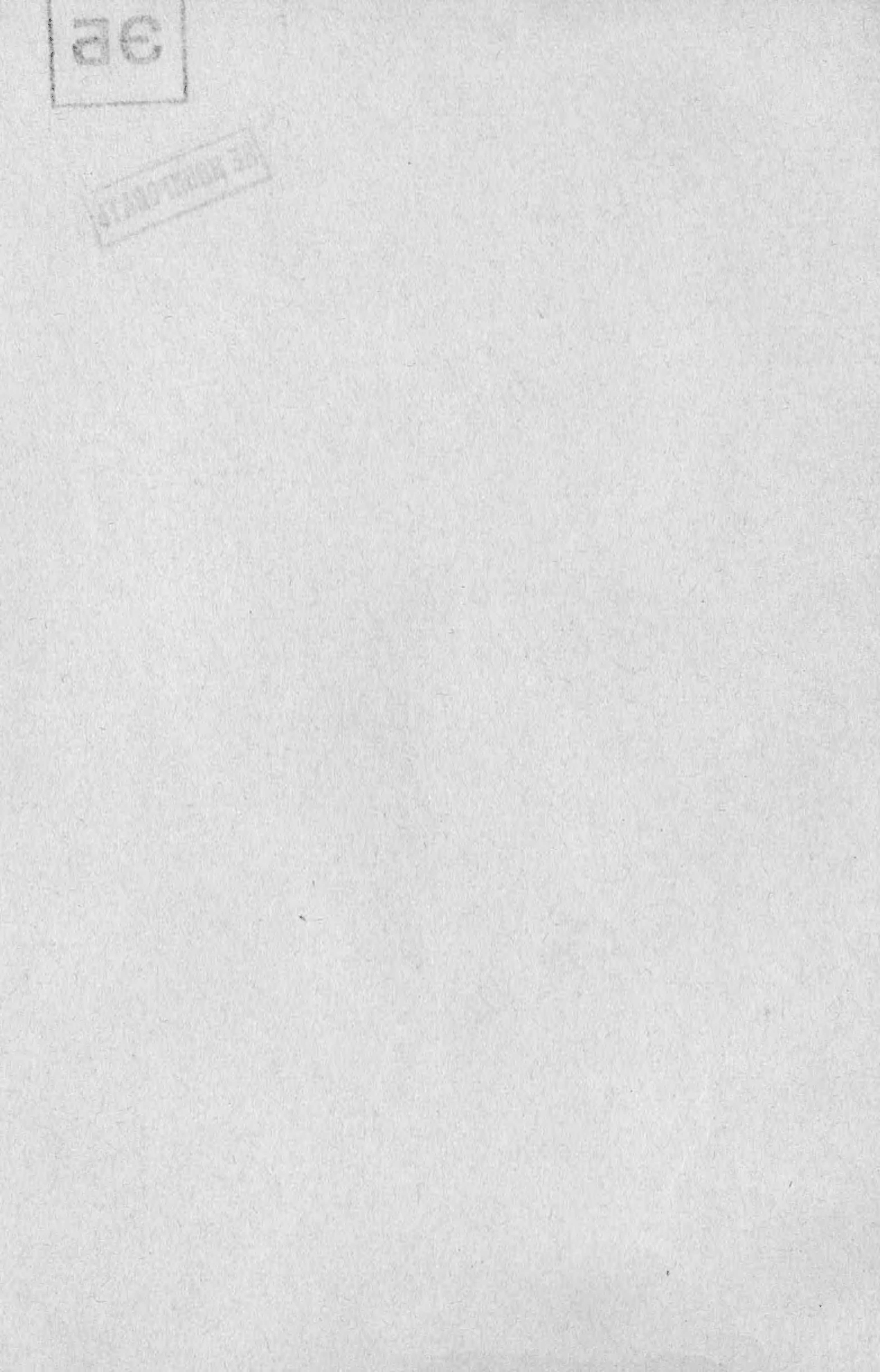

E
5
264
ч1
ч2

ЭБ

12 ДЕКАБРЯ 1877.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ I
и
ЕГО ЦАРСТВОВАНІЕ.

„*Возвеличилъ Россію, спасъ Европу*“.

Надпись на памятникѣ Александру I въ селѣ Грузинѣ

Сочиненіе

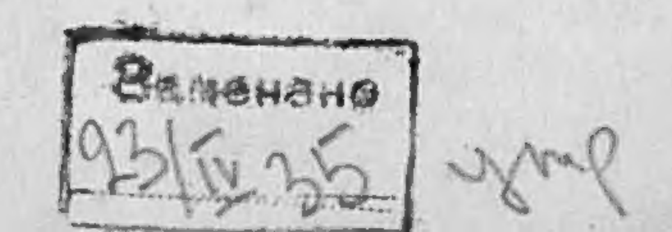
И. А. Галактіонова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1877.

Типографія Л. В. Фомина. Загор. пр., д. № 24.

Дозволено Цензурою, 3-го Октября 1877 года. С.-Петербургъ.

Посвящается

Екатеринѣ Галактіоновнѣ

ГАЛАКТІОНОВОЙ.

Предлагаемое сочиненіе не есть ученый трудъ: ни личность Императора, ни факты изъ его царствованія не освѣщены новымъ свѣтомъ. Авторъ просто воспользовался всѣми печатными источниками и, по готовому, большею частію разработанному матеріалу, изложилъ царствованіе Александра I, безъ тѣхъ мелкихъ подробностей и ссылокъ на источники, которыя не удерживаются памятью и скучны для большинства читающей публики. Многіе въ виду празднествъ, по поводу столѣтняго юбилея со дня рожденія Императора Александра Павловича, пожелаютъ возобновить въ своей памяти забытыя страницы изъ его царствованія и возьмутся за сочиненія гг. Богдановича и Пыпина, но многіе ли будутъ въ состояніи прочитать ихъ до конца? Представить сочиненіе небольшое по объему, занимательное по выбору фактовъ и не испещренное ссылками на томы П. С. З., многочисленныя русскія и иностранныя сочиненія, записки и письма современниковъ, или другими словами, дать возможность большинству читателей безъ утомленія познакомиться съ замѣчательнѣйшимъ изъ недавнихъ царствованій,—вотъ была цѣль автора. На сколько онъ достигъ ея, судить не ему.

Отпечатанное сочиненіе обнимаетъ собою изложеніе событій до 1812 года; вторая часть (1812—1825), не поспѣвшая къ юбилею, будетъ печататься въ будущемъ году.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА. Стр.

I. Рожденіе Александра Павловича и заботливость о немъ Екатерины Великой. — Графъ Салтыковъ. — «Инструкція» Императрицы и «нарочитыя книжицы». — Ф. Ц. Лагарпъ и его занятія съ великими князьями. — Преподаватели великихъ князей.—М. Н. Муравьевъ.—Планы Императрицы женить старшаго внука. — Принцеса Луиза Баденская Дурлахъ — невѣста Александра Павловича.— Обрученіе и свадьба его. — Разлука съ Лагарпомъ. — Отзывы о характерѣ великаго князя — Смерть Императрицы.—Великій князь Александръ дѣлается Наслѣдникомъ Престола. . . . . 1.

II. Вступленіе на Престолъ Александра Павловича и впечатлѣніе, которое оно произвело на русское общество. — Манифестъ и первые указы Императора.—Уничтоженіе пытокъ. — Обрядъ коронованія. — Уваженіе Государя къ законамъ. — Сотрудники Государя по преобразованіямъ: Новосильцевъ, Чарторижскій, Строгановъ и Кочубей. — Неоффиціальный Коммитетъ.—Опредѣленіе правъ и обязанностей Сената. — Учрежденіе Министерствъ. — Заботы Императора объ улучшеніи участи крестьянъ. — Преобразованіе законодательной части и проектъ новаго Уложенія. — Сотрудники Императора въ первые годы его царствованія. — Взглядъ на личность Государя и его дѣятельность лучшихъ людей того времени. . . . . . . 19.

ГЛАВА. Стр.

III. Министерство Народнаго Просвѣщенія и Графъ Завадовскій. — Мысль объ учрежденіи университетовъ.—Академики Фуссъ и Озерецковскій. — Планъ учебныхъ заведеній въ Россіи 1803 г. — Попечители округовъ: Муравьевъ, Северинъ, Потоцкій и Румовскій. — Щедрыя пожертвованія на пользу просвѣщенія. — Н. М. Карамзинъ. — Вѣстникъ Европы и Исторія Государства Россійскаго. — Крузенштернъ и первое кругосвѣтное плаваніе русскихъ моряковъ. — Украшеніе Петербурга новыми зданіями казенными и частными. . . . . 40.

IV. Наши пріобрѣтенія на Кавказѣ до вступленія на престолъ Александра Павловича. — Присоединеніе Грузіи. — Управленіе Кнорринга и Коваленскаго. — Назначеніе Главнокомандующимъ Грузіи и инспекторомъ Кавказской линіи князя Цыціанова; личность князя и его дѣятельность до назначенія на Кавказъ.—Инструкція Императора. — Высылка съ Кавказа лицъ Грузинскаго Царскаго дома; убійство Лазарева. — Административная дѣятельность Цыціанова и его планы. — Подданство Мингреліи и переговоры съ Имеретинск. Царемъ Соломономъ. — Походъ Цыціанова къ Ганжѣ и покореніе ея. — Подданство Имеретіи. — Война съ персами. — Походъ къ Эривани.—Эчміадзинъ. — Неудача подъ Эриванью. — Присоединеніе къ Россіи ханствъ Карабахскаго и Шекинскаго и султанства Шурагельскаго. . . . . 56.

V. Отношенія наши къ Франціи до 1801 г. — Англія объявляетъ войну Франціи.—Отношеніе Наполеона къ русскимъ посламъ и отозваніе русскаго посольства изъ Парижа.— Союзъ Россіи съ Австріей, Швеціей и Англіей и приготовленія къ войнѣ съ Наполеономъ.—Присоединеніе Пруссіи къ союзу. — Ген. Маакъ и дѣло при Ульмѣ. Отступленіе Кутузова, дѣло у Дюрнштейна. — Багратіонъ и Шенграбенское дѣло.—Аустерлицкая битва.—Переговоры Австріи съ Наполеономъ и миръ въ Пресбургѣ. — Возвращеніе гвардіи въ Петербургъ.—Образованіе Рейнскаго союза.—Отношеніе Наполеона къ Пруссіи.—Положеніе Прус-

ГЛАВА. Стр.

сіи и приготовленія къ войнѣ.—Битвы при Іенѣ и Ауерштедтѣ.—Занятіе Берлина французскими войсками.—Объявленіе «континентальной блокады».—Приготовленіе Наполеона къ войнѣ съ Россіей . . . . 73.

VI. Приготовленія къ войнѣ съ Наполеономъ. — Манифестъ 30-го ноября. — Ополченіе. — Главнокомандующій Бенигсенъ. — Его ссора съ Буксгевденомъ. — Назначеніе главнокомандующимъ фельдмаршала Каменскаго. — Появленіе Наполеона въ Польшѣ и первыя встрѣчи съ русской арміей.— Чарновское дѣло и графъ Остерманъ.—Отступленіе къ Пултуску и отъѣздъ изъ арміи Каменскаго. — Бенигсенъ и битва у Пултуска. — Багратіонъ.—Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау. — Переговоры Наполеона о мирѣ. — Положеніе обѣихъ армій. — Пріѣздъ Государя въ Бартенштейнъ.—Гельсбергъ. — Отступленіе къ Кенигсбергу.— Фридландское сраженіе. — Занятіе французами Кенигсберга. . . . . 89.

VII. Донесеніе Бенигсена о положеніи арміи. — Переговоры о перемиріи и ратификація перемирія.—Наполеонъ предлагаетъ Императору Александру свиданіе въ Тильзитѣ. — Тильзитское свиданіе и статьи мирнаго договора.—Договоръ Наполеона съ Прусскимъ Королемъ. — Тайный договоръ.—Впечатлѣніе произведенное Тильзитскимъ миромъ на армію и общество.—Пробужденіе литературы и Вѣстникъ Европы.—Патріотическое направленіе литературы. —Ростопчинъ.—Озеровъ и Крюковскій.—Державинъ.— Глинка и Русскій Вѣстникъ.—Новые министры: Голубцовъ, графъ Румянцевъ, Аракчеевъ.—М. М. Сперанскій. 114.

VIII. Старанія Наполеона вовлечь насъ въ войну съ Турціей.— Южная армія и генералъ Михельсонъ.—Революція въ Константинополѣ.—Милорадовичъ и дѣло у Обилешти.— Слободзейское перемиріе и смерть Михельсона.—Князь Прозоровскій.—Война со Швеціей.—Графъ Буксгевденъ и взятіе Свеаборга.—Трудности войны народной.—Графъ Каменскій и Кульневъ.—Перемиріе со шведами.—Отношенія Наполеона къ западно-европейскимъ государствамъ. —Ничадуевъ Испаніи.—Ерфуртское свиданіе . . . . 138.

ГЛАВА. Стр.

IX. Возобновленіе войны со Швеціей.—Занятіе Улеаборга.—Кноррингъ-главнокомандующій.—Переходъ русскихъ по льду Ботническаго залива и Кваркена.—Очищеніе Финляндіи отъ шведовъ.—Сеймъ въ Борго.—Движеніе русскихъ по Вестъ-Ботніи.— Гр. Каменскій.—Миръ въ Фридрихсгамѣ.—Пріѣздъ въ Петербуръ прусской королевской четы.—Отношеніе Наполеона къ Австріи.—Война съ Австріей.—Понятовскій.—Шенбрунскій договоръ. . . . . 157.

X. Война съ Персіей.—Дѣйствія отрядовъ Лисаневича и Корягина.—Каспійская флотилія и неудачи генерала Завалишина.—Походъ князя Циціанова.—Графъ Гудовичъ и война съ Турціей.—Неудача у Ахалкалаки.—Арпачайская побѣда.—Возобновленіе турецкой войны на Дунаѣ.—Прозоровскій и неудачи у Браилова.—Мнѣніе Императора.—Болѣзнь и смерть Прозоровскаго.—Багратіонъ.—Каменскій и его успѣхи. — Неудача подъ Шумлой и Рущукомъ.—Послѣднія побѣды и смерть Каменскаго.—Кутузовъ.—Битва у Рущука.—Пораженіе арміи визиря.—Переговоры о мирѣ и Бухарестскій миръ. . . . . . 169.

ГЛАВА I.

Рожденіе Александра Павловича и заботливость о немъ Екатерины великой.—Графъ Салтыковъ.—«Инструкція» Императрицы и «нарочитыя книжицы».—Ф. Ц. Лагарпъ и его занятія съ великими князьями.—Преподаватели великихъ князей.—М. Н. Муравьевъ. Планы Императрицы женить старшаго внука.—Принцеса Луиза Баденская Дурлахъ—невѣста Александра Павловича.—Обрученіе и свадьба его.—Разлука съ Лагарпомъ—Отзывы о характерѣ Великаго князя—Смерть Императрицы—Великій князь Александръ дѣлается Наслѣдникомъ Престола.

Императоръ Павелъ былъ два раза женатъ.—Первая его супруга, Наталья Алексѣевна умерла черезъ два съ половиною года послѣ брака; вскорѣ послѣ ея смерти онъ женился на дочери Виртемберскаго принца Фридриха Евгенія, Маріи Федоровнѣ, извѣстной своею необыкновенною благотворительностію.

Молодые супруги жили большею частію въ Гатчинѣ или въ Павловскѣ и очень рѣдко появлялись въ Петербургскомъ дворцѣ.—Между тѣмъ Государыня какъ будто чувствовала необходимость обратить на кого нибудь свою материнскую любовь и нѣжность и, какъ только родился ея первый внукъ Александръ *), она взяла его къ себѣ во дворецъ и съ первыхъ же дней окружила своего любимца самою нѣжною заботливостію.—«Только что онъ появился на свѣтъ,

*) Онъ родился 12-го Декабря 1777 года.

я взяла его на руки,—писала Императрица *) —и, когда онъ былъ выкупанъ, перенесла его въ другую комнату, гдѣ положила его на большую подушку; его завернули въ ночное покрывало и я позволила не иначе запеленать его, какъ по способу, который можно видѣть на прилагаемой куклѣ. Потомъ его положили въ корзину, гдѣ теперь лежитъ кукла, чтобы приставленнымъ къ нему женщинамъ не вздумалось качать его:—эту корзину поставили на диванѣ за экраномъ». Послѣ крестинъ внукъ Импераатрицы былъ перенесенъ изъ покоевъ матери въ особенное помѣщеніе, состоявшее изъ большой комнаты, въ которой воздухъ былъ постоянно чистый, а температура не подымалась выше 15° по R. Посреди комнаты подъ балдахиномъ была поставлена кроватка Александра, желѣзная, безъ занавѣсокъ, съ кожанымъ тюфячкомъ и легкимъ англійскимъ одѣяльцемъ. Императрица старалась пріучить внука къ говору и даже къ шуму, спать въ неопредѣленное время, брать другую грудь. и. т. д. Его ежедневно купали, сначало въ тепловатой водѣ, затѣмъ въ холодной, только принесенной съ вечера, и Александръ такъ любилъ купаться, что немогъ равнодушно видѣть воды. Четырехъ мѣсяцевъ его уже клали животикомъ на коверъ, и Императрица приходила въ восторгъ, видя, съ какимъ удовольствіемъ ея любимецъ дѣлалъ попытки ползать. Каждый хорошій день его выносили на воздухъ, и нерѣдко онъ засыпалъ въ саду. «Онъ незнаетъ простуды»—писала Екатерина»—здоровъ и очень веселъ, любитъ прыгать и почти никогда не плачетъ. Недавно у него почти безъ боли прорѣзался зубъ. Теперь ему девять мѣсяцевъ». Черезъ два года родился Константинъ Павловичъ, но старшій внукъ продол-

*) Шведскому Королю Густаву Ш, незадолго до рожденія кронъ-Принца Густава Адольфа. Любопытное письмо это найдено въ бумагахъ Короля и переведено съ французскаго языка въ статьѣ Акад. Грота Екатерина П и Густавъ Ш.

жалъ быть слабостію Государыни. Державинъ не польстилъ порфирородному» отроку,» когда воспѣлъ его душевныя и тѣлесныя качества: по общимъ отзывамъ, Александръ росъ необыкновеннымъ, прелестнымъ ребенкомъ.

По мѣрѣ того, какъ внуки подростали, Императрица сама выбирала для нихъ воспитателей и учителей, сама составила планъ воспитанія, написала Азбуку и нѣсколько книгъ для первоначальнаго чтенія. Гувернанткой Великихъ князей была вдова генералъ майора, баронесса Ливенъ, женщина еще не старая, съ добрымъ сердцемъ и свѣтлымъ умомъ; когда же ея потомцы достигли старшій семи, а младшій пяти лѣтняго возраста, и слѣдовательно «приспѣло время отнять отъ нихъ женскій надзоръ», Императрица вызвала изъ заграницы графа Салтыкова и поручила ему своихъ внуковъ. Николай Ивановичъ Салтыковъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ былъ гофмаршаломъ при дворѣ наслѣдника престола, а позже завѣдывалъ хозяйственною частію при Великихъ князьяхъ. Честность и необыкновенная исполнительность расположили къ нему Павла Петровича, который радовался, узнавъ о желаніи Государыни «приставить» его къ Великимъ князьямъ. Нѣкоторые ставили въ вину Салтыкову его скупость и раболѣпство передъ людьми высоко—поставленными, но всѣ признавали въ немъ проницательный умъ, честность и доброе сердце. Приставляя его къ Великимъ князьямъ, Екатерина можетъ быть думала найдти въ немъ хорошаго посредника между ею и ея сыномъ, особенно въ дѣлѣ воспитанія Великихъ князей, гдѣ неизбѣжны были недоразумѣнія и пререканія между державною бабкой и отцомъ Великихъ князей. Поручая Салтыкову ближайшій надзоръ за своими внуками, Императрица однакоже оставила за собою главное руководство ихъ воспитаніемъ и даже составила для Салтыкова особое Наставленіе или Инструкцію. Составленая по идеямъ Локка и Ж. Ж-Руссо, Инструк-

ція эта была гордостію Императрицы: она приказала перевести ее на иностранные языки и дарила разнымъ вельможамъ и иностраннымъ путешественникамъ. Здѣсь говорилось, чтобы одежда Великихъ князей была проще и легче, не слишкомъ тепла и не тяжела; пища и питье былибы простые и безъ всякихъ пряностей; чтобы Великія князья избѣгали пить вспотѣвши. Воздухъ въ комнатахъ долженъ быть хорошій, для того предписывалось чаще ихъ провѣтривать; температура не должна превышать 13—14° R. Великіе князья должны чаще гулять, лѣтомъ купаться, а зимой черезъ три недѣли ходить въ баню. На постеляхъ вмѣсто перинъ должны быть тюфяки; одѣяла—простыя ситцевыя. Великіе князья должны были ложиться и вставать раньше; будить ихъ предписывалось осторожнѣе, чтобы не испугать. Говоря о дѣтскихъ забавахъ, Императрица между прочимъ замѣчаетъ: «давъ дѣтямъ въ игрѣ совершенную свободу, скорѣе узнать можно нравы и склонности ихъ,» поэтому ей желательно было, чтобы Великимъ князьямъ давали больше времени на игры и забавы, но избѣгали бы оставлять ихъ праздными: если они не учатся и не играютъ, то съ ними слѣдуетъ вести поучительный разговоръ. За этимъ слѣдовали на ставленія о томъ, какъ поступать при болѣзняхъ, при слезахъ, какъ направлять умъ къ добродѣтели, отучать дѣтей отъ упрямства, страха, лжи и т. д., обращалось вниманіе даже на походку и наружность Великихъ князей. Особенно интересны главы объ языкахъ и ученіи. Обучать языкамъ Великихъ князей Екатерина совѣтовала практически, т. е разговаривая съ ними на тѣхъ языкахъ; но при этомъ предписывала заботиться о томъ чтобы они не забыли своего, родного языка. Между прочимъ она рекомендовала чтеніе Евангелія на разныхъ языкахъ, непремѣнно сличая ихъ текстъ съ текстомъ русскимъ. Изъ древнихъ языковъ греческій языкъ Императрица считала наиболѣе полезнымъ,

для Великихъ князей, «ибо посредствомъ его могутъ они пріобрѣсть многое знаніе. Сверхъ великаго числа писателей, коихъ красота въ переводахъ потеряна, не столько отъ некуства переводчиковъ, сколько слабостію и недостаткомъ другихъ языковъ, сей имѣетъ преимущество предъ другими, столько же своею пріятною гармоніею и игрою мыслей, сколько и изобиліемъ. Техническія его слова къ наукамъ и художествамъ принадлежащія, означаютъ существо самой вещи и приняты во всѣ другіе языки.» Перечисляя различные предметы обученія, Императрица самое важное значеніе придавала русскому языку и познанію Россіи. «Предписывается— говоритъ она—«отъ 11 до 15 лѣтъ, употреблять по нѣсколько часовъ въ день *для спознанія Россіи во всѣхъ ея частяхъ*. Сіе знаніе столь важно для Ихъ Высочествъ и для самой Имперіи, что спознаніе оной главнѣйшую часть знанія дѣтей занимать должно.»

Изъ Инструкціи видно, что Екатерина придавала большое значеніе поучительнымъ бесѣдамъ и чтенію, какъ средству, которое скорѣй можетъ укрѣпить дѣтей въ правилахъ добра и нравственности; въ Инструкціи же перечислены и тѣ «нарочитыя книжицы», которыя составила сама Императрица, какъ образчики для первоначальнаго чтенія внука. «Россійская азбука съ гражданскимъ начальнымъ ученіемъ» —самая первая книжка для чтенія, начинается коротенькими изреченіями: «Всякое дитя родится неученымъ,» «Долгъ родителей дать дѣтямъ ученіе» и т. п. Выписываемъ нѣкоторыя изъ нихъ: «Дитя родителямъ оказываетъ благодѣяніе покорностію и почтеніемъ. Во всякомъ возрастѣ почитай родителей. Кто не обучился въ юности, того старость бываетъ скучна. Лѣность есть дурной учитель. Праздность есть мать скуки и многихъ пороковъ. Честность есть неоцѣненное сокровище. Лакедемоняне отъ младенчества поваживали дѣтей говоритъ слогомъ краткимъ и яснымъ правду. Законы можно назвать способами, коими

люди соединяются и сохраняются въ обществѣ, и безъ которыхъ бы общество разрушилось. Платонъ Аѳинейскій совѣтовалъ разсерженому человѣку смотрѣться въ зеркало. Въ сердцѣ человѣкъ безобразенъ: иной краснѣетъ, иной блѣднѣетъ, уста чернѣютъ, у иныхъ глаза наливаются кровью, или жилы напрягаются и синѣютъ. Римскій Императоръ Титъ плакалъ, въ который день не учинилъ какого ни наесть добра. Спросили у Солона: какъ Аѳины могутъ добро управляемы быти? Солонъ отвѣтствовалъ: не инако, какъ тогда, когда начальствующіе законы исполняютъ.» Всѣхъ изреченій и разсказцевъ въ Азбукѣ 211 и нѣкоторые изъ нихъ были пояснены картинками. Екатерина знала, что дѣти любятъ загадки, поговорки, пословицы, и потому для второй книжки «Выборныя россійскія пословицы» взяла 126 русскихъ поговорокъ и пословицъ, которыя, по ея мнѣнію, легче удерживались въ памяти; мысли въ нихъ тѣ же что и въ первой книжкѣ, напримѣръ: «Всуе законы писать, когда ихъ не исполнять. Красна пава перьемъ, а человѣкъ ученьемъ. Милость хранитель государства. Праздность и старыхъ повреждаетъ, а молодымъ немалой вредъ бываетъ. Сыну послушливу родительскій приказъ не тягостенъ. Ученье свѣтъ, а неученье тьма» и т. д.

Въ сказкахъ «о Царевичахъ хлорѣ и Февеѣ» сочинительница надѣляетъ Царевичей всѣми хорошими качествами, какихъ требовала по Инструкціи отъ своихъ внуковъ. Царевичъ хлоръ былъ красивъ, уменъ не по лѣтамъ, добръ, благонравенъ, смѣлъ, веселъ нравомъ, учтивъ и благопристоенъ. Одинъ киргизскій ханъ плѣнился этими качествами царевича, похитилъ его въ свое кочевье и убѣдившись въ его великомъ разумѣ, заставилъ искать *розу безъ шиповъ* т. е. добродѣтель, доставляющую человѣку полное, ничѣмъ неотравляемое наслажденіе. Жена хана, Фелица, очарованная царевичемъ принимаетъ въ немъ участіе и даетъ ему въ спутники своего сына.

Разсудокъ. Изъ множества дорогъ они выбрали прямую и дошли до горы, на вершину которой вела крутая и каменистая тропинка. *Честность* и *Правда* помогаютъ царевичу преодолѣть всѣ трудности и на вершинѣ горы онъ находитъ розу безъ шиповъ.

Другая сказка «о Февеѣ красномъ солнышкѣ» описываетъ воспитаніе и дѣянія царевича Февея также по правиламъ Инструкціи. Февея не пеленами, не качали, не кутали; игрушки сообщали ему познанія обо всемъ окружающемъ; въ болѣзняхъ онъ былъ терпѣливъ, лѣтомъ и зимою много гулялъ, ѣздилъ верхомъ и т. д. Февей былъ добръ, жалостливъ, щедръ, учтивъ и привѣтливъ; любилъ говорить правду и не лгалъ никогда даже въ шуткахъ. Онъ жилъ въ полномъ послушаніи у своихъ родителей, потомъ женился и мудрымъ правленіемъ заслужилъ себѣ славу и любовь народа. Салтыковъ, какъ человѣкъ неученый, не могъ руководствовать великихъ князей въ ихъ учебныхъ занятіяхъ,—на немъ лежала только забота объ ихъздоровьѣ и нравственномъ образованіи; въ руководители же учебными занятіями внуковъ Екатерина избрала образованнаго швейцарца Лагарпа.

Фридрихъ Цезарь Лагарпъ или Петръ Ивановичъ Лагарпъ, какъ называли его русскіе, родился въ 1754 году въ г. Роллѣ Леманскаго кантона.— Родители его были очень небогаты, но пользовались за свою необыкновенную честность всеобщимъ уваженіемъ: въ родномъ городѣ долго помнили не только его отца, но даже дѣда и прадѣда.—Воспитанный съ самаго ранняго дѣтства въ семейныхъ преданіяхъ, малютка Лагарпъ однажды передъ портретомъ своего прадѣда со слезами на глазахъ далъ клятву быть честнымъ, любить правду и свой народъ.—Ученіе его началось въ Рольскомъ коллегіумѣ.

Изъ всѣхъ предметовъ преподаваемыхъ здѣсь, исторія сдѣлалась любимѣйшимъ; въ праздники онъ посѣщалъ дядю, который позволилъ ему читать книги своей большой библіо-

теки. «Я пожиралъ древнюю исторію», писалъ Лагарпъ въ послѣдствіи, « и получилъ къ людямъ древности и къ республикамъ то восторженное уваженіе, которое имѣло такое вліяніе на всю мою послѣдующую жизнь».

Четырнатцати лѣтъ Лагарпа послали въ Гальденштейнскую семинарію, въ которой онъ пробылъ два съ половиною года.

По совѣту одного юриста соотечественника, онъ выбралъ для себя карьеру адвоката и для того отправился въ Тюбингенъ.—Двадцати лѣтъ онъ получилъ уже степень доктора правъ; затѣмъ онъ отправился путешествовать по Италіи, посѣтилъ даже Мальту и Сицилію.—Въ Римѣ баронъ Гриммъ передалъ Лагарпу приглашеніе русской Императрицы занять мѣсто наставника при ея внукахъ-Лагарпъ пріѣхалъ въ Петербургъ и въ продолженіи двѣнатцати лѣтъ (съ 1783 по 1795) находился при Великихъ Князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ. — Стоя по уму, характеру и познаніемъ выше другихъ наставниковъ Александра Павловича, Лагарпъ могъ имѣть большое вліяніе на складъ его понятій и направленіе. По отчетамъ, которые онъ представлялъ Салтыкову, видно, что занятія его съ учениками состояли въ поучительныхъ бесѣдахъ, въ упражненіяхъ въ чтеніи и письмѣ, а также Лагарпъ занимался съ ними ариѳметикой и географіей.—Познакомивши Вел. князей съ общими понятіями о землѣ и ея раздѣленіями, онъ сталъ изучать съ ними географію Россіи и Польши, затѣмъ сосѣднихъ государствъ: Пруссіи, Германіи и Швеціи, разсказывая имъ при случаѣ о возникновеніи европейскихъ государствъ и о началѣ династій царствовавшихъ въ то время государей.— Отъ географіи Лагарпъ перешелъ къ своему любимому предмету—исторіи и здѣсь, описывая какое нибудь важное событіе, всегда старался вывести изъ него нравственное заключеніе и примѣнить его къ положенію своего ученика.—Исторія Греціи и Рима, которую онъ «пожиралъ»

еще въ коллегіумѣ, была любимою темой его для такихъ разсужденій, тѣмъ болѣе, что, какъ уроженецъ швейцарской республики, онъ не могъ не сочувствовать свободѣ и республиканскимъ учрежденіямъ классическаго міра.—Въ Лозанской публичной библіотекѣ сохраняются бумаги Лагарпа и между ними есть нѣсколько черновыхъ работъ къ его урокамъ исторіи; изъ нихъ лучше всего видѣнъ характеръ этихъ уроковъ.—Вотъ напримѣръ какія напечатаны въ Русскомъ Архивѣ.

I. Разсказъ о Суллѣ.—Лагарпъ старается защитить Суллу и при этомъ нападаетъ на цезаря и Августа-«Ни одно живое существо—дѣлаетъ онъ заключеніе—не переноситъ зла которое ему дѣлаютъ, без того, чтобы не защищаться.—Пчела жалитъ руку, которая ее давитъ; муравей кусаетъ пятку, которая на него наступаетъ; отчего же одинъ человѣкъ не имѣетъ права защищаться, когда другой намѣренъ его ранить или принести какой нибудь вредъ? Конечно не слѣдуетъ жаловаться на пустяки, но, когда зло невыносимо и когда нѣтъ средствъ избѣжать его, человѣкъ впадаетъ въ отчаяніе, котораго послѣдствія неисчислимы.»

Но расхваливая Суллу какъ диктора и гражданина, Лагарпъ упрекаетъ его за нападеніе на—республику. «И такъ Ваше Высочество, каждый человѣкъ, кто бы онъ ни былъ, отвѣчаетъ за послѣдствія хорошаго или дурнаго примѣра, который онъ подаетъ, и чѣмъ выше онъ поставленъ, чѣмъ больше онъ находится на виду, тѣмъ болѣе долженъ избѣгать примѣровъ, которые могутъ возбуждать порицаніе честныхъ людей.»

II. Разсказъ о Сципіонѣ. Разсказывая объ избраніи Сципіона, Лагарпъ замѣчаетъ: «Сципіому было не болѣе 24 лѣтъ и избраніе его было нарушеніемъ законовъ; въ республикѣ, Ваше Высочество, законы уважаются болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, и никто не можетъ ихъ нарушать без-

наказанно, потому что они изданы для всѣхъ и не дѣлаютъ исключеній ни для кого».

Къ разговорамъ съ великими князьями о событіяхъ древняго міра Лагарпъ обращался еще по другимъ причинамъ. Во франціи произошла революція и объ ней говорили у насъ во всѣхъ слояхъ общества; часто поднимались во дворцѣ вопросы о французскихъ событіяхъ въ присутствіи великихъ князей. «Тогда—говоритъ Лагарпъ—я откровенно высказывалъ свое мнѣніе и приводилъ такія примѣры изъ древней и новой исторіи, которые лучше всего могли бы подѣйствовать на ихъ чистый здравый смыслъ и молодыя сердца».

Здравый смыслъ и молодое сердце Александра чувствовали на себѣ вліяніе честнаго воспитателя; уроки и разговоры Лагарпа очень интересовали его и не пропадали даромъ; разговаривая съ нимъ, Александръ часто забывалъ свои игры и забавы. Отношенія между наставникомъ и ученикомъ были самыя дружескія. Великій князь часто навѣщалъ Лагарпа за просто. Однажды онъ отправился гулять пѣшкомъ и зашелъ къ Лагарпу; новый швейцаръ, не узнавъ великаго князя, объявилъ ему, что баринъ занятъ и проситъ подождать въ пріемной; пришлось ждать болѣе часу, но великій князь былъ терпѣливъ; когда Лагарпъ вышелъ изъ кабинета и сконфуженный сталъ извиняться за швейцара, Александръ поспѣшилъ возразить ему: «одинъ часъ вашихъ занятій стоитъ цѣлаго дня моего»; при этомъ онъ наградилъ швейцара.

По отзывамъ всѣхъ наставниковъ, Александръ былъ добръ, учтивъ и привѣтливъ, и не только съ ними и людьми близкими къ нему, но и со всѣми, съ кѣмъ только приходилось ему встрѣчаться. «Отовсюду слышу похвалы (Александру Павловичу;) пишетъ одинъ воспитатель вел. князей,—«похвалы объ учтивости, привѣтливости и снисхожденіи.» Онъ же разсказываетъ дальше, что Александръ «плакалъ не-

утѣшно,» когда узналъ о смерти одного родственника Салтыкова, а въ другой разъ отдалъ одному бѣдняку иностранцу свои послѣдніе 25 рублей.

Графъ Салтыковъ, представляя Императрицѣ годовые отчеты объ ученіи и поведеніи великихъ князей, всегда съ похвалой отзывался о старшемъ ея внукѣ.

Преподавателями великихъ князей по разнымъ предметамъ были люди составившіе себѣ извѣстность въ ученомъ мірѣ, такъ напримѣръ экспериментальную физику преподавалъ Крафтъ, ботанику-знаменитый академикъ Палласъ; съ нимъ великіе князья собирали гербаріумъ въ окрестностяхъ Павловска; русскою исторіей и русскимъ языкомъ занимался съ ними Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, человѣкъ честный, гуманный и притомъ замѣчательный писатель того времени *). Онъ заставлялъ вел. князей дѣлать извлеченія изъ прочитанныхъ ими сочиненій статистическихъ и историческихъ, и въ видѣ упражненія въ письмѣ, Александръ Павловичъ велъ подъ его руководствомъ журналъ, въ который вписывалъ вкратцѣ все пройденное имъ въ теченіи недѣли. Судя по тетради Александра Павловича, хранящейся въ публичной библіотекѣ, первымъ упражненіемъ его по русскому языку былъ отрывокъ изъ идилическаго сочиненія самого преподавателя «Обитатель предмѣстія;» затѣмъ слѣдуетъ статья «о Славянахъ и началѣ Руси,» потомъ «Письмо Плинія къ Тациту» и т. д. Къ концу тетради замѣтенъ уже извѣстный успѣхъ въ изложеніи и въ правописаніи.

---

*) М. Н. Муравьевъ (Род. въ 1757 г. Умеръ въ 1807 г.) уже 14 лѣтъ написалъ въ подражаніе Виргилію» Эклогу, «затѣмъ напечаталъ множество переводовъ съ франц. нѣмецкаго и англ. языковъ, напр. пьесы Буало, «Школу Злословія» Шеридана и др. Послѣ его смерти, въ 1815 г. изданы были его «обитатель предмѣстія» и Эмильевы письма! Послѣ обученія вел. князей М. Н. Муравьекъ былъ Попечителемъ Моск. округа.

Но образованіе Александра прервалось очень рано: едва минуло ему 15 лѣтъ, какъ Императрица пожелала видѣть своего любимаго внука женатымъ.

Графу Румянцеву *), нашему чрезвычайному посланнику и полномочному министру во Франкфуртѣ на Майнѣ, который хорошо зналъ всѣ дворы Имперскихъ князей, Императрица поручила объѣхать ихъ еще разъ и доставить ей свѣдѣнія обо всѣхъ принцесахъ, которыя по своимъ лѣтамъ могли быть невѣстами.—Выборъ Императрицы остановился на племянницахъ покойной Великой княгини Натальи Алексѣевны, княжнахъ Луизѣ и Фредерикѣ Баденскихъ Дурлахъ **). Прежде чѣмъ Екатерина получила ихъ портреты, она уже писала Румянцеву, чтобы онъ убѣдилъ княгиню Баденскую прислать ея дочерей въ Петербургъ какъ можно скорѣе. «Скажите ей, писала она, что я охотно берусь довершить ихъ воспитаніе и устроить ихъ обѣихъ. Внукъ мой выберетъ ту, которая ему болѣе понравится; сестру ея, когда придетъ время, я устрою». Приводимъ разсказъ Комаровскаго, который, какъ секретарь Румянцева, часто бывалъ у княгини Баденской и потомъ, какъ курьеръ, привезъ Императрицѣ портреты княженъ.

«Во исполненіе повѣленія Ея Величества, графъ отправился въ Карлсруэ, тотчасъ по возвращеніи своемъ во Франкфуртъ; онъ не взялъ съ собою ни одного изъ своихъ чиновниковъ; въ каретѣ сидѣли: графъ, я и его камердинеръ; при немъ были два лакея.

*) Графъ Николай Петровичъ Румянцевъ былъ старшій сынъ Румянцева Задунайскаго, героя Ларги и Кагула. Умеръ въ 1826 г.

**). Онѣ были дочери старшей сестры Великой княгини, Амаліи Фредерики, вышедшей въ 1774 г- замужъ за наслѣднаго принца Карла Людвига Дурлахъ Баденскаго. Луиза Марія Августа (Елизавета Алексѣевна) родилась въ 1779 году.

«Едва мы пріѣхали въ Карлсруэ и остановились въ трактирѣ, какъ маркграфъ прислалъ спросить о здоровьѣ графа и поздравить его съ пріѣздомъ; присланъ былъ каммергеръ. Графъ отвѣчалъ, что онъ здоровъ и что онъ тотчасъ будетъ имѣть честь представиться его свѣтлости; вслѣдъ за тѣмъ пріѣхала за нимъ придворная карета. По возвращеніи графа изъ дворца, тотъ же каммергеръ присланъ былъ пригласить его на обѣдъ къ маркграфу, и съ тою особою, которая при немъ находится. При дворахъ владѣтельныхъ князей былъ этикетъ: что должно имѣть по крайней мѣрѣ чинъ штабъ офицера, чтобы обѣдать за столомъ принца, а посему графъ Н. П. поручилъ маркграфа благодарить за честь, сдѣланную его спутнику, но что чинъ его не позволяетъ ему воспользоваться ею. Каммергеръ немедленно возвратился съ повтореніемъ приглашенія и что его свѣтлость не намѣренъ соблюдать никакихъ этикетовъ, изъ уваженія къ особѣ графа, а наиболѣе ко двору, отъ котораго онъ аккредитованъ. Въ назначенный для обѣда часъ, пріѣхала за нами придворная карета; при въѣздѣ нашемъ на дворцовый дворъ, стоявшій караулъ, отъ гвардейскихъ кирасиръ, вышелъ съ ружьемъ и отдалъ честь. У маркграфа всего войска было: кавалеріи одинъ эскадронъ и баталіонъ пѣхоты. Графъ Н. П. былъ принятъ со всевозможною почестью: оберъ камергеръ вышелъ его встрѣтить. Марграфъ, наслѣдный принцъ и принцеса, принцъ Фридрихъ, вторый сынъ маркграфа, обошлись съ нимъ весьма ласково. Принцессъ въ первый день я не видалъ, онѣ были въ загородномъ домѣ. За обѣдомъ было особъ 20; послѣ стола былъ концертъ, въ которомъ прекрасно пѣла одна благородная дѣвица, принадлежавшая къ двору. На другой день принцъ Фридрихъ пригласилъ насъ къ себѣ на обѣдъ, въ Дурлахъ...... Обѣдъ былъ на открытомъ воздухѣ въ саду; мужчинамъ позволено было быть во

фракахъ и за столомъ сидѣть въ шляпахъ; на этомъ обѣдѣ находились обѣ принцесы: Луиза и Фредерика. У принца жилъ одинъ французъ; онъ затѣялъ играть шарады, на театрѣ устроенномъ въ саду; кулисы состояли изъ стриженныхъ шпалеръ; день кончился маленькими играми. Мнѣ случилось хоронить папу съ принцессой Луизою; я ничего не видывалъ прелестнѣе и воздушнѣе ея таліи, ловкости и пріятности въ обращеніи». Комаровскій три недѣли пробылъ въ семействѣ маркграфа и потомъ уже былъ посланъ въ Петербургъ съ депешами къ Императрицѣ.

Принцесы пріѣхали въ Петербургъ въ октябрѣ 1792 г. вскорѣ послѣ празднествъ по случаю окончанія второй войны съ турками. Императрица пожаловала ихъ орденомъ св. Екатерины и познакомила со своими внуками. Старшая принцеса Луиза понравилась Александру Павловичу, его родителямъ и самой Императрицѣ. «Notre Princesse—говорила она Храповицкому—est aussi jolie qdu'elle est aimable et elle nous plait beaucoup». Молодой женихъ былъ спачало застѣнчивъ, но придворные балы, концерты и эрмитажныя собранія помогли сближенію, такъ что въ январѣ 1793 года вопросъ о бракосочетаніи Алексадра Павловича съ принцессой Луизой уже былъ рѣшенъ и они объявлены были женихомъ и невѣстой. Нельзя было представить пары болѣе очаровательной. Всѣ видѣвшіе невѣсту отзываются съ восторгомъ объ ея красотѣ, граціѣ и душевныхъ качествахъ. «Черты лица ея, пишетъ неизвѣстный воспитатель Великаго Князя, очень хороши и соразмѣрны ея лѣтамъ, ибо въ будущемъ генварѣ ей минетъ толко 14 лѣтъ. Физіономія пресчастливая; она имѣетъ выразительную пріятность, ростъ большой; всѣ ея движенія и привычки имѣютъ нѣчто особо привлекательное». Далѣе онъ замѣчаетъ, что принцесса умна, имѣетъ доброе сердце и вообще много сходнаго въ характерѣ съ Александромъ Павловичемъ. Два года спустя, знаменитая

портретистка Виже Лебренъ такъ описывала Елизавету Алексѣевну: «Ей казалось не болѣе 17 лѣтъ; черты лица ея были тонки и правильны, а самый окладъ его восхитительный; прекрасный цвѣтъ лица не былъ оживленъ румянцемъ, но по бѣлизнѣ своей соотвѣтствовалъ его ангельски кроткому выраженію. Пепельно бѣлокурые волосы ниспадали на шею и лобъ» *).

Въ Маѣ происходило мvропомазаніе, при чемъ невѣста была наречена Елизаветой Алексѣевной.—Сама Императрица подводила ее къ мѣстнымъ иконамъ и потомъ къ пріобщенію Св.-Таинъ; на другой день было обрученіе: Императрица сама размѣнивала ихъ кольца. Бракосочитаніе было отложено на полъ года.—Въ это время женихъ могъ лучше узнать свою невѣсту и болѣе оцѣнить ея умъ и доброту. По случаю бракосочетанія (27 Сентября 1793 года) Петербургъ былъ освѣщенъ великолѣпной иллюминаціей; при дворѣ и для народа въ продолженіи нѣсколькихъ дней устраивались настоящіе, царскіе праздники.

Молодые поселились въ Царскомъ Селѣ, но часто гостили въ семействѣ своихъ родителей въ г. Павловскѣ, гдѣ дни ихъ проходили весело и пріятно въ тѣсномъ кружкѣ родныхъ или немногихъ избранныхъ. «Душою этого избраннаго общества, говоритъ авторъ «Павловска», была сама Великая Княгиня Марія Θеодоровна; ея изобрѣтательность на забавы и развлеченія была неистощима и аренами ея были преимущественно садъ и паркъ. Кавалькады и прогулки пѣшкомъ, завтраки въ *Молочномъ домикѣ*, вечерній чай въ *Шале*, музы-

---

*). Въ Гатчинскомъ дворцѣ есть поясной портретъ Елизаветы Алексѣивны, писанный черезъ 4 года послѣ свадьбы. Здѣсь она изображена въ богатомъ бальномъ парядѣ, съ орденской лентой черезъ плечо и алмазной звѣздой Св. Екатерины. Густые локоны, обрамляющіе прелестное лице, украшены жемчужной діадемой и рядомъ крупныхъ розъ; подобную же розу она держитъ въ правой рукѣ.

кальные семейные вечера въ *Крикѣ*—составляли программу лѣтнихъ дней пребыванія Великокняжеской фамиліи въ Павловскомъ. Каждый день затѣвалась новая прогулка и нерѣдко лотерея указывала мѣста, куда должно было направляться общество или его отдѣльныя группы, производилась игра «въ прогулки.»

Съ тѣхъ поръ какъ Великій Князь сдѣлался женихомъ, ученіе его почти прекратилось: еще съ Лагарпомъ ему удавалось иногда заниматься, «россійское же ученіе», пишетъ его воспитатель, «было совсѣмъ забыто». Но скоро Александру пришлось разстаться и съ Лагарпомъ. Какъ человѣкъ прямой и далеко не свѣтскій, Лагарпъ не могъ ужиться съ придворными, враги его прибѣгли къ доносамъ, и онъ былъ уволенъ отъ должности. «Тяжела была мнѣ разлука (писалъ Лагарпъ потомъ) съ моими учениками, въ особенности со старшимъ,который преимущественно привязался ко мнѣ. Въ ту минуту, когда я пишу, глаза мои орошаются слезами при воспоминаніи 9 Мая 1795 года.» Благодарный ученикъ никогда не забывалъ Лагарпа и всегда отзывался о немъ съ уваженіемъ, какъ о человѣкѣ добродѣтельномъ, умномъ и энергичномъ. «Ему-говорилъ Александръ—я обязанъ всѣмъ, что во мнѣ есть хорошаго и всѣми моими познаніями». Лагарпъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1801 году, когда его ученикъ сдѣлался уже Императоромъ обширнѣйшаго въ свѣтѣ государства, и былъ принятъ чрезвычайно радушно; извѣстно, что молодой Императоръ совѣтовался съ нимъ о тѣхъ преобразованіяхъ, которыми началъ свое царствованіе. Библіотека Лагарпа была куплена Александромъ Павловичемъ для основаннаго имъ Царскосельскаго Лицея, а, въ дни наибольшей своей славы, чрезъ нѣсколько дней послѣ взятія Парижа, Императоръ пожаловалъ «полковнику Лагарпу» орденъ Св. Андрея Первозваннаго и послалъ своего адъютанта сооб-

щить его супругѣ, что мужъ ея внѣ опасности и находится въ главной квартирѣ Австрійцевъ.

«Потерявъ своихъ учителей и особенно полковника Лагарпа, своего перваго наставника, Александръ какъ будто потерялъ желаніе учиться», замѣчаетъ въ своихъ запискахъ учитель математики Великихъ Князей.

Это было за годъ до смерти Императрицы. Часто ему приходилось проводить утро на парадахъ и ученіяхъ Павла Петровича въ Гатчинѣ, между необразованными и грубыми офицерами, одѣтыми въ неуклюжіе прусскіе мундиры, а вечеромъ присутствовать на блестящихъ балахъ или на эрмитажныхъ собраніяхъ Императрицы, гдѣ обстановка и костюмы были блестящи, обращеніе самое изящное, гдѣ избранные гости его державной бабушки блистали умомъ и талантами. Разница была слишкомъ значительна, сравненіе напрашивалось само собой, а между тѣмъ необходимость заставляла примѣняться къ обоимъ обществамъ; вполнѣ откровеннымъ и искреннимъ нельзя было быть ни здѣсь, ни тамъ, слѣдовало взвѣшивать каждое слово; все это развило въ Великомъ Князѣ скрытность и недовѣрчивость, что въ-послѣдствіи подавало нѣкоторымъ поводъ упрекать его въ двуличіи. Но вспомнимъ, что когда Императрица, въ послѣдній годъ своей жизни, приставила къ своимъ внукамъ въ качествѣ товарищей двухъ польскихъ князей Чарторижскихъ, Александръ горячо привязался къ старшему, Адаму, и въ задушевныхъ бесѣдахъ съ нимъ былъ вполнѣ чистосердеченъ и откровененъ. «Когда Александръ—говоритъ Чарторижскій—въ 19 лѣтъ, говорилъ со мной, въ величайшей тайнѣ, съ откровенностію его облегчавшей, о своихъ мнѣніяхъ и чувствахъ, которыя онъ скрывалъ отъ всѣхъ, онъ дѣйствительно испытывалъ ихъ и имѣлъ потребность кому нибудь ихъ довѣрить. Какой другой мотивъ онъ могъ тогда имѣть? Кого онъ могъ бы хотѣть обманывать? Онъ безъ сомнѣнія слѣдовалъ влеченію своего сердца и до-

вѣрялъ свои настоящія мысли»? Такъ же откровененъ Великій князь былъ и со своей супругой, которую посвятилъ во всѣ тайны своихъ мечтаній и плановъ.

Едва минуло Александру Павловичу 19 лѣтъ, какъ умерла Великая Екатерина и на престолъ вступилъ Павелъ Петровичъ. Дворъ сразу преобразился. Явились новыя лица, съ наружностію, возрѣніями и вкусами новыми, даже противоположными прежнимъ. Александръ, какъ старшій сынъ и Наслѣдникъ престола, долженъ былъ пройти новую и трудную школу, разстаться съ прежними своими друзьями и раздѣлять труды и отдыхъ съ людьми, которые, какъ выразился самъ Александръ въ своемъ письмѣ къ Лагарпу, «предпочитали капрала человѣку образованному и полезному». Александръ долженъ былъ сдѣлаться еще осторожнѣе, еще скрытнѣе, четыре года такой жизни должны были положить на его характеръ новый неблагопріятный отпечатокъ. 11-го Марта 1801 года Александръ сдѣлался Императоромъ.

Общество встрѣтило это извѣстіе съ неподдѣльнымъ восторгомъ; поэты, и въ ихъ числѣ Державинъ, воспѣли восшествіе на престолъ Александра Павловича въ одахъ.

ГЛАВА II.

Вступленіе на Престолъ Александра Павловича и впечатлѣніе, которое оно произвело на русское общество. — Манифестъ и первые Указы Императора. — Уничтоженіе пытокъ. — Обрядъ коронованія. — Уваженіе Государя къ Законамъ. — Сотрудники Государя по преобразованіямъ: Новосильцевъ, Чарторижскій, Строгановъ и Кочубей. — Неоффиціальный Коммитетъ. — Опредѣленіе правъ и обязанностей Сената. — Учрежденіе Министерствъ. — Заботы Императора объ улучшеніи участи крестьянъ. — Преобразованіе Законодательной части и проектъ новаго Уложенія. — Сотрудники Императора въ первые годы его царствованія. — Взглядъ на личность Государя и его дѣятельность лучшихъ людей того времени.

Императоръ Павелъ былъ безспорно человѣкъ добрый и честный, но испорченное воспитаніе развило въ немъ раздражительность, вспыльчивость и упрямство. Вѣсть о перемѣнѣ царствованія и о вступленіи на престолъ Александра, соединявшаго съ прекрасною наружностію доброту, кротость и обворожительное обхожденіе, была въ цѣломъ государствѣ вѣстью искупленія. Современникъ событія, Вигель замѣчаетъ, что при вѣсти о восшествіи на престолъ Александра—«всѣ чувствовали какой-то нравственный просторъ, взгляды сдѣлались у всѣхъ благосклоннѣе, поступь смѣлѣе, дыханіе свободнѣе.»

Такимъ образомъ, со вступленіемъ на престолъ Александра, который объявилъ въ Манифестѣ, что желаетъ править государствомъ «по законамъ и сердцу Екатерины», всѣ ожидали блестящаго, счастливаго правленія. И для самого Александра начались новые и едва-ли не лучшіе дни

его жизни. Онъ тотчасъ же окружилъ себя прежними своими друзьями: опальный *Кочубей* вызванъ былъ изъ своего имѣнія, *Новосильцевъ*—изъ Лондона, Адамъ *Чарторижскій*—изъ Италіи; сюда же присоединились: *М. Н. Муравьевъ* и гр. *Павелъ Строгановъ*.

Прежде чѣмъ этотъ тѣсный кружокъ друзей Александра приступилъ вмѣстѣ съ нимъ къ совѣщанію о коренныхъ государственныхъ преобразованіяхъ, Императоръ издалъ цѣлый рядъ указовъ самаго разнообразнаго содержанія. Возвращены были изъ ссылки, изъ крѣпости, изъ-подъ ареста, и т. д. нѣсколько тысячъ человѣкъ разныхъ лицъ невинно пострадавшихъ; приказано было уничтожить висѣлицы, которыя до сихъ поръ красовались на площадяхъ большихъ городовъ; полиціи внушено было избѣгать произвола и вести себя законнѣе *), дозволено было открывать типографіи и печатать книги и ноты, дозволено желающимъ уѣзжать заграницу, отмѣнено было прежнее запрещеніе вывозить изъ Россіи и привозить въ Россію различные товары; у солдатъ обрѣзаны ненавистныя имъ букли **); запрещено было священниковъ и діа-

---

*) «Дабы чиновники полицейскіе, какъ для наблюденія благоустройства, тишины и спокойствія учрежденные, изъ границъ должности своей отнюдь не выходили, а тѣмъ менѣе не дерзали причинять никому и никакихъ обидъ и притѣсненій, дѣйствуя во всякомъ встрѣтившемся случаѣ по предписаннымъ каждому правиламъ» П. С. З. Р. И. Т. XXVI № 19.799.

**) «У солдатъ обрѣзать пукли. Косы же чтобы были длиною въ 4 вершка и завязывались бы въ половину воротника. Его Императорское Величество... надѣется, что Гг. Шефы будутъ наблюдать опрятность нижнихъ чиновъ». Т. XXVI № 19.826.

Вотъ что говоритъ Селивановъ, вспоминая о прежнихъ головныхъ уборахъ солдатъ: «пукли да косы доходили несчастныхъ солдатъ. Бывало, когда готовятся въ караулъ, или въ парадъ, еще съ вечера начнется причесываніе головъ; сколько сала вымазывалось, сколько муки высыпалось на головы! Для солдатъ, вмѣсто пудры, отпускалась простая ржаная мука. Причешется солдатъ съ вечера, и ужъ всю ночь лечь ему

коповъ подвергать тѣлесному наказанію; Россійской Академіи Наукъ и Вольно-Экономическому Обществу назначенъ былъ ежегодный отпускъ денегъ на ихъ содержаніе; *) въ Академической газетѣ запрещено было печатать постыдныя объявленія о продажѣ людей **); отмѣнены были пытки и т. д. Между этими Указами не было и не могло быть никакой связи, потому что они появлялись случайно, по мѣрѣ того, какъ открывалось какое-нибудь зло, произволъ или несправедливость; напримѣръ, Указъ Сенату объ уничтоженіи пытокъ вызванъ былъ однимъ частнымъ случаемъ, который дошелъ до Императора и произвелъ на него самое тяжелое впечатлѣніе. «Съ крайнимъ огорченіемъ»—говорится

нельзя: спитъ сидя, чтобы не измять буклей. Много бывало случаевъ, что и крысы отъѣдали косы у сонныхъ. Особенно чаще всего случалось это несчастіе въ красныхъ казармахъ: такая тамъ была бездна крысъ. Безобразны и неудобны до крайности были также на солдатахъ огромныя треугольныя шляпы. Бывало, на ученьѣ скомандуютъ на плечо, или пойдутъ въ штыки бѣглымъ шагомъ, такъ шляпы и летятъ съ головъ. Нарочно наряжались команды для подбиранія шляпъ».

*) «Всѣ полезныя заведенія, къ благу вѣрныхъ подданныхъ Моихъ относящіяся, всегда будутъ предметомъ особеннаго Моего вниманія...» говорилось въ Указѣ. Т. XXVI, № 19.832.

**) Выписываемъ для образца нѣсколько объявленій изъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, издав. при Академіи Наукъ. 1797 г. 2 января: «Въ Московской части, идучи отъ дому Логинова, по Большой Разъѣзжей улицѣ.... *продается мальчикъ 16 лѣтъ.* Желающіе онаго купить, о цѣнѣ свѣдѣніе получать отъ хозяина!»

«Желающіе купить *лѣтъ 20-ти дѣвку*, которая моетъ бѣлье и готовитъ кушанье, благоволятъ о ней спросить супротивъ Каменнаго театра..,»

13 Января: «На Петербургской сторонѣ, въ приходѣ Троицкаго собора, въ 4 кварталѣ... *продаются три дѣвки*,... а о цѣнѣ узнать...»

7 Апрѣля: Рядомъ съ объявленіемъ о продажѣ дома, свѣжей спаржи, саней, накладныхъ волосъ и т. д, напечатано: «Неподалеку старой полиціи, по Мойкѣ, въ домѣ подъ № 279, у жильца, *продается 19-ти лѣтъ дѣвка.*»

въ Указѣ:—дошло до свѣдѣнія Моего, что по случаю частыхъ пожаровъ въ городѣ Казани взятъ былъ по подозрѣнію въ зажигательствѣ одинъ тамошній гражданинъ подъ стражу, былъ допрошенъ и не признался; но пытками и мученіемъ исторгнуто у него признаніе и онъ преданъ суду.—Въ теченіи суда вездѣ, гдѣ было можно, онъ, отрицаясь отъ вынужденнаго признанія, утверждалъ свою невинность; но жестокость и предубѣжденіе не вняли его гласу—осудили на казнь.—Въ срединѣ казни и даже по совершеніи оной тогда, какъ не имѣлъ уже онъ причинъ искать во лжи спасенія, онъ призывалъ всенародно Бога во свидѣтели своей невинности и въ семъ призываніи умеръ. Виновные были преданы суду, а Сенатъ долженъ былъ строжайшимъ образомъ слѣдить за тѣмъ, что бы всѣ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, во основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ предъ судомъ сознаніе, что въ теченіи слѣдствія не были они подвержены какимъ либо пристрастнымъ допросамъ, и чтобы наконецъ *самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной.*»

Такое начало царствованія желаннаго Государя не могло не возбудить къ нему сильной любви всего народа. «Нельзя было сомнѣваться—говоритъ Виже Лебренъ—въ любви, уваженіи, обожаніи, которое проявляли русскіе въ отношеніи къ своему молодому Императору. Этотъ восторгъ доходилъ до того, что почиталось за великое счастіе увидѣть его, встрѣтиться съ нимъ: если онъ выходилъ вечеромъ гулять въ Лѣтній садъ или проѣзжалъ по улицамъ, толпа его окружала, благословляя, и онъ, привѣтливѣйшій изъ Государей, удивительно милостиво отвѣчалъ на всю эту дань почтенія.»

Когда Императоръ пріѣхалъ въ Москву на коронацію, и

тамъ народъ встрѣтилъ его съ неподдѣльнымъ восторгомъ и самыми искренними надеждами.

Обрядъ коронаціи долженъ былъ совершиться 15 Сентября 1801 г. Царская Фамилія и весь Дворъ собрались въ Петровскій дворецъ ко 2-му Сентября, а Государь пріѣхалъ въ Москву 5 Сентября.

На Московское торжество стеклось изъ окрестностей Москвы и изъ другихъ городовъ такое множество народу, что въ городѣ едва хватало помѣщеній: говорятъ, что едва можно было найти одну комнатку за полтараста и болѣе рублей въ мѣсяцъ, что для тогдашняго времени было цѣной чрезвычайно высокой; соразмѣрно этому вздорожали и всѣ съѣстные припасы. На другой день по прибытіи въ Москву, Государь поѣхалъ прогуляться верхомъ по Тверской; когда народъ его узналъ, то встрѣтилъ съ невыразимымъ энтузіазмомъ «Народъ стѣснилъ его»—говоритъ Вигель — такъ сильно и осторожно, какъ страстная мать сжимаетъ въ объятіяхъ своего младенца. Не было ни крика—ни шума, но сквозь легкій шопотъ раздавались слова: «батюшка» и «родной,» и «наше красное солнышко», и все, что въ простонародномъ нашемъ языкѣ есть нѣжно выразительнаго. Царскій конь, сбруя, одежда все въ глазахъ народа освящалось его прикосновеніемъ; цѣловали его лошадь, его сапоги, ко всему прикладывались съ набожностію.»

8 Сентября, въ день, назначенный для въѣзда Государя въ Москву, погода выдалась теплая и ясная, на небѣ не было ни одного облачка; на всемъ пути отъ петровскаго дворца до дворца нѣмецкой слободы были разставлены шпалерами гвардейскіе полки; народъ помѣщался на подмосткахъ, въ ложахъ и смотрѣлъ изъ всѣхъ оконъ, которыя на этотъ случай были красиво украшены коврами и ткайями. Рано утромъ, при звонѣ кремлевскихъ колоколовъ и пушечныхъ выстрѣловъ, процессія тронулась. За отрядомъ конной гвардіи

слѣдовалъ рядъ парадныхъ экипажей съ сенаторами и первыми чинами двора; затѣмъ взводъ кавалергардовъ и за ними Императоръ съ Великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ; ихъ сопровождала блестящая свита. За свитой ѣхали богатыя золотыя кареты со вдовствующей Императрицей Маріей Ѳедоровной, Императрицей Елизаветой Алексѣевной и Вел. княжнами. Шествіе замыкалось отрядомъ конной гвардіи и 12 почталіонами. У всѣхъ большихъ церквей Императора встрѣчало духовенство съ хоругвями и образами и депутаціи отъ разныхъ сословій. Въ Успенскомъ соборѣ Императоръ и Императрица отслушали молебствіе и въ полдень прибыли въ Слободской дворецъ, гдѣ снова были встрѣчены духовенствомъ и высшими сановниками Имперіи; послѣдніе поднесли Августѣйшимъ супругамъ, по русскому обычаю, хлѣбъ и соль. Черезъ три дня Царское семейство переѣхало въ Кремлевскій дворецъ. Въ тотъ же день верховые герольды разъѣзжали по городу и на всѣхъ площадяхъ объявляли народу о предстоявшей 15 Сентября коронаціи. Замѣчательно, что во все время московскихъ празднествъ погода стояла прекраснѣйшая и не произошло никакихъ несчастій съ народомъ, хотя тѣснота въ Москвѣ была чрезвычайная, такъ какъ ко дню коронаціи сюда прибыло изъ окрестностей до 100.000 крестьянъ.

Народъ занялъ свои мѣста задолго до начала торжества, а, нѣкоторые изъ болѣе любопытныхъ, говорятъ, сидѣли на мѣстахъ еще до разсвѣта. Въ Успенскій Соборъ пускали только избранныхъ, по билетамъ, мущинъ внизъ, дамъ наверхъ. Торжественное шествіе Императора и Императрицы изъ дворца къ Успенскому Собору сопровождалось непрерывнымъ колокольнымъ звономъ. Они шли въ серединѣ длинной процессіи подъ богатымъ балдахиномъ, обшитымъ снаружи серебряной парчей, а внутри золотой. Пѣвчіе встрѣтили Государя пѣніемъ псалма: *милость и судъ*, какъ бы въ знакъ того, что

эти царственныя добродѣтели должны быть Его спутниками въ правленіи. По совершеніи обряда коронованія, знаменитый витія того времени, Московскій Митрополитъ Платонъ, произнесъ длинную и краснорѣчивую рѣчь, въ которой указалъ и на чувства народа, обожающаго своего Монарха и на обязанности возложенныя на Него самимъ Богомъ. Эта знаменитая рѣчь была въ-послѣдствіи напечатана, по повелѣнію Государя, переведена на многіе языки и пріобрѣла справедливую извѣстность въ Европѣ. Послѣ божественной литургіи, Императоръ и Императрица были мνропомазаны и пріобщились Св. Таинъ: Императрица въ царскихъ дверяхъ, Императоръ въ алтарѣ у престола, особо тѣла и особо крови христовыхъ. Священнодѣйствіе заключилось привѣтствіемъ Платона: «Радуйся, Помазанниче Господенъ! Радуйся, утвержденный печатью дара Духа Святаго! Радуйся, благодати Ковчегъ! Радуйся, благоуханіемъ помазанія всѣхъ насъ усладившій! Радуйся, сопричисленный къ іерархіи небесной! Радуйся, церкви красоте! Радуйся, всея Россіи утвержденіе!»

Когда Императоръ въ коронѣ вышелъ изъ дверей Собора, внезапно появилось солнце и лучи его освѣтили и Императора и всю величественную процессію; въ то же мгновеніе роздалось громогласное русское ура, грянули пушки и зазвѣнѣли тысячи колоколовъ. «Трудно вообразить себѣ что нибудь трогательнѣе и прекраснѣе этого торжества», замѣчаетъ очевидецъ. «Востороженная радость народа проявлялась во всѣхъ концахъ города и въ храмахъ; когда Александръ возложилъ брилліантовую корону на блиставшую красотой Императрицу Елизавету, то при видѣ этого прелестнаго зрѣлища, всеобщій восторгъ не зналъ предѣловъ».

По древнему обычаю, Государь и Государыня посѣтили Соборы Архангельскій и Благовѣщенскій, чтобы поклониться старинной святынѣ и гробамъ своихъ предковъ. Возвратившись во дворецъ, Императоръ тотъ часъ же велѣлъ въ

аудіенцъ залѣ прочесть манифестъ о коронаціи и о дарованныхъ по сему случаю наградахъ и милостяхъ. Освобождены отъ рекрутской повинности за этотъ годъ всѣ сословія, подлежащія рекрутскому набору; сложены многіе штрафы и казенные долги; всѣмъ офицерамъ до полковничьяго чина увеличено жалованье (на четверть противъ прежняго) и т. д. Въ тотъ же день дано было повелѣніе сенату составить изъ сенаторовъ особую коммиссію для пересмотра прежнихъ уголовныхъ дѣлъ, и, если окажутся между сосланными и заточенными въ разныхъ мѣстахъ люди мало виновные или виновные неумышленно, то, «не ослабляя силы закона», участь ихъ, по возможности, облегчить.

Въ продолженіи трехъ вечеровъ Москва изъ края въ край освѣщалась иллюминаціей: освѣщеніе старинныхъ кремлевскихъ башенъ разноцвѣтными огнями вызвало даже похвалу иностранцевъ, видѣвшихъ иллюминацію римскаго собора Св. Петра. Празднества заключились громаднымъ народнымъ пиромъ въ Сокольникахъ: здѣсь для народа поставлены были столы съ различными кушаньями и бочки съ виномъ.

Черезъ мѣсяцъ послѣ коронаціи Императоръ уѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, оставивъ по себѣ самое отрадное воспоминаніе и въ населеніи древней столицы, и въ свидѣтеляхъ торжества.

При вступленіи на престолъ Александра Павловича, всѣ отрасли государственнаго управленія были въ ужасномъ безпорядкѣ, вездѣ господствовалъ произволъ и уваженіе къ справедливости и закону было рѣдкостію. «Въ нашихъ дѣлахъ»—писалъ Александръ Кочубею не задолго до кончины Екатерины II—«въ нашихъ дѣлахъ господствуетъ неимовѣрный безпорядокъ, грабятъ со всѣхъ сторонъ; всѣ части управленія дурны; порядокъ кажется изгнанъ отовсюду...» «При вступленіи же своемъ на престолъ, онъ пи-

салъ Лагарпу: «Непостижимо, что происходитъ: всѣ грабятъ; почти не встрѣчаешь честнаго человѣка; это ужасно». Дѣйствительно, въ предшествующее царствованіе такъ привыкли къ нарушенію законовъ и всякому произволу, что даже люди принадлежавшіе къ высшему обществу и стоявшіе очень высоко мало обращали вниманія на законъ; въ примѣръ можно привести одну княгиню, которая, не имѣя успѣха въ своихъ незаконныхъ домогательствахъ, обратилась съ просьбой къ самому Государю: «Вы все можете сдѣлать—Вы выше закона». Извѣстно, что Александръ отвѣчалъ ей: «Если бы даже я могъ нарушить законъ, то не захотѣлъ бы того, потому что признаю только власть основанную на законахъ». Мы говорили, что, при вступленіи своемъ на престолъ, Александръ пытался цѣлымъ рядомъ указовъ исправить всѣ несправедливости, обиды и всякое зло, которое очень бросалось въ глаза; для исправленія же всего механизма управленія, этого «безобразнаго зданія государственной администраціи,» какъ выразился самъ Государь, нельзя было ограничиться Указомъ болѣе или менѣе поспѣшнымъ; для реформъ коренныхъ необходимы были серьозныя подготовительныя работы; для этого то Государь еще въ Маѣ 1801 г. образовалъ Комитетъ изъ своихъ друзей, *Кочубея*, *Строганова*, *Новосильцева* и *Чарторижскаго*. Послѣдніе три лица составили знаменитый тріумвиратъ, который Императоръ въ шутку называлъ своимъ «Comité du salut public». Не имѣю ни-какого оффиціальнаго значенія, они долго рѣшали важнѣйшія государственныя дѣла, оттого и любопытно познакомиться съ ними поближе.

Николай Николаевичъ *Новосильцевъ*, племянникъ графа Строгонова извѣстнаго президента Акад. Худ., былъ не только человѣкъ свѣтскій и блестяще образованный, веселый и пріятный собесѣдникъ, но и человѣкъ вполнѣ ученый. Около четырехъ лѣтъ онъ прожилъ въ Англіи и возвратился въ Россію

очарованный и стройнымъ механизмомъ государственнаго строя и обычаями Англіи. По воцареніи Александра, на него были возложены самыя разнообразныя обязанности: онъ составлялъ проекты по торговлѣ, земледѣлію, промышлености, искуствамъ и художествамъ; въ 1803 году сдѣланъ былъ попечителемъ С.-Петербурскаго округа, черезъ мѣсяцъ Президентомъ Академіи художествъ, а черезъ восемь мѣсяцевъ спустя Товарищемъ Министра юстиціи; иногда ему давались даже дипломатическія порученія. Кромѣ этихъ всеблемлящихъ обязанностей онъ докладывалъ Государю почти обо всѣхъ дѣлахъ, по этому даже квартиру имѣлъ въ Зимнемъ дворцѣ и кромѣ четырехъ докладныхъ дней имѣлъ доступъ къ Государю во всякое другое время. Очень часто Новосильцевъ сопровождалъ Государя въ его поѣздкахъ.

Князь *Адамъ Чарторижскій* былъ двоюродный племянникъ Станислава Понятовскаго. Получивши многостороннее образованіе, онъ, также какъ Новосильцевъ, много путешествовалъ и долго жилъ въ Англіи, изучая ея политическія учрежденія, и, также какъ Новосильцевъ, былъ горячимъ почитателемъ англійскихъ учрежденій. Послѣ паденія Польши, Адамъ Чарторижскій со своимъ братомъ жилъ въ Петербургѣ, въ качествѣ польскаго аманата. Императрица назначила братьевъ адъютантами къ Великимъ Князьямъ Александру и Константину. Не смотря на разность въ лѣтахъ (Чарторижскій былъ старше Александра Павловича шестью годами) между Александромъ и Адамомъ Чарторижскимъ завязалась тѣсная дружба, особенно лѣтомъ, когда оба они жили въ Царскомъ Селѣ и, вдали отъ придворныхъ интригъ, вмѣстѣ обѣдали, ужинали, много гуляли и во время прогулокъ предавались своимъ любимымъ разговорамъ. Мы говорили, что, съ кончиною Императрицы, Александръ лишился всѣхъ своихъ друзей. Императору Павлу Чарторижскій казался только вкрадчивымъ полякомъ, поэтому онъ удалилъ его въ

Римъ, давъ ему порученіе быть повѣреннымъ въ дѣлахъ Россіи при Сардинскомъ королѣ. Съ восшествіемъ на престолъ Александра, Адамъ Чарторижскій тотчасъ же былъ вызванъ въ Петербургъ и съ учрежденіемъ Министерствъ былъ назначенъ Товарищемъ Министра Иностранныхъ дѣлъ. До сихъ поръ еще личность Чарторижскаго не вполнѣ выяснена: одни порицаютъ его вкрадчивость и обвиняютъ его въ томъ, будто онъ обманывалъ Государя и ненавидѣлъ Россію какъ полякъ, другіе отрицаютъ это и восхваляютъ его умъ, честность и правдивость.

Графъ Павелъ Александровичъ *Строгановъ* былъ сынъ знаменитаго и богатаго мецената временъ Екатерины II, графа Александра Сергѣевича Строганова. Какъ бы въ противоположность первымъ двумъ друзьямъ Александра, Строгановъ получилъ вполнѣ французское воспитаніе и былъ почитателемъ всего французскаго. Съ умомъ и громадною начитанностію онъ соединялъ необыкновенное благородство души. Если Павелъ Строгановъ имѣлъ въ то время большое значеніе, то не столько по должности своей Товарища Министра Внутреннихъ дѣлъ, сколько по любви къ нему Государя, который бывалъ у него почти ежедневно; отношенія между графомъ Строгановымъ и Александромъ сдѣлались тѣмъ болѣе тѣсными, что Елизавета Алексѣевна была дружна съ женой графа, Софьей Владиміровной, женщиной очень умной и образованной.

Кромѣ этого тріумвирата особеннымъ довѣріемъ Императора пользовался въ это время графъ Викторъ Павловичъ *Кочубей*, племянникъ канцлера князя Безбородко, человѣкъ также талантливый, образованый и благородный, заявившій о своихъ способностяхъ на дипломатическомъ поприщѣ. Съ учрежденіемъ Министерствъ онъ сдѣланъ былъ Министромъ Внутреннихъ дѣлъ.

Государь составилъ изъ этихъ четырехъ лицъ «Комитетъ» подъ своимъ предсѣдательствомъ для систематиче-

скихъ работъ надъ реформами административными. Благодаря обыкновенію Строганова, который. по возвращеніи съ комитетскихъ собраній, записывалъ въ-кратцѣ весь ходъ совѣщаній и даже споры. мы имѣемъ понятіе о томъ, какъ велось дѣло въ этомъ комитетѣ и какіе вопросы были тамъ затронуты.

Первое засѣданіе было 24 Іюня 1801 г., второе—1-го Іюля, третье—10, затѣмъ 15, 23 и т. д., слѣдовательно каждую недѣлю. Одно засѣданіе произошло даже въ Москвѣ, во время пребыванія тамъ Государя по случаю коронаціи. Сотрудники Государя собирались обыкновенно въ назначенный день послѣ обѣда въ кабинетѣ Государя. Изъ коротенькихъ протоколовъ Строганова можно видѣть. что Александръ находился въ отношеніяхъ довольно независимыхъ къ своимъ совѣтникамъ. Желая знать ихъ мнѣніе, онъ предлагалъ на ихъ обсужденіе различные вопросы, но отнюдь не подчинялся слѣпо ихъ заключеніямъ; по большей части онъ оставался только слушателемъ и Самъ на высказывался такъ, что его совѣтники незнали, какое заключеніе сдѣлаетъ Самъ Императоръ. Въ оживленныхъ и горячихъ комитетскихъ спорахъ онъ отличался особенною сдержанностію и осторожностію, какъ будто желалъ получше, со всѣхъ сторонъ познакомиться съ даннымъ вопросомъ и затѣмъ обдумать его про себя. Остановившись на извѣстномъ мнѣніи, Александръ держался его довольно упорно и этимъ часто приводилъ въ немалое смущеніе горячихъ своихъ сотрудниковъ; впрочемъ бывали случаи, что черезъ нѣкоторое время онъ могъ выслушивать возраженія и, если они бывали слишкомъ убѣдительны, перемѣнялъ свое прежнее рѣшеніе. Какъ бы ни было, но большинство лучшихъ мѣръ и полезнѣйшихъ учрежденій перваго времени были результатомъ мыслей и гуманныхъ побужденій самого Императора.

Комитетскія собранія, прекратились въ концѣ 1803 г., по-

тому что другія важнѣйшія занятія и внѣшнія дѣла безпрестанно отвлекали Императора.

Строгановъ говоритъ, что въ началѣ перваго засѣданія пришли къ такому рѣшенію: прежде чѣмъ начать преобразованіе, необходимо имѣть передъ глазами картину настоящаго состоянія Имперіи во всѣхъ ея частяхъ, «чтобы получить возможность судить болѣе сознательно о болѣзни и о методѣ леченія, которому должно слѣдовать.» Эту серьезную предварительную работу принялъ на себя, по предложенію Комитета, Новосильцевъ. Только по окончаніи этой работы можно приступить къ желаннымъ реформамъ и «завершить все дѣло *Уложеніемъ*, которое ручалось бы за прочность реформъ».

Посмотримъ теперь, что же было сдѣлано Комитетомъ?

Въ первое-же засѣданіе Государь «выразилъ нетерпѣніе» перейдти къ преобразованію Сената и Самъ началъ говорить о немъ; поэтому въ продолженіи нѣсколькихъ засѣданій говорилось преимущественно о Сенатѣ. Чтобы подвинуть дѣло, И. издалъ 5 іюня именной Указъ Сенату, которымъ поручалось ему самому разсмотрѣть свои права и подать объ этомъ докладъ.

Указъ этотъ, говорятъ современники, произвелъ на образованное общество сильное впечатлѣніе. Въ собраніи Сенаторовъ произошли разныя мнѣнія: графъ Воронцовъ и графъ Завадовскій хотѣли болѣе правъ, напр. располагать доходами и совершать смертную казнь безъ конфирмаціи Государя. Захаровъ давалъ грамматическія объясненія нѣкоторыхъ словъ въ должности сената, Державинъ представилъ свой проектъ, который хотя не былъ утвержденъ, но за который во время коронаціи онъ получилъ орденъ Александра-Невскаго.

Докладчикъ Государя Трощинскій и графъ Воронцовъ представили также докладъ объ организаціи Сената. Они читались, обсуждались въ неофиціальномъ комитетѣ, но не-

были одобрены, и Государь съ грустью выразилъ мысль, что все это «не подвигаетъ его ни на шагъ къ столь желанной имъ цѣли-обуздать произволъ нашего управленія.» Послѣ этого писали доклады о сенатѣ Строгановъ и Новосильцевъ, ихъ обсуждали также въ Комитетѣ и наконецъ 8 Сентября 1802 года слѣд. образомъ опредѣлены были обязанности и права сената: 1) Сенатъ есть верховное мѣсто Имперіи 2) Власть его ограничивается только властью Государя 3) Предсѣдательствуетъ въ Сенатѣ Государь 4) Указы Сената исполняются наравнѣ съ указами Государя и только онъ одинъ можетъ ихъ исполненіе остановить. 9) За несправедливость жалобы Государю на Сенатъ виновные предаются суду.

Разсуждая въ «Комитетѣ» о правахъ сената, пришли къ мысли поручить отдѣльныя части управленія отдѣльнымъ *лицамъ отвѣтственнымъ* или *министрамъ*. Впервые мысль объ этомъ высказана была Лагарпомъ, который въ то время былъ въ Петербургѣ. Государь часто навѣщалъ Лагарпа, по прежнему, запросто, и заставая его иногда въ шлафрокѣ, бесѣдовалъ съ нимъ о трудностяхъ правленія. Говорятъ, что однажды Государь пришелъ къ нему очень опечаленный. «Я желалъ бы броситься въ Неву—такъ тяжело и грустно мнѣ» — сказалъ Александръ. Лагарпъ освѣдомился о причинѣ. «Я узналъ—отвѣчалъ Александръ, что въ Сибири умерло съ голоду нѣсколько тысячь, и не могу добиться ни отъ кого, нѣсколько дней уже, объявленій по сему дѣлу». Лагарпъ воспользовался этимъ, чтобы убѣдить Александра въ необходимости учредить Министерства съ отвѣтственными министрами.

Мысль эта обсуждалась продолжительное время въ Комитетѣ и была предметомъ горячихъ споровъ: одни несоглашались съ установленіемъ обязанностей и отвѣтственности министровъ, другіе—съ распредѣленіемъ дѣлъ по министер-

ствамъ; напримѣръ на необходимости учредить особое мини стерство коммерціи настоялъ самъ Александръ.

Когда планъ министерствъ былъ почти обдуманъ, его показали Лагарпу и Воронцову: оба одобрили его.
Манифестъ объ утвержденіи министерствъ былъ обнародованъ 8 Сентября 1802 г. «Мы заблагоразсудили»—говорилось въ немъ—«раздѣлить Государственныя дѣла на разныя части сообразно естественной ихъ связи между собою, и для благоуспѣшнѣйшаго—теченія поручить оныя вѣдѣнію избранныхъ Нами министровъ, постановивъ имъ главныя правила, коими они имѣютъ руководствоваться въ исполненіи всего того, чего требовать будетъ отъ нихъ должность, и чего мы ожидаемъ отъ ихъ вѣрности, дѣятельности и усердія ко благу общему». Далѣе говорилось, что министры обязываются доставлять отчеты, каждый по дѣятельности своего министерства сенату, какъ—важнѣйшему и верховному мѣсту. Всѣхъ министерствъ было учреждено восемь:

1) Военныхъ и сухопутныхъ силъ (Министръ Вязмитиновъ)
2) Морскихъ силъ (Министръ Мордвиновъ)
3) Юстиціи (Державинъ)
4) Коммерціи (графъ Румянцевъ)
5) Иностранныхъ Дѣлъ (графъ Воронцовъ)
6) Внутреннихъ Дѣлъ (графъ Кочубей)
7) Финансовъ (Васильевъ.)
8) Народнаго Просвѣщенія (графъ Завадовскій)

Четыре послѣдніе министра какъ начальники болѣе обширныхъ частей, получили помощниковъ въ званіи Товарищей Министра.

Тов. М. Ин. Д. сдѣланъ былъ Ад. Чарторижскій. Тов. М. В. Д.—Пав. Строгоновъ. Тов. М. Ф.—Гурьевъ. Тов. М. Н. П.—Муравьевъ.

Всѣ министры считались членами Государственнаго Совѣта и присутствовали въ Сенатѣ. Министерскій же комитетъ соби-

рался въ личномъ присутствіи Государя два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, во внутреннихъ покояхъ Государя.

Въ Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества напечатано письмо Александра къ Лагарпу, написанное 25 Октября 1802 г. т. е. черезъ полтора мѣсяца послѣ учрежденія министерствъ: «мѣра, о которой мы такъ часто говорили—пишетъ онъ,—въ полномъ дѣйствіи: министерство образовано и идетъ хорошо уже болѣе мѣсяца. Дѣла отъ этого пріобрѣли болѣе ясности и методы, и я знаю тотчасъ съ кого взыскать, если что нибуть идетъ не такъ, какъ слѣдуетъ.»

Гуманный Императоръ поднималъ въ комитетѣ и вопросъ о крѣпостномъ правѣ; участь крестьянъ за послѣднее время была печальна и случаи безсердечнаго, жестокаго обращенія съ ними помѣщиковъ, доходя до Императора, производили на него тяжелое впечатлѣніе, а Лагарпъ, Мордвиновъ и нѣкоторые другіе, какъ видно изъ протоколовъ, еще болѣе утверждали его въ необходимости облегчить участь крестьянъ. Говоря въ комитетѣ о предстоящихъ по поводу коронаціи наградахъ, Александръ объявилъ, что крестьянъ никому не дастъ и не будетъ давать. Совершенное освобожденіе крестьянъ въ то время еще было не мыслимо, потому что и передовые люди, какъ Державинъ, графъ Растопчинъ, адмиралъ Мордвиновъ, были противъ эмансипаціи и по вѣковой привычкѣ къ крѣпостничеству считали его необходимымъ зломъ, видѣли въ немъ средство дисциплины и порядка. Послѣ долгихъ споровъ въ комитетѣ, рѣшено было принять на первый разъ нѣсколько осторожныхъ мѣръ для облегченія участи крестьянъ. Такимъ образомъ, отъ жестокихъ помѣщиковъ отнимали крестьянъ и имѣнія въ опеку, а ихъ самихъ заключали въ монастырь на покаяніе; Губернскимъ Дворянскимъ Собраніямъ поручалось судить такихъ жестокихъ помѣщиковъ; одобрялось добровольное освобожденіе крестьянъ и т. д. Этими мѣрами положено было начало великому дѣлу осво-

божденія, которое составило блестящую страницу въ исторіи нынѣшняго Царствованія. И. Александръ и его сотрудники намѣрены были всѣ реформы «завершить достойнымъ Уложеніемъ,» которое могло бы навсегда оградить подданныхъ отъ произвола. Въ комитетѣ рѣшено было составить сводъ всѣхъ существующихъ законовъ и въ заключеніе обратиться за совѣтомъ къ знаменитымъ юристамъ Европы.

Для первой цѣли составлена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника графа Завадовскаго, въ вѣдѣніи самаго Государя, который далъ предсѣдателю свои инструкціи, какъ вести дѣло. «Чѣмъ скорѣе» —говорилось въ концѣ инструкціи—проектъ положенія сего будетъ образованъ и Мнѣ представленъ, тѣмъ услуга отечеству будетъ пріятнѣе, тѣмъ удовольствіе мое и признательность вамъ совершеннѣе». Въ составъ комиссіи для составленія законовъ опредѣлено было до 48 чиновниковъ, и на это дѣло опредѣлено отпускать ежегодно до 100,000 р. Сильно заинтересованный занятіями коммиссіи, Императоръ Александръ отдалъ приказаніе подавать ему отчетъ о ходѣ ея занятій каждый мѣсяцъ. По совѣту Новосильцева и Чарторижскаго обратились къ тогдашней знаменитости юридической науки Іеремію Бентаму, послѣдователю Монтескье, Беккарія и Гельвеція. Этотъ юристъ старался создать такую теорію юридическихъ отношеній, которая бы, примѣненная къ жизни, могла доставить *величайшее возможное счастіе для величайшаго возможнаго числа людей*. Законодательство — училъ Бентамъ — должно заботиться не столько о карѣ и наказаніи, сколько о предупрежденіи преступленій; оно должно употреблять всѣ средства, чтобы создать наилучшія условія для возможнаго счастія общества; поэтому оно должно быть результатомъ свободнаго обсужденія гражданъ, а не канцелярскою тайной. Идеи Бентама распространились въ то время по всей Европѣ и зашли къ намъ

черезъ его французскаго переводчика Дюмона. Послѣдователемъ Бентама у насъ были Сперанскій и Мордвиновъ, почему можетъ быть между ними и произошло сближеніе. «Я убѣжденъ»—писалъ Сперанскій о немъ Дюмону—что совѣты и взгляды такого человѣка, какъ Бентамъ, имѣли бы здѣсь существенную важность. Его аналитическій и глубокій умъ долженъ имѣть высокое значеніе вездѣ, гдѣ идетъ дѣло объ установленіи законодательства, основаннаго на истинныхъ принципахъ пользы.» «Въ моихъ глазахъ»—писалъ о немъ другой его почитатель—онъ есть одинъ изъ четырехъ геніевъ, которые сдѣлали и сдѣлаютъ всего болѣе для счастія человѣчества—Бэконъ, Ньютонъ, Смитъ и Бентамъ: каждый основатель новой науки, каждый творецъ....!!!

Русское общество познакомилось съ Бентамомъ по переводу, который былъ начатъ въ 1804 г. и въ которомъ участвовалъ между прочимъ Сперанскій; два тома сочиненій Бентама были изданы по высочайшему повелѣнію въ періодъ времени 1805—6 г. Въ это время русское общество такъ заинтересовалось законодательными работами правительства, что книги законодательнаго содержанія сдѣлались моднымъ чтеніемъ и предметомъ для разговоровъ въ образованныхъ классахъ. Какъ бы въ отвѣтъ на такое направленіе появились новые переводы *Беккарія* «Разсужденіе о преступленіи и наказаніи», *Монтескье* «О духѣ законовъ», *Делольма* «Конституція Англіи» и нѣкоторые другіе. Государь далъ переводчику Адама Смита, Политковскому 5000 р. на напечатаніе сочиненія его «Изслѣдованіе свойствъ и причинъ богатства народовъ» и самъ занялся начертаніемъ общихъ началъ Уложенія. Но скоро другіе дѣла отвлекли Государя отъ этихъ занятій и мысль его объ Уложеніи, составленномъ по образцу лучшихъ законодательствъ Европы, не была въ Его Царствованіе приведена въ исполненіе. Памятникомъ заботъ Императора Александра по этому дѣлу оста-

лась небольшая часть труда на французскомъ языкѣ (Code général)— 1 отдѣленіе 1 части Уложенія.

Такова была первоначальная правительственная дѣятельность Александра и его сотрудниковъ. Народъ зналъ это и привыкъ смотрѣть на своего Государя, какъ на источникъ всякого добра и справедливости. Его почти боготворили. «Многіе изъ жителей Москвы—говоритъ Вигель—и оставшихся моихъ товарищей все твердили о Петербургѣ, жилищѣ свѣтозарнаго ангела, земномъ раѣ, гдѣ люди свободны, блаженствуютъ и трудятся единственно только для добра... Всѣ завидовали тѣмъ счастливцамъ, кои, служа въ столицѣ, могли участвовать въ великихъ гражданскихъ подвигахъ, преднамѣреваемыхъ царемъ».

Въ образчикъ того, какое впечатлѣніе на лучшихъ людей того времени производила личность молодаго Императора и начало его царствованія, приводимъ отрывокъ изъ письма Ивана Матвѣевича Муравьева Апостола.

«Нѣжный и почтительный къ матери, обходителный со всѣми, нашъ любезный Государь суровъ только къ самому себѣ. Въ строгости при исполненіи своихъ обязанностей онъ точно ученикъ Эпиктета. Съ 7 час. утра до 11-ти онъ занятъ исключительно дѣлами государственными, и ничто не можетъ отвлечь его отъ нихъ. Въ 11 час. бываетъ кратковременный парадъ, и не столько для дисциплины, какъ ради удовольствія показаться безчисленному множеству народа, который всегда жаденъ его видѣть и не можетъ на него наглядѣться. Единственное время отдохновенія — отъ полудня до обѣда, который всегда подается въ часъ. Затѣмъ онъ выходитъ пѣшкомъ или ѣдетъ верхомъ, но всякій разъ приказываетъ гофмаршалу немедленно извѣстить его, если до него будетъ дѣло кому нибудь изъ его министровъ. Съ 5 час. пополудни онъ опять занимается дѣлами правленія и эти занятія продолжаются иной разъ до 11 час. ночи. Вотъ образъ жизни,

который предписалъ себѣ Государь, а вотъ нѣсколько подлинныхъ анекдотовъ, его изображающихъ.

«Онъ запретилъ черезъ полицію выходитъ изъ экипажей при встрѣчѣ съ нимъ. Одинъ офицеръ, желая поближе взглянуть на него, нарушилъ это распоряженіе. Государь приблизился къ нему и сказалъ: «Я васъ просилъ не выходить изъ экипажа».

«Фраки и круглыя шляпы появились съ первыхъ же дней новаго царствованія. Военный губернаторъ, въ видахъ охраненія военной выправки, вошелъ къ Государю съ докладомъ, не прикажетъ ли сдѣлать распоряженіе относительно одежды офицеровъ. «Ахъ, Боже мой! отвѣчалъ Государь. Пусть ихъ ходятъ какъ хотятъ; мнѣ еще легче будетъ распознать порядочнаго человѣка отъ дряни».

«Г-нъ Трощинскій представилъ къ подписанію милостивый манифестъ, начинавшійся извѣстными словами: «По сродному намъ къ вѣрноподданнымъ нашимъ милосердію» и пр. Императоръ зачеркнулъ эти слова, сказавъ: «Пусть народъ это думаетъ и говоритъ, а не намъ этимъ хвастаться».

«Другой разъ, тотъ—же Трощинскій принесъ указъ Сенату съ обыкновеннымъ началомъ: «Указъ нашему Сенату»—Какъ, сказалъ съ удивленіемъ Государь, нашему Сенату! Сенатъ есть священное хранилище законовъ; онъ учрежденъ, чтобъ насъ просвѣщать. Сенатъ не нашъ: онъ Сенатъ Имперіи. И съ этого времени стали писать въ заголовкѣ: «Указъ Правительственному Сенату».

«Г-нъ Ламбъ, завѣдующій военною частію, возражая однажды противъ какого-то распоряженія, сказалъ: «Извините меня, Государь, если я скажу, что это дѣло было не такъ»!... «Ахъ, мой другъ, сказалъ Императоръ, обнявъ его: пожалуй говори мнѣ чаще *не такъ*. А то вѣдь насъ балуютъ». Я бы не кончилъ еслибъ сталъ записывать вамъ подобнаго рода анекдоты нынѣшняго восхитительнаго царствованія; ихъ

слышишъ каждый день новые. Счастливые Россіяне съ радостію и признательностью въ сердцѣ и со слезами на глазахъ, восторженно повторяютъ всякое слово, исходящее изъ устъ своего обожаемаго Государя. Не могу изобразить вашему сіятельству, до какой степени всѣ въ восхищеніи.

«Графъ Панинъ, работая съ Государемъ въ его кабинетѣ, съ каждымъ днемъ болѣе удивляется его мудрости, разсудительности, необыкновенной толковитости.»

Къ сожалѣнію были и тогда люди, у которыхъ новые порядки не находили одобрѣнія. Сюда принадлежали чиновники прежняго закала, привыкшіе къ старой рутинѣ и произволу, которые боялись быть оттѣсненными при новыхъ порядкахъ; дворяне—помѣщики, стѣсняемые въ своихъ поступкахъ и боявшіеся освобожденія крестьянъ, и вообще всѣ люди прежняго вѣка, выросшіе въ рабскомъ страхѣ и привыкшіе думать, что власть должна являться только въ видѣ пугала. Изъ нихъ многимъ не нравилось, что Государь одѣвается просто и ведетъ простой образъ жизни, не задаетъ дипломатическому корпусу большихъ и церемонныхъ обѣдовъ, что наконецъ Государь такъ кротокъ, и вѣжливъ, что извиняется передъ камергеромъ, который прислуживаетъ за царскимъ столомъ.

Къ тому же не всѣ реформы и добрыя начинанія Александра приносили желанную пользу; многія злоупотребленія ими и прозволъ не искоренялись вполнѣ, тѣмъ болѣе, что кроткаго и благодушнаго Государя мало страшились. Скоро сотрудники Александра упали духомъ, а Государь сталъ менѣе вѣрить въ ихъ способности и менѣе довѣрять имъ.

ГЛАВА III.

Министерство Народнаго Просвѣщенія и Графъ Завадовскій.—Мысль объ учрежденіи университетовъ. Академики Фуссъ и Озерецковскій.—Планъ учебныхъ заведеній въ Россіи 1803 г.—Попечители округовъ:—Муравьевъ—Северинъ, Потоцкій и Румовскій.—Щедрыя пожертвованія на пользу просвѣщенія.—Н. М. Карамзинъ:—Вѣстникъ Европы и Исторія Государства Россійскаго.—Крузенштернъ и первое кругосвѣтное плаваніе русскихъ моряковъ.—Украшеніе Петербурга новыми зданіями казенными и частными.

Виновникъ блестящихъ реформъ, ученикъ Лагарпа и Муравьева, окруженный умными и просвѣщенными друзьями, Александръ не могъ не сочувствовать просвѣщенію, которое всегда тѣсно связано съ нравственнымъ и матеріальнымъ возвышеніемъ народа, и былъ покровителемъ, часто щедрымъ, наукъ, литературы и искуства.

Заботы о просвѣщеніи въ Россіи возложены были на особое министерство, которое и называлось Министерство Народнаго Просвѣщенія. Въ его вѣдѣніи находились тогда: Главное Прав. Училищъ, *) Акад. Наукъ и Россійск. Академія, **)

---

*) *Главное Правленіе Училищъ* или *Коммиссія Училищъ* состояла изъ Чарторижскаго, Потоцкаго и нѣкоторыхъ извѣстныхъ Академиковъ, а позже изъ попечителей учебныхъ округовъ и другихъ членовъ по Высочайшему назначенію.

**) *Академія Наукъ* и *Россійская Академія* находились въ ближайшей и тѣсной связи одна съ другой, такъ какъ 1) члены той и другой имѣли цѣль разрабатывать ученые вопросы, хотя Росс. Академія занималась вопросами отечественнаго языка и отечеств. словесности 2) замѣчательные русскіе Академики были членами Россійской Ак.

университеты, учебныя заведенія, цензура, музеи и всѣ общества на пользу наукъ. Во главѣ Министерства стояли тогда: Министръ Графъ Петръ Васильевичъ *Завадовскій* и товарищъ Мин. Мих. Ник. *Муравьевъ*. Сынъ простаго козака черниговской губерніи, Завадовскій учился сначало въ домѣ своего дѣда, который былъ подкоморіемъ или судьей; затѣмъ въ іезуитскомъ коллегіумѣ г. Орши, откуда поступилъ въ Кіевскую Духовную Академію. Здѣсь онъ особенно полюбилъ римскихъ писателей и эту любовь къ римской литературѣ сохранилъ на всю жизнь. Начавши свою службу въ Глуховской коллегіи, Завадовскій какъ ревностный и способный чиновникъ, былъ замѣченъ Румянцевымъ и сдѣлался его секретаремъ; скоро онъ сталъ извѣстенъ самой Императрицѣ, которая сдѣлала его сенаторомъ, затѣмъ предсѣдателемъ Главнаго правленія училищъ и директоромъ банковъ. При Павлѣ онъ получилъ Графское достоинство, но, вскорѣ нѣкоторые неисправности въ банкѣ были причиной его отставленія отъ службы. При восшествіи на престолъ Александра, Завадовскій снова былъ приглашенъ на службу, участвовалъ въ интересовавшемъ такъ молодого Государя Комитетѣ составленія законовъ, а затѣмъ, при учрежденіи министерствъ, былъ сдѣланъ Министромъ Народнаго Просвѣщенія.

Съ Завадовскимъ работали искренніе и лучшіе друзья просвѣщенія какъ изъ высшаго круга, такъ и изъ скромнаго ученаго сословія, напримѣръ Новосильцевъ, Строгановъ, графъ Потоцкій, академики: Фуссъ, Румовскій и другіе. Ихъ работа шла тѣмъ успѣшнѣе, что имъ можно было высказываться свободно, и смѣло искать примѣненія своихъ идей; оттого въ первые восемь лѣтъ управленія Министерствомъ графа Завадовскаго сдѣлано было по просвѣщенію болѣе, чѣмъ въ остальныя двадцать лѣтъ.

Въ самомъ началѣ царствованія Алексадра Павловича поднятъ былъ вопросъ объ учрежденіи университетовъ, въ которыхъ лучшіе умы того времени видѣли прочный залогъ и наиболѣе вѣрное средство для распространенія знаній среди русскаго общества, на благо русскаго народа. Университеты должны были соединить въ себѣ умственныя силы ученыхъ, которые развивали и двигали впередъ науку и подготовлять просвѣщенныхъ людей на всѣ общественныя должности; съ другой стороны университеты должны были приготовлять достойныхъ преподавателей для среднихъ учебныхъ заведеній или гимназій, которыя въ свою очередь должны были доставлять учителей въ нисшія учебныя заведенія и студентовъ въ университеты.

Министерство Народнаго Просвѣщенія поручило академикамъ Озерецковскому и Фуссу составить проектъ университетскаго Устава и выбрать города для университетовъ, и въ то же время обратилось за совѣтами къ иностраннымъ ученымъ, такъ напримѣръ къ графу д'Антрегъ, который прислалъ свои замѣчанія о Лейпцигскомъ Университетѣ и Мейнерсу проф. Геттингенскаго университета.

Выработанный Главнымъ правленіемъ училищъ планъ учебныхъ заведеній въ Россіи былъ утвержденъ Государемъ въ Январѣ 1803 г. По этому плану всѣ учебныя заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія были раздѣлены на 4 разряда: приходскія, уѣздныя, губернскія или гимназіи и университеты. По преобразованіи трехъ существующихъ университетовъ: Московскаго, Дерптскаго и Виленскаго, положено было основать еще три: въ Петербургѣ, Казани и Харьковѣ. Такимъ образомъ являлось бы шесть университетовъ и шесть округовъ, каждый съ своимъ попечителемъ.

При образованіи округовъ въ попечители назначили людей извѣстныхъ своей образованностію и пользовавшихся довѣріемъ Государя. Попечителемъ Московскаго округа былъ на-

значенъ просвѣщеннѣйшій питомецъ Московскаго Университета, *М. Н. Муравьевъ*, бывшій наставникъ Императора. Въ четыре года своего управленія округомъ (1803—7) онъ сдѣлалъ для него много полезнаго: приглашалъ въ Московскій Университетъ иностранныхъ знаменитостей, привлекалъ и поддерживалъ русскихъ ученыхъ, открывалъ разныя ученыя общества, напримѣръ «Общество Исторіи и Древностей» (учреждено въ 1804 г. по мысли ученаго Шлецера), поддерживалъ ученыхъ и писателей. По его ходатайству передъ Государемъ, Н. М. Карамзинъ сдѣланъ былъ Императорскимъ исторіографомъ и получилъ возможность написать «исторію не варварскую и непостыдную для царствованія Александра I». «Если Провидѣнію угодно, чтобы я съ честію совершилъ трудъ, мною предпринимаемый;—писалъ ему авторъ Исторіи Государства Россійскаго,—«то добрые Россіяне узнаютъ съ чувствительностію, что Вы были великодушнымъ и единственнымъ Покровителемъ автора, усерднаго къ славѣ Отечества».

Попечитель Харьковскаго округа—графъ *Северинъ-Потоцкій* старался также замѣщать каѳедры въ университетѣ преимущественно учеными русскаго происхожденія; ему отчасти обязаны своей ученой славой профессора Тимковскій и Успенскій.

Въ отдаленный Казанскій округъ назначенъ былъ попечителемъ знаменитый русскій ученый Степанъ Яковлевичъ *Румовскій*, питомецъ Академическаго университета, ученикъ Ломоносова, бывшій въ это время вице-президентомъ Академіи Наукъ. Ему, какъ попечителю округа, въ которомъ долженъ былъ вскорѣ открыться университетъ, необходимо было найдти ученыхъ профессоровъ. Единственный въ то время русскій университетъ—московскій не былъ въ состояніи надѣлить своихъ новыхъ собратій учеными преподавателями, тѣмъ болѣе что и самъ обращался иногда къ иностранной помощи,

поэтому Румовскому пришлось искать профессоровъ заграницей. Между ними особенно заслуживаетъ вниманія по своей учености—*Бартельсъ*, котораго Лапласъ признавалъ первымъ математикомъ Германіи, Саксонецъ *Сторль*—читавшій греческій языкъ и словесность и *Германъ*—профессоръ древнихъ языковъ.

Открытые университеты стали проводить въ наше общество науку, и въ русскихъ городахъ, гдѣ прежде едва насчитывалось нѣсколько училищъ, стали раздаваться имена великихъ ученыхъ и мыслителей, университетскія аудиторіи стали не только для юнаго поколѣнія, но и для всего общества новой нравственной школой: «Тамъ разрѣшались молодые вопросы, тамъ удовлетворялись стремленія и чувства»—читаемъ мы въ воспоминаніяхъ перваго студента Казанскаго Университета, С. Т. Аксакова. «Тамъ былъ судъ, осужденіе, оправданіе и торжество! Тамъ царствовало полное презрѣніе ко всему низкому и подлому, и глубокое уваженіе ко всему честному и высокому, хотя бы и безразсудному. Память такихъ годовъ неразлучно живетъ съ человѣкомъ, и непримѣтно для него, освѣщаетъ и направляетъ его шаги въ продолженіи цѣлой жизни, и куда бы его не затащили обстоятельства, какъ бы ни втоптали въ грязь и тину,—она выводитъ его на чистую, прямую дорогу.»

Если трудно было открывать университеты, по неимѣнію профессоровъ, то еще труднѣе было открывать гимназіи и низшія народныя училища, потому что недоставало учителей, а къ заграничной помощи, какъ это дѣлали для университетовъ, обратиться было нельзя. Напримѣръ въ Казанскомъ округѣ, по исчисленію Румовскаго, требовалось для училищъ болѣе 290 учителей языковъ и наукъ и 159 учителей рисованія, не считая настоящихъ 94 учителей и выключая Томскую губернію, входящую въ Казанскій округъ;

поэтому необходима была строгая постепенность въ этомъ дѣлѣ, и Румовскій предлагалъ открывать училища сперва въ болѣе многолюдныхъ мѣстахъ, какъ Казань, Астрахань, Нижній-Новгородъ, Пенза, а гимназіи открывать одну за другою по мѣрѣ того, какъ Казанскій университетъ будетъ приготовлять учителей. Онъ считалъ также небходимымъ содержать въ Казанской гимназіи до сорока казенныхъ воспитанниковъ, которые обязаны бы были поступать въ университетъ и, по окончаніи тамъ курса, занять мѣста учителей гимназіи, такъ какъ изъ своекоштныхъ учениковъ гимназіи «рѣдко кто, развѣ по особливой къ наукамъ склонности, окончивъ гимназическое ученіе, въ университетъ вступить пожелаетъ.»

На Главное правленіе училищъ, состоявшее главнымъ образомъ изъ академиковъ Румовскаго, Озерецковскаго и Фусса возложено было также разсмотрѣніе учебныхъ книгъ и руководствъ для гимназій и нисшихъ училищъ. Академики держались того мнѣнія, что слѣдуетъ сохранить все что есть хорошаго въ русской учебной литературѣ и замѣнять старое лишь въ такомъ случаѣ, когда новое будетъ не только новымъ, но и лучшимъ: поэтому думали удержать въ употребленіи книги, изданныя бывшею коммиссіею о народныхъ училищахъ, а если въ нихъ не окажется книгъ соотвѣтствующихъ планамъ Главнаго Правленія училищъ, то составить новыя или перевести съ иностранныхъ языковъ.

Государь ассигновалъ на содержаніе всѣхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія сумму въ два милліона рублей, притомъ подарилъ Московскому Университету—кабинетъ рѣдкостей и монетъ, Дерптскому Университету—267,000 руб. на постройки и учебныя пособія, Виленскому Университету—земли, дома іезуитовъ и 70,000 р. Такія щедрыя пожертвованія на пользу науки со стороны самого Монарха пробудили въ обществѣ подражаніе и богатые рус-

скіе люди стали горячо откликаться на доброе дѣло. Такъ напримѣръ Статскій совѣтникъ Павелъ Григорьевичъ Демидовъ пожертвовалъ громадную сумму денегъ (около милліона), деревни Ярославскія въ 1/2 милл., библіотеку и кабинетъ рѣдкостей на университеты Московскій, Кіевскій и Тобольскій и на учрежденіе высшаго заведенія въ Ярославлѣ. Безбородко подарилъ въ Нѣжинѣ мѣсто для дома, садъ, болѣе 200,000 р. и ежегодно 15,000 р. Лицею, который былъ учрежденъ въ Нѣжинѣ по его ходатайству у Государя. Дворяне Харьковской и Екатеринославской губерній какъ будто соперничали съ купечествомъ Москвы и др. городовъ въ щедрыхъ пожертвованіяхъ на пользу народнаго просвѣщенія, на открытіе университетовъ, гимназій и училищъ.

Не была забыта и литература. Служащіе получали за свои литературные труды чины, ордена и пенсіи; не служащіе—перстни, табакерки и другіе подарки значительной цѣнности или деньги на печатаніе ихъ трудовъ; часто Государь приказывалъ полезныя рукописи печатать на счетъ кабинета и затѣмъ дарилъ все изданіе авторамъ. Сумма употребленная Кабинетомъ за одинъ 1802 годъ на денежныя пособія литераторамъ простиралась до 160,000 р. «Рѣдко какой нибудь правитель оказывалъ такое поощреніе литературѣ, какъ Императоръ Александръ»—говоритъ иностранный историкъ его. «Почти всѣ извѣстные писатели, находящіеся на службѣ, получили орденъ св. Анны 2-й степени, напримѣръ Румовскій, Озерецковскій, Иноходцевъ, Севергинъ, Гурьевъ, Палласъ, Крафтъ, Георги, Фуссъ, Шубертъ, Ловецъ и многія др., и въ рескриптахъ, съ которыми присылались орденскіе знаки, Императоръ почти въ каждомъ случаѣ именно объявляетъ, что онъ жалуетъ эти отличія полезнымъ литературнымъ заслугамъ.»

Лучшимъ представителемъ литературы начала царствованія Александра былъ Карамзинъ. Щедро одаренный

природою, прекрасно образованный, начитанный, онъ очень рано началъ свою литературную дѣятельность и скоро занялъ въ литературѣ почетное мѣсто. «Письма русскаго путешественника», написанныя имъ въ то время, когда ему едва было 23 года, сдѣлали его любимцемъ публики и доставили ему массу читателей и поклонниковъ. Восторженное состояніе общества при восшествіи на престолъ Александра отразилось и на Карамзинѣ, почитателѣ и панегирикѣ Екатерины II: онъ написалъ оду, которая кончалась такъ:

Ты будешь солнцемъ просвѣщенья
Наукой счастливъ человѣкъ
И блескомъ Твоего правленья
Осыпанъ будетъ новый вѣкъ.
Се музы, къ трону приступая,
И черный крепъ съ себя снимая,
Твоей улыбки милой ждутъ!
Онѣ сердца людей смягчаютъ!
Онѣ жизнь нашу услаждаютъ,
И добраго Царя поютъ!

Въ 1802 г. Карамзинъ началъ издавать первый русскій журналъ *Вѣстникъ Европы*, который сталъ знакомить публику съ замѣчательными произведеніями европейской литературы и отечественными древностями. «Какое мужество», какое терпѣніе и какое безкорыстіе были потребны Карамзину!»—говоритъ одинъ современникъ. «Какая бѣдность въ матеріалахъ! Какой недостатокъ въ сотрудникахъ! Какое малое число подписчиковъ и какая низкая цѣна за изданіе! Едва прикрывались издержки, а трудъ шелъ почти даромъ. Онъ принужденъ былъ почти одинъ постоянно заниматься, сочинять, переводить. Но великій писатель достигнулъ своей цѣли; онъ водрузилъ знамя, подъ которое стали соби-

раться молодые таланты и развиваться подъ его сѣнію. Между тѣмъ и самый слогъ Карамзина дотолѣ красивый, стройный, милый какъ прелесть молодости, среди упорныхъ, вседневныхъ трудовъ примѣрнымъ образомъ сталъ укрѣпляться и подниматься, и во всей мужественной красѣ— явился въ героѣ женщинѣ, Марфѣ Посадницѣ. Вѣстникъ Европы становился слишкомъ приманчивъ, чтобы быстро не умножалось число его читателей и подписчиковъ, и тогда только, когда Карамзинъ могъ ожидать себѣ отъ него прибыли, предоставилъ онъ его людямъ, его ученіемъ образованнымъ.»

Восторгъ и надежды, охватившіе всѣ лучшіе умы того времени, при гуманныхъ и блестящихъ реформахъ юнаго Монарха отразились въ Вѣстникѣ Европы, и Карамзинъ сдѣлался ревностнымъ почитателемъ и панегирикомъ всѣхъ мѣръ правительства, такъ въ одной статьѣ онъ желаетъ, чтобы исполнилась воля Государя имѣть полное собраніе законовъ, выраженная въ рескриптѣ въ графу Завадовскому, въ другой статьѣ приходитъ въ восторгъ отъ Указа о заведеніи новыхъ училищъ и распространеніи наукъ въ Россіи, въ третьей—съ особымъ патріотизмомъ разсуждаетъ о Манифестѣ объ учрежденіи Министерствъ и объ Указѣ о правахъ Сената.

«Взоръ русскаго патріота,»—писалъ Кармзинъ въ 1802 г.—«собравъ пріятныя черты въ нынѣшнемъ состояніи Европы, съ удивленіемъ обращается на любезное отечество. Какой надежды не можемъ раздѣлять съ другими Европейскими народами, мы, осыпанные блескомъ славы и благотвореніями человѣколюбиваго Монарха! Никогда Россія столько не уважалась въ политикѣ, никогда ея величіе не было такъ живо чувствуемо во всѣхъ земляхъ, какъ нынѣ... Какимъ великимъ дѣломъ украсится еще вѣкъ Александровъ, когда исполнится Монаршая воля Его; когда будемъ имѣть полное,

методическое собраніе гражданскихъ законовъ, ясно и мудро написаныхъ?.....»

«Я люблю воображать себѣ Россійскихъ дворянъ не только съ мечемъ въ рукѣ, не только съ вѣсами Өемиды, но и съ лаврами Аполлона, съ жезломъ бога Искусствъ, съ символами богини земледѣлія. Слава и щастіе отечества должны быть имъ особенно драгоцѣнны... Не всѣ могутъ быть военными и судьями, но всѣ могутъ служить отечеству. Герой разитъ непріятелей или хранитъ порядокъ внутренній, судья спасаетъ невинность, отецъ образуетъ дѣтей, ученый распространяетъ кругъ свѣденій, богатый сооружаетъ монументы благотворенія, господинъ печется о своихъ подданныхъ, владѣлецъ способствуетъ успѣхамъ земледѣлія: всѣ равно полезны государству.—Россіяне одарены отъ природы всѣмъ что возводитъ народы на высочайшую степень гражданскаго величія: умомъ и твердымъ мужествомъ».

«Мы спѣшимъ къ цѣли—и обращая взоръ на то мѣсто, гдѣ нашелъ Россіянъ Петръ, гдѣ нашла ихъ Екатерина, смѣло надѣемся, что между сею блестящею цѣлію и нами скоро не будетъ уже не одного Европейскаго народа».

«Не жалѣю быть мечтателемъ; но въ царствованіе Александра могутъ ли добрыя желанія и патріотическія надежды быть мечтами?»

Такимъ горячимъ патріотизмомъ и любовью къ просвѣщенію проникнуты всѣ статьи Карамзина. Въ литературномъ отдѣлѣ В. Европы помѣщались статьи по русской исторіи и литературѣ, разсказы о русской природѣ и русскихъ примѣчательныхъ мѣстахъ, чтобы этимъ возбудить любовь къ отечеству, котораго «русскіе французы» даже и не знали; помѣщались также стихотворенія какъ самого Карамзина, такъ и Державина, Жу-

ковскаго, Нелединскаго, Мелецкаго и другихъ, напримѣръ Жуковскій помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы своего Вадима Новгородскаго и переводъ Греевой эллегіи «Сельское кладбище.»

Въ политическомъ отдѣлѣ Карамзинъ старался знакомить читающую публику со всѣмъ замѣчательнымъ въ событіяхъ западной Европы, не въ видѣ сухаго газетнаго перечня событій, а въ видѣ обстоятельнаго описанія современнаго хода дѣлъ, останавливаясь подробнѣе на томъ, что могло и должно было интересовать общество.

Публика относилась къ Карамзину очень сочувственно и журналъ приносилъ ему до 6000 рублей доходу. Карамзинъ принялъ изданіе журнала съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы принужденною работою пяти—шести лѣтъ купить себѣ независимость и работать свободно надъ исторіей отечества, которая съ нѣкотораго времени занимала всю душу его. Но срочная журнальная работа утомила его, слабость глазъ не дозволяла ему долго заниматься по вечерамъ, поэтому, по совѣту своего друга Дмитріева, Карамзинъ обратился съ письмомъ къ своему покровителю М. Н. Муравьеву. «Если Вы думаете, Милостивый Государь»—писалъ ему Карамзинъ—что Правительство можетъ имѣть нѣкоторое уваженіе къ человѣку, который способствуетъ успѣхамъ языка и вкуса, заслужилъ лестное благоволеніе Россійской публики, и котораго бездѣлки, напечатанныя на разныхъ языкахъ Европы, удостоились хорошаго отзыва славныхъ иностранныхъ литераторовъ: то нельзя ли при случаѣ доложить Императору о моемъ положеніи и ревностномъ желаніи написать Исторію не варварскую и непостыдную для Его царствованія?... Хочу не избытка, а только способа прожить пять или шесть лѣтъ; ибо въ это время надѣюсь управиться съ Исторіей; и тогда я могъ бы отказаться отъ пенсіи: написанная исторія и публика не оставили бы меня въ нуждѣ. Смѣю думать, что я трудомъ своимъ заслужилъ бы Профессорское жалованье, которое предлагали мнѣ Дер-

птскіе кураторы, но вмѣстѣ съ должностію неблагопріятною для таланта».

Черезъ мѣсяцъ вышелъ Высочайшій Указъ: Карамзинъ получилъ титулъ Императорскаго Исторіографа, 2000 р. ежегодной пенсіи и доступъ во всѣ Архивы Имперіи. Съ того времени Карамзинъ какъ будто «постригся въ историки», посвятивъ себя изученію предмета и подготовительнымъ работамъ. Изъ обширной переписки его съ друзьями и учеными за это время, мы видимъ, какъ много приходилось ему трудиться. Ученыхъ изданій старинныхъ памятниковъ въ то время еще не существовало, библіотеки были большею частію не описаны, безъ каталоговъ и въ большомъ безпорядкѣ; даже библіотека Академіи Наукъ не имѣла полнаго каталога и, когда Кармзину понадобилась Ипатьевская лѣтопись, то онъ подробно писалъ Новосильцеву, гдѣ ее найти, какого она формата и т. д. Такимъ образомъ на немъ лежала вся тяжесть черноваго подготовительнаго труда.

«Я кончилъ теперь введеніе»—писалъ Карамзинъ Муравьеву въ Сентябрѣ 1804 года.—«введеніе, которое состоитъ въ отвѣтѣ на вопросы: *кто были древніе обитатели въ Россіи? кто были наши предки Славяне, Варяги и Варяги —Русь?* то есть, я дошелъ до времени Рюрика, и могу сказать, что этотъ шагъ былъ самый труднѣйшій. Надлежало сообразить все, написанное Греками и Римлянами о нашихъ странахъ, отъ Геродота до Аммiана Марцеллина; все написанное Византійскими историками о славянахъ и другихъ народахъ, которыхъ Исторія имѣетъ нѣкоторое отношеніе къ Россійской. Не легко было также, сообразивъ все, предложить слѣдствія кратко, просто и ясно; не сказать ничего лишняго, не пропустить ничего существеннаго; всякое слово основано на историческомъ свидѣтельствѣ, и вѣроятности отличить отъ дѣйствительной истины»....

Въ 1805 году были написаны уже два первыхъ тома,

въ которыхъ разсказъ доведенъ до взятіи Кіева Андреемъ Боголюбскимъ въ 1169 году.

Въ первые годы царствованія Александра русскіе моряки совершили первое кругосвѣтное плаваніе подъ начальствомъ Крузенштерна. Поводъ въ плаванію былъ слѣдующій. Еще въ 1789 году была учреждена Россійско-Америк. Компанія, получившая привиллегіи на промыслы и торговлю въ Беринговомъ морѣ. Сношенія съ колонистами производились обыкновенно сухимъ путемъ до Якутска и Охотска, а оттуда моремъ до Американскаго берега, слѣдовательно путемъ неудобнымъ, медленнымъ и въ то же время дорогимъ, отчего колонисты часто нуждались въ предметахъ первой необходимости и нерѣдко голодали. Цѣны на жизненные припасы были необыкновенно высоки, напримѣръ въ Охотскѣ пудъ муки стоилъ 5 р., ведро вина отъ 25 до 50 р. Для облегченія колонистовъ еще въ царствованіе Павла Петровича русскій офицеръ Крузенштернъ, плававшій на Англійскихъ судахъ по всѣмъ морямъ свѣта, предложилъ компаніи слѣдующій планъ: снарядить два судна, отвести на нихъ колоніальные товары въ Америку; взять тамъ пушной товаръ и, вымѣнивъ его въ Кантонѣ на китайскія произведенія, привезти ихъ въ Европу, обогнувъ мысъ Доброй Надежды. Этотъ планъ показался въ то время и новымъ и смѣлымъ, — даже многіе моряки не видѣли возможности осуществить его. Начались споры и обсужденія въ морскомъ министерствѣ и только въ 1803 году проектъ Крузенштерна осуществился, благодаря одобрѣнію министровъ Мордвинова и Румянцева.

Компанія купила въ Англіи за 150,000 р. два судна; имъ даны были имена «Надежда» и «Нева» и дозволено носить военные флаги. Начальникомъ экспедиціи былъ назначенъ Капитанъ Лейтенантъ Крузенштернъ. Пользуясь этимъ случаемъ, правительство отправило на «Надеждѣ» посольство въ Японію (съ Резановымъ), а на другой корабль при-

гласило извѣстныхъ натуралистовъ, напримѣръ: Горнера изъ Гамбурга, Тилезіуса изъ Лейпцига. Суда вышли изъ Кронштадта въ Іюлѣ 1803 г, въ Февралѣ слѣдующаго года обогнули м. Горнъ и мимо Сандвичевыхъ о. направились къ Камчаткѣ.

Съ прибытіемъ сюда Крузенштерна цѣны на колоніальный товаръ сильно понизились, такъ водка съ 20 р. на 6, фунтъ сахару съ 7 р. на 1½ р. Посѣтивши Японію и Китай, суда обогнули мысъ Доброй Надежды, объѣхали Африку, Европу и въ Августѣ 1806 г. прибыли въ Кронштадтъ.

Это первое кругосвѣтное плаваніе русскихъ моряковъ принесло большую пользу не только сѣверо-американской компаніи, но и наукѣ: вовсю дорогу дѣлались окрытія неизвѣстныхъ странъ, гидрографическія изслѣдованія и пріобрѣтенія по части естественныхъ наукъ; самъ Крузенштернъ описалъ нѣкоторые о-ва Японіи и о Сахалинъ.

Описаніе путешествія обогатившаго такъ науку, изданное на русскомъ языкѣ въ 1809 году, было переведено вскорѣ на всѣ Европейскіе языки.

Съ воцареніемъ Александра Петербургъ сталъ быстро застраиваться и украшаться зданіями, соборами и бульварами. Новыя сооруженія отличались правильностію и общимъ согласіемъ частей. Самъ Государь много интересовался этимъ дѣломъ, обращалъ вниманіе на талантливыхъ архитекторовъ и самъ утверждалъ всѣ планы казенныхъ сооруженій. По Невскому проспекту отъ Аничкова до Полицейскаго моста устроенъ былъ бульваръ, а самый проспектъ украшался величественнымъ Казанскимъ соборомъ «съ его рощею изъ колонъ.» Соборъ строился по плану русскаго художника Воронихина и весь изъ русскаго матеріала. Первый камень положенъ былъ самимъ Императоромъ въ 1802 г. По наружности соборъ представляетъ подражаніе Собору Св. Петра въ Римѣ. Стѣны и огромныя колонны коринѳскаго ордена, а также архитравы,

барельефы, статуи и другія украшенія сдѣланы изъ прочнаго сѣро-желтаго пудожскаго камня, напоминающаго цвѣтомъ и прочностію травентинъ римскаго собора. Литейный мастеръ Якимовъ украсилъ портикъ Собора громадными бронзовыми статуями Іоанна Крестителя, Святого Владиміра, Александра Невскаго и Андрея Первозваннаго, отлитыми по моделямъ художниковъ Мартоса и Пименова. Соборъ строился около десяти лѣтъ и стоилъ около трехъ милліоновъ рублей. Въ то же время заново перестроивалось старое кирпичное съ землянымъ валомъ адмиралтейство и вдоль его начатъ былъ гранитный тротуаръ.

Новое зданіе адмиралтейства строилось по плану архитектора Захарова, который съ огромнымъ искуствомъ растянутому на 200 саженъ фасаду придалъ красоту, правильность и гармонію. Тотъ же Захаровъ перестраивалъ зданіе Академіи Наукъ.

На стрѣлкѣ Васил. острова, между Большой и Малой Невой, въ мѣстѣ довольно живописномъ начата была грандіозная постройка биржеваго зданія, окруженнаго величественной колонадой, съ пристанью и набережною вокругъ него. Зданіе биржи въ формѣ креста было начато при Екатеринѣ II знаменитымъ архитекторомъ Гваренги, но по случаю войны съ Турками не было окончено. Къ началу царствованія Александра неоштукатуренныя стѣны биржи отсырѣли; въ 1804 г. ихъ сломали, очистили площадь и тутъ же начато построеніе новаго биржеваго зданія по плану архитектора Томано. Биржа представляетъ огромный четыреугольникъ, окруженный въ видѣ галлереи рядомъ колоннъ. Надъ галлерей помѣщается изваяніе, аллегорически изображающее Балтійское море и Неву. На полукруглой площади передъ главнымъ фасадомъ биржи поставлены два маяка въ видѣ колоннъ украшенныхъ колосальными фигурами Нептуна, носами кораблей и другими изображеніями. Въ 1801 г. на лѣвомъ берегу Не-

вы, между дворцомъ Принца Ольденбурскаго и лѣтнимъ садомъ поставленъ былъ монументъ знаменитому герою двухъ предшествовавшихъ царствованій—Суворову, огромная бронзовая статуя героя въ рыцарскихъ доспѣхахъ постановлена на большомъ гранитномъ цилиндрѣ, украшенномъ аллегарическими эмблемами и короткою надписью: «Князь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій 1801 годъ.» Въ правой рукѣ онъ держитъ мечь, а въ лѣвой щитъ, которымъ прикрываетъ папскую тіару и двѣ короны, въ знакъ того, что въ безсмертную Италіанскую компанію, онъ защищалъ дѣло римскаго папы и королей Неаполитанскаго и Сардинскаго.

Въ тоже время строили Конно—Гвардейскій манежъ и нѣсколько Гвардейскихъ казармъ въ разныхъ мѣстахъ города; по Невѣ и каналамъ дѣлались набережныя, что вмѣстѣ съ мостами черезъ каналы стоило болѣе двѣнадцати милліоновъ руб. На Невѣ устраивали пристани, мостили улицы, у домовъ стлали тротуары, освѣщали улицы фонарями, проводили подземныя трубы для стока нечистотъ и т. д. «Обывательскіе же трехъ и четырехъ этажные дома—говоритъ одинъ современникъ—«на всѣхъ улицахъ росли не по днямъ; а по часамъ»

Не забыты были и окрестности Петербурга. «Такъ какъ Государь—говоритъ Вигель—единственымъ, любимымъ своимъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ избралъ небольшой каменно-островскій дворецъ, то вдругъ прервалось угрюмое молчаніе окрестъ лежащихъ острововъ. Вездѣ на нихъ застучали топоръ и молотъ, и засвистѣла пила; болота ихъ осушились и поросли дачами. Можно себѣ представить, какая строительная дѣятельность была тогда во всемъ Петербургѣ.»

ГЛАВА IV.

Наши пріобрѣтенія на Кавказѣ до вступленія на престолъ Александра Павловича.—Присоединеніе Грузіи.—Управленіе Кнорринга и Коваленскаго.—Назначеніе Главнокомандующимъ Грузіи и инспекторомъ Кавказской линіи князя Цыціанова; личность князя и его дѣятельность до назначенія на Кавказъ.—Инструкція Императора.—Высылка съ Кавказа лицъ Грузинскаго Царскаго дома; убійство Лазарева.—Административная дѣятельность Цыціанова и его планы.—Подданство Мингреліи и переговоры съ Имеретинск. Царемъ Соломономъ.—Походъ Цыціанова къ Ганжѣ и покореніе ея.—Подданство Иммеретіи.—Война съ Персами.—Походъ къ Эривани.—Ечміадзинъ.—Неудача подъ Эриванью.—Присоединеніе къ Россіи ханствъ Карабагскаго и Шекинскаго и султанства Шурагельскаго.

Кавказскій край, богатѣйшій естественными произведеніями и, по справедливости, называемый лучшимъ перломъ русской короны, привлекалъ на себя вниманіе еще Московскихъ Государей. Наши пріобрѣтенія на Кавказѣ начались съ царствованія Іоанна Грознаго, который имѣлъ на одномъ изъ рукавовъ Терека деревянную крѣпостцу и содержалъ въ ней гарнизонъ. Грузинскій народъ, исповѣдующій христіанскую вѣру съ IV вѣка, тѣснимый Персами и Турками обращался за помощью и покровительствомъ къ единовѣрной Москвѣ и всегда получалъ ихъ. При Петрѣ Великомъ сношенія наши съ Кавказскимъ краемъ сдѣлались почти безпрерывными; потому что Петръ имѣлъ намѣреніе по западному берегу Каспійскаго моря, черезъ Персію, проложить торговый путь въ Индію. Но пріобрѣтенное имъ побережье по нездоровью климата было уступлено Персіи Анной Іоаннов-

ной. Екатерина II поселила на о. Тамани и по р. Кубани Запорожцевъ, оказавшихъ ей помощь въ Турецкой войнѣ и этимъ положила начало такъ называемому Черноморскому козачьему войску; при этомъ русское правительство вызывало на Кавказъ русскихъ переселенцевъ, обѣщая имъ разныя льготы и освобождая отъ повинностей, селило здѣсь государственныхъ крестьянъ, дарило заселенныя земли частнымъ лицамъ и т. д. Скоро раздоры въ семьѣ Грузинскихъ царей и безпрестанные набѣги сосѣднихъ горцевъ на Грузинское царство такъ ослабили его, что Георгій XIII обратился къ И. Павлу съ просьбою принять царство въ свое подданство. Въ необходимости присоединить Грузію къ Россіи убѣждалъ Государя и графъ Мусинъ-Пушкинъ, который находился въ то время въ Грузіи для отыскиванія мѣстной руды. Когда поданая имъ по этому поводу записка была одобрена Государственнымъ Совѣтомъ, Императоръ рѣшился присоединить Грузію «на вѣчныя времена» (въ декабрѣ 1800). Такимъ образомъ Грузинское царство, имѣвшее около 300 верстъ въ длину и 280 верстъ въ ширину, съ населеніемъ въ 160,000 человѣкъ, должно было обратиться въ русскую губернію съ подчиненіемъ особому генералъ-губернатору. Манифестъ о присоединеніи Грузіи былъ опубликованъ черезъ два мѣсяца, а еще черезъ мѣсяцъ, когда не успѣло опредѣлиться новое положеніе страны, умеръ И. Павелъ. Грузинскій народъ, уже начинавшій надѣяться на полный миръ и спокойствіе подъ властію сильнаго государства, съ кончиной Императора пріунылъ и сталъ безпокоиться за свою будущность. Дѣйствительно, Императоръ Александръ не рѣшался принять Грузію въ подданство Россіи и заявилъ Государственному Совѣту, что считаетъ «не справедливымъ присвоеніе чужой собственности». Въ этомъ случаѣ онъ раздѣлялъ мнѣніе неоффиціальнаго комитета и особенно графа Кочубея. Но такъ какъ Государственный

Совѣтъ и графъ Зубовъ продолжали доказывать необходимость и выгоду присединенія Грузіи, то Александръ рѣшился послать въ Грузію генерала Кнорринга, который долженъ былъ узнать на мѣстѣ, дѣйствительно—ли Грузія такъ слаба, что не можетъ прекратить внутреннихъ смутъ и собственными средствами защищаться отъ набѣговъ сосѣднихъ горцевъ и нападеній Персіанъ, и во вторыхъ, дѣйствительно-ли все населеніе Грузіи убѣждено въ необходимости подчиниться Россіи, безъ всякихъ постороннихъ внушеній и интригъ отдѣльныхъ лицъ. Только послѣ донесенія генерала Кнорріна, Государь согласился съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта и 2 Сентября 1801 года особымъ манифестомъ объявилъ присоединеніе Грузіи. «Не для приращенія силъ,»— говорилось въ Манифестѣ—«не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ Имперіи, пріемлемъ Мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона».

Въ апрѣлѣ слѣдующаго года въ Тифлисъ пріѣхали ген. Кноррингъ и дѣйствительный статскій совѣтникъ Коваленскій со многими русскими чиновниками. Они привезли съ собою крестъ Св. Нины. Святая Нина Іерусалимская дѣва считается первою просвѣтительницею Грузинъ. Мѣстное преданіе разсказываетъ, что разъ въ сонномъ видѣніи Божія Матерь вручила ей крестъ Господенъ изъ виноградныхъ лозъ. Пробудившись отъ сна, Нина обрѣла крестъ, связала его своими волосами и отправилась съ нимъ въ дикую и незнакомую ей страну Грузіи водворять христіанство. По смерти дѣвы виноградный крестъ ея сдѣлался святыней для всего Грузин-

скаго народа и хранился въ домѣ царской семьи, а въ дни удаленія изъ Грузіи Царей или непріятельскаго нашествія — въ каѳедральномъ соборѣ г. Мцхета. Въ XVIII ст. когда Персы сдѣлали страшное нашествіе на Грузію, Грузинскій митрополитъ увезъ крестъ Св. Нины въ Москву, гдѣ онъ сталъ сохраняться въ семьѣ одного грузинскаго царевича. Въ 1801 году царевичъ Георгій поднесъ крестъ Императору Александру, который и препроводилъ его въ Тифлисъ съ русскими властями. Трудно представить восторгъ Грузинъ, съ которымъ они встрѣтили свою драгоцѣнную святыню. Возвращеніе къ нимъ креста въ такую тяжелую пору казалось имъ возвращеніемъ Божественной благодати, и горцы выражали свою радость тѣмъ, что трое сутокъ стрѣляли въ городѣ изъ ружей и пистолетовъ; многіе изъ дальнихъ мѣстъ приходили въ Тифлисъ поклониться старинной святынѣ. Однако радость и спокойствіе въ Грузіи были непродолжительны. Когда Кноррингъ объявилъ, что всѣ лица царскаго грузинскаго дома устраняются отъ управленія краемъ и, созвавъ для присяги знатнѣйшихъ особъ и всѣхъ жителей города, велѣлъ ихъ окружить войсками, многіе князья пришли въ негодованіе и отказывались дать присягу; когда же онъ арестовалъ нѣкоторыхъ князей, ропотъ и волненіе распространились по всей Грузіи. Грузины, недовольные новыми порядками, пытались отстоять свои старинные обычаи, освященные въ ихъ глазахъ давностію нѣсколькихъ вѣковъ; Татары роптали на военный постой и вся Кахетія жаловалась на русское управленіе и русскій судъ. «Все дворянство—доносилъ Лазаревъ—недовольно нынѣшнимъ образомъ трактованія дѣлъ». Нѣкоторые князья убѣжали въ Ериванъ или въ Имеретію и, пользуясь ропотомъ грузинскаго народа, стали оттуда волновать его. Скоро русское владычество сдѣлалась нестерпимымъ для Грузинъ. Кноррингъ не вмѣшивался въ гражданскія дѣла и часто уѣзжалъ изъ Тифлиса, а Коваленскій на всѣ видныя мѣста

посадилъ своихъ родственниковъ и вмѣстѣ съ ними грабилъ казну, расхищалъ собственность грузинскихъ владѣтелей и дѣлалъ другія злоупотребленія. Со всѣхъ сторонъ сыпались на него жалобы; наконецъ онѣ дошли до русскаго правительства и Императоръ отозвалъ оттуда Кнорринга и Коваленскаго. Главнокомандующимъ Грузіи, астраханскимъ военнымъ Губернаторомъ и Инспекторомъ Кавказской линіи назначенъ былъ князь Цицiановъ. Павелъ Дмитріевичъ Цицiановъ, грузинъ родомъ, приходился съ родни грузинскому царю Георгію. Онъ родился въ Москвѣ въ 1754 году и, по обычаю того времени, уже семи лѣтъ былъ записанъ въ Преображенскій полкъ. Подъ руководствомъ умнаго и образованнаго отца, Цицiановъ изучалъ военныхъ писателей и иностранные языки: тринадцати лѣтъ онъ перевелъ подъ наблюденіемъ отца, «Полевого Инженера», книжку довольно важную для того времени и впослѣдствіи напечатанную. Произведенный 18 лѣтъ въ прапорщики Преображенскаго полка, Цицiановъ не пожелалъ служить въ гвардіи и перешелъ въ армію, гдѣ учился подъ начальствомъ Румянцева, и позже, какъ командиръ полка, отличился подъ Хотиномъ. Императрица называла его «своимъ генераломъ» и не пустила на Кавказскую линію. Затѣмъ онъ дѣйствовалъ въ Польшѣ и притомъ съ такою храбростію, что самъ Суворовъ ставилъ его въ образецъ. Въ концѣ царствованія Екатерины онъ участвовалъ въ походѣ Валеріана Зубова на Кавказъ и былъ сдѣланъ комендантомъ г. Баку; но вскорѣ по разстроенному здоровью вышелъ въ отставку. По вступленіи на престолъ Александра, Цицiановъ былъ вызванъ на службу, произведенъ въ генералъ-лейтенанты и сдѣланъ экспедиторомъ канцеляріи Государственнаго Совѣта. Такимъ образомъ выборъ Цицiанова въ главнокомадующіе Грузіи не былъ случайнымъ: онъ прекрасно зналъ настоящее положеніе страны, грузинскій языкъ, мѣстныя обычаи и слѣдовательно скорѣе

чѣмъ кто другой могъ внушить горцамъ довѣріе къ нашему правительству. Отправляя Циціанова, Государь далъ ему особую инструкцію, въ которой говорилось, что онъ долженъ былъ дѣлать въ Грузіи; между прочимъ ему предписывалось выслать въ Россію всѣхъ лицъ царскаго происхожденія, извѣстныхъ своимъ безпокойнымъ характеромъ и крамолами. Дѣйствительно въ такой небольшой странѣ, какъ Грузія, насчитывалось тогда до 90 человѣкъ мужчинъ и женщинъ царскаго происхожденія. Ссорясь другъ съ другомъ и интригуя, они волновали народъ и заставляли его страдать, такъ что онъ радовался всякій разъ, когда кто нибудь изъ Грузинскихъ царевичей умиралъ или уѣзжалъ изъ страны. Циціановъ, прибылъ въ Тифлисъ, рѣшился немедленно же арестовать и выслать въ Россію двухъ безпокойныхъ царевичей, надѣясь другихъ и особенно царицу Дарью уговорить отправиться въ Россію добровольно. Но одни князья, боясь насильственной высылки, убѣжали сами, другіе откладывали свою поѣздку, то по болѣзни, то подъ другими предлогами, въ тайнѣ готовясь также бѣжать изъ Грузіи. Получивши извѣстіе, что ц. Дарья сдѣлала всѣ приготовленія къ побѣгу, Циціановъ велѣлъ окружить ея домъ, а генералу Лазареву далъ приказаніе идти къ ней съ нѣсколькими офицерами и убѣждать ее ѣхать въ Россію. Рано утромъ Лазаревъ явился къ ней въ комнату; но царица приняла его не только холодно, даже враждебно и рѣшительно объявила, что не поѣдетъ въ Россію; когда же Лазаревъ подошелъ къ ней поближе, она вынула скрытый подъ одеждой кинжалъ и внезапно ударила генерала въ лѣвый бокъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что Лазаревъ едва успѣлъ дойти до порога, какъ упалъ и умеръ. Когда ц. Дарья была обезоружена и увезена подъ конвоемъ, въ ея комнатахъ нашли заряженныя ружья и пистолеты.

Циціановъ оправдывалъ довѣріе Государя не только какъ главнокомандующій Грузіи, но и какъ управитель края. Пробуждая въ горцахъ довѣріе къ русскому правительству «кроткимъ справедливымъ, и весьма твердымъ поведеніемъ», онъ старался развить въ населеніи образованіе, поднять его промышленный духъ и тѣмъ заставить страну саму по себѣ богатую, но населенную невѣжественными и непромышленными горцами, вознаградить наше правительство за тѣ издержки, съ которыми было связано обладаніе краемъ. До сихъ поръ Кавказскія войска получали хлѣбъ и другіе предметы довольствія изъ Россіи. Правительству обходилось это чрезвычайно дорого, потому что хорошихъ дорогъ черезъ Кавказскія горы еще не существовало. Устройство новой дороги и даже приведеніе прежней въ надлежащій порядокъ могло также стоить не дешево и притомъ затянуться на продолжительное время, по этому Циціановъ задумалъ проектъ устройства на Кавказѣ суконныхъ и кожевенныхъ фабрикъ. Такъ какъ скотоводство составляетъ главное занятіе горцевъ и есть одинъ изъ источниковъ богатства края, то кожа и шерсть тамъ необыкновенно дешевы; если-бы изъ Россіи прислали прядильныя машины и нѣсколько опытныхъ мастеровъ для обученія туземцевъ, то въ Грузіи можно бы было на счетъ коммиссаріата устроить фабрики, которыя снабжали бы сукномъ и кожами Грузинскія войска и весь кавказскій край, и такимъ образомъ значительная экономія отъ прекращенія привоза суконъ и кожи изъ Россіи чрезъ извѣстное время возвратило бы казнѣ весь затраченный на фабрики капиталъ. Получивши свѣденіе, что въ Грузіи встрѣчается самородный ленъ, Циціановъ сталъ поощрять населеніе къ разведенію льна, надѣясь впослѣдствіи завести на Кавказѣ и льнопрядильни.

Когда же, проектъ его о фабрикахъ былъ отложенъ на нѣкоторое время, Циціановъ обратилъ вниманіе на дороги.

Наша старинная дорога отъ Моздока до Владикавказа, въ 108 верстъ протяженія, представляла видъ неустроенный и дикій и, проходя чрезъ владѣнія Чеченцевъ, Ингушевцевъ и Тагаурцевъ, была не безопасна; потому, что безпокойные горцы, хотя и признавали наше владычество, не могли еще побороть свои хищническіе инстинкты, тѣмъ болѣе, что они пользовались въ это время правомъ брать пошлину съ проѣзжающихъ. По плану Циціанова, при исправленіи дороги необходимо было построить крѣпость и казармы въ Владикавказѣ и еще шесть укрѣпленій въ разныхъ мѣстахъ, чтобы сдѣлать ее вполнѣ безопасною отъ нападеній горцевъ. Правда, что это могло стоить казнѣ до двухъ сотъ тысячъ рублей, но затраченный капиталъ возвратился бы чрезъ 8—10 лѣтъ, такъ какъ съ устройствомъ хорошей и безопасной дороги значительно сократились бы издержки на доставленіе въ Тифлисъ артиллерійскихъ снарядовъ и аммуниціи, обходившееся казнѣ въ 50 тысячъ рублей въ годъ; не говоря уже о томъ, что грузинская дорога привлекла бы частные купеческіе караваны, что оживило бы торговлю края и уменьшило бы страшную дороговизну. Одобренный Государемъ планъ былъ отложенъ какъ и первый за недостаткомъ средствъ. Тогда Циціановъ трудами войска и мѣстныхъ жителей сталъ проводить стоверстную дорогу чрезъ лѣса и горныя ущелья въ Имеретію. За тѣмъ Циціановъ завелъ въ Тифлисѣ Училище для грузинскихъ дѣтей, гдѣ преподавались русскій и грузинскій языки; лучшіе изъ учениковъ отправлялись потомъ для окончанія своего образованія въ Пансіонъ Московскаго Университета. Въ тоже время онъ получилъ разрѣшеніе отправить въ Московскій Университетъ нѣсколько дѣтей грузинскихъ дворянскихъ фамилій для образованія изъ нихъ лекарей, такъ какъ Грузины не свѣдущи въ медицинѣ, а между тѣмъ не довѣряютъ русскимъ

врачамъ. По его же ходатайству устроены были въ нѣкоторыхъ мѣстахъ карантинныя заставы и таможни.

На западъ отъ Грузіи, въ нынѣшней Кутаисской губ., по рр. Ріону, Хоти, Абашѣ и др. находились два небольшихъ княжества: Имеретинское и Мингрельское. Имеретія и Мингрелія, включая сюда область Лечгумъ, управлялись нѣкогда одною властію, имѣли одни обычаи и нравы; въ одно время здѣсь распространилось и христіанство; но впослѣдствіи княжества раздѣлились и стали даже враждебны другъ другу: яблокомъ раздора была богатая провинція Лечгумъ, которая лежала между ихъ владѣніями и завладѣть которою желали оба княжества. Имеретинцы, пользуясь превосходствомъ силъ, нападали изъ своихъ ущелій и лѣсовъ на сосѣднихъ Мингрельцевъ, истребляли ихъ хлѣбъ на поляхъ, подрубали виноградники, угоняли скотъ и людей, продавая потомъ своихъ плѣнниковъ туркамъ. Прикрываясь недоступностію мѣста, они оставались безнаказанными и становились отъ того еще отважнѣе. Особенно невыносимымъ стало положеніе Мингреліи, когда князь Григорій Дадіанъ женился вторично на дочери Георга XIII, тогда еще царевича. Предательство, заговоры, подкупы и всевозможныя ухищренія были направлены противъ Дадіана царицей Дарьей. «Гидра сія, дерзаю такъ назвать»—писалъ про Дарью Цыціановъ—раздирая Грузію междуусобными войнами, сѣя между своихъ дѣтей и дѣтей царя Георгія, отъ первой супруги царя Ираклія рожденнаго, вражду, злобу и крамолы, достигла и до разорванія дружескаго союза между внукаея царя Соломона, и князя Григорія Дадіана,състоль давнихъвременъ существовавшаго, единственно для того, что сей послѣдній женился на дочери царя Георгія ею ненавидимаго». Дадіанъ, тѣснимый Имеретинцами, обратился къ Цыціанову съ просьбой взять Мингрелію въ подданство Россійской Имперіи. Донося объ этомъ Императору, Цыціановъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывалъ на выгоды при-

соединенія Мингреліи, богатой рудниками, строевымъ лѣсомъ и примыкающей къ Черному морю, на которомъ можно устроить нѣсколько гаваней. Императоръ согласился и Мингрелія была принята въ русское подданство. Князю Дадіану поручено было управлять страною «съ крѣпостію и правосудіемъ» и вмѣстѣ съ Цицiановымъ присланы были знаки ордена Алексадра-Невскаго.

Вскорѣ послѣ этого и Соломонъ князь Имеретинскій заявилъ Цицiанову о своемъ намѣреніи принять русское подданство, для чего послалъ въ Петербургъ даже своего посла; но неукротимый и вѣроломный по характеру, въ то же время онъ вступилъ въ сношеніе съ турками и продолжалъ обижать Мингрельцевъ. Императоръ, увѣдомленный объ этомъ вѣроломствѣ, писалъ Цицiанову, чтобы онъ оставилъ въ сношеніяхъ съ Соломономъ прежнія мѣры кротости и убѣжденія и прибѣгнулъ бы къ мѣрамъ рѣшительнымъ. Съ занятіемъ Кутайса и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ Имеретіи, думалъ Императоръ, установится сообщенія Грузіи съ Мингреліей и утвердится наше владычество на Черномъ морѣ, послѣ чего легко будетъ съ помощію нашей флотиліи на Каспійскомъ морѣ завладѣть Баку и Сальянами. «Съ занятіемъ Баки и Сальяна,—писалъ Государь, жребій прочихъ ближайшихъ къ Россіи побережныхъ мѣстъ на Каспійскомъ морѣ, уже въ рукахъ нашихъ находиться будетъ.»

«По совершеніи предписанія сего, займетесь вы учрежденіемъ безпрепятственнаго сообщенія между Бакою и Грузіею, которое, по занятіи Имеретіи и Мингреліи, соединивъ такъ сказать Каспійское море съ Чернымъ, откроетъ торговлѣ нашей новый путь, тщетно до нынѣ желанный, по причинѣ суровости нравовъ жителей тѣхъ мѣстъ. Дальнѣйшее же производство предначертаннаго вамъ плана, предоставите вы времени и обстоятельствамъ, и по мѣрѣ какъ оныя къ тому благопріятствовать будутъ, будете вы выпол-

нять оный честно, представляя предварительно на усмотрѣніе мое средства, кои найдете вы для того удобными».

Но Циціановъ не могъ въ то время располагать значительными силами, поэтому, оставивъ на время дѣла Мингреліи и Имеретіи, обратилъ вниманіе на крѣпости Ганжу и Ериванъ, которые невозможно было оставлять непокоренными при движеніи нашемъ къ Баку. Въ концѣ ноября 1803 года выступилъ въ походъ противъ Ганжи небольшой отрядъ подъ его личной командой, и черезъ недѣлю дошелъ до Шамхора (въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ганжи), откуда Циціановъ сдѣлалъ попытку вступить съ Джаватъ ханомъ въ переговоры. Заносчивый ханъ, полагаясь на храбрость гарнизона и свои большія пушки, отвѣчалъ Цiціанову грубымъ и вызывающимъ письмомъ. Не имѣя въ рукахъ плана крѣпости и ея окрестностей, главнокомандующій отправился самъ обозрѣвать мѣстность и послѣ незначительной стычки занялъ окрестные сады, изъ которыхъ открывался видъ на крѣпость. Въ садахъ устроены были батареи и началось бомбардированіе Ганжи. Избѣгая впрочемъ напраснаго кровопролитія и расчитывая на благоразуміе хана, Цiціановъ стоялъ у крѣпости цѣлый мѣсяцъ и, откладывая со дня на день штурмъ крѣпости, пять разъ требовалъ у Джавата добровольной сдачи. Гарнизонъ страдалъ отъ болѣзней появившихся отъ того, что водопроводы были загружены мертвыми тѣлами, нуждался въ дровахъ и хлѣбѣ, но упрямый Джаватъ ханъ отказывался сдать крѣпость и тянулъ время. Тогда Цiціановъ назначилъ день штурма и составилъ для войска подробную диспозицію. 3 Января 1804 г. рано утромъ, когда было еще темно, русскіе колонны заняли свои мѣста и двинулись въ такомъ порядкѣ и такъ тихо, что огонь изъ крѣпости былъ открытъ не дальше, какъ за 15 саженей отъ земляной стѣны. Черезъ полтора часа отчаяннаго штурма, крѣпость была взята и въ числѣ убитыхъ на

городской стѣнѣ найдены были Джават ханъ и его сынъ.

Ганжа считалась оплотомъ всего Абербиджана и стратегическимъ ключемъ всѣхъ сѣверныхъ провинцій Персіи; слѣдовательно пріобрѣтеніе ея русскими должно было произвести сильное впечатлѣніе на сосѣднихъ горцевъ и значительно облегчить наше дальнѣйшее движеніе къ Баку. Чтобы убѣдить населеніе, что Ганжа останется навсегда русскою и ни въ какомъ случаѣ не возвратится горцамъ, Циціановъ назвалъ ее, съ разрѣшенія Императора, Елизаветполемъ, въ честь Императрицы Елизаветы Алексѣевны.

Вскорѣ мелкіе владѣльцы, зависѣвшіе отъ Ганжи явились къ Циціанову съ изъявленіемъ покорности и, принявъ русское подданство, обязялись платить дань въ нѣсколько сотъ червонцевъ. Взятіе Ганжи напугало даже Соломона Имеренгинскаго: онъ сдѣлался сговорчивѣе, согласился на всѣ наши условія и далъ присягу «на вѣчное и вѣрное рабство Россійской державѣ» Для удержанія Мингреліи и Имеретіи намъ необходимо было имѣть хоть одну гавань на Черномъ морѣ, а такъ какъ Поти былъ въ рукахъ Турокъ, съ которыми въ то время избѣгали разрыва, то заложено было укрѣпленіе при устьѣ Хопи (Редутъ-Кале).

Одновременно со взятіемъ Ганжи распространились слухи о сборѣ огромнаго числа Персовъ у Тевриза, куда явились сынъ Бабахана Абассъ Мирза и грузинскій царевичъ Александръ. До сихъ поръ Персы смотрѣли на движеніе Русскихъ въ Закавказьи съ безпокойствомъ, съ паденіемъ же Ганжи и подчиненіи Россіи мелкихъ владѣній, стали опасаться за свои собственныя земли и рѣшились дать намъ отпоръ. Циціановъ былъ извѣщенъ объ этомъ Ериванскимъ ханомъ, который мечталъ о независимости отъ Персіи и заявлялъ незадолго до этого о своемъ желаніи принять русское подданство. Въ настоящее время онъ боялся и персовъ

и русскихъ, приводилъ свои укрѣпленія въ оборонительное положеніе и собиралъ всѣхъ жителей въ крѣпость. Цицiановъ рѣшился предупредить вторженіе Персіанъ и немедленно отправился противъ Еривани. Любопытно его письмо къ Ериванскому хану «на память». «Я никогда не лгалъ,»— писалъ ему Цицiановъ—«и въ цѣлый годъ моего пребыванія здѣсь, кажется, доказалъ, что вывезу царскую фамилію разорившую Грузію междоусобною войною—и вывезъ; сказалъ, что покорю Джарскую провинцію—и покорилъ; сказалъ, что возьму Ганжу—и взялъ; сказалъ, что введу въ россійское подданство Мингрелію—и ввелъ.... Говорю, что Эривань заставлю платить мнѣ дань—и заставлю; говорю, что изъ Эривани возьму аманата—и возьму. Я словами стращаю, а штыками дѣйствую и дѣлами доказываю....»

Тучковъ, составлявшій авангардъ отряда, вышелъ раньше тремя днями и до соединенія съ нимъ успѣлъ сразиться съ персидской конницей: почти безъ потери съ нашей стороны Тучковъ захватилъ персидскій лагерь съ сотней армянскихъ плѣнныхъ семействъ, множество скота, лошадей и жизненныхъ припасовъ. Въ мѣстечкѣ Гумри отряды соединились и пошли по направленію къ Ечміадзину. Послѣдній переходъ въ 44 версты по гористой, голой мѣстности, безъ капли воды, въ сильный жаръ, былъ крайне изнурителенъ для солдатъ: они едва—едва двигались и нуждались въ отдыхѣ; но Цицiановъ спѣшилъ занять Ечміадзинъ, чтобы тамъ расположиться лагеремъ и оттуда уже вступить въ переговоры съ Ериванскимъ ханомъ. Верстахъ въ восьми отъ монастыря послышался колокольный звонъ. Цицiановъ думалъ, что его приготовляются встрѣтить съ крестомъ и святою водою и тотчасъ же послалъ къ монастырю конный авангардъ. Но тамъ заперлось до 400 персіанъ, которые встрѣтили русскихъ выстрѣлами изъ ружей и фальконетовъ. Наши козаки спѣшились и вытѣснили изъ садовъ

персидскихъ стрѣлковъ; на выстрѣлы подошелъ Циціановъ, но, такъ какъ войска были совершенно изнурены, отложилъ штурмъ монастыря до слѣдующаго дня и расположился лагеремъ на пушечный выстрѣлъ отъ Ечміадзина. На другой день утромъ, едва прибылъ въ лагеръ нашъ обозъ, какъ на сосѣднихъ высотахъ показались огромныя толпы Персіанъ, окружившія немногочисленный отрядъ Цицiанова. Главнокомандующій поспѣшилъ построить войско въ нѣсколько каре и, расположивъ артиллерію на высотахъ, вступилъ съ непріятелемъ въ битву. Скоро персы незнакомые съ европейской тактикой, были разбиты и въ безпорядкѣ бѣжали, не обращая никакого вниманія на увѣщанія Абасса Мирзы. На другой день непріятель не показывался вовсе: войско успѣло отдохнуть и устроить вагенбургъ, такъ что, когда слѣдующіе два дня Персіане повторили свое нападеніе, они были отбиты съ большимъ урономъ. Циціановъ увидѣлъ, что Ечміадзинъ окруженный садами можно занять только съ большою потерею людей, чего онъ всегда избѣгалъ; поэтому, отложивъ на время взятіе монастыря, пошелъ къ Еривани. Черезъ нѣсколько дней монастырь достался ему безъ боя. Лишь только русскіе заняли ближайшую къ Еривани деревню, въ лагерь Цицiанова явился монахъ изъ Ечміадзинскаго монастыря и объявилъ, что Персіане оставили монастырь и множество припасовъ. Циціановъ отрядилъ туда двѣ роты, которыя и заняли монастырь безъ всякаго препятствія.

Приступъ къ Еривани былъ необыкновенно труденъ: войску приходилось взбираться на возвышенности занятыя врагомъ, который легко обстрѣливалъ нашихъ; при всемъ томъ наши стрѣлки пять разъ выбивали непріятеля изъ пригорковъ и въ одномъ мѣстѣ русскіе штурмовали крутую какъ стѣна гору усыпанную каменьями. Изъ отряда полковника Козлова толко 40 человѣкъ Кавказскаго гренадерскаго полка съ трудомъ вскарабкались подъ непріятельскими выстрѣлами

на вершину горы, съ крикомъ *ура* бросились на непріятеля и очистили путь ко всходу всему отряду.

Побѣдоносное приближеніе русскихъ напугало Ериванскаго хана: онъ вступилъ въ переговоры съ Цицiановымъ и прислалъ ему льстивое письмо. Въ отвѣтъ на него Цицiановъ упрекалъ хана въ коварствѣ. «И такъ»—оканчивалъ свое письмо Цицiановъ—«я надѣюсь на судъ мудрой вашей политики, и вопрошаю теперь, что сильнѣе дѣйствуетъ: медоточивое ли ваше перо персидское или русскіе штыки? Гдѣ слыхано, что вы пощады просите, а ваши люди стрѣляютъ! Наконецъ по полученіи сего письма, извольте мнѣ коротко отвѣчать—отдаете ли вы мнѣ крѣпость? предаетесь ли вы моей воли? А кто вамъ не повинуется выдайте мнѣ ихъ, и будьте увѣрены, что жизнь его останется въ безопасности. Сроку на отвѣтъ даю я до завтрашняго полудня».

Между тѣмъ отрядъ подошелъ къ Еривани и занялъ предмѣстіе безъ боя. Крѣпость была построена при рѣкѣ Зангѣ на высокомъ, крутомъ и утесистомъ берегу. Окруженная двойной высокой стѣной съ 17 башнями и широкимъ рвомъ наполненнымъ мѣстами водой, она имѣла въ себѣ до 7000 гарнизона, 60 пушекъ и 2 мортиры. Цицiановъ въ какихъ нибудь три часа занялъ предмѣстіе и обложилъ крѣпость, но бомбардированіе, въ ожиданіи письма отъ хана, отложилъ. Дѣйствительно, 4 Іюля ханъ прислалъ Цицiанову письмо, въ которомъ извинялся за то, что стрѣлялъ въ русскихъ, но сдать городъ не соглашался. Началась блокада; но черезъ нѣсколько дней положеніе русской арміи измѣнилось. За авангардомъ явились несмѣтныя силы Персовъ и стали безпокоить русскихъ; въ тоже время и Ериванцы начали дѣлать вылазки. Все время былъ сильный зной и люди изнуренные днемъ, не могли отдохнуть ночью, потому что должны были безпрестанно отбивать нападенія съ той или съ другой стороны. Къ довершенію всего съ Грузіей

сообщеніе было прервано, а между тѣмъ Персы сожгли весь хлѣбъ на поляхъ; русскій отрядъ въ 350 человѣкъ посланный на встрѣчу нашему обозу былъ окруженъ Персіанами и весь перерѣзанъ. Въ такомъ ужасномъ положеніи Циціановъ собралъ военный совѣтъ изъ всѣхъ генераловъ и полковниковъ бывшихъ на лицо и предложилъ имъ на разрѣшеніе вопросъ объ отступленіи или штурмѣ. Самъ главнокомандующій былъ за штурмъ, потому что отступленіе отъ Эривани, по его мнѣнію, могло произвести дурное впечатлѣніе на горцевъ. Но такъ какъ кромѣ генерала Портнягина всѣ были за отступленіе, Цицiановъ рѣшился отступить. 4-го Сентября, на разсвѣтѣ отрядъ оставилъ Эривань и 5-го дошелъ до Ечміадзина. Серебряная утварь храма, жемчуги и драгоцѣнные камни найденные въ монастырѣ были запечатаны и увезены въ Тифлисъ. Отсюда съ небольшими отдыхами отрядъ шелъ до Тифлиса, куда прибылъ 22 Сентября.

Хотя Императоръ, считавшій необходимымъ взять Эривань, разрѣшилъ отправить нѣсколько полковъ на Закавказье но Цицiановъ все таки считалъ невозможнымъ походъ къ Эривани въ предстоящую зиму; къ тому же, по возвращеніи изъ Осетинскаго похода, онъ заболѣлъ горячкою съ воспаленіемъ въ легкихъ и продолжительное время не могъ заниматься дѣлами.

Устроивши и окончательно приведя въ порядокъ дѣла Мингреліи и Имеретіи, главнокомандующій обратилъ вниманіе на присоединеніе къ Россіи ханствъ Карабахскаго и Шекинскаго. Владѣтель перваго ханства, восьмидесятилѣтній старецъ Ибрагимъ ханъ, бывшій издавна въ зависимости отъ Персовъ предпочелъ власть русскаго царя вѣроломному владычеству Персовъ, и вступилъ въ переговоры съ Цицiановымъ. Попытка Персіанъ помѣшать сближенію Ибрагима съ русскими ускорила дѣло; ханъ сдѣлался сговорчивѣе и

согласился на всѣ требованія Цицiанова. Между прочимъ онъ обязался платить русскимъ ежегодную дань въ 8000 червонцевъ и содержать въ крѣпости Шушѣ 500 человѣкъ русскаго войска съ артиллеріей. Черезъ четыре мѣсяца къ Цицiанову явился и Шекинскій ханъ Селимъ съ изъявленіемъ покорности. Такимъ образомъ путемъ однихъ переговоровъ Цицiанову удалось присоединить къ Россіи въ началѣ 1805 года два большихъ ханства и султанство Шурагельское (на сѣверо западъ отъ Эриванскаго). Подданство ихъ обезпечивало Грузію не только со стороны Персіи, но и со стороны Дагестана, и приближало насъ къ Баку.

ГЛАВА V.

Отношенія наши къ Франціи до 1801 г.—Англія объявляетъ войну Франціи.—Отношеніе Наполеона къ русскимъ посламъ и отозваніе русскаго посольства изъ Парижа.—Союзъ Россіи съ Австріей, Швеціей и Англіей и приготовленія къ войнѣ съ Наполеономъ. Присоединеніе Пруссіи къ союзу.—Ген. Маакъ и дѣло при Ульмѣ. Отступленіе Кутузова, дѣло у Дюрнштейна.—Багратіонъ и Шенграбенское дѣло. Аустерлицкая битва. Переговоры Австріи съ Наполеономъ и миръ въ Пресбургѣ. Возвращеніе гвардіи въ Петербургъ. Образованіе Рейнскаго союза. Отношеніе Наполеона къ Пруссіи. Положеніе Пруссіи и приготовленія къ войнѣ. Битвы при Іенѣ и Ауерштедтѣ. Занятіе Берлина Французскими войсками. Объявленіе «континентальной блокады». Приготовленіе Наполеона къ войнѣ съ Россіей.

Отношенія наши къ Франціи при вступленіи на престолъ И. Александра были миролюбивы: формальный трактатъ о мирѣ былъ подписанъ въ октябрѣ 1801 г. Но миръ съ Франціею не могъ продолжаться долго, потому что первый консулъ Бонапартъ съ каждымъ годомъ дѣлался заносчивѣе съ государями и опаснѣе для спокойствія Европы.

Англія вынужденная обстоятельствами заключить съ Франціей невыгодный миръ въ Аміени, теперь не думала выполнить его условія: Англичане занимали по прежнему мысъ Доброй Надежды, Мальту и Александрію; англійскіе журналы подсмѣивались надъ первымъ консуломъ, а государство открыто готовилось къ войнѣ. Послѣ того какъ Наполеонъ велѣлъ арестовать всѣхъ англичанъ во Франціи и Голландіи, Англія объявила ему войну.

Нашимъ посломъ въ Парижѣ былъ графъ Марковъ, человѣкъ гордый, вспыльчивый и притомъ врагъ Наполеона. Между нимъ и Наполеономъ не разъ происходили сцены; однажды, послѣ грубой выходки Наполеона, Марковъ повернулся къ нему спиной и уѣхалъ. Когда Маркова отозвали, Наполеонъ сталъ придираться къ нашему чиновнику Убри, оставленному въ Парижѣ вмѣсто Маркова; кромѣ того онъ настаивалъ и на удаленіи нашего чиновника при русской миссіи изъ Дрездена. Становилось яснымъ, что Наполеонъ желаетъ разрыва: до насъ дошли слухи, что французскіе агенты подстерегаютъ Турокъ. Тогда Россія вступила въ тайные переговоры съ Европейскими державами, а когда Наполеонъ разстрѣлялъ невиннаго Герцога Ангіенскаго, И. Александръ велѣлъ наложить по немъ трауръ и подать протестъ. Дерзкіе отвѣты перваго консула произвели полный разрывъ, и русское посольство было отозвано изъ Парижа, Французское изъ Петербурга. Это было въ половинѣ 1804 г.

Между тѣмъ Наполеонъ торжественно возложилъ на себя Императорскую корону. Когда Австрія и Швеція начали вмѣстѣ обсуждать, какія лучше принять мѣры для обороны, И. Александръ привлекъ сюда и Англію,—въ Мартѣ 1805 г. она заключила съ Россіей союзный трактатъ. Узнавъ объ этомъ, Наполеонъ предложилъ Англіи миръ. Союзники хотѣли было покончить дѣло миролюбиво и съ этою цѣлью предлагали Наполеону даже нѣкоторыя уступки,—какъ вдругъ онъ нарушилъ Люневильскій договоръ, присоединивши къ Франціи Генуэзскую республику и отдавши Лукку своей сестрѣ Елизѣ принцессѣ Баччіоки. Послѣ этого и осторожный Австрійскій Императоръ поспѣшилъ вступить въ переговоры о союзѣ съ Россіей и Англіей, и въ Іюлѣ 1805 г. Россія уже утвердила составленный въ Вѣнѣ планъ военныхъ дѣйствій. По этому плану Австрія обязывалась выставить армію въ 300 тыс. чел. Россія должна была выслать 115,000, а

Англія, какъ не имѣющая сухопутнаго войска, обязывалась выплатить полтора милліона фунт. ст. и 3 милл. ф. ст. ежегодной субсидіи.

Россія стала дѣятельно приготовляться къ войнѣ; комплектовались арміи, заготовлялись боевые снаряды и провіантъ; въ Тулѣ и Сестербекѣ напримѣръ заготовляли ружья на всю армію; чтобы не вздорожали жизненые припасы, запрещено было вывозить за границу рожь и овесъ. Въ августѣ гвардія наша выступила уже изъ Потербурга подъ начальствомъ В. К. Константина Павловича. У Прусской границы армія наша должна была остановиться, потому что Пруссія еще строго держалась нейтралитета и ни зачто не хотѣла пропустить союзныя войска черезъ свои владѣнія. Александръ избѣгалъ войны съ Пруссіей, но честь Россіи считалъ выше всего и не желалъ унизить достоинства ея въ самомъ началѣ похода: могли говорить, что русскій Государь дошелъ со своей арміей до границы и долженъ былъ отступить по волѣ прусскаго короля; поэтому онъ самъ отправился въ Берлинъ для личныхъ переговоровъ съ Фридрихомъ Вильгельмомъ и, въ случаѣ упорства, думалъ даже объявить ему войну. Изъ Брестъ Литовска (бывшаго тогда на границѣ нашей съ Австріей и Пруссіей) онъ отправилъ въ Берлинъ генералъ-адъютанта Долгорукова съ приказаніемъ оставаться тамъ не болѣе сутокъ, а въ ожиданіи отвѣта, производилъ смотры войскамъ и повелѣлъ сформировать резервную армію, которая должна была расположиться вдоль всей нашей границы съ Пруссіей и Австріей.

Вдругъ сами французы помогли дѣлу. Бернадоттъ, чтобы выиграть одинъ или два перехода къ Дунаю, съ французской арміей прошелъ чрезъ Гр. Аншпахъ и этимъ нарушилъ прусскій нейтралитетъ. *). Извѣстіе объ этомъ взволновало

*) Нарушеніе также нейтральной территоріи Гессенъ Касселя доказы-

Берлинъ: армія и народъ заговорили о мести; тогда Фридрихъ Вильгельмъ, подчинившись общему влеченію націи, дозволилъ арміи Кутузова вступить въ Прусскую Силезію; вскорѣ И. Александръ отправился въ Берлинъ, и свиданіе его съ Фридрихомъ Вильгельмомъ положило начало ихъ многолѣтней дружбѣ. У гроба Фридриха Великаго государи дали другъ другу слово взаимно поддерживать одинъ другаго.

Между тѣмъ Наполеонъ, не зная какъ нанести ударъ Англіи, обратилъ свои силы на ихъ союзниковъ: во главѣ двухсотъ тысячной арміи онъ устремился отъ Рейна на Вѣну самымъ кратчайшимъ путемъ. Главныя силы Австрійцевъ подъ начальствомъ ерцгерцога Карла находились тогда въ Италіи, 8000 армія дожидалась на Дунаѣ прибытія русской арміи, двинутой къ Баваріи; начальствовалъ ею братъ Императора Франца ерцгерцогъ Фердинандъ. Не желая назначить главнокомандующимъ союзной арміи Кутузова и не желая съ другой стороны обидѣть его назначеніемъ генерала Маака, австрійское правительство поручило армію двадцати четырехъ лѣтнему брату Императора, но съ тѣмъ, чтобы всѣмъ распоряжался генералъ Маакъ; бланковыя подписи Императора дѣлали его самостаятельнымъ: онъ могъ не стѣсняться дѣйствіями и поступать по своему усмотрѣнію. Но Маакъ былъ человѣкъ неспособный и сами нѣмцы говорили, что имя его (Mackah), по еврейски, значитъ пораженіе. Пока австрійскіе стратеги педантически, съ циркулемъ въ рукахъ, разсчитывали, что Наполеонъ до Дуная долженъ будетъ идти не менѣе 64 дней, Наполеонъ явился черезъ сорокъ дней, отрѣзалъ Маака отъ спѣшившихъ къ нему русскихъ войскъ, окружилъ въ Ульмѣ и заставилъ его съ пятьюдесятью тысячами сдаться на капитуляцію. Только ерцгерцогъ съ кавалеріей преслѣдуемый по пятамъ Французами, успѣлъ

вало, что Наполеонъ не могъ умѣрять своихъ привычекъ насилія и захватовъ, даже тамъ, гдѣ онъ имѣлъ важный интересъ быть осторожнымъ.

уйти въ Богемію, да Кинмейеръ *) съ 8—10 тыс. успѣлъ присоединиться къ Кутузову.

Австрійскія войска были разобщены, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, дрались вообще дурно, а Пруссія, по мнѣнію Наполеона, не могла скоро начать непріязненныя дѣйствія противъ него,—поэтому онъ поспѣшилъ къ Вѣнѣ, чтобы этимъ еще болѣе парализовать дѣятельность Пруссіи. Когда Кутузовъ дошелъ до Браунау (на Иннѣ), армія его оказалась черезъ чуръ усталою и умалившеюся потому что, по мѣрѣ опасности угрожавшей Мааку, Вѣнскій дворъ торопилъ Кутузова, который и безъ того заставлялъ пѣхоту дѣлать по 50-60 верстъ въ сутки. Хладнокровный и осторожный, Кутузовъ оставался нѣсколько времени на Иннѣ и здѣсь выжидалъ, пока выяснятся намѣренія Наполеона, чтобы съ ними сообразить свои дѣйствія. Когда сдѣлалось яснымъ, что Наполеонъ спѣшитъ противъ него съ стотысячной арміей, Кутузовъ приказалъ вывозить изъ Браунау больныхъ, парки и артиллерію, уничтожить всѣ переправы на рѣкѣ, не забывая въ тоже время хладнокровіемъ и даже веселостію оживлять упадавшій духъ жителей и чиновниковъ; затѣмъ началъ медленно отступать къ Вѣнѣ. Командованіе отдѣльными отрядами Кутузовъ поручилъ храбрымъ генераламъ Багратіону, Витгенштейну, Ермолову и Милорадовичу, имена которыхъ нѣсколько позже сдѣлались знаменитыми. Такъ какъ на Военномъ совѣтѣ И. Франца рѣшено было пожертвать Вѣной, то Кутузовъ отступалъ на сѣверовостокъ къ Брюну, вступая на пути въ отдѣльныя стычки съ авангардомъ французовъ; особенно сильна была стычка у Дюрнштейна: «Этотъ день былъ днемъ рѣзни», писалъ Наполеонъ въ своемъ бюллетенѣ. Въ ноябрѣ французы заняли Вѣну и нашли здѣсь

*) Ему Маакъ поручилъ стеречь мосты на Дунаѣ и Лехѣ; послѣ слабой попытки удержать мосты отъ наступающей массы непріятеля, Кинмейеръ долженъ былъ поспѣшно отступить на Мюнхенъ.

массу амуниціи, оружія и пороху. Выйдя изъ Вѣны, Мюратъ перешелъ Дунай и направился на сѣверозападъ — на перерѣзъ Кутузову, который въ полтора сутокъ прошелъ 56 верстъ, подъ дождемъ, увязая въ грязи. Задерживать Мюрата долженъ былъ арріергардъ въ 7000 человѣкъ подъ начальствомъ любимца солдатъ, неустрашимаго и хладнокровнаго генерала Багратіона. Кутузовъ считалъ этотъ отрядъ «оставленнымъ на неминуемую гибель для спасенія арміи». Пока армія отступала къ Брюну, «геройскій отрядъ» Багратіона сразился у Шенграбена съ 40 тысячной арміей Мюрата. Окруженный со всѣхъ сторонъ, Багратіонъ бодро выдержалъ натискъ массъ ринувшихся на него. Онъ потерялъ здѣсь всѣ орудія, которыя не возможно было везти черезъ тѣснины по топкимъ болотамъ, и 2000 ч. убитыми, зато задержалъ Французовъ. Вечеромъ, Багратіонъ изъ остатковъ отряда сформировалъ колонну, пробился черезъ французовъ и присоединился къ арміи. «О потерѣ не спрашиваю— ты живъ—этого довольно», сказалъ Кутузовъ, обнимая явившагося къ нему Багратіона. Самъ Наполеонъ дивился храбрости русскаго арріергарда «русскіе гренадеры выказали неустрашимость», писалъ онъ въ своемъ бюллетенѣ. Имя Багратіона, какъ героя, обошло всю Россію. За дѣло при Шенграбенѣ онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, получилъ георгіевскій крестъ второй степени и командорскій крестъ ордена Маріи Терезы отъ И. Франца: послѣдняго ордена никто изъ русскихъ не имѣлъ еще.

У Брюна къ Кутузову присоединился Австрійскій отрядъ пришедшій изъ Вѣны, у Вишау—корпусъ гр. Буксгевдена, а у Ольмюца—русская гвардія; такимъ образомъ всего войска союзнаго стало до восьмидесяти тысячъ. Наполеонъ стянулъ къ Брюну такое же число.

Хотя оба Императора назначили главнокомандующимъ союзной арміи Кутузова, но распоряжались всѣми дѣйствіями,

составляли планы и отдавали распоряженія Австрійскіе генералы и особенно неспособный Вейротеръ. Австрійцы, имѣли свои понятія о войнѣ, считали выработанныя ими военныя правила непреложными, а на русскихъ смотрѣли какъ на недозрѣлыхъ еще для высшихъ военныхъ соображеній, почему напримѣръ хвалили Кутузова какъ полководца, но находили нужнымъ руководить его дѣйствіями; съ другой стороны самъ Императоръ Александръ думалъ, что, воюя такое продолжительное время съ Наполеономъ, Австрійцы лучше Русскихъ могли изучить образъ войны съ нимъ; и, считая себя въ этой компаніи только союзникомъ Австріи, находилъ болѣе приличнымъ, чтобы главными дѣятелями въ ней были Австрійскіе генералы. 15 Ноября союзная армія, раздѣленная на пять колоннъ, выступила изъ Ольмюца. Императоръ Александръ слѣдовалъ съ третьей или серединной колонной. Войска шли въ величайшемъ порядкѣ и въ ногу, какъ на парадѣ. На другой день нашъ авангардъ съ княземъ Багратіономъ аттаковалъ у Раузницъ Французскій конный отрядъ и заставилъ его отступить. Здѣсь первый разъ Александръ былъ въ огнѣ. Когда пальба стихла, онъ шагомъ объѣзжалъ поле битвы, всматривался черезъ лорнетъ въ тѣла убитыхъ и раненыхъ и приказывалъ подавать послѣднимъ помощь. Черезъ два дня союзники дошли до Аустерлица и здѣсь рѣшили дать битву Наполеону, такъ какъ въ этой мѣстности Австрійцы нерѣдко производили маневры. Наполеонъ занялъ превосходную позицію какъ для атаки, такъ и для обороны: его армія упиралась въ цитадель Брюна, которая, въ случаѣ необходимости, могла обезпечить отступленіе на Богемію; съ праваго фланга ее прикрывали лѣсистые и почти непроходимые холмы, а съ фронта глубокій ручей Гольдбахъ и нѣсколько озеръ; противъ центра, за ручьемъ подымались Праценскія высоты—позиція господствующая и передовая, за которою виднѣлись вдали деревни и замокъ

Аустерлицъ, занятые уже арміей союзниковъ. Наполеонъ видѣлъ и невыгодное расположеніе союзной арміи и намѣреніе ея обойдти его правый флангъ, чтобы отрѣзать ему дорогу на Вѣну и отдѣлить отъ остальныхъ полковъ расквартированыхъ въ окрестностяхъ этого города; поэтому былъ почти увѣренъ въ побѣдѣ, и наканунѣ битвы велѣлъ обьявить по арміи слѣдующее воззваніе: «Позиціи, занимаемыя нами— страшны; и въ то время какъ русскіе будутъ идти въ обходъ моего праваго фланга, они мнѣ подставятъ свой флангъ. Солдаты! я самъ буду направлять ваши батальоны. Я буду держаться вдали отъ огня, если вы съ обычною храбростію смѣшаете непріятельскіе ряды; но если побѣда будетъ хоть съ минуту нерѣшительна, вы увидите, что вашъ Императоръ подвергнется первымъ ударамъ!..» Это возваніе, въ которомъ Наполеонъ раскрывалъ передъ арміей свои планы и говорилъ съ увѣренностію побѣдителя, произвело въ лагерѣ необыкновенное впечатлѣніе: восторгъ солдатъ увеличился еще болѣе, когда ночью Наполеонъ, пѣшкомъ и безъ свиты, посѣтилъ биваки; солдаты устроили импровизованную иллюминацію, сожигая на его пути пуки соломы.

Въ русскомъ лагерѣ приняли иллюминацію за пылающіе костры и, считая это знакомъ отступленія, боялись, чтобы Наполеонъ не воспользовался мракомъ ночи и не ушелъ съ занятыхъ имъ позицій. Русскіе рвались сразиться съ нимъ и ждали только приказанія. Еще 17 числа Наполеонъ просилъ у Александра личнаго свиданія между обоими авангардами. Александръ отправилъ за себя князя Долгорукова. Свиданіе окончилось ничѣмъ, но Долгоруковъ, возвратившись изъ французскаго лагеря, привезъ извѣстіе, будто во французскомъ лагерѣ замѣтно уныніе. «Нашъ успѣхъ несомнѣненъ»—говорилъ онъ—«стоитъ только идти впередъ—они отступятъ». До сихъ поръ Наполеонъ двигался смѣло и рѣшительно впередъ, а теперь выжидаетъ чего то, вступаетъ въ переговоры; слѣдо-

вательно, онъ неувѣренъ въ побѣдѣ. Такъ думали многіе, и вотъ почему рѣшено было дать 20 Ноября ему битву у Аустерлица. Планъ атаки, составленный генераломъ Вейротеромъ, былъ утвержденъ обоими Императорами вечеромъ 19 Ноября. Кутузовъ не одобрялъ его: онъ думалъ, что слѣдуетъ рѣшиться на нападеніе только тогда, когда будутъ вѣрныя свѣдѣнія о силахъ противника и ихъ расположеніи, а пока собрать свои силы; дать имъ диспозиціи можно будетъ уже сообразно обстоятельствамъ. Но Кутузовъ не настаивалъ сильно на своемъ мнѣніи и не отвергнулъ планъ Вейротера: въ этомъ состояла его ошибка.

Въ полночь онъ пригласилъ къ себѣ начальниковъ колоннъ, дежурнаго генерала Волконскаго и генерала Вейротера и объявилъ имъ, что завтра въ семь часовъ утра начнется аттака. Когда генералы сѣли, Вейротеръ развернулъ планъ окрестностей Брюна и сталъ читать свою диспозицію; при этомъ долго и очень запутанно объяснялъ ее. Говорятъ, будто бы къ концу объясненія Кутузовъ заснулъ, и его пришлось разбудить. Когда Вейротеръ заключилъ свое объясненіе признаніемъ, что мѣста эти ему хорошо знакомы, потому что въ прошломъ году здѣсь были маневры, его помощникъ графъ Бубна замѣтилъ на это: «не надѣлайте только опять такихъ ошибокъ, какъ на прошлогоднихъ маневрахъ». Совѣтъ кончился въ 3 часа, а чрезъ три часа былъ готовъ русскій переводъ диспозиціи Вейротера сдѣланный майоромъ Толемъ, и доставленъ къ начальникамъ колоннъ. «Сраженіе проиграно», воскликнулъ Багратіонъ, когда прочиталъ диспозицію Вейротера.

Армія, растянутая на огромномъ пространствѣ, представляла большой полукругъ, замыкавшій уголъ, занятый въ центрѣ Французами. Наполеонъ и его генералы хорошо изучили мѣстность. Догадываясь о намѣреніи союзниковъ нанести ударъ правому крылу Французовъ и обойти его,

Наполеонъ воспользовался мракомъ ночи и тихо, незамѣтно для союзниковъ, перевелъ большую часть корпуса Сульта чрезъ ручей Гольдбахъ. Въ семь часовъ утра, когда еще не успѣлъ разсѣяться туманъ, онъ роздалъ послѣднія приказанія маршаламъ. Между тѣмъ союзныя войска, не подозрѣвая перемѣны въ расположеніи французской арміи, стали двигаться, какъ имъ было указано диспозиціей Вейротера. Наполеонъ наблюдавшій за этимъ движеніемъ съ высокаго кургана, отдалъ тутъ же приказаніе разрѣзать нашу армію въ центрѣ, но не ранѣе какъ чрезъ полъ часа, когда союзныя войска еще болѣе разобщатся. Въ 10 часовъ въ русскій лагерь прибыли Императоры съ огромной свитой. Часть четвертой колонны находилась съ Кутузовымъ въ центрѣ Праценскихъ высотъ. Подъѣхавъ къ войску и видя, что солдаты отдыхали у ружьевъ сложеныхъ въ сошки, Императоръ удивился.

«Михаилъ Иларіоновичъ, почему вы не идете впередъ»? спросилъ онъ Кутузова.

«Поджидаю, чтобы собрались всѣ войска колонны», отвѣчалъ Кутузовъ.

«Да вѣдь мы не на царициномъ лугу, гдѣ не начинаютъ парада, пока не придутъ всѣ полки», возразилъ Императоръ.

«Государь—отвѣчалъ Кутузовъ,—потому то я и не начинаю, что не на царицыномъ лугу».

Александръ приказалъ вести войска впередъ. Французы были такъ близко, что можно было разглядѣть ихъ лица; отбросивъ передовой отрядъ Милорадовича, они наступали на Праценскіе высоты. Самъ Кутузовъ былъ раненъ въ щеку; многіе генералы были убиты, и всѣ усилія Милорадовича остановить непріятеля были напрасны. Русскіе баталіоны, неподдержанные никакимъ резервомъ, атакованные съ боку, когда они шли на аттаку съ фронта, были отброшены на склоны возвышенности въ глазахъ самого Императора, удивленнаго и опечаленнаго непредвидѣнной катастрофой. Прор-

вавъ центръ и занявъ Праценскія высоты, Наполеонъ выигралъ битву. Начались отдѣльныя стычки въ разныхъ мѣстахъ; войска храбростію заслужили удивленіе Наполеона; офицеры и солдаты «дрались какъ львы», но ихъ частныя усилія гибли безплодно, и битва къ концу дня окончательно была проиграна.

У насъ выбыло изъ строя болѣе 20,000 человѣкъ, при этомъ потеряно 133 орудія и 30 знаменъ; единственнымъ трофеемъ нашимъ было одно французское знамя, отнятое у баталіона линейной пѣхоты двумя эскадронами конной гвардіи. Австрійцы потеряли около 6,000 человѣкъ и 25 орудій; а Французы только 8,500 человѣкъ. Какъ всегда бываетъ, послѣ пораженія союзники упрекали другъ друга. Австрійцы говорили, что Аустерлицкая битва была проиграна оттого, что русскіе не умѣютъ маневрировать, что пѣхота русская неповоротлива, ружья тяжелы, артиллерія малоподвижна. Русскіе напротивъ обвиняли Австрійцевъ, которые не изучили мѣстности и не заготовили необходимаго провіанта и фуража,—и они были правы. Дѣйствительно, страннымъ кажется, что на этомъ мѣстѣ Австрійцы производили маневры, а между тѣмъ знали мѣстность хуже Наполеона,—И. Францъ напримѣръ черезъ шесть недѣль послѣ битвы признался, что не знаетъ плана битвы; затѣмъ на Австрійцахъ лежала обязанность заготовленія магазиновъ для союзной арміи, но они объ этомъ не позаботились, и наши лошади нѣсколько сутокъ должны были питаться одной соломой. Нельзя не признаться также, что одною изъ главныхъ причинъ неудачи у Аустерлица была нетвердость и уступчивость Кутузова. Самъ Александръ говорилъ впослѣдствіи: «Я былъ молодъ, не опытенъ: Кутузовъ говорилъ мнѣ, что намъ надобно было дѣйствовать иначе, но ему слѣдовало быть настойчивѣе».

Предполагаемое отступленіе союзниковъ на Венгрію, гдѣ расчитывали на обильное продовольствіе и соединеніе съ

ерцгерцогомъ Карломъ, не могло теперь состояться, потому что запасовъ въ Вѣнѣ не оказалось; поэтому Вѣнскій кабинетъ рѣшился вступить съ Наполеономъ въ переговоры о мирѣ; съ этою цѣлью, съ согласія Императора Александра, Францъ отправилъ къ Наполеону князя Лихтенштейнскаго; армія же все таки отступала въ Венгрію, черезъ Чейчу къ Голишу за Мораву. Арріергардъ Багратіона отступалъ медленно и въ порядкѣ, отстрѣливаясь отъ аттакующей его дивизіи Сульта; такимъ образомъ Багратіону пришлось въ этой войнѣ съ Наполеономъ сдѣлать первый и послѣдній выстрѣлъ. Лишь только Императоры прибыли въ Голишъ, какъ возвратился князь Лихтенштейнскій съ приглашеніемъ Францу отъ Наполеона явиться къ нему для переговоровъ. Францъ отправился къ Наполеону на бивуаки и здѣсь въ двухъ-часовомъ разговорѣ получилъ изъ рукъ побѣдителя перемиріе, первымъ условіемъ котораго было отдѣленіе отъ Александра и немедленное очищеніе австрійскихъ владѣній отъ русскаго войска. Александръ, воображеніе котораго было черезъ чуръ потрясено ужасными сценами войны, согласился на условія: «Я привелъ мою армію на помощь Австріи и отправлю ее назадъ, если Австрійскій монархъ желаетъ обойдтиться безъ моей помощи». Перемиріе, съ цѣлью договариваться о мирѣ, было подписано Францемъ 26 ноября, а на другой день Александръ простился съ нимъ и поѣхалъ въ Петербургъ. Лишь только ушли изъ Австріи русскія войска, Наполеонъ измѣнилъ тонъ и предложилъ Австріи миръ на тяжкихъ для нея условіяхъ. Беззащитная, оставленная безъ союзниковъ, занятая непріятельскими войсками, безъ арсеналовъ и запасовъ, Австрія не могла спорить, и въ Декабрѣ заключила миръ въ Пресбургѣ, по которому уступила Франціи Тироль, Венецію и нѣсколько владѣній въ Германіи; при этомъ обязалась выплатить 200 милл. франковъ деньгами.

Кутузовъ велъ русское войско въ Россію черезъ Венгрію и Галицію и вездѣ былъ встрѣчаемъ мѣстнымъ населеніемъ съ радушіемъ и гостепріимствомъ; нерѣдко даже весь корпусъ офицеровъ угощали безъ денегъ, а за больными русскими ухаживали какъ за родными. На пути присоединялись къ русской арміи отставшіе или затерявшіеся солдаты; кто приносилъ знамя оторванное отъ древка, кто привозилъ длинными и непроходимыми дорогами спасенную отъ враговъ пушку. Нельзя не упомянуть кстати о подвигѣ унтеръ офицера Азовскаго полка Старичкова. Во время полнаго разгрома колонны Прибышевскаго, онъ былъ сильно израненъ, но передъ самымъ плѣномъ своимъ успѣлъ оторвать порученное ему знамя отъ древка и спрятать подъ своей одеждой. Находясь въ плѣну и чувствуя приближеніе смерти, онъ передалъ свою тайну рядовому Чайкѣ и заклиналъ его беречь знамя какъ святыню и возвратить полку, если Богъ приведетъ ему вернуться изъ плѣна. Чайка исполнилъ порученіе.

Когда гвардейскіе полки прибыли въ Петербургъ и подошли церемоніальнымъ маршемъ къ Зимнему дворцу, всѣ офицеры получили въ награду за походъ третное жалованье, а солдаты по рублю; конногвардейскому полку, какъ отбившему французское знамя въ битвѣ, пожалованъ георгіевскій штандартъ. Георгіевскіе кресты были даны Вел. Кн. Константину Павловичу, Багратіону, Милорадовичу, Дохтурову и другимъ генераламъ. Кутузовъ за все время похода получилъ Владиміра 1-ой степени и фрейленскій вензель для дочери.

Аустерлицкая побѣда и Пресбургскій миръ, унизившіе Австрію, сдѣлали Наполеона еще высокомѣрнѣе. Стараясь поработить Германію и Италію, онъ сдѣлалъ братьевъ своихъ Королями: Іосифа—Неаполитанскимъ, Людовика—Голландскимъ, а другимъ своимъ родственникамъ и даже маршаламъ

роздалъ во владѣнія мелкія графства, княжества и баронства, образованныя изъ захваченныхъ у сосѣдей земель; затѣмъ изъ Баваріи, Виртемберга, Бадена, Гессенъ—Дармштадта и другихъ Германскихъ земель устроилъ такъ называемый *Рейнскій союзъ*, которому подчинилъ всѣ мелкія германскія земли («Медіатизовалъ» ихъ), чтобы самому подъ именемъ протектора (Protecteur de la confédération du Rhin) распоряжаться ихъ вооруженными силами. Государства Рейнскаго союза должны были выставить для него болѣе 60,000 войска. Съ Германіей онъ болѣе не церемонился и на Регенсбургскомъ сеймѣ объявилъ рѣшительно, что не признаетъ болѣе существованія Германской Римской Имперіи. Францъ долженъ былъ согласиться и сложить съ себя титулъ Императора Священной Римской Имперіи.

Во время войны союзниковъ съ Наполеономъ, Пруссія держалась нейтралитета и, хотя общественное мнѣніе было за войну, а войско ненавидѣло Наполеона, осторожный и малодушный король Фридрихъ Вильгельмъ держалъ себя робко и употреблялъ всѣ средства, чтобы отклонить разрывъ съ сильнымъ завоевателемъ. Страна ровная, съ открытыми границами со всѣхъ сторонъ, Пруссія не представляла даже въ серединѣ такихъ преградъ, за которыми, послѣ уничтоженія арміи, можно было укрыться на время и организовать народное возстаніе; къ тому же французская армія была почти у границъ Пруссіи—и Наполеону не нужно было въ войнѣ съ нею побѣждать даже разстоянія. Не смотря на все это нерѣшительность короля была побѣждена, когда Наполеонъ нанесъ Пруссіи сильнѣйшее оскорбленіе: занявъ нѣкоторыя земли ея, онъ объявилъ, что желаетъ отдать Ганноверъ Англіи. Начиная готовиться къ войнѣ, Фридрихъ Вильгельмъ обратился за помощью къ своему другу Александру, и, когда тотъ отвѣчалъ ему, «что не только союзникъ пребудетъ вѣренъ своему союзнику, но и другъ явится въ числѣ много-

численной и отличной арміи на помощь своему другу», король объявилъ Наполеону войну. Казалось, онъ выбралъ для этого самую благопріятную минуту, потому что необыкновенное воодушевленіе охватило тогда все общество. Пылкій принцъ Людовикъ, симпатичная королева не уѣзжали изъ лагеря; профессора на каѳедрахъ, поэты въ стихахъ призывали народъ къ оружію и даже философъ Фихте въ рѣчахъ своихъ къ германскому народу просилъ какъ милости принять его въ ряды Прусской арміи. Не смотря на это патріотическое возбужденіе, съ перваго взгляда на силы Пруссіи, можно было видѣть, что она проиграетъ. Дѣйствительно, что могла выставить она противъ 200,000 превосходной и закаленной въ бояхъ арміи Наполеона? Пруссія могла выставить только 150,000 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ 20,000 Саксонцевъ; и эти солдаты не воевали со времени Фридриха Великаго, были одѣты въ неуклюжіе мундиры, дѣлавшіе ихъ удивительно неповоротливыми, не имѣли шинелей, на головахъ носили косы и употребляли пудру; стрѣляли дурно; къ тому же всѣ главные начальники и генералы были люди старые, напримѣръ главнокомандующему герцогу Брауншвейгскому былъ 71 годъ, а принцу Гогенлоэ и Блюхеру болѣе 60 лѣтъ; кто то сосчиталъ года 19 генераловъ магдебурскаго округа и въ суммѣ получилъ 1,300 лѣтъ. Гордые преданіями, эти старинные тактики не хотѣли допустить никакихъ нововведеній въ военномъ искусствѣ и твердо держались правилъ семилѣтней войны. Лазаретовъ и магазиновъ въ арміи было мало, а между тѣмъ обозы съ ненужными вещами генераловъ и офицеровъ затрудняли движеніе арміи; рѣдкій офицеръ имѣлъ одну лошадь; одинъ офицеръ возилъ за собой фортепіано, другой не могъ обойдтиться безъ француженки. Такая то армія съ криками «побъемъ Французовъ» выступила въ походъ. Семидесятитысячный корпусъ герцога Брауншвейгскаго пошелъ изъ Магдебурга на Веймаръ и Эр-

фуртъ, другой корпусъ подъ начальствомъ принца Гогенлоэ пошелъ на Саксонію, взялъ здѣсь 20,000 саксонцевъ и отправился черезъ Эйзенахъ до конца Тюрингенскаго лѣса, чтобы увлечь также курфирста Гессенъ—Кассельскаго. Наполеонъ съ свойственною ему быстротою и съ огромными силами отрѣзалъ Прусскую армію отъ Берлина и въ двухъ сраженіяхъ, при Іенѣ и Ауерштедтѣ, разбилъ ее на голову. Послѣднюю битву можно было назвать бойней. Тогда паническій страхъ овладѣлъ Прусскими войсками: цѣлыя дивизіи безъ выстрѣла бросали оружіе и сильныя крѣпости сдавались французскимъ отрядамъ гусаровъ. По слѣдамъ разбитыхъ и отступавшихъ въ безпорядкѣ Прусскихъ отрядовъ, Наполеонъ двинулся къ Берлину и занялъ его. Здѣсь онъ потребовалъ отъ всѣхъ чиновниковъ и служащихъ, чтобы они присягнули ему на вѣрность службы; а вскорѣ особымъ декретомъ обложилъ Пруссію и ея германскихъ союзниковъ чрезвычайной контрибуціей въ 159 милл. франковъ. Когда Наполеонъ ранѣе восклицалъ, что «хочетъ побѣдить Англію на континентѣ,» то этимъ онъ высказывалъ свое безумное желаніе побѣдить континентъ, чтобы вооружить его противъ Англіи. Въ упоеніи отъ Іенской и Ауерштедтской побѣды, онъ считалъ это желаніе удобоисполнимымъ и, занявши столицу Прусскаго королевства, заявилъ громко, что не возстановитъ завоеванныхъ Прусскихъ земель до тѣхъ поръ, пока Англія не возстановитъ Французскихъ колоній («завоюетъ море черезъ сушу и отберетъ Пондишери на Одерѣ и Вислѣ»). Съ этою цѣлью въ Берлинѣ объявлена была имъ такъ называемая «континентальная блокада», по которой всѣ англійскіе о-ва объявлены были въ блокадномъ состояніи и съ ними запрещалось торговать или входить въ какія нибудь сношенія; во всѣхъ странахъ занятыхъ французами приказано было арестовать Англичанъ и конфисковать англійскіе товары и имущества.

Прусскій король, потерявшій столицу, большую часть королевства, лишенный арміи и лучшихъ крѣпостей, находился въ это время въ Кюстринѣ и здѣсь, расчитывая на помощь Императора Александра, отказался отъ мира предложеннаго ему Наполеономъ. Тогда Наполеонъ, раньше подстрекавшій патріотизмъ Поляковъ, быстро двинулся въ Познань, гдѣ польскіе патріоты, мечтавшіе о возстановленіи королевства, встрѣтили его съ особеннымъ восторгомъ. На Вислѣ онъ объявилъ арміи о началѣ войны съ Россіей.

Такимъ образомъ, Россія, только что кончившая войну съ Наполеономъ въ союзѣ съ Австріей, должна была начать ее снова.

ГЛАВА VI.

Приготовленія къ войнѣ съ Наполеономъ.—Манифестъ 30-го Ноября.— Ополченіе. — Главнокомандующій Бенигсенъ. — Его ссора съ Буксгевденомъ. — Назначеніе главнокомандующимъ фельдмаршала Каменскаго. — Появленіе Наполеона въ Польшѣ и первыя встрѣчи съ русской арміей.— Чарновское дѣло и графъ Остерманъ.—Отступленіе къ Пултуску и отъѣздъ изъ арміи Каменскаго. — Бенигсенъ и битва у Пултуска. — Багратіонъ.—Сраженіе при Прейсишъ-Эйлау.—Переговоръ Наполеона о мирѣ.— Положеніе обѣихъ армій.—Пріѣздъ Государя въ Бартенштейнъ.—Гельсбергъ.—Отступленіе къ Кенигсбергу.—Фридландское сраженіе. — Занятіе Французами Кенигсберга.

16-го Ноября 1806 года Наполеону была объявлена война. Всѣ Французы, не желавшіе принять русское подданство, были высланы за границу, и съ Франціей прекращены торговыя сношенія.

Еще по возвращеніи русской арміи, послѣ Аустерлицкаго разгрома, домой, начались преобразованія по военной части: Императору Александру хотѣлось сейчасъ же привести наши боевыя силы въ такое положеніе, которое допускало бы сопротивленіе Наполеону; съ этою цѣлью подъ Его личнымъ предсѣдательствомъ составленъ былъ Военный Совѣтъ изъ фельдмаршаловъ: графа Салтыкова и графа Каменскаго, военнаго министра Вязмитинова, генераловъ Кутузова, Сухтелена и др. Совѣтъ обязанъ былъ пріискать средства къ удобнѣйшему и скорѣйшему формированію войска и начертать планъ военныхъ дѣйствій на случай войны съ тѣми государствами, отъ которыхъ того можно было, по разнымъ обстоятельствамъ, ожидать. Въ то же время начались дѣятель-

ныя приготовленія къ войнѣ. Сдѣлано было два рекрутскихъ набора: одинъ по четыре, другой по одному человѣку съ пятисотъ душъ, и оба съ уменьшенной мѣрой роста рекрутъ; сформировано 29 полковъ; артиллерія пополнена и преобразована; усилена выдѣлка оружія, заведены магазины, собраны фуры, возы и т. д.

По объявленіи войны, когда сдѣланы были военныя распоряженія и русскія войска двинулись къ прусской границѣ, вдругъ получено было извѣстіе о полномъ пораженіи Пруссіи. Обстоятельство, непріятное само по себѣ, было для насъ тѣмъ болѣе непріятнымъ, что придавало дѣлу другой оборотъ. Не отказываясь отъ войны съ Наполеономъ, Русскіе изъ союзниковъ должны были обратиться въ главныхъ дѣятелей и вмѣсто того, чтобы прогнать Наполеона за Рейнъ, должны были заботиться о защитѣ своихъ собственныхъ границъ. Чрезвычайныя обстоятельства требовали чрезвычайныхъ мѣръ, поэтому Императоръ особымъ манифестомъ отъ 30-го Ноября обратился къ помощи народной, приглашая дворянъ, купечество и всѣ другія сословія дѣлать пожертвованія и составить «временное ополченіе»: 31 губернія должны были поставить до 612,000 ратниковъ, а остальныя дѣлать пожертвованія деньгами, хлѣбомъ, оружіемъ и амуниціей. Призывались также на службу отставные нижніе чины, за что имъ обѣщано была прибавка къ жалованью и медаль. Народъ откликнулся на слово Монарха: стали составляться ополченія, дѣлались пожертвованія деньгами и хлѣбомъ, но особымъ усердіемъ въ пожертвованіяхъ отличилось московское дворянство *). Императоръ Александръ

*) Вотъ что разсказываетъ о милиціи *Л. Н. Энгельгардтъ*, избранный въ то время казанскимъ дворянствомъ въ губернскіе начальники:

«Конечно, милиція сама собой не могла дѣйствовать: 1) не было оружія, хотя дворянство и всякаго званія люди жертвовали ружья и сабли (а при томъ знатныя суммы денегъ); но онаго было столь мало,

пытался уговорить къ войнѣ Англію и Австрію, но не имѣлъ успѣха. Такимъ образомъ Россіи пришлось одной выносить всю тяжесть войны, тѣмъ болѣе трудной, что силы ея были раздѣлены: началась война съ Турціей и еще не кончилась война съ Персіей.

Въ моментъ объявленія войны, русская армія, въ числѣ 60,000 человѣкъ съ 276 орудіями, подъ начальствомъ генерала Бенигсена, расположилась въ Пруссіи, въ окрестностяхъ г. Остроленки; а отступившій раньше прусскій корпусъ Калькрейта въ 14,000 чел., былъ растянутъ по правому берегу Вислы отъ Маріенвердера до Плоцка. Прусскій король прибылъ въ главную квартиру Бенигсена и, подчинивъ ему прусскій корпусъ, поступившій подъ начальство Лестока, далъ Беннигсену полное право поступать по своему усмотрѣнію. Беннигсенъ, чтобы занять все теченіе Вислы, оставилъ Лестока у Торна, а самъ двинулся къ Пултуску (ниже Остроленки). Хотя прусскіе гарнизоны еще занимали крѣпости на Вислѣ и крѣпость Пиллау, населеніе восточной Пруссіи впало въ какое-то уныніе и съ ужасомъ ожидало Наполеона; польское же населеніе не могло скрывать своего торжества и, въ виду скораго прибытія Французовъ, отказывало Бенигсену продовольствовать армію, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ хлѣбъ приходилось брать силой.

Наполеонъ съ огромной арміей, въ которой кромѣ Фран-

что въ казанской милиціи на 8,000 человѣкъ ружей не было и 50. При томъ еще они были разнокалиберныя, охотничьи, безъ штыковъ, для чего вооружены были пиками, наподобіе штыковъ. 2) Дворянство, вступившее въ милицію поголовно, давно уже отстало отъ военной службы; иные состарились, другіе облѣнились, и много было такихъ, которые почти никогда не служили въ военной службѣ, а только въ гражданской. Однакоже ратники отчасти научены были строиться безъ вытяжки, маршируя ровняться; собранныя ружья отданы были по частямъ, и люди научены были заряжать и стрѣлять въ цѣль.» (Записки Л. Н. Энгельг. М. 1877 г. стр. 222)

цузовъ были: Италіанцы, Швейцарцы, Голландцы, Виртембергцы, Баварцы, Гессенцы, Саксонцы, Поляки и даже Пруссаки, занялъ Познань. Бенигсену съ его слабыми силами невозможно было защищать длинную линію по Вислѣ, поэтому онъ оставилъ Варшаву и Прагу, и сталъ отступать съ Лестокомъ къ Остроленкѣ и Стразбургу, на встрѣчу армія Буксгевдена. Прошло четыре недѣли въ бездѣйствіи. Въ это время подошелъ корпусъ графа Буксгевдена, состоявшій изъ 40,000 ч. съ 216 орудіями. Въ половинѣ Декабря къ Бресту явился корпусъ Эссена 1; онъ запоздалъ потому, что состоялъ изъ полковъ особенно пострадавшихъ въ Аустерлицкой битвѣ, долго пополнялся и позже другихъ выступилъ въ походъ. Графъ Буксгевденъ со своимъ корпусомъ долженъ былъ составлять резервъ Бенигсена и во всемъ сообразоваться съ его дѣйствіями; но въ это время онъ былъ не въ ладахъ съ Бенигсеномъ; къ тому же считалъ себя обиженнымъ, потому что былъ старше Бенигсена въ чинѣ и въ прежнихъ кампаніяхъ считалъ его своимъ подчиненнымъ; тщетно пытался помирить ихъ графъ Толстой, котораго Императоръ командировалъ нарочно въ лагерь, чтобы примирять и соглашать ихъ мнѣнія. Для арміи нуженъ былъ настоящій вождь, который могъ бы направлять ее одной мыслію и одной волей; но такого человѣка тогда трудно было найдти. Кутузовъ послѣ Аустерлица былъ въ опалѣ, а кромѣ его не было даровитаго генерала, способнаго быть главнокомандующимъ. Такъ по крайней мѣрѣ думалъ Императоръ, когда писалъ къ графу Толстому, и выборъ въ фельдмаршалы графа Каменскаго былъ сдѣланъ Императоромъ какъ бы въ угоду общественному мнѣнію, особенно старинной и богатой Москвы, которое возлагало на искусство и опытность стараго фельдмаршала самыя радостныя надежды.

Графъ Михаилъ Ѳедоровичъ Каменскій принималъ участіе въ Семилѣтней войнѣ и въ двухъ турецкихъ войнахъ

временъ Екатерины II, за что былъ награжденъ орденами и генералъ-аншефскимъ чиномъ; впрочемъ Императрица была невысокаго о немъ мнѣнія и, когда упрямость, вспыльчивость и необыкновенная жестокость его съ подчиненными вызвали противъ него всеобщій ропотъ, Она дала ему отставку. По кончинѣ Ея, Императоръ Павелъ призвалъ Каменскаго на службу, наградивъ фельдмаршальскимъ званіемъ, андреевской лентой, спустя нѣкоторое время пожаловалъ ему графское достоинство, а потомъ отставилъ отъ службы. Графъ, подобно опальному Суворову, жилъ въ деревнѣ и юродствомъ своимъ подражалъ великому полководцу. Многіе называли престарѣлаго полководца въ опалѣ Велизаріемъ и, сочувствуя ему, ставили его выше того, чего онъ стоилъ; вотъ почему общественное мнѣніе склонялось на его сторону. Но больной, семидесятилѣтній старикъ не оправдалъ довѣрія Государя. Три недѣли онъ ѣхалъ въ армію изъ Петербурга и, не доѣзжая до мѣста, писалъ уже Императору, что чувствуетъ себя по болѣзни и старости неспособнымъ командовать обширной арміей и потому проситъ прислать ему какого-нибудь вѣрнаго помощника. Въ лагерь Каменскій пріѣхалъ, подобно Суворову, на телѣжкѣ и былъ встрѣченъ арміей съ восторгомъ; но черезъ два дня онъ почувствовалъ полное свое безсиліе и снова писалъ Императору: «старъ я для арміи; ничего не вижу; ѣздить верхомъ почти не могу, но не отъ лѣни, какъ другіе; мѣстъ на ландкартахъ отыскивать совсѣмъ не могу, а земли не знаю.... подписываю, не знаю что.»

Въ тотъ день (7/19 Декабря), въ который Каменскій пріѣхалъ въ Пултускъ, Наполеонъ прибылъ въ Варшаву, гдѣ Поляки встрѣтили его съ особыми оваціями, а въ тотъ день, когда Каменскій писалъ свое письмо Императору, Наполеонъ двинулъ свою армію и сталъ наступать. Болотистая мѣстность, въ которой приходилось дѣйствовать, смо-

ченная къ тому же продолжительными дождями, обратилась теперь въ непроходимое море грязи, такъ что Наполеонъ говаривалъ, что «открылъ въ Польшѣ пятую стихію—грязь». Понимая, какъ трудно дѣйствовать наступательно въ такой мѣстности, онъ всетаки не могъ допустить близкаго сосѣдства русской арміи, хотя мало для него опасной, но расположившейся въ углу образуемомъ Вкрою, Наревомъ и Бугомъ, который, составлялъ естественное укрѣпленіе и клиномъ врѣзывался въ его стоянки. Самъ Наполеонъ шелъ съ правымъ крыломъ, которое должно было переправиться черезъ Наревъ близь устья Вкры; центръ его арміи съ генераломъ Ожеро и Сультомъ шелъ къ переправѣ черезъ Вкру у мѣстечка Колозомба, а лѣвый флангъ съ Неемъ и Бернадотомъ долженъ былъ за Торномъ отрѣзать отъ русскихъ корпусъ Лестока, а потомъ дѣйствовать во флангъ и въ тылъ генералу Бенигсену. Французы перешли Вислу и Вкру и аттаковали Русскихъ въ ихъ позиціяхъ у Сохочина. Барклай-де-Толли, начальствовавшій передовымъ отрядомъ, не могъ выдержать напора такихъ силъ и долженъ былъ отступить къ Пултуску; еще сильнѣе былъ натискъ Французовъ у Чарнова, гдѣ Французы въ числѣ 40,000 обрушишились на пятитысячный отрядъ графа Остермана. Замѣчательно, что это былъ день рожденія Императора, отрядъ ждалъ къ себѣ на позицію фельдмаршала и потому съ утра былъ одѣтъ въ полную парадную форму. Въ 4 часа пополудни начался бой и длился 12 часовъ; Французы пять рязъ дѣлали нападеніе на эту горсть героевъ и пять разъ были отбиты съ большимъ урономъ; ночью самъ графъ и его генералы водили солдатъ въ штыки, а гусары врубались въ ряды Французовъ. Въ 4 часа утра, когда Остерманъ увидѣлъ полную невозможность держаться долѣе на этой позиціи, герои отступили, но въ полномъ порядкѣ, какъ на парадѣ: «только громъ пушекъ—пишетъ одинъ

участникъ боя—напоминалъ, что я нахожусь не на учебномъ полѣ». Въ донесеніи своемъ о сраженіи графъ Остерманъ писалъ между прочимъ: «рекомендовать отличившихся въ сію ночь нѣтъ другого средства, какъ подать именной списокъ всѣхъ на лицо тутъ бывшихъ».

Отступленіе нашихъ отрядовъ къ Пултуску совершалось едва проходимыми дорогами, по вязкой грязи, почему до 40 орудій были оставлены на дорогѣ. У Пултуска, когда всѣ ожидали настоящаго боя съ Французами, графъ Каменскій совсѣмъ потерялъ голову и обнаруживалъ признаки полнаго помѣшательства: суетился, обращалъ вниманіе на мелочи, отдавалъ противорѣчивыя приказанія, и наконецъ рѣшился оставить армію. Напрасно генералы уговаривали его остаться, говорили ему, что, уѣзжая, онъ нарушитъ священный долгъ, напоминали ему о судѣ потомства и укоризнахъ Россіи,—фельдмаршалъ былъ непреклоненъ, сдалъ армію графу Буксгевдену и, приказавши отступать къ Русской границѣ, уѣхалъ въ Остроленку, откуда написалъ новое письмо Государю. «Человѣку лѣтъ моихъ—писалъ Каменскій—рѣдкому вынесть можно нынѣшніе биваки. Увольте старика въ деревню, который и такъ обезславленъ остается, что не смогъ выполнить великаго и славнаго жребія, къ которому былъ избранъ... Отлученіе меня отъ арміи ни малѣйшаго разглашенія не произведетъ, что ослѣпшій отъѣхалъ отъ арміи; таковыхъ какъ я, въ Россіи тысячи» *).

---

*) *Денисъ Давыдовъ*, который ставитъ Каменскаго очень высоко, приводитъ въ своихъ Запискахъ разсказъ его адьютанта Валуева, находившагося при немъ неотлучно: «11-го вечеромъ пришла Петербургская почта; чемоданы, какъ обыкновенно это дѣлалось, были принесены прямо къ фельдмаршалу; адьютантъ долженъ былъ отбирать письма, адресованныя на имя графа Каменскаго, остальныя же надлежало разослать по принадлежности. Когда фельдмаршалъ велѣлъ подать себѣ пакеты, Валуевъ отвѣчалъ: «Нѣтъ полученного на имя вашего сіятельства». Тогда графъ

Бенигсенъ и Буксгевденъ, оставленые фельдмаршаломъ, должны были спасать армію. Хотя Бенигсенъ получилъ приказаніе отступить къ Русской границѣ, но онъ такъ надѣялся на Русскія силы, показавшія свою стойкость и мужество на Вкрѣ, и такъ довѣрялъ своимъ генераламъ, Сакену, Дохтурову, Остерману, что рискнулъ ослушаться приказанія и дать битву Французамъ у Пултуска, съ тѣми силами, которыми онъ могъ располагать, т. е. съ 45,000 войска и 114 орудіями.

Утромъ 14 (26) Декабря, въ 10 часовъ Наполеонъ былъ уже въ виду Русскихъ. Ланнъ съ обычною стремительностію аттаковалъ Русскихъ и заставилъ ихъ сначала отступить. Надѣясь овладѣть Пултускомъ и переправою черезъ Наревъ, онъ направилъ всѣ свои усилія на нашъ лѣвый флангъ, но на всѣхъ пунктахъ встрѣтилъ самое отчаянное

спросилъ: «На чье же имя есть пакеты?» «На имя многихъ кромѣ, вашего сіятельства», отвѣчалъ Валуевъ. Тогда графъ, придя въ иступленіе сталъ кричать; «Что это значитъ? такъ-то поступаютъ со мной, презрѣніе! недовѣрчивость! Распечатывай всѣ безъ исключенія пакеты, какъ казенные, такъ и партикулярные». Валуевъ повиновался, и изъ первыхъ писемъ графъ увидѣлъ, что нѣкоторые окружавшіе его чиновники приняли на себя благородную обязанность увѣдомлять графа Ливена о поступкахъ, намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ его. Сверхъ того на одного изъ значительнѣйшихъ лицъ главной квартиры г. Т. возложена была обязанность наблюдать за нимъ; онъ былъ снабженъ бланкетами, подобно тѣмъ, какіе были даны самому фельдмаршалу при отправленіи его въ армію. Человѣкъ хладнокровный, затаивъ на время оскорбленіе, удалилъ-бы мало-по малу изъ арміи лица, которыя онъ имѣлъ поводъ подозрѣвать. Человѣкъ энергическій, арестовавъ ихъ, выслалъ-бы ихъ немедленно изъ арміи; человѣкъ бѣшеный, необузданный, поступилъ-бы подобно графу Каменскому. Написавъ донесеніе Государю и отношеніе Ливену, исполненныя выраженіями непристойными, и отправивъ ихъ въ тотъ-же вечеръ съ Валуевымъ, онъ оставилъ армію съ повелѣніемъ каждой дивизіи отступать особо къ нашимъ границамъ».

сопротивленіе, наша артиллерія производила въ его рядахъ страшное опустошеніе. Ланнъ до вечера не переставалъ наступать на Бенигсена съ необыкновенной энергіей, но ни разу не могъ сломить Русскихъ; напротивъ вечеромъ Русскіе перешли въ наступательное положеніе, сражались съ Французами во мракѣ, подъ густымъ снѣгомъ и при сильной вьюгѣ, и заставили Французовъ отступить съ большимъ урономъ. Наполеонъ въ это время также безуспѣшно аттаковалъ деревню Голыминъ, гдѣ укрѣпилась одна дивизія князя Голицына.

За битву у Пултуска Бенигсенъ получилъ Георгія 2-й степени и 5,000 червонцевъ, а князь Голицынъ за Голыминское дѣло—Георгія 3-й степени.

Оба дѣла, при Полтускѣ и Голимынѣ, дозволили русскимъ отступать спокойно, потому что Наполеонъ не думалъ преслѣдовать ихъ въ такой странѣ, гдѣ, по выраженію Жомини, «таяли французскіе баталіоны», и, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго времени, рѣшился остановиться на зимнихъ квартирахъ. Русскіе отступали вверхъ по Нареву; но отступленіе ихъ было ужасно: приходилось идти по грязи въ ненастье, мерзнуть по ночамъ отъ морозовъ и испытывать голодъ отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ; вслѣдствіе этого между солдатами началось бродяжничество: тысячами разбѣгались они по окрестностямъ и грабили села и почтовыя станціи. Бенигсенъ, ссорясь съ Буксгевденомъ, не обращалъ на такіе безпорядки вниманія и этимъ еще болѣе увеличилъ зло; въ Рожанахъ, напримѣръ, солдаты три раза врывались въ занимаемый имъ домъ и все таки не были наказаны.

На дорогѣ въ Россію войско получило Высочайшее повелѣніе: Бенигсенъ назначался начальникомъ надъ всей арміей, при этомъ ему приказывалось ввести въ армію строгій порядокъ и дисциплину, для чего дано было даже право смерт-

ной казни (онъ могъ разстрѣливать бродягъ); тѣмъ же повелѣніемъ графъ Буксгевденъ назначался губернаторомъ Риги. *)

Отступленіе русскихъ отъ Пултуска и ссора генераловъ напугали Прусскій дворъ, пребывавшій тогда въ Кенигсбергѣ. Король поспѣшилъ отправить въ Мемель казну, драгоцѣнности, придворные экипажи и казенные архивы и убѣждалъ Буксгевдена и Бенигсена не уходить изъ Пруссіи, обѣщая употребить всѣ старанія, чтобы русская армія не нуждалась въ продовольствіи; въ то же время черезъ капитана Шелера онъ упрашивалъ Императора Александра остановить русскіе войска въ Пруссіи. Вскорѣ онъ уѣхалъ съ семействомъ въ Мемель и успокоился только тогда, когда Императоръ увѣдомилъ его, что русская армія будетъ защищать его до послѣдней крайности.

—

Въ непосредственномъ распоряженіи *Бенигсена* находилось въ то время до 107,000 войска, считая въ этомъ числѣ корпусъ Эссена 1, расположенный у Брянска и прусскій корпусъ Лестока, находившійся у Бартена (на Алле).

Наполеонъ же располагалъ 140—150 тыс. арміей, не считая тѣхъ корпусовъ, которые блокировали Вислянскія крѣпости. Бенигсенъ думалъ воспользоваться озерами и лѣсами, помогавшими незамѣтно для непріятеля передвигать войска и, пользуясь мѣстностію, сдѣлать фланговое движеніе въ старой Пруссіи, напасть неожиданно на Французовъ, освободить Грауденцъ, а затѣмъ остановиться въ Пруссіи на зимнихъ квартирахъ, чтобы дожидаться здѣсь подкрѣпленій изъ Россіи. Дѣйствительно, корпусъ Эссена у Брянска могъ отводить глаза Французамъ, и, въ крайнемъ случаѣ, задер-

*) Графъ Буксегевденъ послалъ Императору доносъ на Бенигсена, а когда на это не обратили вниманія, вызывалъ соперника на дуэль.

жать непріятеля, если бы онъ вздумалъ ударить въ тылъ русской арміи. Но Бенигсенъ не отличался рѣшимостію и быстротою дѣйствій; къ тому же армія терпѣла сильный недостатокъ въ провизіи и, крайне утомленная продолжительными переходами, была неспособна къ быстрымъ переходамъ; оттого Бенигсенъ подвигался впередъ медленно: въ девять дней онъ могъ пройдти всего 120 верстъ. При всемъ томъ русскимъ удалось выполнить часть плана: они освободили Грауденцъ отъ блокады.

Планъ Наполеона—обойдти Бенигсена съ фланга и отбросить въ сторону отъ Кенигсберга и русскихъ границъ, также не удался, благодаря случайности: наши гусары захватили въ плѣнъ французскаго офицера, который везъ Бернадотту предписаніе Наполеона, открывавшее его операціонный планъ. Бенигсенъ сталъ немедленно отступать къ Кенигсбергу, въ которомъ находились магазины съ жизненными припасами. Армія отступала лѣсами, дорогами узкими, по глубокому снѣгу: орудія и повозки цѣплялись за пни, и наши канониры должны были на каждомъ шагу рубить пни и деревья, увязая въ рыхломъ снѣгу до пояса. Арріергардъ Багратіона долженъ былъ по возможности долѣе задерживать наступающаго непріятеля, чтобы дать время арміи выбраться изъ лѣса. Багратіонъ нѣсколько сутокъ спалъ нераздѣваясь, но, по обыкновенію, былъ бодръ и свѣжъ. Обыкновенный костюмъ его въ походѣ былъ сертукъ съ георгіевскою звѣздой и шпага подаренная ему Суворовымъ въ Италіи; на головѣ вмѣсто фуражки онъ носилъ картузъ изъ сѣрой смушки и въ рукѣ козацкую нагайку. Хладнокровный и безстрашный, Багратіонъ отступалъ медленно, давая время не только арміи, но и обозамъ выбраться изъ лѣсныхъ трущобъ. Однажды ему донесли, что за арріергардомъ частные обозы столпились въ одномъ мѣстѣ дороги и заняли весь путь, такъ не дозволитъ ли онъ сбросить ихъ въ сторону

отъ дороги. «Нѣтъ, лучше помедлимъ сами»—возразилъ Багратіонъ, «и дадимъ время имъ уйдти. На то мы и арріергардъ, чтобы не дать непріятелю ни одного колеса».

Къ 26 Января (8 Февраля) Русскіе дошли до Прейсишъ Эйлау. Поколебленный жалобами солдатъ, которые давно желали сражаться съ Французами и самъ утомленный оборонительнымъ положеніемъ, Бенигсенъ рѣшился отрѣзать здѣсь Наполеона отъ арміи или по крайней мѣрѣ на столько ослабить его, чтобы онъ не могъ дѣйствовать наступательно. Позиція занятая Русской арміей казалась ему благопріятною для битвы. Армія расположилась за городомъ, между двумя селеніями, арріергардъ же съ Барклаемъ-де-Толли помѣстился передъ городомъ, между двумя замерзшими озерами. 26 Января (8 Февраля) въ 2 часа пополудни маршалъ Сультъ уже аттаковалъ нашу позицію, за нимъ явился Мюратъ; русскій арріергардъ не только не поддался назадъ, но даже отбросилъ Французовъ; и только тогда, когда явился самъ Наполеонъ со свѣжими силами, Барклай-де-Толли, уступая превосходству силъ, отступилъ въ городъ. Натискъ непріятеля былъ такъ силенъ, что, не смотря на бѣглый огонь нашихъ стрѣлковъ засѣвшихъ въ домахъ и садахъ города, и на мѣткіе выстрѣлы батареи Ермолова, расположенной на возвышенномъ кладбищѣ, на юго-востокѣ отъ города, Французы ворвались въ городъ и вступили въ отчаянную борьбу съ Русскими на улицахъ и на площади. Въ этомъ жаркомъ дѣлѣ Барклай былъ тяжело раненъ; многіе штабъ и оберъ-офицеры были убиты и улицы Эйлау были завалены нашими трупами. Французы заняли городъ. Но лишь только русскіе вышли изъ города, Багратіонъ получилъ приказаніе отъ Бенигсена взять городъ во чтобы-то ни стало: такъ важно было обладаніе имъ по соображеніямъ главнокомандующаго. Багратіонъ сошелъ съ лошади и повелъ войска колоннами. Безмолвно шли солдаты за своимъ

храбрымъ генераломъ; у самой заставы онъ закричалъ *ура* и тысячи солдатъ, вторя предводителю, бросились въ городъ и выбили непріятеля въ поле. Вечеромъ, Багратіонъ поручилъ городъ генералу Сомову и уѣхалъ въ главную квартиру къ Бенигсену. Войско послѣ удачи разбрелось по городу и, когда Сомовъ приказалъ ударить въ барабанъ для сбора, но не назначилъ мѣста, гдѣ собираться, ударили въ барабанъ въ отдаленной части города; войско хлынуло туда, оставивъ ворота, площадь и улицы безъ защиты; Французы воспользовались этой оплошностію и заняли городъ вторично.

Этотъ несчастный случай измѣнилъ нашу позицію на столько не выгодно для насъ, на сколько выгодно для Наполеона. Онъ занялъ мѣста господствовавшія надъ городомъ и окреспостями, откуда могъ видѣть расположеніе нашей арміи какъ на ладони, и за холмами и городомъ незамѣтно для насъ могъ дѣлать различныя передвиженія. Съ нимъ было до 100 тыс. чел., т. е. корпуса Даву, Ожеро, Сульта, гвардія и кавалерія Мюрата; недоставало только Бернадотта, оставшагося позади, и Нея, который неподалеку имѣлъ дѣло съ корпусомъ Лестока.

Несмотря на невыгоды позиціи и неравенство силъ, Бенигсенъ не хотѣлъ отступать далѣе и всю ночь готовился къ бою. Наступившій день былъ мраченъ и сѣверный вѣтеръ подымалъ вихри снѣга. На разсвѣтѣ Наполеонъ проѣзжалъ по рядамъ и строилъ армію. Говорятъ, что онъ предполагалъ встрѣтить здѣсь только одинъ арріергардъ, но, увидѣвши такъ близко черныя массы всей Русской арміи, винилъ судьбу лишившую его корпусовъ Бернадотта и Нея, и тотчасъ-же отправилъ къ нимъ гонцовъ съ приказаніемъ спѣшить къ Прейсишъ-Эйлау. Битва началась рано утромъ страшною канонадой. Французская артиллерія была малочисленнѣе нашей, но дѣйствіе ея на нашу армію было губи-

тельно, потому что войска стояли густыми массами и на открытомъ мѣстѣ. Не замолкли еще пушки, какъ Наполеонъ прибѣгнулъ къ обычной своей тактикѣ: послалъ Ожеро обойти нашъ флангъ. Нашу армію спасла сама стихія. Страшный, порывистый вѣтеръ сталъ дуть въ лице Французамъ, снѣжный вихрь залѣплялъ имъ глаза, хлесталъ по лицу. Французы сбились съ пути и, когда небо прояснилось, предстали внезапно передъ нашей центральной батареей. Около 70 орудій стали стрѣлять картечью въ оторопѣвшаго врага, и въ какихъ нибудь 10—15 минутъ половина корпуса Ожеро выбыла изъ строя, многіе генералы и офицеры были убиты или ранены; самъ Ожеро былъ пораженъ въ голову; солдаты, смѣшавшіеся въ нестройную массу побѣжали назадъ. Нашъ резервъ бросился въ штыки, кололъ и билъ непріятеля. «Произошла схватка, дотолѣ невиданная—говоритъ очевидецъ (Д. Давыдовъ). Болѣе 20 тыс. человѣкъ съ обѣихъ сторонъ вонзали трехугольное остріе другъ въ друга. Толпы валились... Около получаса не было слышно ни пушечныхъ, ни ружейныхъ выстрѣловъ, ни въ срединѣ, ни во кругъ побоища: слышенъ былъ только какой то невыразимый гулъ перемѣшавшихся и рѣзавшихся безъ пощады тысячей храбрыхъ». Увлеченіе русскихъ было такъ велико, что одинъ батальонъ, преслѣдуя Французовъ, очутился во ста шагахъ отъ Наполеона и былъ разсѣянъ его гвардіей. Послѣ такого печальнаго дѣла Наполеону невозможно было привлечь перевѣсъ на свою сторону, и къ вечеру онъ рѣшился отступить или, какъ онъ говорилъ, идти на встрѣчу Бернадотту. Бенигсенъ перешелъ уже въ наступательное положеніе, но наступившая ночь прекратила битву. На полѣ битвы лежало около 40 тыс. убитыхъ, раненыхъ, умирающихъ. «Какая рѣзня и безъ результатовъ!» воскликнулъ Ней, увидѣвши на другой день эти кучи труповъ.

Послѣ битвы солдаты обѣихъ сторонъ, утомленные жаркимъ дѣломъ, бросились на голую, снѣжную землю и, при заревѣ пожаровъ, спали какъ убитые.

Русскіе не потеряли ни знаменъ, ни пушекъ и убитыхъ было сравнительно не много: около 8 тыс.; за то число раненыхъ доходило до 18 тыс. человѣкъ и многіе полки обратились въ роты. Очевидно, тридцати тысячная армія изнуренная и нуждающаяся въ боевыхъ и жизненныхъ припасахъ не могла сражаться съ Наполеономъ, который, не смотря на всѣ потери свои, имѣлъ въ запасѣ еще корпусъ Нея и гвардію; поэтому Бенигсенъ далъ приказаніе отступать къ Кенигсбергу; здѣсь онъ надѣялся освѣжить войска, исправить артиллерію и позаботиться о массѣ раненыхъ; дѣйствительно, остановка Бенигсена въ Кенигсбергѣ была благотворна для нашей арміи: мѣстное начальство присылало плотниковъ, слесарей, портныхъ, необходимые матеріалы и обувь; благодарные Пруссаки ухаживали за нашими больными и ранеными; самъ король прислалъ Бенигсену своего лейбъ-медика, а королева 200 луидоровъ для раздачи раненымъ. Но Наполеонъ воспользовался этимъ отступленіемъ Русскихъ, чтобы похвастаться передъ Европой своей необыкновенной побѣдой. *)

За битву при Прейсишъ-Эйлау, Бенигсенъ получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго; многіе генералы и офицеры — георгіевскіе кресты. Въ Петербургѣ кавалергарды торжественно развозили по городу отнятыя у Французовъ знамена (орлы).

---

*) Наполеонъ потерялъ въ битвѣ 12 знаменъ и 18—20 тыс. убитыми, постоялъ на мѣстѣ недѣлю, вступилъ съ Бенигсеномъ въ переговоры о мирѣ, затѣмъ отступилъ и долго не предпринималъ наступательныхъ дѣйствій. Не такъ поступилъ-бы онъ, еслибы дѣйствительно побѣда была на его сторонѣ. Впрочемъ не всѣ вѣрили его прокламаціямъ и, даже въ Парижѣ, послѣ Эйлаускаго сраженія, недоброжелатели его радовались, и государственные фонды сильно понизились.

Битва при Прейсишъ-Эйлау поставила Наполеона въ такое затруднительное положеніе, что онъ, чтобы выиграть время, обратился къ Бенигсену съ предложеніемъ перемирія, а когда Бенигсенъ отвѣтилъ, что «Императоръ Александръ поручилъ ему сражаться, а не вести переговоры», Наполеонъ, съ дозволенія главнокомандующаго, отправилъ въ Мемель генерала Бертрана съ письмомъ къ Фридриху Вильгельму и предлагалъ ему «вѣчную дружбу». Письмо наполненное пышными фразами и громкими обѣщаніями, поколебало многихъ близкихъ къ королю людей, и они совѣтовали ему отказаться отъ союза съ Московитами и примириться съ Наполеономъ; но Фридрихъ Вильгельмъ обратился за совѣтомъ къ своему другу. Императоръ Александръ отвѣчалъ ему, что съ своей стороны не прочь отъ переговоровъ съ Наполеономъ, если они будутъ общими для Россіи, Англіи и Пруссіи, будутъ ведены на нейтральной землѣ, напримѣръ въ Галиціи и если Наполеонъ напередъ объявитъ свои условія. Наполеонъ съ своей стороны видѣлъ въ этомъ однѣ неудобства и, напоминая прусскому королю, что «вестфальскій конгрессъ тянулся 18 лѣтъ», настаивалъ на отдѣльномъ договорѣ. Такъ неудалась эта неискренняя попытка Наполеона, внушенная ему желаніемъ раздѣлить союзниковъ.

Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ въ бездѣйствіи, потому что ни Наполеонъ, ни Бенигсенъ не могли продолжать борьбу: изнуренность обоихъ войскъ требовала болѣе продолжительнаго отдыха въ это суровое время года. Весь путь Французовъ отъ Эйлау до Гутштадта былъ усѣянъ обломками обозовъ, артиллерійскихъ снарядовъ и убитыми; раненые оставлялись въ деревняхъ безъ врачей, безъ пищи и малѣйшаго надзора; французская армія бѣдствовала среди снѣговъ отъ недостатка въ хлѣбѣ, водкѣ и башмакахъ; притомъ значительныя силы подъ начальствомъ Лефевра были посланы взять Данцигъ, и Наполеонъ, до взятія крѣпости, не могъ предпри-

нять ничего рѣшительнаго. Сравнительно въ лучшемъ положеніи находилась русская армія; но Бенигсенъ, не получая ожидаемаго подкрѣпленія, не рѣшался преслѣдовать Французовъ. Тогда въ арміи поднялся ропотъ: съ самаго начала похода Русскіе давали Наполеону отпоръ и если уступали, то послѣ отчаяннаго и упорнаго боя, а между тѣмъ имъ приходится постоянно или отступать, или выжидать. Бенигсена обвиняли въ недостаткѣ предпріимчивости, и его болѣзнь и упадокъ въ арміи дисциплины еще болѣе подрывали довѣріе къ его способностямъ: въ главной квартирѣ судили каждое его дѣйствіе, а помощникъ его, генералъ Кноррингъ, не оказывалъ уже ему должнаго почтенія. Обиженный Бенигсенъ обратился къ Императору съ прошеніемъ уволить его отъ должности главнокомандующаго, изъявляя при этомъ желаніе остаться при арміи и служить подъ чьимъ бы то ни было начальствомъ. Императоръ пожелалъ оставить при арміи Бенигсена и, отозвавъ Кнорринга, послалъ въ лагерь примирителемъ своего любимца Новосильцева. Въ то же время Римскій-Корсаковъ получилъ приказаніе усилить Бенигсена резервомъ, а Великій Князь Константинъ Павловичъ выступить съ гвардіей въ Юрбургъ; наконецъ самъ Государь поѣхалъ въ лагерь. Въ Полангенѣ Онъ встрѣтился съ прусскимъ королемъ; въ Юрбургѣ показалъ ему свои полки, обнялъ его и еще разъ обѣщалъ поддерживать его до послѣдней крайности.

Въ главной квартирѣ Бартенштейнѣ, Государь принялъ Бенигсена очень милостиво и поручилъ ему дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Такъ какъ Императоръ поѣхалъ въ лагерь съ цѣлію ускорить дипломатическія сношенія и усилить союзъ противъ Наполеона, то Бартенштейнъ сдѣлался центромъ переговоровъ между Англіей, Австріей, Швеціей и даже Даніей, какъ державами враждебными Наполеону. Но переговоры не принесли желаемыхъ результатовъ и Импера-

торъ огорченный равнодушіемъ державъ къ ихъ общему дѣлу, согласился съ прусскимъ королемъ не возобновлять наступательныхъ дѣйствій, а ограничиться только посылкой части войскъ къ Данцигу, чтобы спасти его отъ осады.

Французы однако успѣли отрѣзать Данцигъ отъ моря и, послѣ усиленной, 52-хъ дневной бомбардировки, заставили сдаться на капитуляцію *). Вслѣдъ за Данцигомъ сдались Наполеону Нейсъ и Глацъ въ Силезіи.

Бенигсенъ видѣлъ, какъ позиціи, которыя онъ занималъ въ тылу у Французовъ, падали одна за другою, и не предпринималъ ничего. Прошло три мѣсяца, и Бенигсенъ наконецъ рѣшился на наступленіе; но еще не увѣренный въ успѣхѣ, укрѣпилъ позицію у Гейльсберга: въ случаѣ неудачи, онъ могъ отвести туда главныя свои силы **) Хотя армія Наполеона простиралась до 170,000, не считая 26,000 корпуса Массены, стоявшаго на Наревѣ, польскаго отряда Заіончека и др.; но она была растянута на огром-

---

*) Комендантъ крѣпости, графъ Калькрейтъ оказалъ удивительное мужество. У него уже не было пороху, городъ былъ полуразрушенъ, стѣны во многихъ мѣстахъ были разломаны; защитниковъ было мало и населеніе приходило въ отчаяніе; но, когда Лефевръ предложилъ ему сдаться военноплѣннымъ, Калькрейтъ отказался. «Гарнизонъ — отвѣчалъ онъ — будетъ драться до послѣдней капли крови, если ему не дозволятъ выйдти съ оружіемъ и знаменами, чтобы соединиться съ русской арміей». Наполеонъ согласился только на условіи, чтобы капитуляція была подписана прусскимъ губернаторомъ и русскимъ начальникомъ: оба они обязывались не служить противъ Наполеона годъ и 1 мѣсяцъ.

Князь Щербатовъ не хотѣлъ подписать капитуляцію. «Мнѣ казалось — говоритъ онъ — несноснымъ видѣть имя мое въ капитуляціи. Слово сіе ново для Русскихъ. Мы брали крѣпости, но никогда въ новѣйшія времена не бывали въ осадахъ.» Поэтому онъ предпочелъ остаться военноплѣннымъ, надѣясь послѣ обмѣна плѣнныхъ, возвратиться на войну.

**) У него было 125 т., считая въ томъ числѣ прусскій корпусъ Лестока.

номъ пространствѣ. Бенигсенъ предполагалъ напасть на непріятеля въ разныхъ пунктахъ и истребить корпусъ Нея. Планъ превосходный самъ по себѣ требовалъ большаго единства, точности и быстроты дѣйствій, а Бенигсенъ дѣйствовалъ вяло и нерѣшительно, поэтому, вмѣсто истребленія корпуса Нея, только поставилъ его въ затруднительное положеніе. Въ своей неудачѣ Бенигсенъ обвинилъ генерала Сакена, который и былъ отданъ подъ судъ особаго совѣта. Между тѣмъ Наполеонъ какъ-бы вызванный на битву, на другой же день перешелъ въ наступленіе. Бенигсенъ рѣшился выждать его у Гейльсберга, потому что позиція русской арміи, образуемая высотами праваго берега рѣки Алле была удачно имъ выбрана и хорошо укрѣплена; прочемъ отъ зоркаго глаза Наполеона не скрылось, что она раздѣлялась рѣкою на двѣ части, и онъ захотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы овладѣть сначало одной, потомъ другой частью и затѣмъ отрѣзать русскую армію отъ Кенигсберга. По его приказанію, Сультъ аттаковалъ окопы лѣваго берега, но былъ отбитъ съ мужествомъ, Мюратъ и Ланнъ ходили за нимъ также безуспѣшно. Нѣсколько счастливѣе былъ Легранъ, которому удалось взять нашъ редутъ, но генералъ Уваровъ съ гусарскими и драгунскими полками отбилъ его. Ночь прервала битву. На утро самъ Наполеонъ присутствовалъ при возобновленіи дѣла, но и его попытка, прорвать нашъ центръ, была неудачна. Французы пострадали въ этой двухдневной битвѣ больше нашего. Не смотря на то, что нѣкоторые полки наши еще не участвовали въ битвѣ, Бенигсенъ всетаки не рѣшался дѣйствовать наступательно. Его уже мучили припадки серіозной болѣзни; говорятъ, что нѣсколько разъ онъ слѣзалъ съ лошади, чтобы лечь на землю; въ самомъ разгарѣ битвы, онъ прислонился къ дереву и упалъ въ обморокъ, а придя въ чувство, не

могъ сѣсть на лошадь и отдавалъ приказанія изнемогающимъ голосомъ *).

Приписывая себѣ побѣду, Наполеонъ однако сознался, что Русскіе съ мужествомъ отбивали Французовъ и на другой же день рѣшился выманить Бенигсена изъ его превосходной позиціи *). Увѣренный, что Бенигсенъ будетъ спасать Кенигсбергъ, откуда Русскіе получали жизненные и боевые припасы, Наполеонъ отрядилъ къ нему корпуса Даву и Мортье. Дѣйствительно, Бенигсенъ поспѣшилъ опередить Французовъ, чтобъ недопустить ихъ къ Кенигсбергу или ударить во флангъ и разбить по частямъ. Съ этою цѣлью онъ перевелъ главныя силы на правый берегъ Алле и двинулся внизъ по Алле къ городу Веллау, чтобы защищать Кенигсбергъ оттуда. Но такъ какъ этотъ путь по излучинамъ рѣки былъ гораздо длиннѣе прямого пути Французовъ на сѣверъ черезъ Эйлау, то графъ Каменскій долженъ былъ идти до Бартенштейна, перейдти тамъ Алле и идти Французамъ на перерѣзъ. Планъ былъ одобренъ Цесаревичемъ, который, по убѣжденію Бенигсена, даже отправился въ Тильзитъ, чтобы извѣстить Императора о положеніи дѣла.

Наполеонъ, узнавши объ отступленіи Русскихъ, также перевелъ свои войска на правую сторону рѣки, въ намѣреніи преслѣдовать Бенигсена и вызвать на битву. Въ ночь на 2 (14) Іюня непріятели сблизились у Фридланда. По мѣрѣ того, какъ Русскія войска подходили къ Фридланду,

---

*) Во время обморока Бенигсена, ходомъ битвы, по настоянію Цесаревича Константина Павловича, распоряжался князь Горчаковъ.

*) *Гейльсбергъ* находится на рѣкѣ Алле, текущей въ сѣверномъ направленіи до Прегеля, въ который она впадаетъ за городомъ *Веллау*. При устьѣ Прегеля находится бывшая столица восточной Пруссіи *Кенигсбергъ*, откуда Русскіе получали всѣ жизненные и боевые припасы; а ниже Гейльсберга по Алле лежатъ города *Бартенштейнъ* и *Фридландъ*.

они располагались на правомъ берегу, съ тѣмъ, чтобы утромъ переходить рѣку. Бенигсенъ чувствовалъ себя особенно нехорошо и, не найдя на правомъ берегу удобнаго для себя помѣщенія, отправился, по совѣту докторовъ, ночевать въ Фридландъ. Очевидцы соглашаются, что если бы онъ нашелъ удобное для ночлега помѣщеніе, онъ не перешелъ бы Алле и Фридландская битва не состоялась бы. Какъ бы ни было, Бенигсену пришлось сразиться съ Наполеономъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Мѣстность, выбранная для нашей позиціи, находилась въ пяти верстахъ отъ города и представляла спускъ къ рѣкѣ, раздѣленный рѣчкою на двѣ отлогости. За лѣсами прикрывавшими отлогости расположились Французы и незамѣтно для насъ дѣлали свои передвиженія. Въ случаѣ отступленія, Русскимъ нужно было идти черезъ городъ, за которымъ уже было пять мостовъ на другой берегъ Алле. Утомленные усиленными переходами Русскіе не успѣли хорошенько оглядѣться и занять доступы къ городу, какъ французскіе стрѣлки укрылись гдѣ рощей, гдѣ холмомъ и даже рожью. Бенигсенъ, приказавши построить на рѣчкѣ четыре моста, расположилъ армію по обѣ ея стороны, тыломъ къ городу; лѣвымъ крыломъ начальствовалъ Багратіонъ, правымъ князь Горчаковъ. Съ разсвѣтомъ 2 Іюня началась перестрѣлка. Наполеонъ между тѣмъ постепенно стягивалъ свои войска къ мѣсту битвы. «Непріятель кажется хочетъ дать битву — говорилъ онъ своей свитѣ — сегодня счастливый день — годовщина Маренго.» Предполагая, что передъ нимъ не вся русская армія и что нѣкоторые полки скрыты еще гдѣ-нибудь, онъ отложилъ главную аттаку до пяти часовъ. Бенигсенъ могъ найдти не одинъ удобный случай разбить непріятеля, но онъ продолжалъ выжидать, оправдываясь позже тѣмъ, что хотѣлъ дать здѣсь только дневку утомленному войску, а не битву. Въ пятомъ часу прибыли Ней, Викторъ и гвардія. Ограничиваясь канонадой, Наполе-

онъ далъ отдохнуть прибывшимъ войскамъ, затѣмъ обозрѣлъ нашу позицію и составилъ планъ аттаковать наше лѣвое крыло, чтобы овладѣть городомъ и отрѣзать отъ мостовъ правое крыло. Бенигсенъ только теперь узналъ, что передъ нимъ всѣ главныя силы Французовъ, и, не рѣшаясь сражаться, послалъ приказаніе отступать — въ ту минуту, когда началась страшная аттака на наше лѣвое крыло. Багратіонъ велѣлъ заднимъ войскамъ начать отступленіе. Горчаковъ, напротивъ, остался на своей позиціи, пославъ сказать главнокомандующему, что ему легче будетъ удерживать Французовъ до сумерекъ, нежели идти назадъ на глазахъ непріятеля. Началось страшное дѣло, съ врагомъ вдвое сильнѣйшимъ, на мѣстности столько же неблагопріятной для насъ, сколько удобной для Французовъ. Огонь французской артиллеріи дѣйствовалъ губительно, отчаянныя попытки русскихъ полковъ завладѣть хоть одной непріятельской батареей не удавались, и цѣлыя тысячи храбрецовъ гибли напрасно. Убыль въ нашихъ полкахъ была изумительна, такъ въ одномъ батальонѣ Измайловскаго полка изъ 520 чел. въ четверть часа было убито 400 человѣкъ. Напрасно Багратіонъ, Раевскій и Ермоловъ своей личной храбростію старались привести въ порядокъ разстроенные полки. Герой Требіи и Нови обнажилъ свою шпагу — подарокъ Суворова и окруженный гренадерами, отступалъ къ городу тихо, теряя на каждомъ шагу сотни солдатъ: въ восемь часовъ ему удалось зажечь предмѣстья и вступить въ городъ. Мосты, по какому-то недоразумѣнію, были уже зажжены инженернымъ офицеромъ, и Багратіонъ долженъ былъ переводить войска по пылающимъ бревнамъ. Между тѣмъ Горчаковъ находился между Фридландомъ съ сожженными мостами и непроницаемымъ полукругомъ непріятеля, сжимавшимъ его своимъ огненнымъ кольцомъ, но не думалъ о сдачѣ, и, пока послѣдніе баталіоны его сражались, съ кавалерійскими полками и артил-

леріей онъ отступилъ къ рѣкѣ и перешелъ ее въ бродъ. 29 орудій, пользуясь мракомъ ночи, отправились лѣвымъ берегомъ до Алленбурга, гдѣ имъ удалось соединиться съ арміей. Такимъ образомъ Русскіе и здѣсь показали себя героями. «Если судьба опредѣлила восторжествовать Наполеону подъ Фридландомъ—говоритъ иностранный историкъ очевидецъ, Плото—то зачѣмъ должна была тамъ пострадать русская армія *безъ всякой вины своей.*»

На другой день русская армія подъ прикрытіемъ отряда Платова достигла Веллау, перешла черезъ Прегель, и, зажигая за собой мосты, начала отступленіе къ Нѣману. Въ то время какъ часть французской арміи шла по пятамъ Бенигсена, главныя силы ея были отправлены къ Кенигсбергу отрѣзать Лестока и Каменскаго отъ арміи и взять крѣпость. Лишь только Каменскій успѣлъ соединиться съ Лестокомъ, какъ Французы подступили къ Кенигсбергу. Послѣ канонады, маршалъ Сультъ пригласилъ генералъ-губернатора города, Рюхеля, на свиданіе въ передовую цѣпь, но тотъ попросилъ съѣздить за него, Каменскаго. Каменскій отправился верхомъ и, когда генералъ Бельяръ предложилъ ему «сдать Кенигсбергъ на выгодныхъ условіяхъ», Каменскій разсердился. «Вы видите на мнѣ русскій мундиръ и смѣете требовать сдачи», отвѣтилъ онъ гнѣвно и, повернувши лошадь, поѣхалъ назадъ. На другой день онъ получилъ отъ Бенигсена извѣстіе объ исходѣ Фридландской битвы и предписаніе немедленно идти на соединеніе съ русской арміей.

Тогда Французы заняли Кенигсбергъ; здѣсь они нашли массу хлѣба и боевыхъ снарядовъ.

ГЛАВА VII.

Донесеніе Бенигсена о положеніи арміи.—Переговоры о перемиріи и ратификація перемирія.—Наполеонъ предлагаетъ Императору Александру свиданіе въ Тильзитѣ. — Тильзитское свиданіе и статьи мирнаго договора.—Договоръ Наполеона съ Прусскимъ Королемъ.—Тайный договоръ.—Впечатлѣніе произведенное Тильзитскимъ миромъ на армію и общество.—Пробужденіе литературы и Вѣстникъ Европы.—Патріотическое направленіе литературы.—Ростопчинъ.—Озеровъ и Крюковскій.—Державинъ.—Глинка и Русскій Вѣстникъ.—Новые министры: Голубцовъ, графъ Румянцевъ, Аракчеевъ.— М. М. Сперанскій.

Бенигсенъ донесъ Императору о пораженіи нашей арміи подъ Фридландомъ на другой день послѣ битвы; въ концѣ донесенія онъ намекалъ на необходимость перемирія, съ цѣлью выиграть время и вознаградить наши потери. Тоже самое доносили Императору Александру другіе (между прочимъ Тайный Совѣтникъ Поповъ), представлявшей битву и состояніе нашей арміи въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Императоръ согласился на переговоры о перемиріи съ тяжелымъ чувствомъ. «Ввѣривъ вамъ армію прекрасную»—писалъ Онъ Бенигсену,—«явившую столь много опытовъ храбрости весьма удаленъ я былъ ожидать извѣстій, какія вы мнѣ сообщили. Если у васъ, кромѣ перемирія, нѣтъ другаго средства выйдти изъ затруднительнаго положенія, то разрѣшаю васъ на сіе, но съ условіемъ, что бы вы договаривались отъ имени вашего. Отправляю къ вамъ Князя Лобанова—Ростовскаго, находя его во всѣхъ отношеніяхъ способнымъ для сихъ скользкихъ переговоровъ.... Вы можете посудить, сколь тяжко Мнѣ рѣшиться на такой поступокъ.»

Между тѣмъ армія, теснимая авангардомъ Мюрата, отступала. 7 Іюня арріергардъ Багратіона и отрядъ Платова послѣдними перешли Нѣманъ и зажгли мосты. Въ этотъ день Бенигсенъ отправилъ въ передовую цѣпь Мюрата маіора Шепинга съ письмомъ къ Наполеону. Шепинга приняли привѣтливо и сообщили, что письмо тотчасъ же будетъ доставлено въ главную квартиру Наполеона. Дѣйствительно чрезъ нѣсколько часовъ въ лагерь Бенигсена явился племянникъ Талейрана, поручикъ Перигоръ съ денесеніемъ, что, Наполеону угодно для переговоровъ о перемиріи назначить маршала Бертье. Перигоръ держалъ себя чрезвычайно гордо и за обѣдомъ у главнокомандующаго не снялъ съ головы своей медвѣжьей шапки; хотя многіе знали, что Французы при лядункѣ не снимаютъ каску, но такое педантическое выполненіе воинскаго устава за обѣдомъ у нашего главнокомандующаго произвело на Русскихъ офицеровъ самое неприятное впечатлѣніе. Переговоры о перемиріи противъ обыкновенія не затянулись, и черезъ два дня перемиріе было подписано Наполеономъ. Главнѣйшими статьями перемирія были: 1) опредѣленіе демаркаціонной линіи обѣихъ армій по срединѣ Нѣмана, 2) опредѣленіе срока перемирія въ 1 мѣсяцъ, 3) желаніе заключить перемиріе съ Пруссіей особо отъ Русской арміи и 4) намѣреніе принять всѣ мѣры къ поспѣшнѣйшему заключенію окончательнаго мира.

Въ день подписанія перемирія, 10 (22) Іюня Наполеонъ пригласилъ князя Лобанова къ себѣ на обѣдъ. «Въ продолженіе стола—доносилъ онъ Императору—Наполеонъ спросилъ шампанскаго вина, и наливъ себѣ и мнѣ, ударились вмѣстѣ рюмками, и выпили за здоровье Вашего Императорскаго Величества. По окончаніи стола, почти до 9 часовъ вечера, оставался я съ Наполеономъ одинъ. Онъ былъ веселъ и говорилъ до безконечности, повторялъ мнѣ не одинъ разъ, что онъ всегда былъ преданъ, и чтилъ Ваше Импе-

раторское Величество, что польза взаимная обѣихъ державъ всегда требовала союза, и что ему собственно ни какихъ видовъ на Россію имѣть нельзя было. Онъ заключилъ тѣмъ, что истинная и натуральная граница Россійская должна быть рѣка Висла».

Послѣ ратификаціи перемирія, Наполеонъ черезъ Дюрока поздравилъ Александра съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій и предложилъ ему свиданіе. Нѣкоторые оспаривали вопросъ кто предложилъ свиданіе: Наполеонъ или Александръ? Наполеонъ успѣлъ создать цѣлое искусство нравиться людямъ, мало способнымъ судить его, и зналъ за собой то обаяніе, какое производилъ на нихъ своей особой; свиданіе съ Александромъ могло дать ему случай сосредоточить на одномъ человѣкѣ эту силу обаянія, и онъ съ радостью схватился за этотъ случай. Главная цѣль его похода въ Европу, которую онъ преслѣдовалъ съ удивительнымъ упорствомъ— «побѣдить Англію на континентѣ»—почти удавалась: континентъ былъ обезоруженъ, оставалась только Россія, государство огромное, съ огромными средствами къ войнѣ, съ храброй арміей и народомъ боготворившимъ своего Царя. Съ пріобрѣтеніемъ союзника въ лицѣ Русскаго Императора, не имѣвшаго никакого повода уже по одной отдаленности своей вредить интересамъ Франціи, проекты Наполеона замѣтно упростились-бы: вмѣсто того, чтобы «побѣдить Англію на континентѣ», онъ заставилъ-бы Европу идти подъ его знаменами на Англію, и ни одна держава не была-бы въ состояніи помѣшать этому. Пригласивъ Александра на свиданіе, Наполеонъ уже представлялъ въ своемъ воображеніи блестящую картину будущаго: завоеваніе Европы, а за нею всемірную монархію. Вотъ почему можно безошибочно сказать, что мысль свиданія родилась въ головѣ Наполеона и была предложена Александру какъ-бы въ отвѣтъ на предложеніе Бенигсена вступить въ переговоры. До сихъ поръ

Александръ дѣйствовалъ за другихъ и приносилъ безпрестанныя жертвы за общее благо, за чужую независимость, только въ видахъ рыцарскихъ. Послѣ горькихъ неудачъ и и тяжелыхъ потерь, роль безкорыстнаго посредника Европы его утомила, тѣмъ болѣе что старые союзники его, Англія и Австрія своимъ равнодушіемъ къ общему дѣлу безпрерывно огорчали его. Естественно, онъ могъ отказаться теперь отъ прежнихъ своихъ безкорыстныхъ мечтаній и подумать о своихъ собственныхъ интересахъ, о благосостояніи и безопасности своихъ подданныхъ, и въ такомъ расположеніи согласился на свиданіе, когда могущественный искуситель протянулъ ему руку.

Знаменитое Тильзитское свиданіе произошло 13 Іюня. По срединѣ Нѣмана т. е. на самой демаркаціонной линіи Наполеонъ приказалъ соорудить два павильона на плотахъ: одинъ большой и красивый для Государей, другой, попроще—для ихъ свиты. На одномъ фронтонѣ большого павильона было огромное изображеніе буквы N, на противоположномъ такое-же А; у береговъ стояли большія барки съ гребцами. Тильзитъ въ это время былъ переполненъ войсками, толпами жителей и любопытныхъ, желавшихъ видѣть торжество свиданія. По сторонамъ главной улицы отъ ея сгиба до берега была выстроена старая гвардія, а съ русской стороны въ видѣ конвоя стояли полуэскадронъ кавалергардовъ и эскадронъ Прусской конной гвардіи, правымъ флангомъ къ рѣкѣ, а лѣвымъ къ полуразрушенной усадьбѣ, гдѣ долженъ былъ остановиться Императоръ Александръ. Около 11 часовъ утра Государь съ Королемъ Прусскимъ и Цесаревичемъ отправились въ коляскѣ по Тильзитской дорогѣ къ рѣкѣ. Генералы свиты въ полной парадной формѣ скакали верхомъ по сторонамъ коляски. Александръ былъ въ Преображенскомъ мундирѣ, съ аксельбантами на правой рукѣ, но безъ эполетъ, которыхъ тогда не носили; въ бѣлыхъ

лосинахъ и короткихъ ботфортахъ, на головѣ высокая трехугольная шляпа съ чернымъ султаномъ на гребнѣ и бѣлымъ плюмажемъ по краямъ. Шпага, шарфъ вокругъ таліи и андреевская лента черезъ плечо. Государь и всѣ другіе остановились въ уцѣлѣвшей комнатѣ усадьбы и въ продолженіи полчаса сидѣли молча. «Я не спускалъ глазъ съ Государя»—говоритъ адъютантъ Багратіона Давыдовъ:—«мнѣ казалось, что онъ прикрывалъ искуственнымъ спокойствіемъ и даже иногда веселостью духа различныя чувства, его обуревавшія и невольно обнаруживавшіяся въ ангельскомъ его взглядѣ и на его открытомъ, высокомъ челѣ». Черезъ полчаса дежурный флигель-адъютантъ быстро отворилъ дверь въ комнату и произнесъ: «Ѣдетъ, Ваше Величество!» Александръ всталъ со стула, взялъ шляпу и перчатки и медленно вышелъ изъ комнаты. Въ это время Наполеонъ, окруженный громадной свитой скакалъ между рядами своей гвардіи, которая привѣтствовала и сопровождала его оглушающими криками восторга. Оба Государя вступили на барки и отплыли отъ берега одновременно. Наполеонъ стоялъ впереди своихъ сановниковъ: Мюрата, Бертье, Дюрока и Коленкура, въ мундирѣ старой гвардіи съ лентою почетнаго легіона черезъ плечо и въ извѣстной всему міру шляпѣ, скрестивши руки на грудь, какъ его и тогда уже изображали на картинкахъ. Барки причалили къ плоту одновременно, но Наполеонъ успѣлъ раньше взойдти на паромъ и сдѣлать нѣсколько шаговъ на встрѣчу Александру. Они подали другъ другу руки и рядомъ пошли въ павильонъ. Бесѣда ихъ длилась около двухъ часовъ, но предметъ ихъ разговора остался для насъ неизвѣстнымъ. Свиты обоихъ Государей остались на плоту и знакомились, пока не были призваны Государями и отрекомендованы. Наполеонъ говорилъ дольше другихъ съ Бенигсеномъ. «Вы были злы подъ Эйлау», сказалъ онъ ему между прочимъ и

заключилъ разговоръ словами: «я всегда любовался вашими дарованіями, еще болѣе вашею осторожностію». Свиданіе кончилось тѣмъ, что Александръ проводилъ Наполеона до барки и тѣмъ какъ-бы отплатилъ ему по этикету за его вѣжливость при встрѣчѣ.

Прусскій король не присутствовалъ при свиданіи, потому что Наполеонъ ни за что не хотѣлъ видѣть его, и, оставаясь все время на правомъ берегу рѣки, съ тоской и волненіемъ ожидалъ рѣшенія своей судьбы; говорятъ, что въ нетерпѣніи онъ въѣхалъ разъ въ рѣку по самыя стрѣмяна. Александру однако-же удалось смягчить Наполеона, который согласился принять короля на другой день и даже не требовать съ него сдачи Кольберга, Пиллау и Грауденца. Чтобы удобнѣе вести переговоры, Наполеонъ нейтрализовалъ Тильзитъ и, очиститъ половину города, пригласилъ Александра и Короля Прусскаго переѣхать сюда на жительство. Александру предложенъ былъ красивый двухъ-этажный домъ съ параднымъ крыльцомъ и балкономъ. На другой день вечеромъ вступила въ Тильзитъ часть нашей гвардіи, и Императоръ ночевалъ въ городѣ. Изъ вѣжливости Наполеонъ отдалъ пароль, отзывъ и лозунгъ: «*Александръ, Россія, Величіе*», а на другой день—Императоръ: «*Наполеонъ, Франція, Храбрость*». Дни проходили за днями въ смотрахъ, маневрахъ и пирахъ; почти каждый день Александръ въ сопровожденіи Прусскаго короля отправлялся къ Наполеону обѣдать, а въ 10 или 11 час. вечера Наполеонъ одинъ, безъ свиты, приходилъ къ Александру пить чай и бесѣдовалъ съ нимъ далеко за полночь. Изъ сохранившихся писемъ, которыми Наполеонъ и Александръ пересылались въ Тильзитѣ, видно, что Наполеонъ убѣждалъ Александра не поддерживать Германскія государства—въ ущербъ собственнымъ интересамъ, а дѣйствовать въ согласіи съ Франціей, съ которой у него не могло быть причинъ къ недоразумѣнію;

предлагалъ даже расширить границу нашу на счетъ Пруссіи до устья Нѣмана; но Александръ отказывался и съ рѣдкимъ безкорыстіемъ продолжалъ ходатайствовать за своего несчастнаго союзника.

Статьи мирнаго договора, выработанныя князьями Куракинымъ и Лобановымъ—Ростовскимъ вмѣстѣ съ Талейраномъ, подъ руководствомъ самихъ Императоровъ, были подписаны 27 Іюня. Въ этотъ день Государи обмѣнялись орденами, и Императоръ Александръ въ лентѣ почетнаго легіона, а Наполеонъ въ Андреевской лентѣ съѣхались посреди города, на улицѣ, гдѣ были выстроены лицомъ къ лицу батальоны французской и русской гвардіи. Поздравляя войска съ утвержденіемъ мира, Наполеонъ подъѣхалъ къ батальону преображенскаго полка и спросилъ позволенія у Александра надѣть на храбрѣйшаго солдата орденъ почетнаго легіона. Императоръ согласился и, когда вызванъ былъ первый по ранжиру солдатъ, Лазаревъ, Наполеонъ самъ надѣлъ на него снятый съ себя крестъ и приказалъ производить ему ежегодную пенсію въ 1,200 франковъ *) Александръ отвѣтилъ Наполеону съ такою же вѣжливостію: по возвращеніи домой, онъ послалъ Наполеону одинъ георгіевскій крестъ для храбрѣйшаго изъ французскихъ солдатъ. Въ этотъ же день баталіонъ Французской гвардіи далъ обѣдъ нашему баталіону Преображенцевъ. Гвардейцы сидѣли въ перемежку и, хотя не понимали языка другъ друга, угощались за серебрянными приборами весело и шумно; нерѣдко преображенецъ надѣвалъ на себя медвѣжью шапку француза, а французъ киверъ нашего преображенца; нѣкоторые крѣпко обнимались и вмѣстѣ валились подъ столъ.

---

*) Въ послѣдствіи Лазаревъ былъ приглашаемъ въ Петербургѣ на всѣ балы и обѣды къ Французсому посланнику Коленкуру, который дарилъ ему и ленты почетнаго легіона.

Миръ съ Прусскимъ королемъ былъ подписанъ два дня спустя. Полномочные короля думали предложеніемъ раздѣла Турціи между Франціей и Россіей сохранить свое государство въ границахъ до войны 1806 года; дѣлали и другія выгодныя для себя предложенія, но Талейранъ былъ неумолимъ. Не помогло также свиданіе королевы Луизы съ Наполеономъ. «Одинъ Богъ знаетъ мои страданія» говорила она, превозмогая свои тяжелыя чувства при отправленіи въ Тильзитъ. Наполенъ прискакалъ къ дому, занятому ею, верхомъ, соскочилъ съ лошади и, не выпуская хлыста изъ руки, сухо поздоровался съ королемъ и пошелъ въ комнаты королевы. «Какъ могли вы начать со мною войну?» началъ онъ съ ней разговоръ. «Государь—отвѣчала королева—«намъ простительно увлечься славою Фридриха и обмануться на счетъ силъ своихъ». Хотя Наполеонъ нѣсколько дней угощалъ у себя короля и королеву, но былъ неуступчивъ. Уѣзжая въ Парижъ, Наполеонъ поднесъ королевѣ на прощанье чудеснѣйшую розу. «По крайней мѣрѣ съ Магдебургомъ», сказала королева умоляющимъ голосомъ:—«Замѣчу вашему величеству» отвѣчалъ онъ грубо—«что предлагаю я, а получаете вы». По договору, который былъ подписанъ королемъ, Пруссія лишалась около 4 милліоновъ жителей, обязалась выплатить до 500 милліоновъ франковъ военной контрибуціи и не содержать болѣе 40,000 войска.

Главныя статьи Тильзитскаго договора, подписаннаго Наполеономъ и Александромъ были слѣдующія: 1) Изъ Польскихъ земель Пруссіи должно образоваться Варшавское герцогство—собственность Саксонскаго короля 2) Бѣлостокская область присоединяется съ Россіи. 3). Данцигъ обращается въ вольный городъ подъ покровительствомъ Саксоніи и Пруссіи 5) Императоръ Александръ признаетъ существованіе Рейнскаго союза, а братьевъ Наполеона королями: Іосифа—Неополитанскимъ, Людовика—Голландскимъ, Іеронима—Вест-

фальскимъ 6) Императоръ Алексундръ приметъ на себя роль примирителя Англіи съ Франціей 7) Наполеонъ изъ уваженія къ Императору Александру возвращаетъ завоеванныя земли и города Пруссіи (которыя и перечисляются въ договорѣ) 8) Наполеонъ приметъ на себя роль примирителя Россіи съ Турціей.

Кромѣ этого, гласнаго договора, Наполеонъ и Александръ заключили тайный оборонительный и наступательный, по которому обязывались дѣйствовать за одно во всѣхъ войнахъ, на сушѣ и на морѣ. Въ случаѣ, Англія откажется отъ посредничества Россіи, то Императоръ Александръ заставитъ Португалію, Данію и Швецію запереть Англіи свои гавани и объявить ей войну; въ случаѣ, Порта откажется примириться съ Россіей, Наполеонъ и Александръ объявятъ ей войну и освободятъ отъ ига Турецкія земли, оставя султану только Константинополъ съ Румеліей,

Въ дни Тильзитскихъ свиданій Императоръ Александръ казался очарованнымъ Наполеономъ; его грандіозные, едва выполнимые планы господства надъ Европой, искусная лесть и небыкновенная сила убѣжденія сильно подѣйствовали на впечатлительнаго Императора: онъ остался доволенъ короткостію съ героемъ столькихъ чудесныхъ побѣдъ, и Тильзитскій миръ считалъ выгоднымъ. Но армія и общественное мнѣніе не раздѣляли симпатіи Императора. Въ Тильзитѣ среди празднествъ и различныхъ увеселеній, Русскіе офицеры оставались равнодушными къ Наполеону и французамъ и не откликались на ихъ призывъ къ дружбѣ. «Что касается до насъ»—читаемъ мы у Дениса Давыдова,—«одно любопытство видѣть Наполеона и быть очевидными свидѣтелями нѣкоторыхъ подробностей свиданія двухъ величайшихъ Монарховъ въ мірѣ,—занимало всѣхъ насъ въ высшей степени; но тѣмъ и ограничивалось все наше развлеченіе. Общество Французовъ намъ ни къ чему не служило; *ни одинъ*

изъ насъ не искалъ не только дружбы, даже знакомства ни съ однимъ изъ нихъ, не взирая на ихъ стараніе,—въ слѣдствіе тайнаго приказа Наполеона,—привлекать насъ всякаго рода привѣтливостями и вѣжливостью. За привѣтливости и вѣжливость мы платили привѣтливостями и вѣжливостію—и все тутъ. 1812 годъ стоялъ уже посреди насъ, Русскихъ, съ своимъ штыкомъ въ крови по дуло, съ своимъ пожемъ въ крови по—локоть». Большинство было противъ Французовъ и смотрѣло на Тильзитской миръ какъ на униженіе Россіи. «На Петербургъ, на Москву—расказываетъ Вигель—«на всѣ тѣ мѣста, коихъ просвѣщеніе наиболѣе коснулось, Тильзитскій миръ произвелъ самое грустное впечатлѣніе: тамъ знали, что союзъ съ Наполеономъ не что иное, какъ признаніе его надъ собою власти». Новый Министръ Иностранныхъ Дѣлъ графъ Румянцевъ, сторонникъ французской партіи, сдѣлался предметомъ злыхъ насмѣшекъ а, когда пріѣхалъ въ Петербургъ, въ качествѣ французскаго резидента, любимецъ Наполеона генералъ Савари, высшее общество, не смотря на любезность къ нему Императора, приняло его съ необыкновенною холодностію; въ нѣкоторые знатные дома его вовсе не принимали и довольствовались простымъ размѣномъ визитныхъ карточекъ. *)

Пробужденіе нашей литературы въ началѣ царствованія Императора Александра и покровительство, которое оказывали

---

*) До какой степени въ Петербургѣ не терпѣли Савари, показываетъ анекдотъ, ходившій тогда по городу и разсказанный Ѳ. Булгаринымъ въ его воспоминаніяхъ. Одинъ офицеръ конно-гвардейской артиллеріи нарочно нанялъ карету четверней, чтобы столкнуться съ каретой Савари. Онъ выждалъ, когда тотъ ѣхалъ изъ дворца къ полицейскому мосту и приказалъ своей каретѣ ѣхать на пѣререзъ и сцѣпиться на мосту съ каретой Саваря. Посланникъ высунулся въ окно и закричалъ: «Faites reculer votre voiture». «C'est votre tour de recler», кричалъ также Ваксель—En avant» Саваря долженъ былъ вылѣзть изъ кареты, и приказалъ своему кучеру осадить лошадей.

ей самъ Императоръ и его просвѣщенные друзья, пробудили въ обществѣ любовь къ чтенію; наиболѣе интересныя книжки нашихъ журналовъ, особенно Вѣстника Европы читались съ особеннымъ интересомъ, и число подписчиковъ на журналъ увеличилось. Имѣя въ виду скромную цѣль «не учить, а единственно занимать русскую публику пріятнымъ образомъ, не оскорбляя вкуса ни грубымъ невѣжествомъ, ни варварскимъ словомъ», Вѣстникъ Европы однакоже достигалъ большаго результата: онъ знакомилъ читающую публику со многимъ, что необходимо знать образованному человѣку о дѣлахъ своего отечества и современныхъ политическихъ событіяхъ, о долгѣ истиннаго патріотизма, о значеніи образованія, правды и общественной нравственности. Знакомя общество съ ходомъ политическихъ событій, журналы вызвали въ обществѣ интересъ въ политикѣ, который усилился съ началомъ нашей первой войны съ Наполеономъ. Обидное высокомѣріе и деспотизмъ Наполеона, наши первыя военныя неудачи и прежнее недовольство русскихъ людей французскимъ воспитаніемъ дали нашей литературѣ особое направленіе — патріотическое. Въ Журнальныхъ статьяхъ и въ драматическихъ произведеніяхъ, въ комедіяхъ и стихотвореніяхъ Французы стали представляться въ смѣшномъ видѣ, а Наполеона называли *злодѣемъ*, *геенной*, *грабителемъ*, *исчадіемъ революціи* и т. д. Однимъ изъ первыхъ обличителей Французовъ и ихъ вреднаго нравственнаго вліянія на русскую молодежь былъ *Графъ Ростопчинъ*. Брошюрка его «Мысли въ слухъ на красномъ крыльцѣ» имѣла громадный успѣхъ, быстро разошлась въ числѣ 7,000 экземпляровъ и была расхвалена газетами. Русскій дворянинъ, отставной подполковникъ Сила Андреевичъ Богатыревъ, узнавши о побѣдѣ русскихъ при Прейсишъ Эйлау, выстоявъ обѣдню и молебенъ въ Успенскомъ соборѣ, выходитъ на красное крыльцо и думаетъ вслухъ

«Прости Господи! ужъ ли Богъ Русь на то создалъ, чтобъ она кормила и богатила всю дрянь заморскую, а ей, кормилицѣ, и спасибо никто не скажетъ. Ее жъ бранятъ всѣ не на животъ а на смерть. Пріѣдетъ Французъ съ висѣлицы, всѣ его на перехватъ, а онъ еще ломается; говоритъ: либо принцъ, либо богачь, за вѣрность и вѣру пострадалъ... Такихъ каторожниковъ и невѣжественныхъ эмигрантовъ съ радостію у насъ берутъ въ воспитатели и учители.

«Спаси Господи! чему дѣтей нынче учатъ! выговаривать чисто по французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову... Какъ же имъ любить свою землю, когда они и русскій языкъ плохо знаютъ? Какъ имъ стоять за вѣру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русскихъ считаютъ за медвѣдей?.. понять нельзя, что врутъ и что дѣлаютъ. Всему свое названіе: Богъ помочь—Bon jour; отецъ—Monsieur; старуха мать—maman; холопъ — Mon ami; Москва — Ridicule; Россія — Fi donc. Сущія дѣти и духомъ и тѣломъ, такъ и состарѣются.»

Затѣмъ Богатыревъ вооружается противъ безобразныхъ французскихъ модъ, «Дай, Боже, сто лѣтъ здравствовать Государю нашему, а жаль дубины Петра Великаго: взятьбы ее хоть на недѣльку изъ кунсткамеры, да выбить дурь изъ дураковъ и дуръ.»

Въ противоположность понятіямъ, которыя внушаютъ молодому поколѣнію Французы, Богатыревъ представляетъ въ подражаніе великихъ людей русской земли: воиновъ—Шуйскаго, Голицына, Меньшикова, Шереметева, Румянцева, Орлова и Суворова, спасителей отечества—Пожарскаго и Минина, спасителя Москвы—Еропкина, духовныхъ лицъ—Филарета, Ермогена, Прокоповича и Платона. Побранивъ Французовъ, Богатыревъ передаетъ въ шутливой формѣ ихъ исторію послѣднихъ дней и появленіе Бонапарта. «Онъ и по

шелъ драть. Италію разграбилъ, двухъ королей на острова отправилъ, Цесарцевъ обдулъ, Пруссаковъ до нага раздѣлъ и разулъ, а все мало! весь міръ захотѣлъ покорить: что за Александръ Македонскій! *Мужичишка въ рекруты не годится: ни кожи, ни рожи, ни видѣнья;* разъ ударишь, такъ слѣдъ простынетъ, и духъ вонъ,—а онъ таки лѣзетъ впередъ на Русскихъ. Ну, милости просимъ! Лишь перешелъ за Вислу и стали бубноваго короля катать: подъ Пултускомъ по щекѣ, сталъ покашливать; подъ Эйлау по другой и свѣту Божью не у взвидѣлъ.»

Эти мысли Богатырева приводили въ умиленіе патріотовъ, не смотря на грубое ихъ выраженіе; онѣ читались, перечитывались и возбуждали одобреніе журналовъ. Въ томъ же году, но до битвы при Эйлау, появилась трагедія *Озерова* «Дмитрій Донской», посвященная самому Императору. «Димитрій»—говоритъ авторъ въ своемъ посвященіи—«поразивъ высокомѣрнаго Мамая на Задонскихъ поляхъ, положилъ начало освобожденію Россіи отъ ига Татаръ. Ваше Императорское Величество возбудили мужество Россіянъ на защищеніи европейскихъ державъ. Будущіе вѣки благословятъ твердость и великодушіе монарха, принявшаго оружіе для спасенія разноплеменныхъ народовъ отъ ига честолюбиваго завоевателя». Представленіе Дмитрія Донскаго на сценѣ, за ея патріотическое чувство, привело публику въ восторгъ: въ Дмитріѣ Донскомъ она видѣла Александра, въ надменномъ Мамаѣ—Наполеона, а въ «дерзостномъ послѣ надменнѣйшаго хана»—французскихъ посланниковъ, оскорбившихъ Русскихъ своею гордостію. «При послѣднемъ словѣ послѣдняго стиха»—говоритъ Вигель—«*Великъ россійскій Богъ*», рыданія раздались въ партерѣ; восторгъ былъ неописанный.» Но еще болѣе успѣха имѣла трагедія *Крюковскаго* «Пожарскій». Пьеса, сама по себѣ посредственная и незамысловатая, написанная тяжелыми стихами, произвела эфектъ потому что

появилась кстати и дана была послѣ военныхъ дѣйствій, когда ненависть къ Наполеону и Французамъ дошла до наибольшаго напряженія. «Восторги зрителей» — разсказываетъ Жихаревъ — «при первомъ представленіи «Дмитрія Донскаго», въ сравненіи съ нынѣшними могутъ назваться умѣренными». Какъ только появился Яковлевъ (лучшій актеръ того времени) въ роли Пожарскаго и, глядя на златоглавую Москву, произнесъ стихъ:

Любви къ отечеству сильна надъ сердцемъ власть!

театръ задрожалъ отъ рукоплесканій; когда же сказаны были слѣдующіе стихи:

То чувство пылкое, творящее героя,
Покажемъ скоро мы среди кровава боя.
Похищено добро намъ время возвратитъ!

публика начала неистово топать ногами, стучать палками и кричать «браво»: Яковлевъ принужденъ былъ минуты двѣ молчать и оставаться неподвижнымъ. Такъ встрѣчали затѣмъ каждое его слово, въ которомъ говорилось о любви къ отечеству; на сюжетъ пьесы и на роли другихъ актеровъ почти не обращали вниманія. Наибольшій энтузіазмъ былъ вызванъ той сценой, гдѣ Пожарскій узнавъ объ измѣнѣ Заруцкаго и опасности угрожающей его семьѣ, бросается не на помощь роднымъ, а къ Москвѣ:

«Родные!... но Москва не мать ли мнѣ?...

«Такого энтузіазма публики» — говоритъ тотъ же свидѣтель — «какое произвелъ этотъ стихъ, никто не запомнитъ.»

Съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій противъ Французовъ и съ заключеніемъ Тильзитскаго мира выходка противъ Французовъ и нелестные отзывы о Наполеонѣ должны были прекратиться. «Вѣстникъ Европы», отзывавшійся до сихъ поръ очень рѣзко о Наполеонѣ, вдругъ перемѣнилъ свой тонъ, «такъ какъ въ мирное время браниться не на-

добно.» При всемъ томъ какая-то затаенная вражда къ Французамъ и недовѣріе къ обѣщаніямъ Наполеона еще продолжали проглядывать. Такого недовольства «невыгоднымъ миромъ» не могъ скрыть даже Державинъ въ своей новой одѣ по поводу Тильзитскаго мира. «*Радоваться было можно*» — писалъ онъ Мерзлякову — «какъ просто сказать, *съ оглядкою*, а для того и не могъ я предаться полному вдохновенію; а какъ боецъ, сшедшій съ поля сраженія, хотя показывался торжествующимъ, но будучи глубоко раненъ, изливалъ свою радость съ нѣкоторымъ уныніемъ.» Ода была поднесена Державинымъ Императрицамъ Маріи Θедоровнѣ и Елизаветѣ Алексѣевнѣ, но Государь, возвратившись въ Петербургъ, не пожелалъ, чтобы она была напечатана въ такомъ видѣ и нарочно подчеркнулъ многіе стихи неподходящіе къ тому времени. За обычнымъ вступленіемъ, Державинъ говоритъ о Наполеонѣ:

И побѣдитель сей кичливый
Какъ валъ, что, изъ струи родясь,
Чѣмъ далѣй въ путь свой текъ строптивый,
Тѣмъ больше грознымъ становясь,
Такъ взросъ побочныхъ водъ приливомъ,
Что будто нѣкій страшный холмъ
Подъ тѣни своея нагибомъ
Блескъ солнца затмевалъ челомъ.

* *
*

Унизя Рима и Германій
Такъ духъ, что, ими въявь и втай
Господствуя, несыты длани
Простеръ и на полночный край.
И зрѣлъ-ли онъ себѣ препону,
Коль могъ бы вѣру колебнуть,

Любовь къ отечеству и къ трону?
Но онъ ударилъ въ русску грудь.

* *
*

О русска грудь неколебима
Твердѣйшая горы стѣна,
Скорѣй ты ляжешь трупомъ зрима,
Чѣмъ будешь кѣмъ побѣждена.
Неразъ въ огняхъ, въ громахъ, средь бою
Въ крови тонувши ты своей,
Примѣры подала собою,
Что Россовъ въ свѣтѣ нѣтъ храбрѣй.

* *
*

Врагъ, предъ собой скалу желѣзну
Узря, познавъ своихъ тлѣнъ силъ;
Вѣтвь дружбы мирную, зелену
Предъ Александромъ предложилъ.
Монархъ человѣколюбивый,
Чтобъ крови за корысть не лить,
На-мѣсто лавровъ взялъ оливы
И повелѣлъ спокойству быть.

Затѣмъ поэтъ обращается къ богинямъ кротости и говоритъ имъ:

Но миротворецъ, царь державный,
Какъ пальмъ вамъ принесетъ вѣнецъ,
За даръ его толико славный,
Спокоивъ у своихъ сердецъ,
Внушите мысль ему охранну,
Къ геройству возбуждая духъ:
Врагъ примиренный, снесшій рану,
Не можетъ быть надежный другъ.»

Ода оканчивается замѣчательнымъ пророчествомъ:

Падетъ Европа на колѣни
Предъ тѣмъ, кто прекратитъ борьбу
И такъ прольетъ въ ней дней блаженныхъ.
Се ужъ паритъ его орелъ!»

Въ 1814 г., когда Европа была успокоена Александромъ и русскіе войска вступили въ Парижъ, Державинъ утѣшился. Посылая на слѣдующій годъ списокъ съ этой оды Мерзлякову, онъ писалъ между прочимъ: «Меня теперь утѣшаетъ, когда всякъ видитъ, что сбылись мои предусмотрѣнія.»

Патріотическое направленіе нашей литературы вскорѣ послѣ Тильзитскаго мира вызвало появленіе новаго журнала, знаменательнаго не только по содержанію, но и по названію. Это былъ *Русскій Вѣстникъ* Глинки. Даровитый и увлекающійся издатель журнала поставилъ себѣ высокую задачу возбуждать народный духъ и подготовлять русскій народъ къ новой войнѣ съ Французами, въ неизбѣжность которой онъ вѣрилъ всѣмъ своимъ существомъ. Въ противоположность Вѣстнику Европы *Русскій Вѣстникъ* помѣщалъ у себя только статьи касающіяся нашего отечества и пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы изображать доблести русскихъ людей прошлаго и настоящаго времени; обличая иноземныхъ писателей въ клеветѣ на Россію и въ ложномъ мнѣніи о Русскихъ, Глинка старался доказывать превосходство всего русскаго, своего передъ чужимъ, иностраннымъ. Выполняя свою задачу съ большимъ искусствомъ, Русскій Вѣстникъ не могъ иногда не вдаваться въ крайности: рядомъ съ чертами русской жизни истинно хорошими, способными возбуждать подражаніе, въ Русскомъ Вѣстникѣ расхваливалось старинное судопроизводство и прежніе судьи, въ обученіи Петра Никитой Зотовымъ находили правила Руссо. Локка и другихъ писателей о воспитаніи, а въ «Наставленіи Симеона Полоцкаго царю Алексѣю Михайловичу» отыскивали мысли Сократа, Платона, даже Декарта,

Вольтера и Дидро. «Нужно было» — оправдываетъ Глинку князь Вяземскій — «противодѣйствовать духу чужеземства всѣми силами и средствами. Укоризненныя слова: «галломанія», «французолюбіе», бывшія тогда въ употребленіи, имѣли полное значеніе. Ими стрѣляли не въ воздухъ, а въ прямую цѣль. Надлежало драться не только на поляхъ битвы, но воевать и противъ нравовъ, предубѣжденій, малодушныхъ привычекъ. Европа «онаполеонилась». Россіи, прижатой къ своимъ степямъ, предлежалъ вопросъ: «быть или не быть», т. е. слѣдовать за общимъ потокомъ и поглотиться въ немъ, или упорствовать до смерти или до побѣды? Перо Глинки, первое на Руси, начало перестрѣливаться съ непріятелемъ. Онъ не заключалъ перемирія даже въ тѣ роздыхи, когда русскіе штыки отмыкались, уступая силѣ обстоятельствъ и выжидая новаго вызова къ дѣйствію... Мнѣнія, имъ оглашаемыя, и отзывъ, который они встрѣчали въ массѣ читателей, не могли ускользнуть отъ неусыпнаго, безпокойнаго и ревниваго деспотизма Наполеона. Французскій посолъ Коленкуръ жаловался нашему правительству на непріязненный духъ «Русскаго Вѣстника». Правительство уважило жалобу французскаго посольства: цензоръ журнала профессоръ Мерзляковъ получилъ выговоръ, а Глинка былъ уволенъ отъ службы при московскомъ театрѣ; но Русскій Вѣстникъ былъ пощаженъ и вскорѣ получилъ такое громадное политическое значеніе, какого не имѣлъ у насъ ни одинъ журналъ, а издатель его сдѣлался виднымъ, народнымъ дѣятелемъ въ годину отечественной войны: самъ Государь возложилъ на него порученіе совѣщаться съ московскимъ главнокомандующимъ и своимъ журналомъ успокоивать умы Москвичей, возбуждая въ нихъ единомысліе и осторожность. «Глинка» — говоритъ тотъ же князь Вяземскій — «перенесъ свою литературу на площадь. Онъ попалъ на свою колею. Онъ былъ рожденъ народнымъ трибуномъ, но трибуномъ законнымъ,

трибуномъ правительства. Онъ умѣлъ по православному говорить съ православными. Рѣчами своими онъ успокоивалъ и ободрялъ народъ.»

Перемѣна въ политикѣ и въ убѣжденіяхъ Императора отразилась въ высшей сферѣ нашего управленія. Кружокъ довѣренныхъ друзей Александра, съ помощью которыхъ онъ совершилъ первыя реформы, сталъ понемногу распадаться и къ концу 1807 г. министерство возобновилось почти во всемъ своемъ составѣ. Съ началомъ послѣдней войны съ Наполеономъ графъ Строгановъ находился при арміи и, отличившись съ казаками Платова, перешелъ въ военную службу генералъ-маіоромъ *). Сторонникъ Англіи, престарѣлый министръ финансовъ графъ Васильевъ, съ трепетомъ смотрѣлъ на приближеніе несогласій съ «царицею торговли» въ угоду ея властолюбивому врагу и, чувствуя затрудненія, въ которыя онъ могъ быть поставленъ войной съ Великобританіей, думалъ можетъ быть подать въ отставку, но умеръ за мѣсяцъ до объявленія войны. Васильева смѣнилъ его племянникъ Ѳед. Ал. Голубцовъ. За Васильевымъ сошли со сцены Новосильцевъ и Чарторижскій. Первый получилъ сенаторство и, оставивъ всѣ дѣла, надолго уѣхалъ за границу, второй, изъ сочувствія къ Англіи и ея учрежденіямъ, не могъ оставаться министромъ иностранныхъ дѣлъ и, удержавъ за собою попечительство виленскаго округа, сдалъ портфель барону Будбергу, который при воспитаніи Императора находился въ числѣ

*) Строгановъ давно чувствовалъ влеченіе къ военной службѣ, но отецъ не хотѣлъ, чтобы единственный сынъ подвергался всѣмъ случайностямъ войны, поэтому Строгановъ находился въ арміи при особѣ Государя въ чинѣ тайнаго совѣтника. Однажды онъ выпросилъ у атамана Платова его атаманскій полкъ, перешелъ съ нимъ р. Алле, напалъ на Французовъ, убилъ здѣсь до 5 т. непріятелей и возвратился съ плѣномъ почти до 400 человѣкъ. Послѣ этого подвига отецъ позволилъ ему перейдти въ военную службу.

его наставниковъ, а затѣмъ былъ два раза посломъ въ Стокгольмѣ. Въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ Будбергъ находился при Тильзитскомъ свиданіи и подписалъ договоръ съ Наполеономъ. Послѣ мира Будбергъ былъ смѣненъ графомъ Ник. Петр. Румянцевымъ. Человѣкъ умный, высокообразованный и искусившійся въ дипломатіи, Румянцевъ также какъ и Александръ былъ очарованъ величіемъ Наполеона и увлекся плѣнительною мыслію о великомъ союзѣ Россіи и Франціи, передъ которымъ преклонилась бы вся Европа. Общество не могло простить этого сыну знаменитаго фельдмаршала и осыпало его злыми насмѣшками, каламбурами и даже клеветой. «На каламбуры—говоритъ Вигель на клевету мірскую, какъ бы не вѣдая о нихъ, отвѣчалъ Румянцевъ одними великими, безпримѣрными въ Россіи дѣлами: снаряжалъ на свой счетъ корабли и для открытій отправлялъ ихъ вокругъ свѣта, съ издержками и трудами отыскивалъ и собиралъ любопытныя, отечественныя древнія рукописи и хартіи и посредствомъ великолѣпныхъ изданій дарилъ ими читающую публику, заводилъ для всѣхъ открытыя библіотеки, учреждалъ музеи» *). Румянцевъ, сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, удержалъ за собою министерство коммерціи. Наконецъ въ Ноябрѣ 1807 г. выбылъ и Кочубей, къ которому уже давно охладѣлъ Государь. Его мѣсто министра внутреннихъ дѣлъ занялъ малороссійскій генералъ-губернаторъ князь Куракинъ, который съмолоду посвятилъ себя изученію законовъ и трудностямъ гражданской службы. Въ пред-

---

*) Графъ Румянцевъ снарядилъ на свой счетъ экспедицію вокругъ свѣта подъ начальствомъ Коцебу, помогъ Строеву совершить археологическое путешествіе по Россіи, дѣлалъ множество изданій старинныхъ отечественныхъ памятниковъ, напр. Собраній государственныхъ грамотъ и договоровъ, пожертвовалъ для общественной пользы библіотеку, минцкабинетъ, коллекціи минераловъ и т. п., изъ чего составился такъ называемый *Румянцевскій музей*, переведенный въ 1862 г. въ Москву.

шествующее царствованіе онъ былъ одно время генералъ-прокуроромъ.

Посѣтивъ армію Бенигсена, Государь собственными глазами убѣдился въ распущенности солдатъ, страшныхъ безпорядкахъ по военному управленію и баснословной хищности провіантскихъ чиновниковъ: по его мнѣнію, это было главною причиной нашихъ неудачъ. Состарившійся Вязмитиновъ не былъ способенъ исправить зло, тѣмъ болѣе, что не пользовался довѣріемъ Императора (вся власть находилась въ рукахъ у докладчика по военной части генералъ-адъютанта графа Ливена) и считалъ обязанности военнаго министра для себя черезъ чуръ тяжелыми съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ въ качествѣ главнокомандующаго управлять столицей. Государь назначилъ на его мѣсто графа Аракчеева, который довелъ нашу артиллерію до извѣстнаго совершенства и своею исполнительностію и энергіей могъ возстановить въ арміи дисциплину и обуздать хищничество комисаріатскихъ чиновниковъ.

Въ царствованіе Екатерины Аракчеевъ считался хорошимъ артиллерійскимъ офицеромъ и былъ приглашенъ наслѣдникомъ престола обучать его гатчинскую артиллерійскую роту. Получивъ чинъ капитана и сдѣлавшись начальникомъ роты, Аракчеевъ тѣмъ самымъ пріобрѣлъ право постоянно обѣдать у великаго князя и тогда то составилъ себѣ карьеру. Лишенный остраго ума, образованія и свѣтскихъ манеръ, но надѣленный чрезмѣрно тѣми качествами офицера, которыя могли нравиться Павлу Петровичу: опрятностью одежды, усердіемъ и исправностію по службѣ, точностію и быстротою въ исполненіи приказаній, Аракчеевъ сразу завоевалъ расположеніе великаго князя. Со вступленіемъ на престолъ его покровителя, на Аракчеева посыпались милости: произведенный въ генералъ-майоры, черезъ недѣлю онъ получилъ Анненскую ленту, черезъ полгода Святаго Александра Невскаго, орденъ

Андрея Первозваннаго и баронское достоинство: на баронскомъ гербѣ Императоръ самъ написалъ его девизъ «безъ лести преданъ»; тогда же онъ получилъ село Грузино (въ Новгородской губерніи) съ 2000 душъ. Исполняя въ одно и тоже время разнообразныя должности коменданта С.-Петербурга, командира Преображенскаго полка и генералъ-квартирмейстера арміи, Аракчеевъ былъ грубъ съ подчиненными и наказывалъ ихъ за малѣйшее отступленіе отъ правилъ съ неумолимою, казарменною строгостію. Всѣ зависѣвшіе отъ Аракчеева трепетали передъ нимъ и ненавидѣли его. Удаленный отъ службы за необыкновенную жестокость и своеволіе, Аракчеевъ скоро былъ вызванъ въ столицу и осыпанъ новыми милостями: получилъ командорскій крестъ святаго Іоанна Іерусалимскаго и даже возведенъ въ графское достоинство. Но множество наговоровъ и жалобъ снова поколебали довѣріе къ нему Государя: «за ложный доносъ» онъ былъ отставленъ отъ службы и сосланъ въ свое село Грузино. Четырехлѣтнее пребываніе Аракчеева въ Грузинѣ было тяжелымъ временемъ для его несчастныхъ крестьянъ. Среди мужиковъ онъ старался завести дисциплину совершенно военную и не уставалъ жестоко наказывать ихъ за всякое отступленіе отъ своихъ требованій. Современникъ говоритъ, что крестьяне Аракчеева не знали «ни покоя, ни малѣйшей свободы, ни веселья, плясокъ и пѣнія. Вездѣ видны были тамъ чистота, порядокъ и устройство, за то вездѣ одни труды, молчаніе и трепетъ». Въ 1803 году Императоръ Александръ сдѣлалъ его инспекторомъ всей артиллеріи и командиромъ лейбъ-гвардіи артиллерійскаго баталіона; убѣдившись въ его способностяхъ какъ начальника артиллеріи, онъ поручилъ ему постъ военнаго министра, не обративъ на этотъ разъ вниманія на то, что имя Аракчеева было уже всѣмъ ненавистно. Когда Аракчеевъ, принимая министерство, просилъ отстранить отъ военныхъ дѣлъ графа Ливена и распространить его власть надъ главно-

командующими, Государь не только согласился, но даже повелѣлъ, чтобы объявляемыя имъ Высочайшія повелѣнія признавались за Именные указы.

Почти въ одно время съ Аракчеевымъ Императоръ приблизилъ къ себѣ Сперанскаго. Сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи, Михаилъ Михайловичъ Сперанскій получилъ первоначальное образованіе въ губернской семинаріи, гдѣ какъ прилежный и талантливый ученикъ выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей и, по окончаніи курса, былъ переведенъ въ семинарію Александро-Невской лавры, преобразованную позже въ академію. Въ Невской семинаріи Сперанскій дополнялъ свой курсъ изученіемъ краснорѣчія, философіи, богословія, чистой математики, физики и французскаго языка. Благодаря тому пытливому духу анализа, который господствовалъ во всѣхъ трудахъ его послѣдующей дѣятельности, Сперанскій болѣе другихъ наукъ любилъ математику. «Въ прочихъ наукахъ—говорилъ онъ—особенно въ словесныхъ и философскихъ, всегда есть что нибудь сомнительное, спорное, а математика занимается только достовѣрными, безспорными выкладками». И въ Невской семинаріи, какъ во Владимірской, Сперанскій по способностямъ и успѣхамъ стоялъ гораздо выше своихъ товарищей. Въ воскресные дни лучшіе ученики семинаріи обязаны были говорить въ монастырѣ проповѣди въ присутствіи самого митрополита, и Сперанскій могъ здѣсь блеснуть своимъ краснорѣчіемъ. Отъ одного изъ его товарищей по семинаріи, Словцова, мы знаемъ, что проповѣдь Сперанскаго «о страшномъ судѣ» произвела на слушателей сильное впечатлѣніе. «Проповѣдь эта—говоритъ онъ—была такъ увлекательна, что убѣжденіе видимымъ образомъ выражалось на лицахъ слушателей, чему, безъ сомнѣнія, содѣйствовали одушевленные черты юноши-проповѣдника, мелодическій его голосъ и изливавшееся въ его словахъ собственное сердечное умиленіе».

Ходатайствомъ митрополита Гавріила, которому очень правился молодой проповѣдникъ, Сперанскій по окончаніи курса былъ оставленъ при Невской семинаріи учителемъ математики, физики и краснорѣчія; черезъ годъ ему поручили еще каѳедру—философіи и сдѣлали префектомъ семинаріи. Служба при семинаріи дала возможность Сперанскому дѣятельно трудиться надъ своимъ образованіемъ и много читать; къ этому времени относится его первое серьозное сочиненіе «Правила высшаго краснорѣчія», обнаружившее обширную начитанность, знакомство съ древними писателями и тотъ самостоятельный умъ, которымъ отличался впослѣдствіи Сперанскій какъ государственный человѣкъ. Рекомендованный князю Куракину, который искалъ ловкаго и умнаго домашняго секретаря, Сперанскій скоро оправдалъ довѣріе и сдѣлался для своего покровителя не только человѣкомъ полезнымъ, но и необходимымъ. Любимецъ Императора, Куракинъ выхлопоталъ у митрополита Гавріила для Сперанскаго отставку отъ семинаріи, въ два года сдѣлалъ его коллежскимъ совѣтникомъ и осыпалъ своими милостями. Въ царствованіе Павла быстро мѣнялись высшіе чиновники, но Сперанскій оставался по прежнему правой рукой всѣхъ послѣдующихъ генералъ-прокуроровъ. Извѣстность въ служебномъ мірѣ какъ трудолюбиваго и искуснаго дѣльца доставила ему мѣсто въ началѣ царствованія Александра у докладчика и главнаго редактора при особѣ Государя. Въ 3 мѣсяца Сперанскій былъ уже дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и, въ званіи статсъ секретаря, получалъ большое жалованье. На службѣ у Трощинскаго онъ редактировалъ всѣ манифесты и указы выходившіе въ то время; между прочимъ и знаменитый манифестъ 8 Сентября о министерствахъ былъ составленъ Сперанскимъ, и не только безъ участія Трощинскаго, но даже въ секретѣ отъ него. Трощинскій, какъ дѣлецъ старинныхъ идей, не долго поль

зовался расположеніемъ Императора: его смѣнилъ Кочубей, который и перевелъ Сперанскаго, съ согласія Императора, въ свое министерство директоромъ департамента. Скоро статсъ-секретарю представился случай сблизиться съ Государемъ. Въ 1806 г. Кочубей захворалъ и по болѣзни посылалъ съ докладами къ Государю Сперанскаго. Ловкость, смѣтливость и способность на лету ловить и угадывать каждое слово съ перваго раза расположили къ нему Императора, который сталъ давать ему разныя порученія и брать съ собою въ свои поѣздки по Россіи и заграницу. Въ 1808 г. онъ былъ съ Государемъ въ Ерфуртѣ при второмъ свиданіи съ Наполеономъ и, вернувшись въ Петербургъ, началъ ту дѣятельность надъ преобразованіемъ нашего государственнаго управленія, которая составила его славу.

ГЛАВА VIII.

Старанія Наполеона вовлечь насъ въ войну съ Турціей.—Южная армія и генералъ Михельсонъ.—Революція въ Константинополѣ.—Милорадовичъ и дѣло у Обилешти.—Слободзейское перемиріе и смерть Михельсона.—Князь Прозоровскій.— Война со Швеціей.—Графъ Буксгевденъ и взятіе Свеаборга.—Трудности войны народной.—Графъ Каменскій и Кульневъ.—Перемиріе со Шведами.—Отношенія Наполеона къ западно-европейскимъ государствамъ.—Неудачи въ Испаніи.—Ерфуртское свиданіе.

Одновременно съ военными дѣйствіями противъ Наполеона мы вели войну съ Турціей и со Швеціей. Войною съ Турціей мы обязаны были Наполеону: за вмѣшательство Императора Александра въ дѣла Европы, онъ сталъ всячески хлопотать о разрывѣ между нами и Турками; съ этой цѣлью отправилъ въ Константинополь хитраго и искуснаго генерала Себастіани. То подкупами или лестью, то угрозами ему удалось скоро поставить во враждебныя отношенія къ Англіи и Россіи легковѣрнаго и слабаго султана Селима. Подъ вліяніемъ Себастіани, онъ смѣнилъ господарей Молдавіи и Валахіи, безъ спроса и согласія Россіи, чѣмъ нарушилъ одно изъ главныхъ условій Ясскаго договора. Наше правительство, желая подкрѣпить силу внушеній своего посла, двинуло къ Днѣстру такъ называемую южную армію подъ начальствомъ храбраго и бодраго не по лѣтамъ генерала Михельсона, пріобрѣвшаго себѣ извѣстность укрощеніемъ пугачевскаго бунта. Но такъ какъ значительный корпусъ Ессена вскорѣ былъ потребованъ къ западной границѣ для войны съ Наполеономъ, то въ распоряженіи Михельсона

осталось только около 30 тыс. войска. Оставивши третью часть на лѣвомъ берегу Днѣстра, съ остальной арміей Михельсонъ вступилъ въ Румынію и къ концу 1806 г. взялъ Хотинъ, Бендеры и занялъ Молдавію и Валахію. Со вступленіемъ Михельсона въ Бухарестъ Турки объявили намъ войну 18 (30) Декабря 1806 г.

Въ тоже время англійскій посланникъ требовалъ отъ султана, чтобы онъ пригласилъ въ Константинополь русскаго посла, выслалъ Себастіани и возобновилъ прежніе трактаты съ Россіей и Англіей; и, пока порта колебалась, явился съ 8 кораблями черезъ Дарданеллы въ Мраморное море, уничтожилъ здѣсь турецкую эскадру и бросилъ якорь въ Босфорѣ въ виду Сераля. Михельсонъ между тѣмъ вступилъ въ сношенія съ сербскимъ предводителемъ Георгіемъ Петровичемъ Чернымъ, который уже съ 1804 года стоялъ во главѣ сербскаго возстанія. Селимъ потерялъ голову и сталъ просить Себастіани уѣхать изъ Константинополя; но ловкій Себастіани успѣлъ убѣдить султана, будто дѣло его еще не проиграно. Дѣйствительно, пока султанъ велъ переговоры съ англійскимъ посломъ, Себастіани успѣлъ укрѣпить Дарданеллы и Константинополь и тѣмъ поставилъ англійскія суда въ затруднительное положеніе: Дуквортъ съ значительной потерей едва прошелъ Дарданеллы. Нашъ вице-адмиралъ Сенявинъ предлагалъ ему сдѣлать новую попытку, но Дуквортъ отказался. Послѣ такой удачи, Себастіани совершенно овладѣлъ нерѣшительнымъ султаномъ и никакія внушенія Императора Александра черезъ Михельсона не имѣли дѣйствія, тѣмъ болѣе что русскіе не могли овладѣть ни Измаиломъ, ни Журжей. Къ этому времени въ Константинополѣ вспыхнула революція: янычары, недовольные тѣмъ, что Селимъ, по совѣту Наполеона, учредилъ вооруженную по европейски милицію, свергнули его съ престола и посадили въ тюрьму, а на его мѣсто возвели его

двоюроднаго брата Мустафу IV. По распоряженію новаго султана, великій визирь съ 40 тыс. арміей вступилъ въ Валахію и пошелъ къ Бухаресту; туда-же направилось 13 тысячъ Турокъ отъ Журжи. Бухаресту грозила страшная опасность, и жители приходили въ отчаяніе. Спасителемъ ихъ явился Милорадовичъ: съ отрядомъ въ 4,500 человѣкъ онъ встрѣтилъ Турокъ въ 50 верстахъ отъ Бухареста, у Обилешти, и разбилъ ихъ на голову. Населеніе спасеннаго города встрѣтило героя съ неподдѣльною радостію, устраивало въ честь его праздники и блестящіе балы. За дѣло у Обилешти Михельсонъ представилъ Милорадовича къ Георгію 2-й степени, но ему прислали золотую шпагу съ надписью *«За спасеніе Бухареста»*.

Между тѣмъ Сенявинъ завладѣлъ, о. Тенедосомъ, разбилъ у Аѳонской горы высланный противъ него турецкій флотъ и прервалъ всякую доставку въ столицу Турціи жизненныхъ припасовъ. Михельсонъ продолжалъ свои сношенія съ Сербами: изъ Петербурга имъ доставляли деньги, ружья, порохъ и свинецъ; къ Георгію Петровичу посланъ былъ особый чиновникъ, который долженъ былъ руководить сербскимъ народнымъ совѣтомъ.

Въ это время былъ заключенъ Тильзитскій миръ, и Наполеонъ, обратившись въ друга Александра, положилъ къ его ногамъ интересы своихъ союзниковъ: забывши клятвы не заключать съ Россіей мира безъ Турціи и всячески поддерживать ея цѣлость, Наполеонъ предлагалъ Александру Молдавію и Валахію, и, въ случаѣ ея сопротивленія, даже раздѣлъ всей порты. Вспыхнувшая передъ тѣмъ въ Константинополѣ революція и смѣщеніе ничтожнаго Селима, давали Наполеону удобный предлогъ къ разрыву съ Турціей и избавляли его самого отъ послѣдняго остатка щекотливости. Турки, лишенные поддержки, вступили съ Михельсономъ въ переговоры о перемиріи въ деревнѣ Слободзеи,

находящейся недалеко отъ Журжи. Перемиріе должно было длиться до 22 Марта слѣдующаго года: Турки обязывались не переходить на лѣвый берегъ Дуная (исключая Измаила, Браилова и Журжи) и не предпринимать военныхъ дѣйствій противъ Сербовъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были русскія войска; Русскіе въ свою очередь обязывались въ продолженіи 35 дней очистить Молдавію и Валахію и возвратить Туркамъ о. Тенедосъ и отнятыя корабли. Во время переговоровъ умеръ генералъ Михельсонъ, и старшій по немъ генералъ Мейендорфъ, согласно перемирію, сталъ выводить русскія войска изъ Румыніи. Но не успѣли Русскіе уйдти отсюда, какъ Турки перешли на лѣвый берегъ, заняли Галацъ и начали грабить Валаховъ. Императоръ, недовольный Слободзейскимъ перемиріемъ, запретилъ Мейендорфу выступать изъ Молдавіи и писалъ ему, что подпишетъ перемиріе только въ такомъ случаѣ, когда Турки не будутъ отъ насъ требовать возвращенія ихъ кораблей. «Не согласно было со славою Россійскаго оружія —писалъ онъ на поляхъ перемирія—возвращать трофеи, пріобрѣтенные кровью и храбростью войскъ нашихъ, чему при всѣхъ прежнихъ договорахъ не случалось примѣровъ». На мѣсто Михельсона назначенъ былъ князь Акександръ Александровичъ Прозоровскій. Воспитанникъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, Прозоровскій отличился въ семилѣтней войнѣ; затѣмъ принималъ участіе во всѣхъ войнахъ Екатерины II. Въ началѣ царствованія Александра, онъ командовалъ 6-ою областью земскаго ополченія и, какъ старшій Георгіевскій кавалеръ, 12 Декабря 1805 г. поднесъ Императору всеподданѣйшій докладъ Думы о возложеніи на Императора военнаго ордена 1 степени *). При назначеніи главнокомандующимъ южной арміи,

*) Извѣстно, что Александръ тогда отказался, объявивъ, «что не командовалъ храбрымъ войскомъ своимъ, а привелъ оное на помощь союзника, раздѣлялъ однѣ опасности и, потому, находитъ приличнымъ только имѣть знакъ отличія 4-й степени».

онъ былъ возведенъ въ званіе генералъ-фельдмаршала. Имѣя около 76 лѣтъ, Прозоровскій страдалъ подагрой и хирагрой и часто подвергался болѣзненнымъ припадкамъ; бывали дни когда онъ едва двигался и терялъ память; каждое утро его вытирали спиртомъ. Отправляясь въ армію, Прозоровскій просилъ себѣ въ помощники Кутузова: «онъ почти мой ученикъ—говорилъ онъ—и методу мою знаетъ». Южная армія была усилена до 80 тыс. человѣкъ, но осторожный главнокомандующій считалъ это число недостаточнымъ для наступательныхъ дѣйствій и, съ дозволенія Императора, вступилъ съ Турками въ переговоры. Императоръ Александръ, дозволяя Прозоровскому договариваться о мирѣ, имѣлъ на этотъ разъ въ виду обезпеченіе южной нашей границы, и потому приказалъ требовать отъ Порты не только возобновленія прежнихъ трактатовъ, но и присоединенія къ Россіи Бессарабіи и Румыніи до рѣки Дуная. Пріобрѣтеніе Молдавіи и Валахіи, по мнѣнію Румянцева, не представляло большихъ трудностей. Но новая революція *) въ Константинополѣ прекратила переговоры, и обѣ арміи оставались на кантониръ-квартирахъ. Обходительный, ласковый со всѣми и добрый по характеру, но вспыльчивый и горячій, Прозоровскій былъ строгимъ блюстителемъ военнаго порядка и взыскательнымъ по службѣ. Въ арміи онъ ввелъ строгую дисциплину и постоянно упражнялъ войска стрѣльбою въ цѣль. Съ Сербами Прозоровскій не только не прервалъ сношеній, но даже послалъ Георгію 6,000 червонцевъ и инженеръ майора, который помогалъ бы имъ возводить укрѣп-

---

*) Преданный Селиму Рущукскій Сераскиръ Мустафа Байрактаръ вздумалъ возвести на престолъ заключеннаго султана; когда-же Селиму отрубили голову, онъ сталъ мстить за него: ему удалось свергнуть Мустафу и возвести на престолъ брата его Махмута. Но затѣмъ возстали янычары, умертвили Байрактара и хотѣли тоже сдѣлать съ султаномъ; но послѣдній оказался единственнымъ османомъ: это спасло его.

ленія; къ прежнему батальону Олонецкаго полка, дѣйствовавшему въ Сербіи, прибавлено было еще 5 батальоновъ и и казачій полкъ. Георгій Черный очень полюбилъ русскихъ солдатъ, и впослѣдствіи, встрѣчаясь съ русскими полками, всегда спрашивалъ: «нѣтъ-ли здѣсь моихъ братьевъ»? Находя офицеровъ или солдатъ Олонецкаго полка, онъ всегда привѣтствовалъ и цѣловалъ ихъ.

Въ Февралѣ 1808 года была объявлена война Швеціи, и русскія войска въ сильную стужу вступили въ Финляндію. Оффиціальной причиной войны, объявленной въ манифестѣ, было упорство Густава IV, съ которымъ онъ отказывался содѣйствовать видамъ Россіи и охранять Балтійское море отъ покушеній Англіи.

Владѣя по Ништадскому и Абовскому мирамъ только незначительною частью Финляндіи, Россія не могла считать своимъ не только Балтійское море, даже Финскій заливъ: грозный Свеаборгъ стоялъ при входѣ въ него, и жители Петербурга могли считать выстрѣлы изъ шведскихъ пушекъ. Во время войны со Шведами въ царствованіе Екатерины II опытъ показалъ, какъ опасно для Петербурга такое близкое сосѣдство Шведовъ; поэтому необходимость присоединить къ Россіи, если не всю Финляндію, то большую ея часть, чтобы вполнѣ владѣть Финскимъ заливомъ, сознавали уже многіе, особенно, когда въ 1803 году вышло непріятное столкновеніе со Шведами изъ за границы *). Разсказываютъ, что Го-

*) Въ Абборфорсѣ, черезъ рѣку Кюмень, нашу границу съ Швеціей, былъ небольшой деревянный мостъ, половина его со шведской стороны издавна была окрашена синей (шведской) краской, другая русскимъ цвѣтомъ. Густавъ IV велѣлъ весь мостъ окрасить синей краской. Русскіе власти велѣли опять перекрасить свою половину, но Шведы снова выкрасили мостъ по своему. Дѣло дошло до того, что передъ мостомъ явился русскій корпусъ съ угрозою, что онъ перейдетъ границу, если русскій цвѣтъ не будетъ удержанъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ, Воронцовъ, разсказываетъ Державинъ въ своихъ «Запискахъ», предлагалъ тогда объявить Шведамъ войну; но Державинъ и Румянцевъ были противъ этого.

сударь, разсматривая тогда карту Европы, спросилъ у графа Сухтелена, куда, по его мнѣнію, выгоднѣе было бы отодвинуть границу со Швеціей. Сухтеленъ, не говоря ничего, взялъ карандашъ и провелъ на картѣ черту отъ города Торнео на сѣверъ до Ледовитаго океана.

«Что ты это? это ужъ слишкомъ много?» сказалъ Государь, улыбаясь.

«Ваше Величество» — возразилъ Сухтеленъ — «требовали *выгодной* границы для насъ, а другой выгодной и безопасной черты нѣтъ и быть не можетъ.»

Въ Тильзитѣ Александръ былъ окончательно убѣжденъ Наполеономъ въ необходимости присоединить Финляндію и, когда заносчивый и дерзкій король Швеціи отказался присоединиться къ континентальному союзу противъ Англіи, ему объявлена была война. Для Шведовъ она не была неожиданностію: шведскій посолъ при русскомъ дворѣ гораздо ранѣе доносилъ Густаву о намѣреніяхъ нашего правительства, о числѣ войска и планѣ предполагаемой компаніи; но упрямый король не предпринималъ ничего и даже не показывался въ столицу, гдѣ населеніе готовилось встрѣтить его, наканунѣ войны, съ изъявленіемъ участія и преданности.

Такъ какъ въ Финляндіи находилось тогда только 20 т. Шведовъ, и притомъ разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ, то Императоръ, поручая армію графу Буксгевдену, считалъ 24 т. совершенно достаточными на первый разъ. Войско посылалось на-скоро и дурно обмундированное, такъ что наиболѣе разстроенные полки, чтобы не соблазнять своимъ видомъ населеніе столицы, проходили черезъ нее ночью и уже потомъ, на дорогѣ, получали амуницію и обувь. Вступивши въ Финляндію, Русскіе заняли безъ сопротивленія сначала Гельсингфорсъ, затѣмъ Тавастгусъ; 12,000 корпусъ Шведовъ подъ начальствомъ графа Клингспора отступалъ, по инструкціи короля, къ Тамерфорсу *). 7,000 Шведовъ остались за-

щищать Свеаборгъ, да 700 человѣкъ составляли гарнизонъ Свартгольма **). Буксгевденъ, получивши объ этомъ свѣдѣнія, занялся осадой крѣпости Свеаборга, Багратіона отправилъ преслѣдовать Шведовъ, а Тучкову приказалъ спѣшить къ Вазѣ, съ цѣлію отрѣзать Клингспора. Свеаборгъ построенный на скалистыхъ островахъ и названный по справедливости сѣвернымъ Гибралтаромъ, имѣлъ громадное стратегическое значеніе для Шведовъ, господствуя надъ Финскимъ заливомъ и защищая обширный Гельсингфорскій заливъ, въ которомъ можетъ укрыться многочисленный флотъ. Пріобрѣтеніе Свеаборга отдавало въ наши руки Финскій заливъ и южную Финляндію; но взять крѣпость, прекрасно защищенную самою природой, въ которой насчитывалось до 7,000 гарнизона и было множество боевыхъ и жизненныхъ припасовъ, было дѣломъ на столько же труднымъ, на сколько важнымъ. Бросивъ въ крѣпость нѣсколько снарядовъ, Буксгевденъ обратился къ другому средству и вступилъ въ переговоры съ комендантомъ Свеаборга, который не былъ преданъ правительству. Дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время «золотая бомба взорвала Свеаборгъ», какъ тогда говорили: комендантъ сдалъ нашему главнокомандующему крѣпость и гребной флотъ. «Ваше сіятельство изволили конечно примѣтить»—писалъ Буксгевденъ Румянцеву—«какими каналами была мнѣ возможность найтить сіи столько намъ нужные способы. Они намъ довольно дороги, и еще будетъ дороже, но всѣ сіи издержки не возмогутъ никогда идти въ какое-либо сравненіе съ тѣмъ важнымъ пріобрѣтеніемъ, какое можемъ сдѣлать съ полученіемъ свеаборгскихъ укрѣпленій.»

---

*) На сѣверъ отъ Тавастгуса.

**) Крѣпость на берегу Финскаго залива, между Борго и Фридрихсгамомъ.

Густавъ IV велѣлъ схватить нашего посла Алопеуса и лишить свободы со всѣми его чиновниками; тогда Александръ обнародовалъ манифестъ о присоединеніи Финляндіи. Данія, обиженная Англіей и Швеціей *), также объявила войну Густаву. Пока велись переговоры о сдачѣ Свеаборга, Русскіе заняли Або, Гангудъ, острова Аландскіе и Готландъ. Въ Петербургѣ праздновали первые успѣхи русскаго оружія въ Финляндіи: въ день взятія Свеаборга, всѣ знатные особы и иностранные послы были приглашены на молебствіе въ Исакіевскій соборъ. На площади у собора было выстроено все войско, находившееся въ то время въ Петербургѣ. Въ 11 часовъ царская фамилія выѣхала изъ Зимняго дворца въ каретахъ, одинъ Государь ѣхалъ верхомъ. Послѣ торжественнаго молебствія, Государь произвелъ парадъ на площади около монумента Петру великому. Проходя церемоніальнымъ маршемъ, войска отдавали честь творцу Петербурга и новой Россіи...

Между тѣмъ Клингспоръ успѣлъ дойдти до Улеаборга, собралъ тамъ на скоро до 10,000 войска, разбилъ нашъ отрядъ и заставилъ Тучкова отступить къ Гамле-Карлеби **). По воззваніямъ Шведовъ, стали вооружаться крестьяне и, пользуясь знаніемъ мѣстности, причиняли большой вредъ нашимъ отрядамъ. Острова Готландъ и Аландскіе снова перешли въ руки Шведовъ. Разлитіе рѣкъ и озеръ, а также

---

*) Послѣ Тильзитскаго мира, Англія старалась убѣдить другія державы, что датскій флотъ въ угожденіе Наполеону будетъ дѣйствовать противъ Швеціи, поэтому англійскій флотъ, какъ-бы для содѣйствія Густаву IV въ Помераніи, вошелъ въ Зундъ и, начавши бомбардировать столицу, заставилъ коменданта ея, выдать весь флотъ и арсеналъ; все, чего не могли Англичане взять съ собою, они истребили. Это возмутило даже нѣкоторыхъ англичанъ. Густавъ же, обрадованный этимъ, угостилъ Англичанъ въ Гельсинборгѣ.

**) Городокъ при устьѣ рѣки Ветиль, между Вазой и Улеаборгомъ.

недостатокъ людей и продовольствія, заставили Буксгевдена пріостановить на время военныя дѣйствія. Въ Маѣ пришло подкрѣпленіе въ 12 т., составившееся большею частью изъ рекрутъ или изъ солдатъ, возвратившихся изъ французскаго плѣна. Буксгевденъ раздѣлилъ всю армію на одинъ большой и два малыхъ корпуса, и составилъ слѣдующій планъ: Барклай-де-Толли и Раевскій, имѣя по 7-ми тыс. войска должны были наступать на Шведовъ; первый изъ Вильманстранда, второй изъ Гамле-Карлеби, но такъ, чтобы, въ случаѣ надобности, могли помогать другъ другу; 16,000 же корпусъ Каменскаго долженъ былъ дѣйствовать на пространствѣ между Гангудомъ и Вазой, и имѣть въ виду нашу гребную флотилію.

Раевскому пришлось попасть въ самый разгаръ народной войны. Вооруженныя толпы Финновъ бросались на наши небольшіе отряды и мучительно умерщвляли ихъ; такъ они захватили въ расплохъ на берегу морскомъ 70 лейбъ-казаковъ и всѣхъ изрубили; раненыхъ солдатъ крестьяне бросали въ ямы съ горящими угольями, рубили топорами наши пикеты и обезглавленные трупы зарывали по грудь въ землю или вѣшали на деревья. Шайки отчаянныхъ партизановъ, пользуясь всѣми условіями незнакомой намъ мѣстности, неожиданно нападали на обозы, перехватывали курьеровъ и всячески вредили намъ, такъ что графъ Буксгевденъ справедливо называлъ въ своихъ донесеніяхъ эту войну, *вандейскою*. Не лучше шведскихъ партизановъ поступали наши провіантскіе чиновники, страшное воровство которыхъ не разъ уже возмущало Государя. Участники похода говорятъ, что нерѣдко въ мѣшкахъ съ хлѣбомъ находили мусоръ или опилки и что чиновники радовались, когда непріятель отбивалъ обозы, потому что тогда дѣлалась невозможною провѣрка ихъ счетовъ. Несчастные солдаты питались грибами и лакомились мясомъ только въ тѣ счастливые дни, когда удавалось

отбить у непріятеля нѣсколько головъ скота. Жители угоняли скотъ въ непроходимые лѣса, а зерновой хлѣбъ прятали въ глубокія ямы; иногда солдаты находили его, но, не имѣя возможности смолоть, парили рожь и ячмень въ котлахъ и ѣли какъ кашу. Солдаты и даже офицеры не имѣли обуви и зябли въ платьѣ, сгнившемъ отъ частыхъ дождей и ночной сырости. При такихъ условіяхъ Раевскому нельзя было держаться противъ Клингспора, на сторонѣ котораго было превосходство силъ, довольство жизненными припасами и знаніе мѣстности; онъ отступилъ къ Тавастгусу. Барклай-до-Толли не могъ подать ему помощи во время, потому что едва успѣлъ взять Куопіо, какъ почувствовалъ себя нездоровымъ и долженъ былъ передать начальство надъ своимъ отрядомъ Тучкову 1. Самъ главнокомандующій чуть не попался въ плѣнъ Шведамъ у Гангуда. Тогда онъ сталъ просить у Государя прислать ему въ подкрѣпленіе 50 тыс. войска. Въ Финляндію отправилась часть резерва графа Витгенштейна и 4-я дивизія князя Голицына; но не успѣли они дойдти до мѣста, какъ дѣла наши снова приняли счастливый оборотъ.

Раевскаго смѣнилъ графъ Каменскій. Шведскіе и русскіе историки говорятъ, что одно назначеніе Каменскаго начальникомъ войска удвоило наши силы. Графъ Николай Михайловичъ Каменскій, младшій сынъ фельдмаршала, учился, какъ и отецъ, въ сухопутномъ шляхетскомъ корпусѣ и, выйдя оттуда, доканчивалъ свое образованіе подъ надзоромъ отца. Сопутствуя въ италіанскій походъ Суворову, онъ нѣсколько разъ отличился въ опасныхъ мѣстахъ, такъ напр. взялъ штурмомъ знаменитый чертовъ мостъ, за что Суворовъ прозвалъ его «чертовымъ генераломъ». Въ компанію 1806—7 г. онъ отличился подъ Данцигомъ и успѣлъ во-время соединиться съ арміей Бенигсена. Въ настоящій походъ ему было только 32 года, но онъ былъ уже генералъ-майоръ и имѣлъ

нѣсколько орденовъ. Низенькій ростомъ, съ блестящими глазами и доброй улыбкой, въ сюртукѣ съ бирюзовымъ воротникомъ архангелогородскаго полка и въ такой же фуражкѣ, Каменскій всегда находился въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было болѣе опасности, чѣмъ возбуждалъ въ солдатахъ необыкновенное мужество. Правой рукой и глазомъ его былъ Кульневъ, начальникъ его авангарда, неутомимый въ преслѣдованіи непріятеля, всегда на конѣ, и всегда первый въ кавалерійскихъ атакахъ или впереди пѣхотныхъ стрѣлковъ. Ненастные дни и бурныя ночи Кульневъ проводилъ на бивакахъ, у огня, среди солдатъ, ѣлъ ихъ похлебку, шутилъ съ ними и спалъ на воздухѣ, прикрывшись только буркой. Глядя на него, солдаты забывали усталость и опасности, и, во всякое время дня и ночи, съ крикомъ ура бросались на непріятеля.

Пока Клингспоръ укрѣплялъ свою позицію у Сальми, Каменскому удалось подвезти къ войскамъ съѣстныхъ припасовъ и собрать у Ямсе болѣе 10 т. войска. Съ ними онъ ударилъ на Клингспора и разбилъ его у Сальми, а затѣмъ у Оровайси. Такъ какъ русскій отрядъ снова занялъ Гамле-Карлеби, то Клингспоръ изъ боязни быть отрѣзаннымъ поспѣшилъ туда же; но преслѣдуемый Кульневымъ онъ прошелъ дальше и далъ возможность русскимъ силамъ сойтись у Гамле-Карлеби. Буксгевденъ намѣревался уже идти дальше на сѣверъ, какъ вдругъ Клингспоръ предложилъ ему перемиріе. По условіямъ перемирія, военныя дѣйствія были прекращены на неопредѣленное время, съ тѣмъ, что обѣ стороны обязались извѣстить одна другую о началѣ военныхъ дѣйствій за восемь дней. Это было въ половинѣ Сентября, и войска наши расположились около Гамлекарлеби, въ тылъ до самаго Ньюкарлеби. Этотъ маленькій городокъ съ двумя тысячами жителей показался нашей арміи, измученной продолжительными лишеніями и биваками, настоящимъ раемъ. Люди могли ѣсть кашу, овощи, молоко и мясо, лошадямъ

стали давать сѣно и овесъ, а офицеры весело проводили время въ городѣ, посѣщая дома многихъ обывателей или танцуя на балахъ, которые давалъ имъ магистратъ.

Наполеонъ возвращался съ Тильзитскаго свиданія какъ бы облеченный европейскою диктатурой. Всѣ крупныя европейскія державы были имъ побѣждены или значительно ослаблены; оставалась нетронутою только одна Россія, но и она, въ лицѣ своего Императора, была расположена въ пользу его; по крайней мѣрѣ въ Тильзитѣ Александръ обѣщалъ поддерживать его интересы и даже принялъ континентальную систему. Но властолюбивые замыслы Наполеона еще не были удовлетворены. Не успѣлъ онъ дойти до Парижа, какъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы мелкія государства Европы: Данія, Португалія, Испанія, Римскія владѣнія и др. приняли континентальную систему и готовились къ войнѣ съ Англіей. Для него было достаточно незначительнаго повода, чтобы принять въ отношеніи беззащитныхъ государствъ самыя рѣшительныя мѣры. Церковная область мѣшала его сношеніямъ съ Неаполемъ, поэтому онъ сначала занялъ Римъ своими войсками, затѣмъ отмѣнилъ свѣтскую власть папы и всю область присоединилъ къ французской Имперіи. Вмѣстѣ съ Италіей рѣшена была участь Пиренейскаго полуострова. Въ августѣ 1807 года онъ присоединилъ Португалію, которой трудно было признать континентальную систему. По соглашенію съ Испаніей, которая, за извѣстное вознагражденіе, еще въ 1801 году была увлечена въ войну съ сосѣднимъ королевствомъ, Наполеонъ провелъ черезъ Испанію 25-ти тыс. корпусъ Жюно и королевское семейство должно было уѣхать на Англійскихъ корабляхъ въ Бразилію. Въ Испаніи Наполеонъ воспользовался враждой при мадридскомъ дворѣ и опуталъ короля и его соперника инфанта Фердинанда такъ искусно своими интригами, что они сами признали его своимъ посредникомъ. Когда они пріѣхали для сви-

данія съ нимъ въ Байону, Наполеонъ велѣлъ задержать ихъ и заставилъ отречься отъ престола въ пользу своего брата Іосифа *); въ то же время Испанія была занята французскими войсками. Появленіе Французовъ и нѣкоторыя реформы, произведенныя здѣсь Наполеономъ, произвели въ народѣ, подстрекаемомъ духовенствомъ, сильное раздраженіе: всюду образовались юнты и снаряжались отряды партизановъ или гверильясовъ, которые стали наносить Французамъ страшный вредъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ они потерпѣли пораженіе. Жалуясь на свое ужасное положеніе среди возставшей страны и прося у Наполеона войска, Іосифъ пророчилъ ему дурной исходъ дѣла. «Ваша слава погибнетъ въ Испаніи», писалъ онъ Наполеону. «Врагъ мой—весь храбрый, доведенный до отчаянія народъ. Объ убійствѣ моемъ говорятъ публично...» Но эти жалобы и пророчества болѣе раздражали, нежели пугали Нуполеона; онъ не желалъ останавливаться на половинѣ дороги и, называя храбрыхъ своихъ генераловъ трусами, грозилъ имъ эшафотомъ. Іосифъ, оставленный всѣми придворными и служителями, долженъ былъ оставить Мадридъ черезъ 8 дней послѣ вступленія въ него; Французы отступили къ Ебро. Въ это время высадился въ Португаліи, чтобы помогать Испанскому возстанію, англійскій 10-ти т. корпусъ, которымъ начальствовалъ молодой, но искусный генералъ Веллингтонъ, отличившійся уже въ Индіи. Заставивши корпусъ Жюно уѣхать изъ Португаліи, Веллингтонъ вступилъ въ Испанію; въ то же время прибыла въ Испанію армія маркиза де ла-Романа. Наполеонъ нѣсколько времени тому назадъ измѣннически увелъ эту армію на островъ Фіонію, чтобы уменьшить силы страны, которую онъ готовился завоевать; но Романа завязалъ сно-

*) Іосифъ былъ переведенъ сюда изъ Неаполя; неаполитанскимъ же королемъ Наполеонъ сдѣлалъ Мюрата, женатаго на его сестрѣ.

шенія съ англійскими крейсерами и, обманувъ бдительность Бернадота, уѣхалъ изъ Даніи.

Гордости Наполеона Испанскія дѣла нанесли чувствительное пораженіе: побѣдитель королей не могъ побѣдить народа, на который онъ смотрѣлъ до сихъ поръ съ презрѣніемъ, какъ на толпу монаховъ и мужиковъ. Англія еще тѣснѣе соединилась съ Испаніей: привозила на полуостровъ деньги, оружіе, боевые припасы и даже войско, какъ будто рѣшилась защищать ее какъ свою собственность. Въ Германіи неудачи Наполеона и успѣхъ испанскаго возстанія произвели электрическое потрясеніе, заставившее нѣмцевъ въ первый разъ произнести слово «*германское отечество*»; передъ этимъ словомъ забылись всѣ старыя ссоры и недоразумѣнія; исчезла ненависть между сѣверомъ и югомъ, между государями и дворянствомъ, уступивъ мѣсто одной, общей ненависти къ Французамъ и Наполеону. Тайное общество «Тугендбундъ», основанное профессоромъ философіи Арндтомъ, быстро распространилось до самого Рейна и въ тайнѣ готовило свои силы для народнаго возстанія. Австрія стала дѣятельно вооружаться; даже папа, протестовавшій до тѣхъ поръ робко и осторожно, принялъ тонъ рѣзкій и высокомѣрный, точно желалъ привлечь вниманіе равнодушной Европы. Въ такое то время и при такихъ обстоятельствахъ Наполеону необходимо было самому идти въ Испанію и вести съ собою лучшіе свои легіоны. Повидимому, ему оставалось одно изъ двухъ: или отказаться отъ Испаніи, или показать Европѣ такія силы, которыя удержалибы ее отъ вмѣшательства въ его дѣла на Пиренейскомъ полуостровѣ. Союзъ съ Россіей казался ему лучшимъ средствомъ для этого, но Наполеонъ зналъ черезъ Коленкура, что въ Россіи громко говорятъ противъ союза съ Франціей и что самъ Александръ сдѣлался холоднѣе къ нему, послѣ того, какъ нѣкоторыя Тильзитскія обѣщанія не были еще выполнены. Чтобы удовлетворить на время И. Александра и уст-

роить съ его помощью миръ въ Европѣ, Наполеонъ вдругъ перемѣнилъ тонъ въ своихъ сношеніяхъ съ русскимъ дворомъ и черезъ графа Толстого сталъ давать Александру обѣщанія облегчить положеніе Пруссіи и уладить восточныя дѣла; но при этомъ онъ просилъ новаго свиданія, на которомъ они могли бы лично объясниться и вмѣстѣ обдумать всѣ подробности. Александръ согласился на свиданіе и предлагалъ съ-ѣхаться въ Веймарѣ, гдѣ жила его сестра Марья Павловна, или въ Ерфуртѣ. Наполеонъ выбралъ Ерфуртъ, какъ городъ принадлежавшій ему по праву завоеванія.

Наполеонъ хотѣлъ обставить свиданіе свое съ Александромъ торжественностію и пышностію, соотвѣтствующею достоинству великихъ людей, и для того приказалъ дѣлать въ Ерфуртѣ большія приготовленія. Для карауловъ сюда были отправлены батальонъ гвардейскихъ гренадеровъ и нѣсколько лучшихъ полковъ. Множество придворныхъ чиновъ поѣхали съ бронзой, фарфоромъ, гобеленовыми обоями и роскошной мебелью взятою изъ Тюльери. Французскій театръ долженъ былъ придать еще болѣе блеску Эрфуртскимъ празднествамъ, поэтому изъ Théâtre Française прибыла труппа актеровъ и между ними знаменитые Тальма, Жоржъ и Дюшенуа.

Александра сопровождали въ Эрфуртъ: Константинъ Павловичъ, Оберъ гофмаршалъ графъ Толстой, министръ иностранныхъ дѣлъ Румянцевъ, генералъ-адъютантъ князь Волконскій, Сперанскій и французской посланникъ Коленкуръ. Пробывъ въ Кенигсбергѣ у прусскаго короля два дня, Государь поѣхалъ въ Бромбергъ. Здѣсь, при переправѣ черезъ Вислу, его встрѣтилъ маршалъ Ланнъ, при громѣ пушечныхъ выстрѣловъ изъ всѣхъ орудій французской артиллеріи. Послѣ смотра кавалеріи, сопровождавшей его криками «Vive l'Empereur Alexandre!» Государь пригласилъ къ своему обѣду всѣхъ французскихъ генераловъ. Ланнъ и конные французскіе конвои сопровождали его до самого Веймара.

Между тѣмъ въ Эрфуртъ, по приглашенію Наполеона, собрались короли Саксонскій, Баварскій, Виртембергскій и Вестфальскій, братъ Прусскаго короля принцъ Вильгельмъ и множество владѣтельныхъ германскихъ князей. Самъ Наполеонъ пріѣхалъ въ Ерфуртъ 15 (27) Сентября, съ огромной и блестящей свитой, въ которой были между прочими: Талейранъ, Бертье, министръ иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, Марè и нашъ посолъ графъ Толстой. Въ лентѣ ордена Андрея Первозваннаго, верхомъ на конѣ, Наполеонъ поѣхалъ на встрѣчу Александру, и лишь только завидѣлъ его экипажъ, поскакалъ къ нему навстрѣчу, сошелъ съ коня и обнялъ Александра. Оба Императора верхомъ въѣхали въ городъ среди непрерывнаго звона и пушечной пальбы; здѣсь Наполеонъ представилъ Александру знатнѣйшихъ своихъ гостей и затѣмъ проводилъ его въ назначенный для него домъ, отличавшійся красотой архитектуры и роскошнымъ убранствомъ. Во все время пребыванія своего въ Эрфуртѣ, Императоры казались неразлучными. Днемъ они вмѣстѣ совершали прогулки по городу и окрестностямъ, вмѣстѣ ѣздили на маневры и смотры или охотились въ саксонскихъ лѣсахъ. Обѣдалъ Александръ обыкновенно у Наполеона и потомъ вмѣстѣ съ нимъ отправлялся въ театръ слушать произведенія Корнеля, Расина или Вольтера, передаваемыя искусной игрой г-на Тальмы и г-жи Дюшенуа. Вечера проводились у Александра, гдѣ и происходили ихъ совѣщанія. Наполеонъ окружилъ себя въ Эрфуртѣ королями; около него было все, что составляло власть, знатность и богатство Германіи. Сюда явились привѣтствовать Наполеона Гете и Виландъ, и первый, въ присутствіи униженной Германіи, получилъ изъ рукъ его орденъ почетнаго легіона. Но Наполеонъ видѣлъ только одного Александра и старался угождать только одному ему. Замѣтивъ однажды, что Александръ невнятно слышитъ слова въ театрѣ, Наполеонъ на слѣдующій

же день приказалъ сдѣлать въ оркестрѣ особое помѣщеніе для себя и Александра на полъ аршина выше прежняго, а по сторонамъ размѣстить стулья для почетнѣйшихъ особъ. Александръ былъ тронутъ этими знаками вѣжливости и, когда на представленіи Эдипа, актеръ произнесъ фразу: «L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux», онъ обернулся къ Наполеону и пожалъ ему руку; въ зрителяхъ это движеніе Александра вызвало восторженныя восклицанія. Чтобы тѣснѣе сблизиться со своимъ другомъ, Наполеонъ даже думалъ породниться съ нимъ, намекнувъ черезъ Талейрана на свое желаніе обвѣнчаться съ сестрой Императора, Екатериной Павловной; впрочемъ Александръ деликатно отклонилъ этотъ вопросъ, ссылаясь на то, что для этого необходимо согласіе сестры и еще болѣе вдовствующей Императрицы, рѣшительно враждебной въ настоящее время французскому вліянію.

Не смотря однако на эту взаимную вѣжливость, охлажденіе между Императорами не могло скрыться отъ постороннихъ наблюдателей, и современники говорятъ, что Ерфутское свиданіе было далеко не такъ искренне, какъ предшествующее; даже окружавшіе Императора лица, кромѣ Румянцева и Сперанскаго, не скрывали своего нерасположенія къ Наполеону, такъ напримѣръ Толстой, явившись къ Александру въ лентѣ почетнаго легіона, отстранился отъ голубой ленты, которую хотѣлъ на него надѣть Императоръ: «Неужели нашъ Андрей Первозванный можетъ быть рядомъ съ орденомъ Бонапарта!»—«Такъ простись же навсегда съ голубой лентой!» возразилъ Государь *) недовольный скорѣе тѣмъ, что Толстой не принялъ орденъ, нежели тѣмъ, что онъ назвалъ Наполеона Бонапартомъ и высказалъ неуваженіе къ его ордену.

---

*) Дѣйствительно, Толстой никогда не получилъ Андрея Первозваннаго, хотя былъ старѣйшимъ сановникомъ.

Ерфутское свиданіе не оправдало надеждъ Александра. Правда, что ему удалось облегчить участь Прусскаго короля,—при разставаньи Наполеонъ еще уменьшилъ контрибуцію на 20 мил. франковъ; но въ восточномъ вопросѣ Наполеонъ былъ уже не такъ сговорчивъ: не только не было рѣчи о раздѣлѣ Турціи, но даже на присоединеніе занятыхъ Русскими дунайскихъ княжествъ онъ соглашался несовсѣмъ охотно. Ему необходимо, утверждалъ онъ, ладить съ Портой, потому что въ Турціи много французовъ, и потому отказывался въ этомъ случаѣ отъ какого либо давленія на Порту. Въ Ерфутской конвеціи даже говорилось, что оба Государя будутъ стараться о томъ, чтобы не произошло разрыва между Наполеономъ и Портой и, что, если Порта не согласится на уступку Дунайскихъ Княжествъ и будетъ продолжать войну съ Россіей, Наполеонъ не приметъ въ ней никакого участія. Вся забота Наполепа, какъ и въ Тильзитѣ, была объ Англіи, отъ которой зависѣли успѣхи его въ предстоящей компаніи на Пиренейскомъ полуостровѣ; поэтому въ конвеціи было высказано желаніе, чтобы оба Императора вели переговоры съ нею сообща и старались предупредить союзъ ея съ Англіей; если миръ съ Портою не состоится, то Государи въ теченіи года съѣдутся снова.

Чтобы успѣшнее велись переговоры съ Англіей, Александръ послалъ туда на первое время самого Румянцева. Въ угоду Наполеону, вмѣсто Толстого явно нерасположеннаго къ Франціи онъ назначилъ въ Парижъ князя Ал. Бор. Куракина, человѣку хитраго, уклончиваго и осторожнаго.

Императоры пробыли въ Ерфуртѣ семнадцать дней. 2-го (14-го) Октября, утромъ, оба Императора выѣхали верхомъ изъ города по Веймарской дорогѣ и разстались въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города.

ГЛАВА IX.

Возобновленіе войны со Швеціей.—Занятіе Улаборга.—Кнорингъ-главнокомандующій.—Переходъ Русскихъ по льду Ботническаго залива и Кваркена.—Очищеніе Финляндіи отъ Шведовъ.—Сеймъ въ Борго.—Движеніе Русскихъ по Вестъ-Ботніи.—Гр. Каменскій.—Миръ въ Фридрихсгамѣ —Пріѣздъ въ Петербургъ прусской королевской четы.—Отношеніе Наполеона къ Австріи.—Война съ Австріей.—Понятовскій.—Шенбрунскій договоръ.

Осторожный Буксгевденъ согласился на перемиріе со Шведами съ тою цѣлію, чтобы дать отдохнуть измученнымъ войскамъ и въ тоже время собрать побольше жизненныхъ припасовъ. Но ни Государь, ни Комитетъ Министровъ завѣдывавшій государственными дѣлами, во время пребыванія Государя въ Ерфуртѣ, не одобряли перемирія, и Аракчеевъ, какъ Военный Министръ, сдѣлалъ строгое предписаніе Буксгевдену немедленно начать военныя дѣйствія. Главнокомандующій, оскорбленный тѣмъ, что Аракчеевъ обращается съ нимъ какъ съ простымъ генераломъ, подалъ въ отставку, но не смѣлъ ослушаться Высочайшаго повелѣнія и сдѣлалъ распоряженіе о выступленіи въ походъ: Каменскій пошелъ изъ Гамле Карлеби на сѣверъ. «Мы начали бить Шведовъ, мы и добьемъ», сказалъ онъ авангарду, догнавъ его на походѣ· «Ради стараться», отвѣчали солдаты—«съ вами въ огонь и въ воду!» Труденъ былъ походъ Каменскаго. Генералъ Клеркеръ, смѣнившій Клингспора уѣхавшаго въ Стокгольмъ, получилъ три тысячи подкрепленія изъ Швеціи, но отступалъ передъ Каменскимъ и, на пути, сожигалъ мосты, дѣлалъ

засѣки и засады и давалъ сраженіе нашему авангарду у каждаго препятствія. Русскимъ приходилось переносить пушки на рукахъ чрезъ скалы и болота и безпрестанно переходить въ бродъ холодные ручьи. Когда Шведы перешли быструю рѣку Пигайоки, Клеркеръ укрѣпился за нею и считалъ себя въ безопасности; но лишь только тонкій ледъ покрылъ рѣку, Каменскій приказалъ настлать на него соломы и досокъ и пустилъ по этому хрустѣвшему и ломавшемуся мосту солдатъ по одиночкѣ бѣгомъ. Изумленные Шведы отступили дальше, тѣмъ болѣе, что въ это время Тучковъ 1 послѣ жаркаго дѣла, у Индесальми *) отбросилъ четырехътысячный отрядъ Сандельса. Между тѣмъ началась зима съ большими морозами. Шведы уже не могли получать моремъ жизненные припасы; вмѣстѣ съ голодомъ между ними появились заразительныя болѣзни; въ арміи начались побѣги солдатъ; тогда Клеркеръ предложилъ Каменскому перемиріе, по которому обѣщался очистить нынѣшнюю Улеаборгскую губернію до рѣки Кеми. Буксгевденъ согласился, и русскія войска въ 20° стужи церемоніальнымъ шагомъ вступили въ Улеаборгъ.

Буксгевденъ получилъ отставку и сдалъ армію генералу Кноррингу. Каменскій по болѣзни уѣхалъ изъ Финляндіи нѣсколько ранѣе; больными сказались также Тучковъ 1, князь Голицынъ и графъ Витгенштейнъ; ихъ замѣнили графъ Шуваловъ, Барклай-де-Толли и Багговутъ.

Поручая Кноррингу Финляндскую армію, Государь приказалъ ему немедленно идти въ Швецію, черезъ Лапландію и по льду Ботническаго залива. Но прежній критикъ Буксгевдена не рѣшался и медлилъ. Прошло болѣе двухъ мѣсяцевъ, а Русская армія еще не выступала въ походъ. Тогда въ Або явился самъ Аракчеевъ съ непремѣннымъ повелѣніемъ

*) Въ Куопіоской губерніи

Императора идти въ Швецію по льду залива: одному отряду изъ Або черезъ Аландскіе острова, другому — изъ Вазы къ Умео черезъ Кваркенъ. Справедливо утверждаютъ, что эта мысль Государя могла быть приведена въ исполненіе только съ русскими солдатами. 26-го Февраля Багратіонъ выступилъ изъ Або съ пятнадцатью тысячами человѣкъ и 22 орудіями; за солдатами ѣхали сани, наполненные дровами, съѣстными припасами и водкой. Медленно, но бодро шелъ отрядъ по ледяному морю усѣянному высокими гранитными скалами, обходилъ полыньи, перелѣзалъ черезъ высокія льдины. При незначительной оттепели ледъ могъ треснуть, покрыться водой и тогда гибель всего отряда была бы неминуема; но Багратіонъ благополучно добрался до Аландскихъ острововъ и занялъ ихъ: русскимъ досталось здѣсь до двухъ тысячъ плѣнныхъ, 40 пушекъ и 10,000 англійскихъ ружей. До Аландскихъ острововъ отрядъ сопровождалъ самъ Аракчеевъ. Чтобы узнать, какъ проченъ ледъ въ проливѣ между островами и шведскимъ берегомъ, какъ расположены силы непріятеля и какъ велики онѣ, высланъ былъ авангардъ въ четыреста казаковъ и гусаровъ съ отважнымъ Кульневымъ. Ночью, съ пѣснями выступилъ онъ въ походъ и черезъ 8 часовъ дошелъ до шведскаго берега. Съ крикомъ ура бросились гусары на шведовъ, оттѣснили ихъ на значительное разстояніе и заняли небольшое мѣстечко въ ста верстахъ отъ Стокгольма. «Благодареніе Богу»—доносилъ Кульневъ—«честь и слава россійскаго воинства на берегахъ Швеціи. Я съ войскомъ въ Гриссельгамѣ воспѣваю: Тебе Бога хвалимъ!» Почти одновременно съ Багратіономъ изъ Вазы выступилъ отрядъ Барклая-де-Толли. Кваркенъ имѣетъ до ста верстъ ширины и наполненъ посрединѣ группами скалистыхъ необитаемыхъ острововъ, что дѣлаетъ его опаснымъ даже лѣтомъ. Замерзшій въ это время, онъ представлялъ полыньи и трещины, покрытыя грудами наноснаго снѣга; отъ бурь и вих-

рей въ этомъ году два раза ломало и коробило ледяную кору; къ счастію въ это время не было вѣтра и холодъ не превышалъ 15°. Барклай, не дождавшись сбора всѣхъ полковъ ввѣренныхъ ему, выступилъ въ походъ съ 4,000 человѣкъ и 8 орудіями. Въ двѣнадцать часовъ они прошли до 40 верстъ и остановились отдохнуть на нѣсколько часовъ на одномъ островѣ; дровъ не было ни въ обозѣ, ни на острову, и потому солдаты не могли развести огней. Въ 5 часовъ утра весь отрядъ пошелъ дальше двумя отдѣленіями. —«Съ перваго шага въ замерзшее море»—разсказываетъ участникъ похода, Булгаринъ, — открылись трудности, которыя для всякаго, кромѣ Русскаго войска, показались бы непреоборимыми. Свирѣпствовавшая въ эту зиму жестокая буря, сокрушивъ толстый ледъ на Кваркенѣ, разметала его на всемъ пространствѣ огромными ледяными обломками, которые подобно дикимъ утесамъ, возвышались въ разныхъ направленіяхъ, то пересѣкая путь, то простираясь вдоль его. Вдали эти гряды льдинъ представляли необыкновенное зрѣлище: казалось, будто волны морскія замерзли мгновенно, въ минуту сильной зыби. Трудности похода увеличивались на каждомъ шагу. Надлежало то карабкаться по льдинамъ, то сворачивать ихъ на сторону, то выбиваться изъ глубокаго снѣга, покрытаго облоемъ. Потъ лился съ чела воиновъ отъ крайняго напряженія силъ, и въ то же время пронзительный и жгучій сѣверный вѣтеръ стѣснялъ дыханіе, мертвилъ тѣло и душу, возбуждая опасеніе, чтобы, превратившись въ ураганъ, не взорвалъ льдяной твердыни. Кругомъ представлялись ужасные слѣды разрушенія, и эти, такъ сказать, *развалины* моря напоминали о возможности новаго переворота». На разсвѣтѣ слѣдующаго дня Барклай дошелъ до устья Умео и солдаты первый разъ могли развести огонь, разломавши для этого два купеческихъ корабля, стоявшихъ у берега. «Понесенные труды въ семъ походѣ — доносилъ

Барклай-де-Толли—единственно русскому преодолѣть можно». Передъ этимъ въ Стокгольмѣ вспыхнула революція: Шведы, недовольные Густавомъ IV, заставили его отказаться отъ престола въ пользу дяди его герцога Зюдерманландскаго Карла. Напуганный появленіемъ русской арміи, Карлъ вступилъ въ переговоры, на которые согласился самъ Аракчеевъ. Кульневъ и Барклай получили отъ Кнорринга приказаніе возвратиться тѣмъ же опаснымъ путемъ. Во всей Финляндіи до р. Торнео не осталось ни одного Шведа, такъ какъ Шуваловъ дошелъ до р. Каликса (западнѣе р. Торнео) и заставилъ здѣсь семитысячный шведскій корпусъ положить оружіе. Такимъ образомъ Финляндія по праву завоеванія сдѣлалась русскою. Императоръ много сдѣлалъ для нея, чтобы привлечь къ себѣ сердца вновь покореннаго населенія. Присоединивъ къ Финляндіи Выборгскую губернію, принадлежавшую Россіи со временъ Петра Великаго, онъ оставилъ въ неприкосновенности старинную шведскую конституцію, обезпечивавшую странѣ особые гражданскіе и уголовные законы, особое войско, финансы и даже особое консульское представительство въ русскихъ портахъ; кромѣ того Императоръ уничтожилъ пограничныя таможни, отмѣнилъ акцизные сборы и освободилъ жителей отъ тяжелыхъ податей, которыя шли до сихъ поръ на уплату Шведскаго государственнаго долга; наконецъ велѣлъ объявить, чтобы въ г. Борго собрался Финляндскій сеймъ, куда въ Мартѣ онъ отправился самъ въ сопровожденіи Сперанскаго, Румянцева, Толстаго и др. Государь въѣхалъ въ Борго чрезъ тріумфальныя ворота, построенныя городомъ нарочно на этотъ случай, и былъ встрѣченъ генералъ губенаторомъ Финляндіи и всѣми высшими чиновниками. При непрерывномъ звонѣ въ колокола и пушечной пальбѣ, онъ тихо ѣхалъ между рядами войскъ, ласково отвѣчая на привѣтствія народа, до назначеннаго ему дома, гдѣ дожидались его у крыльца

депутаты сейма. Всѣ они были приглашены имъ къ обѣденному столу. На другой день (16 Марта) въ 10 часовъ утра въ домъ Императора собрались дворяне, чтобы сопровождать его, по старинному обычаю, въ соборную церковь, гдѣ уже собрались прочія сословія. Государь сошелъ съ лѣстницы и сталъ подъ парчевый балдахинъ, поддерживаемый четырмя генералъ майорами при четырехъ ассистентахъ.

Шествіе въ соборъ открыли два Финляндскіе герольда, за которыми слѣдовали по два въ рядъ депутаты сейма и чиновники, за ними генералъ губернаторъ и два герольда Россійской Имперіи; затѣмъ Императоръ подъ балдахиномъ и его свита. Въ соборѣ Императоръ былъ встрѣченъ музыкой и занялъ мѣсто на тронѣ, на правой сторонѣ отъ алтаря; по окончаніи литургіи въ томъ же порядкѣ Государь шествовалъ въ залу общаго собранія сейма, который и открылъ рѣчью на французскомъ языкѣ. Вечеромъ былъ данъ балъ, а на другой день въ соборѣ, въ присутствіи Государя, всѣ сословія приносили торжественную присягу на подданство свое Россійской Имперіи. Изъ Борго Государь поѣхалъ осматривать Гельсингфорсъ, Свеаборгъ, Або и затѣмъ уѣхалъ въ Петербургъ. Недовольный Кноррингомъ и его ссорами съ генералъ губернаторомъ, Государь назначилъ Главнокомандующимъ и генералъ губернатаромъ Барклая де Толли, съ приказаніемъ продолжать войну и ни въ какомъ случаѣ не входить съ непріятелемъ въ переговоры.

Но такъ какъ скоро шведы или англичане могли сдѣлать высадки въ Финляндіи, то Барклай-де-Толли не могъ дать Шувалову большаго войска, и тотъ долженъ былъ выступить изъ Торнео съ какими нибудь пятью тысячами человѣкъ. Безпрепятственно шелъ русскій отрядъ по Вестъ-Ботніи вдоль западнаго берега залива, оттѣсняя шведовъ все болѣе и болѣе на югъ. Въ одномъ мѣстѣ, чтобы окружить непріятеля и хотя этимъ заставить его вступить въ бой, Шува-

ловъ отрядилъ генерала Алексѣева съ охотниками—обойдти шведовъ по льду неширокаго залива. Смѣльчаки шли ночью по гибкому, рыхлому льду, увязая по колѣна въ снѣгу, безпрестанно проваливаясь и вытаскивая другъ друга изъ воды. Пройдя такимъ образомъ до сорока верстъ, они неожиданно предстали предъ изумленными шведами и заставили ихъ сдаться со всѣми пушками и знаменами. Послѣ этого Шуваловъ не рѣшался идти далѣе ,потому что слишкомъ удалился отъ главной квартиры и сталъ терпѣть недостатокъ въ продовольствіи; къ тому же, во время похода, отъ болѣзней, холода и усталости, число солдатъ его сильно убавилось. Аракчеевъ обвинилъ его въ трусости и приказалъ сдать начальство генералу Алексѣеву. Съ горстью солдатъ храбрый генералъ пошелъ дальше «противъ цѣлаго шведскаго королевства» и 20-го Мая занялъ г. Умео. Въ Іюнѣ въ Кваркенѣ появились шведскія суда, отрѣзали русскихъ отъ Финляндіи и дѣлали безпрестанныя высадки въ тылу ихъ. Алексѣеву невозможно было держаться долѣе на прежнемъ мѣстѣ, но на всѣ представленія его Аракчеевъ отвѣчалъ приказаніемъ оставаться въ Умео *«до послѣдняго человѣка»*. Тогда Алексѣевъ доносилъ, что, по желанію Государя, онъ готовъ въ огонь и въ воду, что уже успѣлъ доказать на дѣлѣ, но что, при настоящихъ обстоятельствахъ, одного усердія и храбрости его недостаточно, и потому съ чистою совѣстію признавая себя неспособнымъ къ командованію, проситъ прислать какого нибудь свѣдущаго въ военномъ дѣлѣ генерала. Государь, тронутый его скромностію, вызвалъ изъ отпуска графа Каменскаго. Прибывъ въ армію, Каменскій въ нѣсколькихъ битвахъ разбилъ Шведовъ. «Изъ одного боя»,— писалъ онъ въ своемъ донесеніи— «войска поспѣшали къ другому, съ поля сраженія дѣлали тотчасъ форсированные марши, послѣ форсированныхъ маршей вступали опять въ бой, съ тою же бодростью духа и

непоколебимою храбростію, которыя всегда знаменовали ихъ». Но недостатокъ въ продовольствіи и боевыхъ припасахъ заставилъ и Каменскаго отступить на время. Въ Питео онъ далъ солдатамъ отдохнуть три дня и, получивъ транспортъ изъ Улеаборга, снова пошелъ на Шведовъ, какъ вдругъ Сандельсъ предложилъ ему перемиріе, обезпечившее нашимъ невооруженнымъ судамъ свободное плаваніе по Ботническому заливу. Аракчеевъ былъ недоволенъ Каменскимъ; онъ не могъ понять, какъ можно отступать послѣ побѣды, но Императоръ взглянулъ на это дѣло благосклоннѣе и прислалъ Каменскому алмазные знаки ордена Св. Александра Невскаго. Успѣхи Русскихъ въ Швеціи заставили шведскихъ уполномоченныхъ, которые уже нѣсколько недѣль переговаривались съ Румянцевымъ о мирѣ, сдѣлаться сговорчивѣе, тѣмъ болѣе что Румянцевъ былъ неуступчивъ и требовалъ ихъ согласія на всѣ предлагаемыя Россіей условія. Миръ былъ подписанъ шведскими уполномоченными (барономъ Стедингкомъ и полковникомъ Шельдебрандтомъ) въ Фридрихсгамѣ 5-го (17-го) Сентября. Мы получили всю Финляндію до р. Торнео и Муоніо съ Аландскими о-вами; Шведы обязались заключить миръ съ Наполеономъ и Даніей и принять континентальную систему (съ нѣкоторыми ограниченіями). За славный и выгодный миръ Румянцевъ былъ сдѣланъ государственнымъ канцлеромъ.

Въ Декабрѣ 1808 г. въ Петербургѣ разошелся слухъ, что король и королева Прусскіе, передъ своимъ отъѣздомъ изъ Кенигсберга въ Берлинъ, собираются въ Петербургъ въ гости къ Императору. Такъ какъ всѣ русскіе чувствовали искреннее состраданіе къ этой четѣ, униженной Наполеономъ, то вѣсть о скоромъ пріѣздѣ ихъ въ нашу столицу возбудила любопытство и участіе во всемъ населеніи.—«Въ

Петербургѣ»—разсказываетъ Вигель—«всѣ толки шли болѣе о королевѣ, которая блистала прелестію красоты, и въ то же время двойнымъ величіемъ сана и несчастія. Любовь къ ней Русскихъ умножалась всею ненавистью ихъ къ Наполеону, столь не рыцарски изливавшему всю злость свою противъ нея. Въ день Рождества, вечеромъ, ожидаемая чета, въ сопровожденіи принцевъ своего дома, прибыла въ Стрѣльну. На другое утро, 26-го Декабря, были они встрѣчены съ великими почестями. Погода стояла суровая и холодная, какъ нарочно, въ этотъ день сдѣлалась совершенная оттепель. Не доѣзжая до Петергофской заставы, отъ которой гвардейскіе полки стояли по обѣимъ сторонамъ улицъ до Зимняго дворца, королева остановилась на дачѣ Бергина, чтобы переодѣться въ нарядное платье и сѣсть въ приготовленную для нея осмистекольную, раззолоченую карету. У этой заставы, Императоръ въ сопровожденіи Великаго Князя Константина Павловича, множества военныхъ генераловъ и нѣкоторыхъ посланниковъ иностранныхъ дворовъ, встрѣтилъ ее, и оттуда вмѣстѣ съ королемъ и его свитой имѣлъ торжественный въѣздъ. Палили изъ пушекъ, звонили въ колокола».

«Одинъ человѣкъ былъ весьма примѣчателенъ въ это утро, безстыдно и нагло пользуясь большими правами своими, французскій посолъ Коленкуръ. Когда всѣ были въ парадныхъ мундирахъ, и полиція никого не пускала по улицамъ, по которымъ долженъ былъ пройдти церемоніальный поѣздъ, онъ разъѣзжалъ верхомъ между полками, одинъ, въ сюртучкѣ и круглой шляпѣ, съ видомъ величайшаго неудовольствія и досады; когда же проѣхалъ мимо его Государь съ королемъ, онъ пожалъ плечами и злобно улыбнулся. Это видѣлъ народъ, и если бы не былъ удерживаемъ страхомъ, закидалъ бы его грязью и каменьями. Тутъ не было ничего обиднаго для Россіи, какъ послѣ оказалось: привык-

нувъ видѣть своего императора окруженнаго толпою королей имъ побѣжденныхъ или имъ нажалованныхъ, Коленкуръ находилъ, что другой, равный ему императоръ унижаетъ свое достоинство, воздавая такую честь тому, котораго бы могъ онъ почитать едва ли не вассаломъ своимъ».

По поводу пріѣзда гостей и обрученія Великой Княгини Екатерины Павловны съ принцемъ Ольденбургскимъ Георгіемъ, въ двѣ недѣли Рождества и новаго года, при дворѣ устраивались празднества, маскарады, фейерверки и давались блестящіе балы. «Замѣчательно было» — продолжаетъ Вигель, — «что во всѣхъ иллюминованныхъ домахъ, какъ казенныхъ, такъ и частныхъ, согласно волѣ Императора, вездѣ горѣли однѣ вензелевыя имена короля и королевы прусскихъ, какъ-бы въ доказательство, что всѣ сіи торжества происходили только по случаю ихъ пріѣзда. Одинъ лишь Коленкуръ, постоянно изъявлявшій къ нимъ презрѣніе, не согласился сообразоваться съ симъ, и на домѣ своемъ выставилъ одну огромную литеру Е, вензель невѣсты.»

Послѣ Эрфуртскаго свиданія, Наполеонъ считалъ свои дѣла почти улаженными и потому, передъ отъѣздомъ своимъ въ Испанію, заговорилъ съ Императоромъ Францомъ языкомъ высокомѣрнымъ и даже грубымъ: «Если Ваше Величество»—отвѣчалъ онъ на любезное письмо Франца — «существуете теперь какъ есть, то это съ моего согласія... Удержитесь отъ всякаго вооруженія, которое можетъ причинить мнѣ безпокойство и не дѣлайте диверсій въ пользу Англіи.» Но австрійское правительство продолжало свои вооруженія. Лишь только Наполеонъ явился въ Испанію, Французы стали одерживать новыя побѣды и быстро, хотя съ большими потерями, подвигались къ Мадриту. Наконецъ, послѣ отчаяннаго сопротивленія пала и столица Испаніи; англійскій корпусъ и корпусъ маркиза Романы отступили на край полуострова; но возстаніе, потушенное въ одномъ мѣстѣ, вспы-

хивало въ другомъ и Наполеону оставалось еще много дѣла, какъ вдругъ онъ уѣхалъ въ Парижъ. Заставъ здѣсь Румянцева, Наполеонъ старался задобрить его и для того осыпалъ своимъ вниманіемъ и подарками: если-бы два колоса приблизились къ Австріи, одинъ съ Востока, другой съ Запада, Австрія принуждена бы была уступить и произвела бы разоруженіе; вообще Наполеонъ хотѣлъ передъ отъѣздомъ Румянцева узнать намѣренія Александра. Но Императоръ рѣшился остаться зрителемъ борьбы и заявилъ Коленкуру, что употребитъ всѣ старанія, чтобы удержать Австрію отъ войны; въ то же время, онъ объявилъ австрійскому послу, Шварценбергу, что будетъ дѣйствовать «за одно съ Наполеономъ», если Австрія начнетъ войну первая. Между тѣмъ Наполеонъ всячески старался вызвать Австрію: давно онъ не говорилъ ни слова съ посланникомъ Меттернихомъ, велѣлъ оскорблять вѣнскій дворъ въ журналахъ и дѣлалъ открытыя приготовленія къ войнѣ. Въ Мартѣ отношенія между вѣнскимъ и тюльерійскимъ дворами сдѣлались до того натянутыми, что Австрія безъ объявленія войны, двинула свои войска въ разныя стороны: эрцгерцоги Карлъ, Іоаннъ и Фердинандъ вошли въ Баварію, Ломбардію и Галицію, а отдѣльные отряды появились въ Тиролѣ и Саксоніи. Австрійская армія была почти равносильна французской и имѣла передъ нею то преимущество, что не была такъ разбросана, но эрцгерцогъ Карлъ не съумѣлъ этимъ воспользоваться. Онъ пропустилъ много времени на фальшивые манѐвры и вообще дѣйствовалъ вяло и нерѣшительно; тогда какъ Наполеонъ шелъ быстро и смѣло, отбросилъ Австрійцевъ и заняль Ратисбону, затѣмъ Пассау, Линцъ и самую Вѣну.

При самомъ началѣ войны Императоръ Александръ воспретилъ австрійскому посланнику бывать при дворѣ и сдѣлалъ распоряженіе о выступленіи въ походъ 70-ти тыс. арміи, собранной на западной границѣ еще до открытія воен-

ныхъ дѣйствій. Начальникомъ арміи Государь назначилъ князя Сергѣя Ѳедоровича Голицына, отличавшагося въ войнахъ съ Турками подъ начальствомъ Румянцева и Потемкина и украшеннаго Георгіевской звѣздой. Въ Петербургѣ считали союзъ съ Наполеономъ вынужденнымъ и не вѣрили, что русскія войска будутъ сражаться съ Австрійцами; даже служившіе при дворѣ каждый день посѣщали опальнаго Шварценберга и многія дамы провожали его до первой станціи, когда онъ долженъ былъ уѣхать изъ Россіи. Часть русской арміи вступила въ Галицію, гдѣ противъ ерцгерцога Фердинанда уже дѣйствовалъ польскій корпусъ Понятовскаго; но русскимъ приказано было дѣйствовать самостоятельно и дѣлать нападеніе на Австрійцевъ только въ томъ случаѣ, когда они первые аттакуютъ Понятовскаго. Австрійцы съ своей стороны никакъ не хотѣли считать Императора Александра своимъ врагомъ, избѣгали сраженій съ русскими и не разъ входили въ сношенія съ русскими начальниками; только однажды, близъ Уланова произошла небольшая стычка между нашими казаками и австрійскими гусарами, но на другой день намъ возвратили двухъ плѣнныхъ казаковъ и австрійскій парламентеръ объяснилъ эту стычку простымъ недоразумѣніемъ. Такимъ образомъ Наполеонъ имѣлъ право жаловаться своему союзнику на «измѣнническіе поступки» Голицына.

Когда Русскіе и Поляки заняли Галицію, вражда между ними стала усиливаться. Поляки мечтавшіе о возсоединеніи Польши въ ея старинныхъ границахъ, смотрѣли на Русскихъ какъ на своихъ враговъ и въ занятіи польскихъ земель русскими войсками видѣли посягательство на свои права. Кичливый Понятовскій безпрестанно жаловался Наполеону на Голицына и велъ себя съ русскими высокомѣрно. «Наглость войскъ варшавскихъ» — писалъ Голицынъ Государю — «выходитъ изъ границъ... Обоюдная ненависть другъ

къ другу царствуетъ не токмо между офицерами, но даже между нижними чинами обѣихъ армій». Въ Краковѣ и въ другихъ городахъ стали происходить частые поединки между польскими и русскими офицерами. Черезъ недѣлю послѣ перваго донесенія, Голицынъ снова писалъ Государю: «Не могу изъяснить Вашему Величеству всѣхъ уничиженій, которыя войска наши отъ Варшавцевъ переносить должны. Смѣю сказать, что если бы я былъ помоложе, то не достало бы у меня терпѣнія».

Понятовскій, какъ и многіе Поляки, считали разрывъ Россіи съ Франціей лучшимъ средствомъ къ возстановленію Польши. Лишь только начались переговоры о мирѣ, Поляки стали перехватывать нашихъ дипломатическихъ чиновниковъ, вскрывать наши депеши и вообще не скрывали своей ненависти къ «Москалямъ»; къ довершенію всего Понятовскій назвалъ себя «главнокомандующимъ польской арміи». Когда въ нѣкоторыхъ польскихъ земляхъ, присоединенныхъ къ Россіи по раздѣламъ Польши, вспыхнуло возстаніе, Императоръ приказалъ Румянцеву сообщить Коленкуру, чтобы онъ испросилъ у Наполеона полномочіе на заключеніе предварительной конвенціи о будущей судьбѣ Галиціи. «Императоръ Александръ»—писалъ Румянцевъ—«ничего болѣе нежелаетъ, какъ пребыть вѣрнымъ союзу, продолженію коего угрожаютъ смуты, возникшія въ нѣкоторыхъ областяхъ бывшей Польши. Потому необходимо опредѣлить жребій сего края конвенціею, которая упрочила-бы союзъ и обезпечила-бы Россіи спокойное обладаніе губерніями, доставшимися ей отъ раздѣла Польши». Государь отказывался даже отъ всякаго вознагражденія, лишь-бы только Галиціи осталась за Австріей. Но Наполеонъ не исполнилъ его желаніе и Шенбрунскимъ трактатомъ 2 (14) Октября 1809 г. раздѣлилъ Галицію: часть ея присоединилась къ Варшавскому герцогству, другая—восточная (безъ г. Броды) къ Россіи.

Усиленіе Варшавскаго герцогства, присоединеніемъ къ нему территоріи съ 2-мя милліонами населенія, могло возбудить въ Полякахъ мечты о возстановленіи Польскаго королевства, поэтому Императоръ остался недоволенъ Шенбрунскимъ трактатомъ и просилъ Наполеона подписать такую конвенцію, которая навсегда-бы обезпечила миръ въ нашихъ польскихъ губерніяхъ, а Полякамъ внушила увѣреніе, что Польша никогда не будетъ возстановлена въ ея прежнихъ границахъ. Наполеонъ отвѣчалъ черезъ Шампаньи, что готовъ содѣйствовать Императору во всемъ, что можетъ «истребить имя Польши и Поляковъ, не только во всѣхъ государственныхъ бумагахъ, но даже и въ Исторіи, дабы положить конецъ мечтаніямъ, болѣе вреднымъ для самихъ Поляковъ, нежели тревожнымъ для правительствъ, которымъ они принадлежатъ». Дѣйствительно 24 декабря Коленкуръ подписалъ такую конвенцію, но Наполеонъ, обязавшійся ратификовать ее не позже 50 дней, отказался отъ этого...

Теперь ему не зачѣмъ было щадить Россію и угождать Александру: его начинала уже тяготить эта зависимость отъ воли Русскаго Императора

—

X.

Война съ Персіей.—Дѣйствія отрядовъ Лисаневича и Корягина. — Каспійская флотилія и неудачи генерала Завалишина.—Походъ князя Цыціанова.—Графъ Гудовичъ и война съ Турціей.—Неудача у Ахалкалаки.—Арпачайская побѣда.—Возобновленіе турецкой войны на Дунаѣ.—Прозоровскій и неудачи у Браилова.—Мнѣніе Императора.—Болѣзнь и смерть Прозоровскаго.—Багратіонъ.—Каменскій и его успѣхи. — Неудача подъ Шумлой и Рущукомъ.—Послѣднія побѣды и смерть Каменскаго.—Кутузовъ.—Битва у Рущука,—Пораженіе арміи визиря.—Переговоры о мирѣ и Бухарестскій миръ.

Въ одинъ годъ съ открытіемъ военныхъ дѣйствій противъ Наполеона. въ Закавказьи началась война съ Персіей. Персидскій владѣтель *Баба-ханъ* еще въ 1804 году пытался возбудить повсемѣстное возстаніе противъ Русскихъ, чтобы двинуться потомъ на нихъ со всѣми силами и заставить ихъ уйдти изъ Закавказья и очистить Грузію. Неудачу Цыціанова подъ Эриванью Баба-ханъ приписывалъ храбрости своихъ войскъ и своимъ военнымъ способностямъ; поэтому въ фирманахъ своихъ или воззваніяхъ къ знатнымъ лицамъ Грузіи и Дагестана онъ обнадеживалъ ихъ помощію «своего непобѣдимаго воинства». Но многіе владѣтели не только не отзывались на его предложенія, но даже доставляли эти фирманы Цыціанову, сообщая ему при этомъ о намѣреніяхъ Персіанъ. Такимъ образомъ въ началѣ Апрѣля Цыціановъ узналъ, что въ Таврисѣ собрались огромныя полчища Персіанъ и что они намѣрены идти на Русскихъ. Медлить было невозможно, и Цыціановъ рѣшился выступить въ походъ, хотя посланныя изъ Россіи подкрѣпленія еще не успѣли по-

дойдти, а его собственныя—закавказскія силы были крайне-незначительны. Для того, чтобы отвлечь нѣсколько силы и вниманіе Персіанъ, Циціановъ приказалъ каспійской флотиліи двинуться къ Энзели и Решту.

Но по разнымъ обстоятельствамъ флотилія запоздала: *Баба-ханъ* пошелъ къ Таврису, а *Аббасъ-Мирза* съ другимъ большимъ отрядомъ направился къ Карабахскому ханству; въ то же время третій большой отрядъ Персіанъ занялъ Ериванъ. Циціановъ стянулъ свои силы къ Елизаветполю и Бамбаки, а майора Лисаневича съ небольшимъ отрядомъ поелалъ къ Шушѣ, приказавъ ему расположиться у Аракса, близь Худоперинскаго моста и мѣшать переходу Персіанъ черезъ рѣку. Изъ 14 каменныхъ мостовыхъ арокъ одна была испорчена, и переходъ черезъ мостъ, безъ исправленія арки, былъ невозможенъ; слѣдовательно, расположившись здѣсь, Лисаневичъ могъ мѣшать исправленію моста и такимъ образомъ задерживать Персіанъ. Но 10,000 Персіанъ благополучно перешли Араксъ въ бродъ въ разныхъ мѣстахъ и указали путь Аббасу-Мирзѣ, который тоже перебрался на лѣвый берегъ со всѣми своими полчищами. Едва Лисаневичъ узналъ объ этомъ, какъ съ горстью храбрецовъ пошелъ на встрѣчу непріятелю и вступилъ съ нимъ въ отчаянный бой. Несмотря на страшную несоразмѣрность силъ, Персіане были разбиты и въ безпорядкѣ бѣжали за Араксъ, гдѣ получили подкрѣпленіе. Лисаневичъ отступилъ къ Шушѣ, тѣмъ болѣе, что самъ ханъ настоятельно просилъ русскихъ занять крѣпость: въ виду опасности многіе жители уже бѣжали и почти всѣ волновались. «Въ самой Шушѣ», — доносилъ Лисаневичъ, — «исключая хана и его дома, всѣ привержены къ Персіанамъ и ихъ удерживаетъ только открыто пристать къ Персіанамъ нахожденіе тамъ ввѣреннаго мнѣ отряда». Персіане ворвались въ Карабахъ, жгли поля, засѣянныя хлѣбомъ, истребляли селенія и въ

короткое время превратили эту богатую страну въ пустыню.

Другой отрядъ Русскихъ въ 400 чел. при 2 орудіяхъ подъ начальствомъ полковника Корягина пошелъ изъ Елизаветполя къ крѣп. Оскорани, гдѣ непріятель стоялъ лагеремъ и куда, по распоряженію Цицiанова, долженъ былъ придти изъ Шуши и отрядъ Лисаневича, чтобы вмѣстѣ мѣшать Персіанамъ вторгнуться въ Елисаветпольскій округъ. Корягину пришлось на протяженіи 14 верстъ пробиваться черезъ полчища Персіанъ; только къ вечеру онъ дошелъ до р. Оскорани.

Солдаты были крайне утомлены; но лишь только отрядъ остановился, какъ 15,000 Персіанъ окружили его и до самой ночи дѣлали стремительныя нападенія. Въ ночь Персіане устроили батареи и частыми выстрѣлами съ нихъ отрѣзали отрядъ отъ ручья, въ которомъ онъ бралъ воду. Сотня егерей бросилась въ штыки и въ полчаса завладѣла пятью батареями; но людей въ отрядѣ было слишкомъ мало, чтобы защищать батареи и онѣ были тотчасъ же разрушены. Прошло четверо сутокъ, русскіе гибли, но защищали окопы мужественно. Въ отрядѣ было 33 человѣка убитыхъ и 164 раненыхъ, въ томъ числѣ самъ Корягинъ, майоръ Котляревскій и еще одинъ офицеръ; нѣсколько солдатъ перебѣжало къ Персіанамъ. Положеніе отряда становилось гибельнымъ, тѣмъ болѣе что Лисаневичъ не приходилъ. Тогда Котляревскій предложилъ офицерамъ идти въ предстоящую ночь тайно или на проломъ въ крѣп. Шахъ-Булахъ. Корягинъ собралъ тяжело раненыхъ, зарядилъ орудія картечью и въ ночь, безъ шуму, выступилъ изъ окоповъ. Солдаты повезли орудія на себѣ, а на оставшихся лошадяхъ поѣхали раненые офицеры. Обозъ былъ оставленъ на мѣстѣ, чтобы задержать жадныхъ Персіанъ. Дѣйствительно, непріятель прежде всего бросился грабить русскій лагерь, и только небольшая часть ихъ преслѣдовала отрядъ. Корягинъ благо-

получно дошелъ до Шахъ-Булаха и занялъ его штурмомъ. На другой день Аббасъ-Мирза обложилъ крѣпость. Въ 13 дней вышли всѣ съѣстные припасы и отрядъ сталъ терпѣть голодъ. «Если ваше сіятельство — писалъ Корягинъ Циціанову — не поспѣшите на помощь, то отрядъ погибнетъ, не отъ сдачи; къ коей не приступлю до послѣдней капли крови, но отъ крайности въ провіантѣ».

Люди послѣдніе 4 дня питались травой и лошадинымъ мясомъ. Отчаянное положеніе отряда внушило офицерамъ отчаянную мысль: пробраться къ крѣпости Мухрату, которая представляла больше средствъ къ защитѣ и находилась въ 25 в. отъ Шахъ-Булата. Между тѣмъ главнокомандующій получилъ небольшое подкрѣпленіе изъ Тифлиса и съ отрядомъ въ 2,000 чел. шелъ выручать Корягина По причинѣ сильнаго зноя, отрядъ двигался медленно; несмотря на то, лишь только Персіане узнали о движеніи Циціанова, они освободили Мухратъ и поспѣшно отступили за Араксъ. Такимъ образомъ Корягинъ благополучно соединился съ главнымъ отрядомъ.

Каспійская флотилія, на которую такъ разсчитывалъ Циціановъ, не имѣла успѣха; прибывъ къ Энзели слишкомъ поздно, она не успѣла отвлечь сюда силы Персіанъ. Лишь только суда приблизились къ берегу и одинъ галіотъ вошелъ въ проливъ мимо непріятельскихъ батарей, Персіане бросили ихъ и въ испугѣ разбѣжались. Тогда начальствовавшій флотиліей генералъ-маіоръ Завалишинъ приказалъ высадиться десанту, устроилъ здѣсь небольшой редутъ и вооружилъ его снятыми съ судовъ морскими пушками. На другой день, оставивъ на берегу небольшой гарнизонъ, Завалишинъ отправился съ отрядомъ въ 800 чел. и съ 3-мя орудіями по дорогѣ отъ Пери-Базара къ Рešту, чтобы аттаковать 7,000 корпусъ Персіанъ. Дорога, не длиннѣе 14 верстъ, была очень узка и шла лѣсомъ. Персіане заранѣе

уничтожили всѣ мосты, подѣлали засѣки и различныя засады, и изъ за нихъ осыпали русскихъ цѣлымъ градомъ пуль. Всѣ лошади подъ орудіями были убиты и солдаты должны были тащить ихъ на рукахъ по кочкамъ и рвамъ. Отрядъ не прошелъ и половины дороги, какъ сломалась ось у одного орудія, а у людей были разстрѣляны почти всѣ патроны. Идти дальше было невозможно, тѣмъ болѣе что дорога пересѣкалась широкой канавой, на которой каменный мостъ былъ разрушенъ. Завалишинъ далъ солдатамъ отдохнуть полчаса и повелъ ихъ назадъ, а Персіане ободренные отступленіемъ русскихъ, нападали на нихъ еще съ большею стремительностію: только картечь сдерживала натискъ непріятеля и три раза разсѣевала его толпы. Русскіе остановились въ Энзели въ ожиданіи отвѣта отъ Баба-Хана. Но скоро начались здѣсь страшные жары; въ отрядѣ появились болѣзни: въ 4 дня захворало 300 чел., а еще черезъ 3 дня больныхъ оказалось болѣе 500; тогда Завалишинъ перевелъ войска на суда и поѣхалъ къ Баку.

Гуссейнъ-Кули-Ханъ Бакинскій уже заранѣе приказалъ жителямъ вывозить въ горы имущества и семейства, и занялся вооруженіемъ крѣпости. Приготовившись къ отчаянной оборонѣ, онъ велѣлъ завалить камнями всѣ ворота, за исключеніемъ тѣхъ, черезъ которыя думалъ бѣжать, въ случаѣ неудачи. Завалишинъ вступилъ съ нимъ въ переговоры, но ханъ сначала тянулъ время, а затѣмъ на отрѣзъ отказался сдать крѣпость, разчитывая на скорую помощь Кубанцевъ. Русскіе начали уже блокировать крѣпость и заняли нѣкоторыя высоты, господствующія надъ крѣпостію, когда до нихъ дошло извѣстіе о приближеніи къ Баку кубинскаго хана съ многочисленнымъ войскомъ. Завалишинъ долженъ былъ снять блокаду и посадить войска на суда. «Скажу вашему превосходительству,—писалъ ему Цiціановъ—что если-бы я не ходилъ по горницѣ на костыляхъ,

отъ изнурившей меня болѣзни, и еслибъ четыреста верстъ меня не раздѣляли съ вами,—хотя сія и не велика остановка, а самая важная та, что я не имѣю отъ васъ курьера и не могу знать послѣдней вашей резолюціи объ отступленіи,—то я-бы полетѣлъ на выручку славы русской, и скорѣй-бы легъ подъ стѣнами Баки, нежели далъ кичиться Гуссейнъ-Кули-хану тѣмъ, что онъ отбилъ Русскія войска, и что они ничего ему не сдѣлали». Цпціановъ предписалъ Завалишину идти снова къ Баку. Ханъ по прежнему тянулъ время и отказывался сдать городъ. Донося объ этомъ Цицiянову, Завалишинъ высказалъ между прочимъ и свое предположеніе, что съ приходомъ подъ Баку самого князя кичливость хана прекратится и онъ сдастъ крѣпость. Тогда Цпціановъ двинулся въ походъ самъ (съ отрядомъ въ 1,663 чел. при 10 орудіяхъ), не смотря на зимнее, ненастное время и на свою тяжкую болѣзнь. Пароксизмы сильной лихорадки повторявшіеся нѣсколько разъ въ день изнурили Цпціанова. Онъ часто долженъ былъ сходить съ лошади и ложиться на землю, и подъ снѣгомъ или дождемъ выдерживать сильнѣйшіе припадки болѣзни, послѣ чего уже догонялъ отрядъ на привалахъ. Цпціановъ шелъ къ Баку черезъ владѣнія Ширванскаго хана, который давно переговаривался съ нимъ о подданствѣ. Появленіе Цпціанова съ войскомъ ускорило рѣшеніе: ханъ въ самое Рождество далъ присягу на вѣчное подданство Россійской Имперіи. Ширванское ханство было очень богато: наши фуражиры, по донесенію Цпціанова, въ простыхъ деревняхъ у крестьянъ находили англійскую фаянсовую посуду и другія вещи роскоши; но главнѣйшая выгода для насъ состояла въ томъ, «что онымъ черезъ Баку, между Грузіей и Астраханью, возстановится торговая связь и изъ сей послѣдней приходящіе товары въ Баку будутъ на отчетѣ Мустафа-хана ширванскаго, препровождаемы со всею безопасностію до ше-

ппнскаго владѣнія, гдѣ встрѣчать будетъ подобные караваны отрядъ войскъ въ ономъ квартирующій»—доносилъ Цицiановъ Императору:

«Съ такимъ успѣхомъ—говоритъ историкъ Цицiанова—совершались тѣ предпріятія Цицiанова, въ которыхъ исполнителемъ былъ онъ самъ, и планъ военныхъ дѣйствій на 1805 г., не смотря на неудачу Каспійской флотиліи, несмотря на всѣ усилія Персіи уничтожить замыслы Цицiанова, созрѣвалъ въ полномъ своемъ объемѣ, и давалъ именно тѣ результаты, на которые разсчитывалъ главнокомандующій. Со стороны Каспійскаго моря оставалось покорить только Баку».

Но это было послѣднимъ славнымъ дѣломъ Цицiанова.

Въ Ширвани онъ написалъ новое письмо къ Бакинскому хану и, не дождавшись отъ него отвѣта, выступилъ въ походъ въ Ноябрѣ мѣсяцѣ. Путь черезъ Шемахинскія владѣнія былъ чрезвычайно труденъ, по случаю безкормицы и ненастья: дожди смѣнялись снѣгомъ и затрудняли движеніе, такъ что Цицiановъ только 30 Января дошелъ до Баку. Здѣсь снова главнокомандующій призывалъ Гуссейнъ-Кули хана къ раскаянію и требовалъ безусловной сдачи. Ханъ не только отвѣчалъ согласіемъ, но даже назначилъ день и мѣсто, гдѣ должны были быть вручены главнокомандующему ключи отъ Бакинской крѣпости. 8 Февраля рано утромъ Цицiановъ съ отрядомъ въ 200 чел., которые предназначались занять караулы въ Баку, приблизился къ колодцу, находившемуся въ полверстѣ отъ крѣпостной стѣны. Старшины города подали главнокомандующему ключи, хлѣбъ-соль и просили его лично успокоить хана полнымъ прощеніемъ. Цицiановъ согласился, и, принявъ хлѣбъ-соль, возвратилъ ключи съ тѣмъ, чтобы ханъ самъ, лично вручилъ ихъ ему. Дѣйствительно, ханъ немедленно выѣхалъ изъ крѣпости, окруженный важными лицами ханства, но лишь только Ци-

ціановъ въ сопровожденіи полковника Эристова и одного казака подъѣхалъ къ нему близко, одинъ Бекъ, по знаку хана, выстрѣлилъ изъ пистолета въ Цпціанова, а другой въ Эристова. Въ то же время Бакинцы съ страшнымъ крикомъ дали залпъ по отряду, а убійцы бросились на главнокомандующаго и, отрѣзавъ ему голову, съ торжествомъ отослали ее въ подарокъ Баба хану.

Такъ погибъ князь Цпціановъ, среди своей кипучей дѣятельности, жертвою излишней довѣрчивости къ коварнымъ азіатамъ. При томъ нравственномъ вліяніи, какое пріобрѣлъ онъ надъ кавказскими горцами и при той сильной волѣ, съ которою онъ приводилъ въ исполненіе предписанія Императора, онъ могъ бы въ скоромъ времени устроить дѣла Закавказья и утвердить въ немъ благосостояніе стоившее впослѣдствіи правительству столько усилій, трудовъ и крови.

На мѣсто Цпціанова назначенъ былъ графъ *Гудовичъ*, человѣкъ старый, болѣзненный, и отличавшійся недоступностію характера. Не успѣлъ онъ пріѣхать на мѣсто, какъ Ибрагимъ ханъ отложился отъ Россіи и пригласилъ къ себѣ Персіанъ, а въ Грузіи появилась чума. Когда Гудовичъ прибылъ въ Грузію, Персіане уже были разбиты на голову генераломъ Небольсинымъ и бѣжали за Араксъ, такъ что прежде всего главнокомандующій принялъ мѣры для прекращенія чумы, а затѣмъ послалъ генерала Булгакова противъ Бакинскаго ханства. Бакинская крѣпость была взята и весь Дагестанъ покорился Россіи.

Въ этотъ годъ началась война съ Турками. Чтобы задержать анатолійскія войска въ Азіи и отвлечь ихъ отъ Дуная, Императоръ предписалъ Гудовичу немедленно идти противъ Турокъ; но подкрѣпленій прислать не обѣщалъ до тѣхъ поръ, пока Наполеонъ не будетъ отраженъ отъ Вислы. Въ распоряженіи Гудовича было только 11,000 войска, съ которыми онъ долженъ былъ и защищать Грузію, и воевать

съ Персіанами и Турками. Къ счастію, Персіане вступили въ переговоры о мирѣ и тѣмъ развязали намъ руки. Гудовичъ для наблюденія надъ Персіанами оставилъ отрядъ Небольсина, а самъ выступилъ противъ Турокъ. Небольшая армія, съ которою онъ наступалъ, была раздѣлена на три отдѣла: главный отрядъ въ 4,000 человѣкъ подъ начальствомъ самого главнокомандующаго направился къ Ахалкалаки, правое крыло должно было дѣйствовать противъ Поти, а лѣвое — идти на Карсъ. Гудовичъ имѣлъ въ виду, по взятіи Ахалкалаки, идти на Ахалцыхъ, чтобы удержать Турокъ отъ вторженія въ Мингрелію и Имеретію, и помѣшать Эрзерумскому сераскиру идти къ Карсу. Въ ущельяхъ, мимо которыхъ проходили наши войска главной колоны, засѣли Лезгины и мѣшали маршу, но Гудовичъ дошелъ до Ахалкалаки и приступилъ къ бомбардированію крѣпости. Хотя орудія наши были поставлены не дальше полуверсты отъ крѣпостныхъ стѣнъ, выстрѣлы не повредили стѣнъ и не могли зажечь домовъ, такъ какъ кр. Ахалкалаки была окружена очень толстыми и высокими стѣнами, а дома города были построены такъ, что надъ землей возвышалась только четвертая часть ихъ, и та была обложена дикими камнями и сверху прикрыта землей. Послѣ безуспѣшнаго двухъ-дневнаго бомбардированія, Гудовичъ рѣшился взять крѣпость приступомъ; но и приступъ не удался. Одна башня занятая уже нашими солдатами была взорвана непріятелемъ и взлетѣла на воздухъ, въ это же время Турки сдѣлали вылазку и отбили одно наше орудіе, громившее крѣпостныя ворота. Гудовичъ отступилъ съ потерей 1,000 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ. Такъ же неудачны были дѣйствія другихъ нашихъ отрядовъ. Скоро Гудовичъ загладилъ эти неудачи славной побѣдой надъ 24 т. корпусомъ сераскира Юсуфа-паши, при рѣкѣ Арпачаѣ. Русскіе овладѣли тремя лагерями, взяли 3 мортиры и болѣе

20-ти орудій. Арпачайская побѣда имѣла важное значеніе. она не только дала намъ перевѣсъ надъ Турками, но и удержала Персіанъ отъ соединенія съ ними. Персіане стояли у Эривани и выжидали исхода битвы, готовясь ринуться на наши войска, въ случаѣ побѣды сераскира, и лишь только шахъ узналъ, что Турки разбиты, какъ прислалъ поздравить Гудовича съ побѣдой и подарилъ ему верховую лошадь съ богатымъ убранствомъ. За арпачайское дѣло, Государь пожаловалъ главнокомандующаго генералъ-фельдмаршаломъ.

Почти годъ послѣ этого, Персіане и Турки вели переговоры о мирѣ, и только въ Ноябрѣ 1808 г., Абассъ-Мирза снова пошелъ къ Нахичевани. Генералъ Небольсинъ второй разъ разбилъ Персіанъ и занялъ Нахичевань.

Въ то время, когда безпрестанныя революціи, интриги и ссоры пашей ослабляли Порту, наша дунайская армія, связанная перемиріемъ, почти годъ стояла въ бездѣйствіи. Изъ Ерфурта Государь писалъ Прозоровскому, чтобы онъ началъ договариваться о мирѣ на условіяхъ: 1) уступки намъ Бессарабіи, Молдавіи и Валахіи, 2) утвержденія за нами Грузіи, Имеретіи и Мингреліи, и 3) признанія независимости Сербскаго народа; а въ случаѣ отказа Порты, немедленно же началъ-бы военныя дѣйствія. Порта прямо не отказывалась отъ мира и вела переговоры до самаго 1809 года. Въ Февралѣ мѣсяцѣ, въ Яссы ожидали уже уполномоченныхъ отъ Турціи, какъ вдругъ въ Константинополь явился англійскій посолъ и сталъ предлагать Портѣ миръ; англійскаго посла поддерживалъ и австрійскій нунцій. Сообщая это Прозоровскому, Императоръ приказалъ ему послать туда офицера, съ объявленіемъ султану, что Русскіе немедленно начнутъ войну, если черезъ двое сутокъ англійскій посолъ не будетъ высланъ изъ Константинополя. Появленіе въ Кон-

стантинополѣ флигель-адъютанта Паскевича, поставило турецкое правительство въ страшное затрудненіе: съ одной стороны угрожала Россія, съ другой — англійскій флотъ готовился бомбардировать Дарданеллы и Константинополь. Куда бы Порта не обратилась, вездѣ висѣли однѣ бѣды и нигдѣ не было выгоды. Въ такую критическую минуту, диванъ, изъ желанія отвратить ближайшую грозу, рѣшился заключить миръ съ Англіей.

Такъ возобновилась турецкая война, которая на этотъ разъ продолжалась безъ промежутковъ три года. 80,000 армія почти годъ стояла въ Румыніи, въ ожиданіи войны и постепенно подготовлялась къ ней; подъ начальствомъ Прозоровскаго, находились лучшіе генералы, составившіе уже себѣ боевую славу, Порта была крайне ослаблена, вниманіе Европы и Наполеона было отвлечено, но старый главнокомандующій не съумѣлъ воспользоваться ни боевымъ превосходствомъ, ни благопріятными обстоятельствами. Сначало онъ думалъ овладѣть Браиловымъ, Тульчей и Измаиломъ, а потомъ уже, очиствивъ себѣ тылъ, перейдти черезъ Дунай; но дѣйствовалъ медленно и не вполнѣ обдуманно, оттого первые же шаги его были неудачны. Милорадовичъ не могъ взять Журжи, самъ главнокомандующій потерпѣлъ пораженіе подъ Браиловымъ. Послѣ 10-ти дневной блокады Браилова, Прозоровскій рѣшилъ штурмовать крѣпость. Въ ночь съ 19-го на 20-е Апрѣля, наши колонны вышли тихо и въ совершенной темнотѣ, отчего скоро потеряли сообщеніе между собою, а охотники и рабочіе ушли слишкомъ впередъ. Ложная атака нашего лѣваго крыла, заставила Турокъ пустить нѣсколько свѣтящихся ядеръ; они увидѣли движеніе Русскихъ и открыли огонь изо всѣхъ орудій. Охотники, падая на каждомъ шагу, взобрались на валъ, но не были поддержаны своими колоннами и почти всѣ были перебиты. Болѣе всѣхъ пострадалъ Фанагорійскій полкъ: онъ уже взобрался

на улицу, но тоже не былъ поддержанъ и долженъ былъ отступить; въ это время стоявшіе сзади него приняли въ темнотѣ Фанагорійцевъ за Турокъ и открыли по нимъ убійственный огонь. Въ этомъ страшномъ хаосѣ были убиты почти всѣ начальники колоннъ, а всего убитыхъ и раненыхъ было до 5,000 человѣкъ. Утромъ, когда войску приказано было отступить, Прозоровскій предался страшному отчаянію: бросался на колѣни, плакалъ и рвалъ на себѣ волосы. Возлѣ него стоялъ Кутузовъ и со свойственнымъ ему хладнокровіемъ пробовалъ утѣшать главнокомандующаго. «Не такія бѣды бывали со мной,»—говорилъ онъ,—«я проигралъ Аустерлицкое сраженіе, рѣшившее участь Европы, да не плакалъ.»

Государь, извѣщенный о неудачахъ Милорадовича и Прозоровскаго, не разгнѣвался на нихъ. Въ собственноручномъ рескриптѣ на имя главнокомандующаго, онъ высказалъ ему свое сожалѣніе и увѣрялъ въ прежнемъ своемъ довѣріи, но, излагая при этомъ свое собственное мнѣніе о приступахъ, Государь перешелъ къ разбору плана Прозоровскаго и замѣтилъ, что удерживать долго войска у крѣпостей и замедлять переправу ихъ черезъ Дунай, значитъ удалять отъ Турокъ тотъ страхъ приближенія, который стоитъ цѣлаго пораженія; съ другой стороны — придавать имъ бодрости, а Англичанамъ время сдѣлать диверсію. «Измѣривъ сіи важныя послѣдствія,» — писалъ Императоръ, — «вы признаете сами сущую необходимость взять Браиловъ, когда взять его уже необходимо нужно, и маскировавъ другія крѣпости, съ помощію Божіею, съ полною увѣренностію на храбрость и неутомимость нашихъ войскъ, и съ благоразумною дѣятельностію вашею, не теряя ни одной минуты и не ожидая непріятеля предъ Балканскими горами, идти на Константинополь. *Съ тѣхъ поръ, какъ переходятъ Альпы и Пиренеи, Балканскія горы для Русскихъ не могутъ быть преградою.*»

Не смотря на рескриптъ Императора, не смотря на вторичное приказаніе немедленно начать переправу черезъ Дунай, Прозоровскій медлилъ, созывалъ военный совѣтъ, выслушивалъ мнѣніе генераловъ, которые тоже указывали на необходимость быстрыхъ и рѣшительныхъ движеній, и все таки не приступалъ къ переправѣ. Только въ Іюлѣ начали строить мостъ у Галаца, и, когда онъ былъ готовъ, Прозоровскій простоялъ еще мѣсяцъ. Онъ давно уже былъ болѣнъ, но послѣ Браиловскаго дѣла сталъ видимо угасать, сдѣлался капризенъ, подозрителенъ, и въ такомъ настроеніи сталъ жаловаться Императору на Кутузова, будто бы тотъ возбуждаетъ недовѣріе къ нему, порочитъ его распоряженія и служитъ вообще помѣхой ему; при этомъ Прозоровскій просилъ Императора отозвать Кутузова изъ арміи. Въ уваженіе къ старику, Кутузовъ былъ назначенъ въ Вильно Литовскимъ Военнымъ Губернаторомъ. По отозваніи Кутузова, Прозоровскій сталъ самъ проситься въ отставку и ссылался на свои болѣзни: онъ теперь сталъ такъ слабъ, что не могъ садиться на лошадь и съ трудомъ ходилъ по комнатѣ. Когда же Государь прислалъ въ армію Багратіона съ предоставленіемъ Прозоровскому сдать ему всю армію или только одинъ корпусъ, Прозоровскій остался при арміи, а Багратіону передалъ корпусъ Кутузова, хотя былъ такъ боленъ, что не могъ уже наблюдать за переправою войска черезъ Дунай. Какъ медленно ни переходили Русскіе, Турки ушли изъ Исакчи, Тульчи и очистили о. Четалъ. Платовъ занялъ Бабадагъ. Только 3-го Августа переправился главнокомандующій, но дальше Мачинскаго рукава ѣхать не могъ и черезъ трое сутокъ умеръ.

Багратіонъ, какъ старшій въ арміи, немедленно пріѣхалъ въ главную квартиру и къ великой радости всего войска, принялъ начальство надъ арміей. Черезъ нѣсколько дней уже взяты были Мачинъ и Гирсово, а затѣмъ Кюстенджи. То же

войско, которое 30-го Августа заняло Кюстенджи, въ жаръ доходившій до 30° по R. сдѣлало около 100 верстъ маршу по мѣстамъ едва проходимымъ и, настигнувъ у Рассеваты 15 т. корпусъ Хозрева-Мехмета-паши, почти уничтожило его. Не смотря на усталость, войско дѣйствовало съ безпримѣрною живостію и необыкновеннымъ единодушіемъ. Намъ досталось до 30 знаменъ, 40 пушекъ и 1,000 плѣнныхъ. Давъ войску отдохнуть три дня и запастись продовольствіемъ, Багратіонъ направился къ Силистріи. Въ это время генералъ Марковъ занялъ Мангалію, а генералъ Зассъ взялъ Измаилъ. Бомбардированіе Силистріи произвело нѣсколько пожаровъ въ городѣ, но не заставило Турокъ сдаться: ночью на лодкахъ они имѣли сообщеніе съ другимъ берегомъ и вскорѣ узнали, что за русскими появился огромный корпусъ Визиря; къ тому же наступило ненастье и въ рядахъ русскихъ появились болѣзни; отъ дождей дороги страшно испортились и подвозъ артиллерійскихъ снарядовъ и орудій замедлялся. Багратіонъ попытался было выбить Визиря изъ окоповъ, но, когда и это неудалось, приказалъ снять осаду и сталъ медленно отступать къ Траянову валу. Тѣмъ временемъ Эссенъ взялъ Браиловъ, причемъ завладѣлъ множествомъ пушекъ, знаменъ и огромнымъ количествомъ боевыхъ припасовъ.

Взятіе Браилова было послѣднимъ трофеемъ Багратіона. Разстроенное здоровье и недоразумѣнія, возникшія между нимъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ Румянцевымъ, который былъ недоволенъ отступленіемъ Русскихъ на лѣвый берегъ Дуная, заставилъ Багратіона просить увольненія.

Главнокомандующимъ назначенъ былъ молодой герой Финляндской войны, графъ Каменскій, успѣвшій выказать рѣдкія военныя способности. Въ виду предстоящей войны съ Наполеономъ, ему предписано было какъ можно скорѣй окончить войну и заключить миръ съ Турками на прежнихъ условіяхъ. Между тѣмъ дунайская армія не превышала 75 т.

чел., была уже истомлена продолжительной войной, разстроена безпрерывными стычками съ Турками и обезсилена дунайскими лихорадками. Главнокомандующій прибылъ въ Яссы въ Мартѣ 1810 г. и сталъ немедленно готовиться къ походу. Отдѣливъ отрядъ на границы Сербіи для того, чтобы помочь военнымъ дѣйствіямъ и прикрыть Дунайскія княжества, Каменскій перешелъ въ началѣ Мая Дунай со всѣми силами, овладѣлъ Черноводами и Мангаліей, скоро затѣмъ взялъ Силистрію, потомъ Разградъ и Базарджикъ. За такіе быстрые успѣхи, Каменскій былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-й степени. Имя его стало произноситься во всѣхъ концахъ Имперіи и военнымъ способностямъ его стали отдавать справедливость даже многочисленные завистники молодого генерала. Вся Россія видѣла въ немъ свою надежду въ той гигантской борьбѣ, которую предвѣщали земныя и небесныя знаменія.

Каменскій подступилъ къ Шумлѣ, но тутъ счастіе отвернулось отъ него. Силы его были невелики въ сравненіи съ гарнизономъ Шумлы, которымъ начальствовалъ самъ великій визирь. Крѣпость была неприступна по природѣ и укрѣплена по всѣмъ правиламъ военнаго искуства; двѣ битвы съ Турками, стоившія намъ до 749 убитыхъ и раненыхъ, доказали невозможность овладѣть его штурмомъ. Тогда Каменскій рѣшился выморить визиря голодомъ и, обложивъ крѣпость широкимъ полукругомъ на пространствѣ 80 верстъ, началъ блокаду. Верховный визирь смотрѣлъ спокойно на наши приготовленія, укрѣплялъ Шумлу и черезъ лазутчиковъ и жителей сохранялъ сообщеніе съ Константинополемъ, гдѣ султанъ уже поднялъ знамя пророка и торжественно объявилъ о своемъ намѣреніи ѣхать въ армію, чтобы пасть въ борьбѣ или побѣдить Турками овладѣло необыкновенное одушевленіе: они не роптали даже на чрезмѣрные налоги. Въ Шумлу явился обозъ съ съѣстными припасами и Русскимъ

удалось захватить только 200 человѣкъ запоздавшихъ. Среди болгарскаго населенія появились измѣнники: зная всѣ тропы и лѣсные проходы, они нападали на нашихъ больныхъ и курьеровъ и наводили Турокъ на небольшія партіи. Оставаться долѣе у Шумлы было невозможно и Каменскій снова измѣнилъ планъ военныхъ дѣйствій: онъ рѣшилъ идти на Варну и, овладѣвъ ею, направиться къ Балканамъ восточнымъ путемъ—черезъ Добруджу, хотя такой путь по многимъ причинамъ былъ чрезвычайно неудобенъ. Чтобы меньше терять времени и больше обезопасить свой тылъ, Каменскій подошелъ къ Рущуку. Въ полторы недѣли окончены были всѣ осадныя работы и въ день тезоименитства Маріи Θедоровны, назначенъ былъ приступъ. Опытные офицеры убѣждали главнокомандующаго обождать, но онъ былъ непреклоненъ. Въ ночь на 22-е Іюля, за часъ до разсвѣта, по сигналу, молча выступили наши колонны со своихъ позицій. Начало приступа было удачнымъ: войска почти незамѣтно подошли ко рву, поставили лѣстницы и солдаты перекрестясь начали лѣзть на стѣны; не смотря на то, что лѣстницы оказались короткими, многіе охотники продолжали карабкаться наверхъ, подсаживая и поддерживая другъ друга; нѣкоторыя колонны уже спустились въ крѣпость, когда Турки сдѣлали вылазку. Хотя они были разбиты и бѣжали, но остановка въ приступѣ испортила все дѣло. Наши солдаты напрягали послѣднія силы, но не могли двинуться впередъ; Турки, какъ остервенѣлые поражали ихъ чѣмъ попало. Уже всѣ колонные начальники были убиты, массы раненыхъ и убитыхъ затрудняли движеніе; но Каменскій былъ непреклоненъ и пустилъ въ ходъ всѣ резервы; только послѣ пяти-часоваго ужаснаго кровопролитія, когда у насъ выбыло до 9,000 чел. убитыми и ранеными, онъ приказалъ отступить. Объясняя потомъ Императору свою неудачу, Каменскій не постыдился обвинить солдатъ въ тру-

сости и, въ пылу досады, просилъ объ увольненіи. Императоръ, отличавшійся тонкимъ пониманіемъ человѣческаго сердца, не только не разгнѣвался на Каменскаго, но даже написалъ ему собственноручный отвѣтъ, въ которомъ старался успокоить и утѣшить его, и, оставляя главнокомандующимъ, предсказывалъ ему побѣду. Предсказаніе Государя оправдалось. Каменскому скоро удалось выманить Куманецъ-пашу изъ лагеря при Батинѣ, разбить на голову и захватить около 4,500 плѣнныхъ, до 78 знаменъ и 14 пушекъ. Въ этомъ дѣлѣ самъ паша былъ убитъ. Вскорѣ отрядъ Сабанѣева уничтожилъ укрѣпленія Бѣла, а Сенъ-При занялъ Систово и разрушилъ его укрѣпленія. Въ войскѣ возродилось прежнее довѣріе къ главнокомандующему и 15-го Сентября, въ день коронаціи Императора, сдался Рущукъ. За нимъ пали Журжа, Никополь, Турново и на лѣвомъ берегу у Порты уже не оставалось болѣе укрѣпленій. Это возстановило воинскую славу графа Каменскаго, а милости Государя, заставили замолкнуть клевету и зависть.

Между тѣмъ наступило ненастье и совершенная распутица; дороги испортились и въ Болгаріи оказался недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ. Въ этомъ году Каменскій уже не могъ продолжать кампанію и ревностно занялся составленіемъ плана и приготовленіями къ будущей кампаніи, хотя часто занятія его прерывались болѣзнію. Главная квартира была переведена въ Бухарестъ, а чтобы безпокоить непріятеля, на правомъ берегу были оставлены три дивизіи. Въ это время никто не сомнѣвался въ скорой борьбѣ съ Наполеономъ. Императоръ рѣшился вести съ Турками войну только оборонительную и уменьшилъ дунайскую армію съ 9 на 5 дивизій, считая ихъ вполнѣ достаточными, чтобы удерживать Турокъ. «И безъ крѣпостей Михельсонъ защищалъ успѣшно Дунай, съ двумя дивизіями», писалъ онъ Каменскому. Какъ тайно ни передвигались наши дивизіи къ Днѣстру,

Турки узнали объ этомъ черезъ французскихъ лазутчиковъ и, возбуждаемые Наполеономъ, стали предлагать границею р. Днѣстръ. Каменскій готовился уже начать походъ, какъ вдругъ захворалъ довольно серіозно и сталъ просить увольненія. Государь цѣнилъ дарованія Каменскаго, какъ главнокомандующаго и, желая сберечь его силы для борьбы съ Наполеономъ, уважилъ его просьбу и послалъ на Дунай Кутузова. 4-го Мая 1811 года Каменскаго уже не стало: онъ умеръ на 34-мъ году отъ рожденія, на пути въ Одессу, почти на той самой мѣстности, гдѣ скончался Потемкинъ. «Россія» — говоритъ Ковалевскій, — «въ самое нужное для нея время, лишилась лучшаго своего полководца, и не одна мать, не одинъ Блудовъ оплакивали его кончину; повсюду слышно было искреннее сожалѣніе объ этой преждевременной утратѣ; солдаты дѣлали между собою складчину и едва ли не въ каждомъ полку заказывали отъ себя панихиды по усопшемъ. Они искренно любили своего молодаго вождя.»

Кутузовъ пріѣхалъ въ Бухарестъ только въ началѣ Апрѣля. Первымъ дѣломъ его было уничтоженіе укрѣпленій Силистріи и Никополя и переправленіе арміи на лѣвый берегъ Дуная; только въ Рущукѣ оставлено было войско. Затѣмъ по его распоряженію армія размѣстилась слѣдующимъ образомъ: главныя силы расположились у Бухареста, Рущука и Журжи, лѣвое крыло Воинова — у Слободзеи, правое, Засса — у Краіовы. Зассу удалось привлечь на свою сторону Виддинскаго пашу, который рѣшился даже продать Кутузову за 25,000 червонцевъ свои 400 судовъ и потомъ нѣсколько разъ увѣдомлялъ главнокомандующаго о намѣреніяхъ Турокъ. Въ Іюнѣ мѣсяцѣ Кутузовъ перешелъ черезъ Дунай и далъ визирю битву у Рущука. Турки были страшно разбиты и въ безпорядкѣ бѣжали, однако Кутузовъ не преслѣдовалъ ихъ далѣе визирскаго лагеря. Осторожный и разсчетливый, Кутузовъ думалъ *скромнымъ поведеніемъ* внушить

туркамъ отвагу и привлечь на себя ихъ главныя силы. Чтобы заманить ихъ на лѣвый берегъ и сразиться съ ними на равнинѣ, онъ велѣлъ взорвать укрѣпленія Рущука и отступилъ за Дунай. «Отступленіе за Дунай — доносилъ Кутузовъ Императору—и упраздненіе Рущука могутъ нанести вредъ только личной моей славѣ». Дѣйствительно, турки не поняли хитрости Кутузова и праздновали точно послѣ побѣды; ликовалъ и Наполеонъ, приготовлявшійся уже къ войнѣ съ нами.

Турки, собираясь къ переправѣ, заготовляли лѣсъ, дѣлали плоты и уже часто появлялись на лѣвомъ берегу. Въ концѣ іюля, въ одну темную ночь, выше Рущука переправилось до 6,000 янычаръ; отрядъ Булатова не могъ ихъ удержать и въ кровавомъ дѣлѣ потерялъ болѣе 1,000 чел., одно знамя и пушку. Кутузовъ понялъ сразу, что это дѣло серьезное, запретилъ мѣшать переправѣ турковъ и отступилъ. Ободренный этимъ, визирь къ 1-му Августа уже перевелъ на румынскій берегъ до 36 тысячъ человѣкъ. «Пусть переправляются», повторялъ Кутузовъ, глядя на Дунай покрытый паромами,—«только бы перешло ихъ на нашъ берегъ поболѣе! За нѣсколько недѣль до этого Кутузовъ самовольно придвинулъ съ Днѣстра 5 прежнихъ дивизій, расчитывая, что въ этомъ году Наполеонъ еще не начнетъ войны; теперь же стянулъ эти войска къ Слободзеи. Въ двѣ недѣли турки окончили переправу и построили редуты. Тогда Кутузову пришла свѣтлая мысль; переправить тайно на другой берегъ сильный корпусъ, разбить турковъ, захватить визирскій лагерь и, поставивъ тамъ батареи, отрѣзать туркамъ сообщеніе, отступленіе и продовольствіе. Приведеніе въ исполненіе своей мысли главнокомандующій возложилъ на генерала Маркова. Ночью 29-го Сентября Марковъ съ отрядомъ въ 7,500 чел. выступилъ изъ лагеря тихо и тайно: даже палатки его были не разобраны, что-бы не возбудить

подозрѣнія у турковъ. 1-го октября совершилась благополучно переправа, а на другой день онъ уже встрѣтилъ 2000 конныхъ турковъ. Наши донцы очень часто появлялись на правомъ берегу, такъ что турки къ нимъ привыкли; каковъ же былъ ихъ ужасъ, когда за донцами они увидѣли карен нашей пѣхоты. Двѣ—три минуты турки были въ остолбенѣніи, затѣмъ быстро повернули назадъ и поскакали въ лагерь. Трудно представить, какой переполохъ произошелъ въ визирскомъ лагерѣ: войско, канцелярія великаго визиря, чиновники и купцы, муллы и погонщики перемѣшались и обратились въ бѣгство по разнымъ дорогамъ, кто верхомъ, кто пѣшкомъ; многіе не разбирали дорогъ и бѣжали по рвамъ и виноградникамъ. Только не многіе рѣшились защищаться и не допускать русскихъ; но стройное наступленіе нашихъ кареевъ съ барабаннымъ боемъ прекратило послѣднее сопротивленіе. Овладѣвши лагеремъ, Марковъ поставилъ батареи и открылъ огонь противъ визирскаго войска. Кутузовъ съ возвышенія молча смотрѣлъ въ ту сторону; когда же Марковъ водрузилъ наше знамя, онъ улыбнулся, и махая фуражкой, провозгласилъ *ура*, которое тотчасъ же повторило все войско. Теперь турковъ стали громить съ фронта, тыла и фланговъ. Они не знали, какъ укрыться отъ нашихъ выстрѣловъ и куда отвѣчать. Въ отчаяніи они падали на колѣна и кричали *Аллахъ! Аллахъ!* Когда же появились на Дунаѣ 14 судовъ вооруженныхъ орудіями большого калибра, турками овладѣлъ необыкновенный ужасъ; они уже совсѣмъ не стрѣляли, вырывали ямы и въ нихъ искали спасенія. Въ первую же ночь визирю удалось прокрасться на лодкѣ къ Рущуку и донести султану о положеніи турецкой арміи.

Въ награду за этотъ успѣхъ Императоръ возвелъ Кутузова въ графское достоинство, а генералу Маркову пожаловалъ Георгія 2-й степени.

У непріятеля вышли всѣ съѣстные припасы, лошади пали или были съѣдены, и армія визиря гибла отъ голода и

морозовъ. Слухъ объ этомъ разошелся по всей Европѣ и приводилъ въ негодованіе Наполеона. «Поймите этихъ собакъ, этихъ болвановъ турковъ!» восклицалъ онъ. «У нихъ дарованіе быть битыми! Кто могъ ожидать и предвидѣть такія глупости!» Не смотря на то, что онъ отправлялъ къ султану курьеровъ, обѣщалъ скорое свое содѣйствіе и просилъ не отчаяваться, дѣло было уже сдѣлано, и турки вступили въ переговоры съ Кутузовымъ. Изъ Журжи турецкіе уполномоченные переѣхали въ Бухарестъ, куда была перенесена главная квартира главнокомандующаго, и здѣсь почти полгода тянули переговоры о мирѣ. Императоръ былъ недоволенъ этою медленностію и на мѣсто Кутузова послалъ адмирала Чичагова, но когда тотъ пріѣхалъ въ Бухарестъ, предварительныя условія мира уже были подписаны (5-го мая) турками. Главными условіями мира было присоединеніе Бессарабіи и турецкихъ крѣпостей: Измаила, Киліи, Бендеръ, Хотина и цитадели Аккермановской. Бессарабія, заключавшая въ себѣ до 40,000 кв. верстъ, съ населеніемъ въ 700,000 человѣкъ, имѣла прекрасную почву, обширные сѣнокосы, лѣса вѣковыхъ дубовъ, была богата солью, каменнымъ углемъ, известью и мраморомъ, поэтому могла считаться важнымъ пріобрѣтеніемъ для Россіи. Не менѣе цѣнно было и пріобрѣтеніе крѣпостей: на будущее время онѣ не могли задерживать наши войска въ странѣ нездоровой, гдѣ отъ болѣзней гибло болѣе людей, чѣмъ въ битвахъ съ непріятелемъ; съ другой стороны мы получали возможность, въ случаѣ войны съ турками, имѣть подъ руками флотилію, которую было удобно вводить въ Дунай; а русская армія могла переходить черезъ Дунай въ такихъ мѣстахъ, гдѣ въ прежнія войны переправы были не мыслимы безъ осадъ и огромныхъ потерь людьми, деньгами и временемъ. Этотъ важный миръ былъ названъ въ манифестѣ *Богодарованнымъ*.

Императоръ ратификовалъ его въ г. Вильно 11-го іюня, когда Наполеонъ стоялъ уже противъ Ковно и приказывалъ наводить мосты на Нѣманѣ.

Конецъ первой части.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно читать:
3	2	порфирородному «отроку,	«порфирородному отроку»,
—	11	ся потомцы	ея питомцы
4	20	сь ними	съ ними
—	21	на ставленія	наставленія
—	1 снизу	полезнымъ,	полезнымъ
6	1 снизу	своего сына .*Разсудокъ.*	своего сына *Разсудокъ.*
7	8	не пеленами,	не пеленали,
9	21	диктора	диктатора
10	17	учекикомъ	ученикомъ
11	5 снизу	Виргилію »Эклогу,«	Виргилію «Эклогу»,
14	17	qdu'elle	qu'elle
25	9 снизу	Востороженная	Восторженная
27	8 снизу	Не имѣю	Не имѣя
28	9	всеоблемлющихъ	всеобъемлющихъ
35	4	оградитъ	оградить
39	5 снизу	прозволъ	произволъ
40	4	—Северинъ, Потоцкій	—Северинъ Потоцкій
46	9 снизу	плучили порденъ	получили орденъ
50	1	Нелединскаго, Мелецкаго	Нелединскаго-Мелецкаго
53	13	окрытія	открытія
54	7	Томано.	Томона
58	2	приседененія	присоединенія
59	3 снизу	сдѣлалась	сдѣлалось
67	15	Имеренгинскаго	Имеретинскаго
69	2 снизу	толко	только
74	11	подстерегаютъ	подстрекаютъ
79	2	Австрійцы, имѣли	Австрійцы имѣли
82	7 снизу	Праценскіе высоты	Праценскія высоты
86	5 снизу	Ганноверь	Ганноверъ
95	16	Бнигсену	Бенигсену
97	16	На имя многихъ кромѣ,	На имя многихъ, кромѣ
—	18	значить?	значитъ?
98	14	при Полтускѣ и Голимынѣ	при Пултускѣ и Голыминѣ
113	15	представлявшей	представлявшіе
122	5 снизу	на пѣререзъ	на перерѣзъ
—	3 снизу	recler	reculer
1'5	10	не у взвидѣлъ	не взвидѣлъ
132	12	—говоритъ Вигель	—говоритъ Вигель,—
140	14	завладѣлъ,	завладѣлъ
141	13	Акександръ	Александръ
142	8 снизу	Горгію	Георгію
147	7	Раевсскій	Раевскій
156	5 снизу	человѣку	человѣка
157	1	Занятіе Улаборга	Занятіе Улеаборга
—	2 снизу	подкрепленія	подкрѣпленія
172	11	поелалъ	послалъ
—	4 снизу	н ихъ	и ихъ
180	1	важное значеніе.	важное значеніе:
185	11 снизу	овладѣть его	овладѣть ею
189	8 снизу	свѣтлая мысль:	свѣтлая мысль:

ГЛАВА XI.

Преобразованія Сперанскаго послѣ Ерфуртскаго свиданія.—Открытіе государственнаго совѣта.—Манифестъ о преобразованіи министерствъ.—Новые министры: Балашевъ, принцъ Георгій Ольденбургскій, князь Голицынъ. Барклай-де-Толли.—Противники Сперанскаго и Карамзинъ.—Его „записка о древней и новой Россіи“.—Указы о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на гражданскіе чины.—Финансовыя преобразованія Сперанскаго.—Его многочисленные враги и неожиданная ссылка.—Шишковъ—государственный секретарь.—Графъ Ростопчинъ—главнокомандующій Москвы.

Мы говорили, что изъ Ерфурта Александръ возвратился домой, очарованный Наполеономъ. Сперанскій, котораго Наполеонъ особенно старался привлечь на свою сторону, вполнѣ раздѣлялъ увлеченіе своего государя: ему нравилось все французское, а все свое, русское, казалось, дурно и требовало передѣлки. Въ это время онъ занималъ болѣе самостоятельное положеніе и пользовался особеннымъ расположеніемъ государя; это придавало ему больше смѣлости и позволяло отбросить прежнюю робость и сдержанность, когда государь поручалъ ему составлять проекты различныхъ преобразованій или проводилъ съ нимъ въ дѣловыхъ бесѣдахъ цѣлые вечера. По порученію императора, Сперанскій началъ работать надъ «колоссальнымъ и смѣлымъ» планомъ преобразованія государственныхъ учрежденій, работалъ съ увлеченіемъ и жаромъ, и къ концу октября 1809 года уже представилъ весь планъ императору. Октябрь и ноябрь прошли въ ежедневномъ разсмотрѣніи частей плана; часто государь самъ дѣлалъ поправки и дополненія, пока не

рѣшился привести его въ исполненіе. Но реформамъ Сперанскаго суждено было осуществиться только въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ, а именно: въ образованіи государственнаго совѣта, министерствъ и, по законодательной части, — въ проектѣ гражданскаго уложенія.

Прежній государственный совѣтъ не имѣлъ ни точнаго опредѣленнаго круга дѣйствій, ни большаго вліянія на дѣла государственныя. Преобразованіе совѣта готовилось въ большой тайнѣ: государь, въ концѣ ноября, поѣхалъ въ Тверь, а оттуда въ Москву, Сперанскій посылалъ ему проектъ новаго государственнаго совѣта по частямъ, въ конвертахъ подъ вымышленною печатью и на имя камердинера Мельникова; когда же проектъ былъ готовъ, государь показалъ его очень немногимъ лицамъ; даже Аракчеевъ узналъ о немъ только наканунѣ его обнародованія, когда государь пріѣхалъ въ Петербургъ.

Государственный совѣтъ былъ раздѣленъ на 4 департамента: 1) законовъ; 2) дѣлъ военныхъ; 3) дѣлъ гражданскихъ и духовныхъ и 4) государственной экономіи. Въ каждый департаментъ назначался особый предсѣдатель. Въ общихъ собраніяхъ предсѣдательствуетъ самъ императоръ, а въ отсутствіе его—одинъ изъ членовъ совѣта, по высочайшему назначенію. Для производства дѣлъ учреждалась государственная канцелярія, состоящая изъ статсъ-секретарей, ихъ помощниковъ и другихъ чиновниковъ, подъ главнымъ управленіемъ государственнаго секретаря. На обязанности послѣдняго лежало завѣдываніе всею исполнительною частью, докладъ въ общихъ собраніяхъ и представленіе журнала совѣта на утвержденіе государя. На первый годъ предсѣдателемъ государственнаго совѣта былъ назначенъ *графъ Румянцевъ*, государственнымъ секретаремъ—*Сперанскій*. Всѣхъ членовъ совѣта съ предсѣдателями и министрами было 35. Ни одно собраніе въ Россіи не происходило съ такою торжественностію, какъ открытіе государственнаго совѣта 1 января 1810 года. Наканунѣ, всѣ

новые члены совѣта получили повѣстки собраться на другой день поутру въ одну изъ залъ Шепелевскаго дворца. Къ 9 часамъ пріѣхалъ государь и занялъ предсѣдательское кресло. Собраніе открылось прекрасною рѣчью Императора, послѣ которой Сперанскій, какъ государственный секретарь, прочелъ манифестъ, звучавшій, подобно рѣчи государя, чѣмъ-то новымъ и небывалымъ для большинства членовъ совѣта, которые почерпали свои политическія понятія изъ временъ Екатерины и Павла. Въ самомъ началѣ манифеста упоминалось о томъ, что внутреннія установленія государства «постепенно усовершаясь, *прелагаемы были* по разнымъ *степенямъ* гражданскаго его существованія», съ цѣлію достигнуть управленія, основаннаго на «твердыхъ и непремѣняемыхъ основаніяхъ закона», или другими словами, достигнуть прекращенія произвола. Въ этомъ манифестѣ сенатъ и совѣтъ названы были *сословіями*, и впервые всенародно объявлялось, что «*положеніе государственныхъ доходовъ и расходовъ требуютъ неукоснительнаго разсмотрѣнія и опредѣленія*». За манифестомъ Сперанскій прочиталъ положенія о государственномъ совѣтѣ и списокъ предсѣдателей, членовъ и чиновъ совѣта. Въ заключеніе всѣ члены совѣта были приведены къ присягѣ.

Въ теченіи всего 1810 и 1811 гг., императоръ постоянно, разъ въ недѣлю, присутствовалъ въ общихъ собраніяхъ совѣта.

«Его величество — пишетъ въ своихъ запискахъ тогдашній министръ юстиціи, Дмитріевъ—съ большимъ вниманіемъ слушалъ чтеніе проекта законовъ и замѣчанія членовъ, изъ коихъ болѣе прочихъ бралъ въ томъ участіе гр. Завадовскій; по прочимъ же дѣламъ гр. Румянцевъ, Мордвиновъ и гр. Кочубей. Эти три члена въ образѣ изъясненій своихъ имѣли каждый особенное свойство: Мордвиновъ говорилъ съ живостью, иногда рѣзко, и, въ жару пренія, не всегда соблюдалъ должное вниманіе къ тому, съ кѣмъ не соглашался. Графъ Кочубей излагалъ мнѣніе свое довольно стройно, несбивчиво, но, по

привычкѣ своей болѣе къ французскому языку, изъяснялся на своемъ съ меньшею легкостію. Канцлеръ же отъ обоихъ былъ отмѣненъ: одаренный голосомъ благозвучнымъ, онъ говорилъ плавно, не ища словъ, съ какимъ-то спокойствіемъ, съ благородною откровенностью; противорѣчилъ хладнокровно, съ возможною вѣжливостью, даже и тому, кто въ выраженіяхъ иногда былъ колокъ»...

Преобразованіе государственнаго совѣта подало поводъ Сперанскому представить императору записку о несовершенствахъ прежней системы министерствъ. Манифестъ 1802 г., состоявшій только изъ 19 статей, опредѣлялъ лишь въ общихъ чертахъ отношенія министерствъ къ верховной власти, государственному совѣту и сенату; все прочее предполагалось измѣнять и дополнять дальнѣйшими инструкціями, сообразно времени и опыту. «Министерство, заключилъ свой докладъ Сперанскій, окруженное законною отвѣтственностію, соразмѣренное, въ дѣлахъ своихъ, естественной ихъ связи и снабженное уставами и учрежденіями, будетъ дѣйствовать съ силою и уваженіемъ и станетъ на той высотѣ, которую ему первое его установленіе предназначало, но коей оно не могло достигнуть». 25 іюня 1811 г. послѣдовалъ манифестъ о преобразованіи министерства. Всѣ государственныя дѣла въ исполнительномъ порядкѣ были раздѣлены на пять главныхъ частей: 1) внѣшнія сношенія: министерство иностранныхъ дѣлъ; 2) внѣшняя безопасность: министерства военное и морское; 3) государственная экономія: министерства внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и финансовъ; государственное казначейство; ревизія государственныхъ счетовъ; главное управленіе путей сообщенія; 4) устройство суда: министерство юстиціи; 5) внутренняя безопасность: министерство полиціи; главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Такимъ образомъ, нѣкоторыя министерства, какъ иностранныхъ дѣлъ, военное, морское и юстиціи, были оставлены безъ измѣненія, другіе же

были измѣнены отнятіемъ или присоединеніемъ къ нимъ нѣкоторыхъ частей, причемъ министерство коммерціи было упразднено, и вновь были учреждены министерства полиціи и путей сообщенія. Министерство полиціи было ввѣрено въ началѣ 1809 г. Александру Дмитріевичу *Балашову*, человѣку хитрому, смѣлому и ловкому. «Природа дала все Александру Дмитріевичу Балашову, взамѣнъ пріятности наружной, въ которой отказала ему, говоритъ Вигель,—дала ему все, что нужно для успѣховъ: хитрость грека, смѣтливость и смѣлость русскаго, терпѣніе и скромность нѣмца. Въ ученомъ смыслѣ, какъ всѣ тогда въ Россіи, получилъ онъ тогда плохое образованіе; но по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ и мѣстахъ, болѣе чувствовалъ онъ потребность въ познаніяхъ, кидался на нихъ съ жадностію и съ быстротою все пожиралъ». Изъ оберъ-полиціймейстеровъ Балашову удалось попасть въ Петербургъ военнымъ губернаторомъ съ производствомъ въ генералъ-лейтенанты и генералъ-адъютанты. Съ опредѣленіемъ въ министры полиціи онъ сохранилъ за собою должность с.-петербургскаго военнаго губернатора.

Главное управленіе путей сообщенія государь поручилъ супругу великой княгини Екатерины Павловны, *принцу Георгію Ольденбургскому*, который вмѣстѣ съ тѣмъ остался генералъ-губернаторомъ Тверской, Ярославской и Новгородской губерній. Тогда же основанъ былъ институтъ и корпусъ инженеровъ путей сообщенія, для которыхъ управляющій испросилъ военные мундиры и чины. Для великой княгини составили дворъ и съ пышностію отдѣлали въ Твери домъ генералъ-губернатора. «И Тверь, говоритъ современникъ, не одинъ разъ великокняжеская столица, нѣкогда соперница Москвы, еще на нѣкоторое время опять блеснула между русскими городами».

Главное управленіе духовныхъ дѣлъ отдано было оберъ-прокурору святѣйшаго синода, кн. Ал. Ник. *Голицыну*, съ правомъ вносить свои доклады прямо къ государю. Голицынъ

получилъ воспитаніе въ пажескомъ корпусѣ, и изъ камеръ-пажей Екатерины сдѣланъ былъ прямо камеръ-юнкеромъ и помѣщенъ въ маленькій дворъ внука императрицы. Пріятная наружность, изысканныя манеры, острый умъ, соединенный съ характеромъ добрымъ и веселымъ, сдѣлали Голицына любимцемъ Александра. Императоръ Павелъ произвелъ его въ камергеры, но черезъ нѣкоторое время отставилъ отъ службы и выслалъ изъ Петербурга. При воцареніи Александра, Голицынъ былъ изъ первыхъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ состоять при особѣ государя. По его же желанію, онъ вступилъ въ сенатъ, затѣмъ сдѣланъ оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода, съ правомъ вносить свои доклады прямо къ государю, безъ посредства какого-либо министра.

Графъ Аракчеевъ былъ чрезвычайно недоволенъ, что преобразованіе государственнаго совѣта совершилось въ тайнѣ отъ него. Въ гнѣвѣ военный министръ подалъ въ отставку и уѣхалъ въ Грузино. Три дня прошло въ безпрерывной пересылкѣ фельдъегерей въ Грузино, пока Аракчеевъ не пріѣхалъ въ столицу. Послѣ продолжительныхъ объясненій съ императоромъ онъ пожелалъ быть предсѣдателемъ военнаго департамента: «лучше самому быть дядькою—сказалъ онъ,—нежели надъ собой имѣть дядьку». Военнымъ министромъ былъ сдѣланъ главнокомандующій финляндскою арміею Барклай-де-Толли.

Преобразованіе государственнаго совѣта и министерствъ Сперанскій думалъ завершить преобразованіемъ сената. Планъ былъ составленъ, разсмотрѣнъ особой коммиссіей и утвержденъ самимъ государемъ, но не приведенъ въ исполненіе потому, что для этого требовались огромныя издержки, невозможныя въ то время, когда вся Россія готовилась къ неизбѣжной войнѣ съ Наполеономъ.

Такимъ образомъ, изъ первоначальнаго плана Сперанскаго только нѣкоторыя части были приведены въ исполненіе и сдѣлались такимъ путемъ извѣстны публикѣ. Изъ частей плана

общество выводило неосновательныя сужденія о цѣломъ планѣ преобразованій и, злобно критикуя планъ, безпощадно обвиняло Сперанскаго. Главнымъ противникомъ государственнаго секретаря и какъ бы выразителемъ общественнаго мнѣнія того времени былъ исторіографъ Карамзинъ. Онъ жилъ въ то время въ Москвѣ, усердно работая надъ исторіей государства россійскаго. Образованная и умная Екатерина Павловна была одною изъ почитательницъ его таланта и нерѣдко приглашала его погостить къ себѣ въ Тверь. У великой княгини Карамзинъ говорилъ откровенно обо всемъ, что дѣлалось въ Россіи и между прочимъ о Сперанскомъ. Въ послѣднее свое посѣщеніе, въ декабрѣ 1810 года Карамзинъ, обласканный Екатериной Павловной, отзывался о новыхъ реформахъ императора съ особенной смѣлостію, а такъ какъ великая княгиня ожидала къ себѣ государя, то и поручила Карамзину къ его пріѣзду изложить свои мысли письменно. «Братъ мой, сказала она, достоинъ ихъ слышать». Это было тѣмъ болѣе кстати, что императоръ самъ пожелалъ познакомиться поближе со своимъ исторіографомъ и, собираясь въ Тверь, поручилъ министру юстиціи Дмитріеву привести туда Карамзина. Карамзинъ прочиталъ государю нѣсколько отрывковъ изъ своей исторіи и былъ обласканъ государемъ. Великая княгиня выпользовалась благопріятной минутой, и рѣшилась подать ему *записку* Карамзина. На другой день, при отъѣздѣ государя, Карамзинъ, былъ пораженъ его холодностію. Дѣйствительно, государь пришелъ въ гнѣвъ отъ смѣлаго и рѣзкаго тона, съ которымъ Карамзинъ критиковалъ многія дѣйствія его царствованія; но впослѣдствіи примирился съ его искренностію, полюбилъ и даже приблизилъ къ себѣ. По свидѣтельству Блудова, государь возложилъ на Карамзина въ 1816 году анненскую ленту, давая ему знать, что награждаетъ его не столько за исторію, сколько за записку о древней и новой Россіи.

«*Записка о древней и новой Россіи въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ*», съ эпиграфомъ «нѣсть льсти въ языцѣ моемъ», какъ показываетъ само заглавіе, имѣла цѣлью представить очеркъ внутренней политической исторіи Россіи и ея современнаго состоянія. «Настоящее бываетъ слѣдствіемъ прошедшаго. Чтобы судить о первомъ, надлежитъ вспомнить послѣднее», начинаетъ Карамзинъ записку, и въ сжатомъ очеркѣ до Александровскаго времени старается доказать, что все величіе и вся судьба Россіи заключается въ развитіи и могуществѣ самодержавія, что Россія процвѣтала только тогда, когда самодержавіе было сильно и падала тогда, когда самодержавіе ослабѣвало.

...«Самодержавіе — говоритъ Карамзинъ — основало и воскресило Россію; съ перемѣною государственнаго устава ея, она гибла и должна погибнуть, составленная изъ частей столь многихъ и разныхъ, изъ коихъ всякая имѣетъ свои особенныя гражданскія пользы. Что, кромѣ единовластія неограниченнаго, можетъ въ сей махинѣ производить единство дѣйствія?» Затѣмъ, дѣлая обозрѣніе нашей внѣшней политики, Карамзинъ осуждаетъ наши военныя и дипломатическія ошибки, особенно посольство гр. Маркова въ Парижѣ, его высокомѣріе и наконецъ воинственный задоръ нѣкоторыхъ лицъ, близкихъ къ царю. Переходя къ внутреннимъ преобразованіямъ, Карамзинъ становится рѣзкимъ критикомъ всего совершеннаго Сперанскимъ и старается доказать всю несостоятельность и опасность его нововведеній. «Разсматривая такимъ образомъ сіи новыя государственныя творенія и видя ихъ незрѣлость, добрые Россіяне жалѣютъ о бывшемъ порядкѣ вещей. Съ сенатомъ, съ коллегіями, съ генералъ-прокуроромъ у насъ шли дѣла, и прошло блестящее царствованіе Екатерины II. Всѣ мудрые законодатели, принуждаемые измѣнять уставы политическіе, старались какъ можно менѣе отходить отъ старыхъ». «Если число и власть сановниковъ необходимо должны быть перемѣнены»,—

говоритъ умный Макіавель,—«то удержите хотя имя ихъ для народа». Мы поступаемъ совсѣмъ иначе: оставляемъ вещь, гонимъ имена; для произведенія того же дѣйствія, вымышляемъ другіе способы! Зло, къ которому мы привыкли, для насъ чувствительно менѣе новаго, а новому добру какъ-то не вѣрится; перемѣны сдѣланныя не ручаются за пользу будущихъ: ожидаютъ ихъ болѣе со страхомъ, нежели съ надеждою, ибо къ древнимъ государственнымъ зданіямъ прикасаться опасно; Россія же существуетъ около 1,000 лѣтъ и не въ образѣ дикой орды, но въ видѣ государства великаго. А намъ все твердятъ о новыхъ образованіяхъ, о новыхъ уставахъ, какъ будто мы недавно вышли изъ темныхъ лѣсовъ американскихъ...»

Переходя къ частностямъ, Карамзинъ подвергаетъ строгой критикѣ учрежденія министерствъ, мѣры по министерству народнаго просвѣщенія, предположеніе объ освобожденіи крестьянъ, мѣры финансовыя и всѣ законодательные проекты. «Законы народа», восклицаетъ историкъ, «должны быть извлечены изъ его собственныхъ понятій, нравовъ, обыкновеній и мѣстныхъ обстоятельствъ. Мы имѣли бы уже девять уложеній, если бы надлежало только переводить... Авторы... шьютъ намъ кафтанъ по чужой мѣркѣ». Все не русское, все не по-русски: какъ вещи, такъ и предложеніе оныхъ... Для стараго народа не надобно новыхъ законовъ...»

Еще до преобразованія государственнаго управленія, въ 1809 году, государь утвердилъ два проекта Сперанскаго: о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на гражданскіе чины. Императоръ всегда косо смотрѣлъ на придворные чины: въ молодыхъ камергерахъ и камеръ-юнкерахъ, одѣтыхъ въ раззолоченные мундиры и обязанныхъ украшать собою торжественные выходы и придворные балы, онъ видѣлъ людей лишнихъ и называлъ ихъ полотерами. До сихъ поръ дѣти знатныхъ лицъ и разныхъ вельможъ часто съ юныхъ лѣтъ получали камергерское или камеръ-юнкерское званіе и вмѣстѣ съ нимъ чины IV

или V класса. Проводя жизнь въ праздности и удовольствіяхъ, ни къ чему не подготовленные, они вступали на высшія должности, до которыхъ не посвященные люди доходили только послѣ многолѣтнихъ и тяжелыхъ трудовъ. Указомъ сенату, объявленнымъ въ самый день Пасхи 1809 г., императоръ прекращалъ подобныя злоупотребленія: камеръ-юнкерамъ и камергерамъ, не состоящимъ въ гражданской службѣ, повелѣвалось избрать себѣ родъ службы, и на будущее время эти званія объявлялись только отличіями, не приносящими чиновъ; при этомъ камергерамъ и камеръ-юнкерамъ повелѣвалось исполнять дѣйствительную службу наравнѣ съ прочими дворянами. Какъ и слѣдовало ожидать, указъ произвелъ между знатными лицами серьезный ропотъ. Сперанскаго, какъ человѣка новаго и вышедшаго изъ ничтожества, упрекали въ зависти къ лицамъ знатнаго происхожденія и обвиняли въ республиканскомъ направленіи. Въ томъ же году, въ день Преображенія Господня, изданъ былъ другой указъ, которымъ правительство признавало необходимымъ, никого впредь не производить въ чины коллежскаго ассессора и статскаго совѣтника, безъ представленія свидѣтельства отъ одного изъ университетовъ въ окончаніи курса или въ выдержаніи установленнаго экзамена, при чемъ была приложена и программа испытаній. Этою мѣрою правительство имѣло въ виду открыть дорогу образованнымъ людямъ и имѣть на службѣ только способныхъ чиновниковъ, полагая предѣлъ такимъ повышеніямъ въ чины, которые обращались только въ предосужденіе и во вредъ службѣ; но указъ былъ перетолкованъ врагами Сперанскаго и невѣжественными чиновниками въ превратномъ смыслѣ и послужилъ причиною довольно серьезнаго ропота противъ правительства. Не смотря на то, что указъ 6 августа былъ измѣненъ, а впослѣдствіи совсѣмъ уничтоженъ, онъ успѣлъ принести свою пользу, возбудивъ въ средѣ высшаго общества стремленіе давать своимъ дѣтямъ приличное образованіе, сначала насиль-

ственно, наперекоръ старымъ понятіямъ, а потомъ по привычкѣ и по естественному порядку вещей. Всѣ, кто могъ и желалъ учиться, взялись за книжки, и, черезъ нѣкоторое время, всѣ правительственные школы и университеты переполнились, такъ что, когда въ 1834 году указъ былъ отмѣненъ, дѣло уже было сдѣлано...

Немаловажны также работы Сперанскаго по финансовымъ вопросамъ.

Вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ, требовавшихъ усиленныхъ расходовъ, положеніе нашихъ финансовъ къ началу 1810 года представляло плачевный видъ. Тильзитскій миръ, навязавшій намъ континентальную систему, стѣснилъ нашу торговлю и привелъ въ упадокъ всѣ народныя богатства, а уменьшеніе косвенныхъ налоговъ и недоборъ прямыхъ податей значительно сократили доходы казны. Страшные дефициты правительство старалось покрывать новыми выпусками ассигнацій, которыя падали съ ужасающей быстротой. Серебро и золото шло за-границу на военныя потребности и въ обмѣнъ на мануфактурныя произведенія иностраннаго ввоза, поэтому серебряный рубль въ одинъ 1810 годъ возвысился съ 2 р. 50 к. до 4 р. ассигнаціями. Въ финансовомъ положеніи на этотъ годъ дефицитъ оказался въ 105 милліоновъ рублей, и не представлялось источника покрыть его; государственный же долгъ, не превышавшій до войны съ Наполеономъ 47½ милл. рублей, возросъ до громадной цифры 577 милл. рублей. Съ какимъ-то страхомъ всѣ ждали финансоваго кризиса. Представлялись различные проекты улучшить финансовое положеніе, но они не могли удовлетворить даже обыкновенныхъ людей, потому что, предлагая временныя облегченія, грозили въ будущемъ новыми усложненіями и бо́льшими опасностями.

Сперанскій, часто бесѣдовавшій съ государемъ объ этомъ предметѣ, обратилъ вниманіе на финансы и пришелъ къ убѣж-

денію, что все финансовое затрудненіе происходитъ отъ ложныхъ началъ, на которыхъ ведется ихъ управленіе.

Въ 1809 году государь поручилъ ему составить опредѣлительный и твердый планъ финансовъ, и Сперанскій, никогда не останавливавшійся передъ трудностями дѣла, выступилъ на новое поприще государственнаго хозяйства.

Первоначальная записка о финансахъ была написана ученымъ профессоромъ петербургскаго университета Балугъянскимъ, но Сперанскій передѣлалъ ее и въ такомъ видѣ представилъ на разсмотрѣніе довѣреннаго кружка лицъ, собиравшихся по преимуществу на обѣденныхъ совѣщаніяхъ у Северина Потоцкаго и состоявшаго, кромѣ Сперанскаго, изъ Мордвинова, Кочубея, Балугъянскаго и Кампенгаузена. Выработанный здѣсь проектъ финансовъ поступилъ на разсмотрѣніе особаго комитета, собиравшагося у министра финансовъ Гурьева, и уже послѣ окончательнаго пересмотра былъ представленъ государю ко дню открытія государственнаго совѣта. Обширный планъ состоялъ изъ введенія и 238 статей. «Чтобъ вывесть Россію изъ несчастнаго ея финансоваго положенія», говорилось въ немъ», нужны сильныя мѣры и важныя пожертвованія. Подъ именемъ *сильныхъ мѣръ* здѣсь разумѣется та непреоборимая твердость, съ какою принятому разъ плану должно слѣдовать, отражая всѣ мелкія уваженія, кои ему противупоставляются, и не устрашаясь ропотомъ, слухами или злословіемъ. Подъ именемъ *пожертвованій* — тотъ духъ умѣренности и экономіи, съ коимъ и самыя полезныя начинанія должны быть предпріемлемы, а иногда и предпріятыя уже останавливаемы».

Планъ не былъ отпечатанъ и въ рукописи поступилъ на разсмотрѣніе въ департаментъ экономіи, гдѣ большимъ значеніемъ пользовался адмиралъ Мордвиновъ, человѣкъ умный, начитанный, честный и независимый по убѣжденіямъ. Участвуя въ составленіи и обсужденіи плана, Мордвиновъ стоялъ на сторонѣ Сперанскаго, а такъ какъ огромное большинство поддер-

живало Мордвинова, то менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ планъ былъ одобренъ. 2 Февраля 1810 г. изданъ былъ манифестъ, въ которомъ оглашались общія начала предпринимаемыхъ операцій: прекращеніе выпуска ассигнацій; учрежденіе во всѣхъ губернскихъ и большихъ городахъ размѣнныхъ конторъ для промѣна ветхихъ ассигнацій на новыя и крупныхъ на мелкія; уменьшеніе расходовъ въ 1810 г. на 20 мил. р., которыя должны идти на уплату государственныхъ долговъ и на непредвидѣнныя издержки; назначеніе нѣкоторыхъ новыхъ податей и налоговъ для пополненія доходовъ, прекращающихся черезъ отмѣну дальнѣйшаго выпуска ассигнацій и т. д. [1]). Новые налоги и подати были объявлены только *временными на одинъ 1810 годъ*. Но черезъ годъ обстоятельства не перемѣнились къ лучшему, напротивъ государству стала грозить новая война съ Наполеономъ; вслѣдствіе этого налоги временные были обращены въ *постоянные*, а въ 1812 году возвышена соляная и винная пошлина, объявлена новая народная перепись, которая должна была значительно увеличить число платящихъ. При всемъ томъ дефицитъ простирался до громадной цифры въ 106 мил. р.

Возвышеніе налоговъ послѣдовало въ такое время, когда отъ блокады всѣхъ пристаней вывозъ нашихъ произведеній и вообще вся торговля совершенно остановились.

Многочисленные враги Сперанскаго воспользовались этимъ случаемъ, чтобы толковать манифестъ и объяснительную записку правительства, написанныя языкомъ ученымъ и непонятнымъ для массы публики, въ смыслѣ неблагопріятномъ для виновника самой системы, выставляя при этомъ всѣ нелѣпыя

---

[1]) Одновременно съ манифестомъ разослано было сокращеніе изъ плана финансовъ, въ которомъ объяснялось, что истинную государственную монету составляло у насъ всегда серебро, а не мѣдь; что ассигнаціи утратили свою цѣнность отъ излишества ихъ, почему, для возстановленія ея, достаточно ихъ уменьшить, и что это уменьшеніе слѣдуетъ произвесть посредствомъ вымѣна ассигнацій на серебро и уничтоженія вымѣненныхъ.

толки народа общимъ мнѣніемъ всей Россіи. Даже самъ представитель министерства финансовъ, Гурьевъ явился вскорѣ отголоскомъ враждебной партіи и противникомъ реформъ Сперанскаго; въ государственномъ совѣтѣ Гурьева открыто поддерживали другіе члены, какъ напримѣръ Чичаговъ и громко обвиняли государственнаго секретаря въ упадкѣ финансовъ. Но Сперанскій продолжалъ работать въ департаментѣ экономіи почти съ однимъ Мордвиновымъ и 31 декабря 1811 г. составилъ огромный журналъ, въ которомъ сдѣлалъ обозрѣніе всему движенію предпринятыхъ до тѣхъ поръ финансовыхъ операцій и послужившихъ потомъ источникомъ всѣхъ дальнѣйшихъ распоряженій. Здѣсь Сперанскій обращается сначала къ *расходамъ* и разсуждаетъ такъ: государство находится въ военномъ состояніи, слѣдовательно, военныя издержки должны быть удовлетворены безъ всякаго сокращенія, тогда какъ всѣ прочія издержки должны быть по возможности сокращены. Что касается *доходовъ*, то необходимо, чтобы 1) государственные доходы и расходы были уравнены между собою безъ всякихъ новыхъ налоговъ, 2) чтобы всѣ государственные долги были соединены въ одну массу и были поручены въ управленіе коммиссіи погашенія долговъ и 3) чтобы эта коммиссія, сверхъ суммъ отъ продажи государственныхъ имуществъ, имѣла въ своемъ вѣдѣніи разныя статьи государственныхъ доходовъ, хотя бы для этого необходимо было установить опять новые налоги и прибавку въ прежнихъ.

Новые налоги, разсуждалъ Сперанскій, удобнѣе могутъ быть установлены *для уплаты долговъ*, чѣмъ на покрытіе *ежегодныхъ расходовъ*, въ такомъ случаѣ они будутъ только временными и каждый по отчетамъ коммиссіи будетъ въ состояніи расчитать время ихъ сложенія. Такимъ образомъ, съ одной стороны усилится довѣріе къ мѣрамъ правительства для погашенія долговъ и возвышенія курса ассигнацій, а съ другой стороны прекратится смѣшеніе капиталовъ предназначаемыхъ

на погашеніе долговъ съ истощеніемъ ихъ на ежегодные расходы.

Слѣдствіемъ этихъ разсужденій было два манифеста. 29 января 1812 г. объявлялось, что «доходы и расходы государственные найдены въ надлежащей между собою соразмѣрности», поэтому всѣ текущіе расходы на 1812 годъ будутъ удовлетворены изъ существующихъ доходовъ. Манифестъ могъ казаться лучшимъ доказательствомъ успѣшности новопринятыхъ финансовыхъ мѣръ и повидимому долженъ былъ примирить съ ними всѣхъ людей непредубѣжденныхъ и мыслящихъ. Но черезъ нѣсколько дней (11 февраля) изданъ былъ второй манифестъ, въ которомъ повелѣвалось, *для ускоренія уплаты государственныхъ долговъ*, учредить временныя прибавки въ податяхъ и новыя пошлины, съ предназначеніемъ ихъ *единственно* на погашеніе долговъ.

Журналъ Сперанскаго и разсужденія государственнаго совѣта не были извѣстны публикѣ, поэтому второй манифестъ былъ для нея непріятной неожиданностію. Масса не могла понять противорѣчія и увидѣла въ манифестѣ только новую народную тягость, шаткость принимаемыхъ мѣръ и за все это вознегодовала на зачинщика всѣхъ нововведеній—Сперанскаго.

Давно уже всякое дѣйствіе Сперанскаго сопровождалось ропотомъ и нелѣпыми пересудами; въ настоящее время его ненавидѣли всѣ лица окружавшія государя: Аракчеевъ, Балашовъ, Армфельдтъ, Гурьевъ. Даже сестра императора, Екатерина Павловна подъ вліяніемъ Карамзина, считала его измѣнникомъ и при всякомъ удобномъ случаѣ предостерегала императора. Къ сильнымъ людямъ примыкали сотни второстепенныхъ лицъ, имѣвшихъ причину ненавидѣть Сперанскаго или какъ потерпѣвшіе отъ его реформъ или какъ обиженные близостію «выскочки» къ царю и его мнимою гордостію. Каждую правительственную мѣру, какъ бы благодѣтельна и необходима она ни была, они перетолковывали въ дурную сторону и

приписывали Сперанскому. Отъ высшаго круга ропотъ и неудовольствіе противъ него распространились въ среднемъ сословіи и въ народѣ, который тяготился новыми налогами и войной. Малочисленные друзья Сперанскаго пытались сначала бороться съ общественнымъ мнѣніемъ и защищали его на сколько могли, но вскорѣ и они утомились въ этой непосильной борьбѣ и одинъ за другимъ стали отставать отъ него. Между тѣмъ приближалась война съ Наполеономъ, врагомъ грознымъ, искуснымъ и счастливымъ. Всѣ умы были взволнованы и требовали казни Сперанскаго, какъ жертвы, способной успокоить страсти и удовлетворить напряженію патріотическаго чувства. Государь каждый день отъ разныхъ лицъ слышалъ обвиненіе Сперанскаго въ измѣнѣ, и довѣріе его къ государственному секретарю поколебалось...

17 марта, вечеромъ, Сперанскій неожиданно былъ приглашенъ въ Зимній дворецъ. Государь принялъ его въ своемъ кабинетѣ и объявилъ ему одно за другимъ всѣ возникшія противъ него обвиненія [1]). Сперанскій оправдывался и просилъ государя назначить строжайшее изслѣдованіе дѣла, которое могло бы изобличить клевету и доказать его невинность; но государь былъ непреклоненъ. Бумаги Сперанскаго были опечатаны Балашовымъ, а самъ онъ былъ въ эту ночь отправленъ въ Нижній-Новгородъ, а потомъ переведенъ въ Пермь [2]).

Вѣсть о ссылкѣ Сперанскаго быстро разнеслась по Россіи и вездѣ произвела отрадное впечатлѣніе. «Не знаю, — писалъ

---

[1]) Въ письмѣ своемъ къ государю уже изъ Перми Сперанскій писалъ: «*я не знаю съ точностію*, въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои, *при отлученіи меня*, Ваше Величество, сказать мнѣ изволили, могу только заключить, что были три главные пункта обвиненій: 1) что финансовыми дѣлами я старался разстроить государство; 2) привести налогами въ ненависть правительство; 3) отзывы о правительствѣ».

[2]) Ссылка Сперанскаго, или, лучше сказать, причины этой катастрофы до сихъ поръ остаются не вполнѣ выясненными. Покойный Погодинъ пытался собрать всѣ возможныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ и высказалъ свои соображенія въ особомъ изслѣдованіи. См. «Русскій Архивъ» 1871 г. 1097—1252.

Вигель,—смерть лютаго тирана могла бы произвести такую всеобщую радость. ...Всѣ были увѣрены, что неоспоримыя доказательства въ его виновности открыли наконецъ глаза обманутому государю. Только дивились милосердію его и роптали, какъ можно было не казнить преступника, государственнаго измѣнника, предателя и довольствоваться удаленіемъ его изъ столицы. Не менѣе того, его ссылку торжествовали какъ первую побѣду надъ французами».

На мѣсто Сперанскаго государственнымъ секретаремъ сдѣланъ былъ вице-адмиралъ Шишковъ; остальныя же должности Сперанскаго были переданы другимъ лицамъ; такъ напримѣръ доклады въ государственномъ совѣтѣ перешли въ вѣдѣніе старшаго статсъ-секретаря Оленина, работы по комиссіи составленія законовъ — къ особому совѣту подъ предсѣдательствомъ Розенкампфа, а канцлерство въ абовскомъ университетѣ къ врагу Сперанскаго, графу Армфельду [1]). Александръ Семеновичъ *Шишковъ* получилъ воспитаніе въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ и, получивъ еще въ корпусѣ любовь къ чтенію, сдѣлался ревностнымъ любителемъ русской словесности и русскаго языка. Литературное свое поприще Шишковъ началъ переводами съ нѣмецкаго и французскаго языковъ, затѣмъ написалъ нѣсколько морскихъ, спеціальныхъ сочиненій. Увлеченный славянскимъ языкомъ, его изреченіями и оборотами, Шишковъ всю жизнь хлопоталъ о томъ, чтобы ввести ихъ въ письменный и разговорный языкъ, и поэтому съ самаго начала сдѣлался ожесточеннымъ противникомъ Карамзина и его послѣдователей. Въ своемъ сочиненіи «о старомъ и новомъ русскомъ слогѣ» онъ сильно напалъ на галлицизмы; враги ему отвѣчали, и началась цѣлая литературная война. Тѣснимый врагами, большею частію образованными и учеными, Шишковъ задумалъ болѣе широкій планъ для своего дѣла: чтобы противодѣйствовать

[1]) Замѣчательно, что Армфельдъ, послѣ ссылки Сперанскаго, получилъ графскій титулъ, а послѣ смерти Армфельда, въ 1814 году былъ прощенъ Сперанскій.

вліянію и нововведеніямъ Карамзина, сохранить первобытную чистоту отечественнаго языка и изгнать вкравшіеся въ него иностранные слова и обороты — необходимы были союзныя усилія многихъ лицъ, и вотъ въ мартѣ 1811 года онъ устроилъ общество, подъ названіемъ «Бесѣда любителей русскаго слова». Державинъ предложилъ для засѣданій общества большую залу великолѣпнаго своего дома, на Фонтанкѣ; и въ этой ярко-освѣщенной залѣ происходили разъ въ мѣсяцъ торжественныя собранія «Бесѣды». Чтобы придать собраніямъ болѣе блеска, дамы являлись въ бальныхъ костюмахъ, мужчины въ мундирахъ, государственные сановники и генералы въ лентахъ. При открытіи, Шишковъ произнесъ рѣчь о красотахъ русскаго языка. Составъ «Бесѣды» дѣлился на 4 разряда, имѣвшіе каждый своего предсѣдателя, членовъ и сотрудниковъ. Устроитель общества и авторъ устава, Шишковъ предсѣдательствовалъ въ первомъ разрядѣ, Державинъ — во второмъ, Хвостовъ — въ третьемъ, Захаровъ — въ четвертомъ. Въ первые 4 года общество успѣло отпечатать 19 книжекъ изданія, служившаго ему органомъ, подъ названіемъ: «Чтеніе въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова».

Здѣсь, передъ самой войной съ Наполеономъ, когда всей Россіи предстояло заявить дѣятельную любовь къ отечеству и народную гордость, Шишковъ произнесъ свое «Разсужденіе о любви къ отечеству», проникнутое горячимъ чувствомъ и высказанное отъ искренняго убѣжденія. Разсужденіе это произвело большое впечатлѣніе и доставило автору мѣсто государственнаго секретаря. Какъ литераторъ, Шишковъ стоялъ ниже Карамзина, но языкъ его, образованный на духовныхъ и старинныхъ книгахъ, былъ слышнѣе и непосредственно доходилъ до большинства грамотныхъ и неграмотныхъ. Съ перваго же раза чувствовался въ немъ голосъ русскаго книжника, крѣпкаго родной старинѣ, голосъ искренній и твердый, хотя не блиставшій особенными красотами. Нося званіе государственнаго се-

кретаря, Шишковъ не занимался дѣлами государственнаго совѣта, но сопутствовалъ государю въ его поѣздкахъ въ армію и заграницу и двигалъ, по словамъ С. Т. Аксакова, духомъ россіянъ писанными имъ манифестами въ отечественную и заграничную войны. Вся Россія стала читать манифесты, рескрипты, приказы по арміи и другія извѣщенія, выходившія изъ-подъ пера Шишкова.

Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
Священной памятью двѣнадцатаго года,

сказалъ про него Пушкинъ.

Въ виду грозной и народной войны, правительство старалось замѣщать видныя должности людьми особенно извѣстными своимъ патріотизмомъ. Если на мѣсто Сперанскаго императоръ назначилъ не Карамзина, а Шишкова, потому что послѣдній былъ болѣе популяренъ, то на мѣсто престарѣлаго графа Гудовича онъ не могъ выбрать человѣка болѣе дѣятельнаго и способнаго на должность главнокомандующаго Москвы, какъ графа Ростопчина.

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ *Ростопчинъ* получилъ домашнее образованіе и рано поступилъ въ пажи ко двору Екатерины Великой. Красивая наружность, острый умъ и живой характеръ обратили на него вниманіе императрицы [1]) и, повидимому, готовили прекрасную карьеру. Но, произведенный въ поручики Преображенскаго полка, Ростопчинъ не пожелалъ служить и, выйдя въ отставку, долго путешествовалъ заграницей. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ получилъ мѣсто камеръ-юнкера и часто посылался на дежурство къ великому князю въ Гатчино. Этимъ объясняется быстрое его возвышеніе въ царствованіе Павла Петровича. Произведенный въ генералъ-майоры и зачисленный въ свиту императора, Ростопчинъ черезъ нѣ-

[1]) „Въ присутствіи императрицы — говоритъ Бантышъ-Каменскій — Р. часто, въ рѣзкихъ чертахъ, осмѣивалъ пороки придворныхъ, забавляя также государыню искуснымъ представленіемъ одного нѣмецкаго проповѣдника“.

сколько дней получилъ орденъ Анны 1-й степени, черезъ годъ— Александра Невскаго и помѣстье въ Орловской губерніи, а въ 1799 г.—графское достоинство и орденъ Андрея Первозваннаго. При Павлѣ Петровичѣ Ростопчинъ, также какъ и другіе, сдѣлался жертвою дворцовыхъ интригъ и, за нѣсколько дней до кончины императора, былъ удаленъ изъ Петербурга [1]). Поселившись на долгое время въ Москвѣ, Ростопчинъ занимался сельскимъ хозяйствомъ и литературой. Какъ литератора, нападавшаго съ силой на галломанію и галломановъ, мы его уже встрѣчали: мы видѣли, что перо его не всегда было разборчиво на выраженія, но, въ то время и при тѣхъ обстоятельствахъ, достигало цѣли. При дворѣ еще господствовало увлеченіе всѣмъ французскимъ и потому Ростопчинъ не могъ быть приглашенъ въ Петербургъ на какую нибудь видную должность. Только въ 1809 году государь встрѣтился съ нимъ въ Москвѣ и поговорилъ съ нимъ: сила и живость его рѣчи привели въ восторгъ императора, начинавшаго охладѣвать къ Наполеону и Французамъ; къ тому же покровительница Карамзина, великая княгиня Екатерина Павловна, тоже была расположена къ Ростопчину; вслѣдствіе этого въ 1810 году государь назначилъ его оберъ-камергеромъ двора. Но опасаясь еще столкновенія пылкаго Ростопчина съ Коленкуромъ, онъ оставилъ его въ Москвѣ, а исполненіе обязанностей его по этому званію поручилъ Александру Львовичу Нарышкину. Изъ Москвы Ростопчинъ сообщалъ императору опасенія свои насчетъ намѣреній Наполеона и козней французскаго правительства. Въ 1812 году государь переименовалъ его въ генералы отъ инфантеріи и назначилъ главнокомандующимъ Москвы. Знакомый намъ «Сила

---

[1]) Находясь при особѣ государя вспыльчиваго, но добраго, Ростопчинъ дѣлалъ много добра, такъ, напримѣръ, онъ защитилъ Карамзина, котораго одинъ изъ его враговъ называлъ въ своемъ доносѣ *человѣкомъ вреднымъ для правительства и безбожникомъ*; затѣмъ отстаивалъ предъ государемъ знаменитаго Суворова отъ нападокъ Тугута, который *самовластно* управлялъ вѣнскимъ кабинетомъ и останавливалъ полетъ нашихъ орловъ.

Андреевичъ» 1807 г. могъ теперь уже не часто и не съ краснаго крыльца, а словомъ властнымъ и воеводскимъ разглашать свои *Мысли въ слухъ* изъ своего генералъ-губернаторскаго дома, на Лубянкѣ, и своей воспламенительной, электрической силой рѣчи возбуждать и потрясать народъ. «Какъ человѣкъ,— говоритъ Богдановичъ—и онъ дѣлалъ ошибки, увлекаясь усердіемъ и нерѣдко преступая предѣлы врученной ему власти, но нельзя не сознаться, что призваніе Ростопчина на поприще отечественной войны было дѣломъ Промысла, хранящаго Россію».

ГЛАВА XII.

Честолюбіе Наполеона и новые захваты.— Тяжесть континентальной системы.— Приготовленія къ войнѣ и переговоры.— Союзъ Наполеона съ Пруссіей и Австріей.— Отъѣздъ государя къ арміи.— Рѣшимость Александра и русскаго народа.— Планы войны и начало войны.— Лагерь при Дриссѣ.— Пріѣздъ государя въ Москву.— Подвигъ графа Остермана.— Соединеніе обѣихъ армій у Смоленска.— Невѣровскій и дѣло у Краснаго.— Раевскій и Дохтуровъ задерживаютъ Наполеона у Смоленска.— Отступленіе Барклая-де-Толли къ Москвѣ.— Ропотъ народа и арміи.— Назначеніе главнокомандующимъ Кутузова и пріѣздъ его къ арміи.— Путешествіе государя въ Або для свиданія со шведскимъ наслѣднымъ принцемъ.

Наполеонъ только что счастливо окончилъ войну съ Австріей и черезъ Коленкура просилъ у Александра руку его сестры Екатерины Павловны. Мы уже видѣли, что императоръ деликатно и учтиво отклонилъ это предложеніе. Наполеонъ оскорбился и, въ тотъ день, когда получилъ объ этомъ извѣстіе отъ Коленкура, приказалъ дать знать петербургскому двору, что отказывается ратификовать шёнбрунскій договоръ и даже требуетъ отъ Россіи формальнаго отказа присоединять на будущее время другія польскія области. Вскорѣ онъ вступилъ въ бракъ съ дочерью австрійскаго императора, Маріей Луизой. Честолюбіе его, послѣ родства съ габсбургскимъ домомъ, не имѣло уже предѣловъ. Когда, въ 1810 г., онъ возвратился изъ своего путешествія по Голландіи, то гордо замѣтилъ: «черезъ пять лѣтъ я буду владѣть свѣтомъ... Остается только Россія, но я подавлю ее...» Вся Европа преклонялась предъ нимъ въ боязливомъ

молчаніи. На большихъ выходахъ въ Тюильри, гдѣ присутствовали короли, герцоги, высшіе сановники, ученые и военныя знаменитости, царствовала обыкновенно глубокая тишина, и иностранные агенты ожидали съ нетерпѣніемъ какого нибудь слова великаго человѣка, чтобы, поймавъ его на лету, передать съ быстротою во всѣ концы Европы. Самъ Наполеонъ, въ мундирѣ со звѣздою почетнаго легіона, съ маленькой шляпой подъ мышкой, порывисто переходилъ отъ одного лица къ другому, то даря привѣтомъ, то оледѣняя презрѣніемъ. Мрачный, задумчивый, онъ рѣдко улыбался и говорилъ отрывисто; даже ласка выходила у него какъ-то гнѣвно и сердито. Не успѣли еще окончиться брачныя торжества, какъ Наполеонъ присоединилъ къ Франціи земли валезской республики, Голландію, ганзейскіе города и все прибрежье Нѣмецкаго моря до Эльбы; затѣмъ приказалъ объявить герцогу Ольденбургскому, что его владѣнія, окруженныя со всѣхъ сторонъ французскими областями, могутъ подвергнуться разнымъ неудобствамъ, и потому, не согласится ли онъ промѣнять ихъ на какія нибудь другія земли. Князь Куракинъ и самъ герцогъ Ольденбургскій писали объ этомъ императору, какъ главѣ голштинскаго дома, который притомъ приходился родственникомъ обиженному; но едва ихъ донесенія дошли до Александра, какъ Наполеонъ присоединилъ Ольденбургъ къ Франціи, а герцогу далъ въ замѣнъ его г. Ерфуртъ съ округомъ. «Правда, что Ерфуртъ съ округомъ недостаточенъ для вознагражденія за Ольденбургъ, — писалъ Шампаньи кн. Куракину,—что пространство перваго составляетъ едва пятую долю другаго—что число жителей его менѣе; но за то почва Ерфурта болѣе плодоносна, жители богаче Ольденбурга, а доходы обоихъ владѣній почти одинаковы. Въ Ерфуртѣ нѣтъ дворца, но, сколько мнѣ помнится, есть большой домъ, въ которомъ, на первое время, можно помѣститься...» Императоръ протестовалъ черезъ князя Куракина, но Наполеонъ отклонилъ протестъ; тогда Александръ разослалъ ноты ко

всѣмъ нашимъ резидентамъ для сообщенія дворамъ, при которыхъ они находились. Наполеонъ остался недоволенъ потой.

Вскорѣ явились новые предметы для жалобъ. Континентальная система тяготила всю Европу; неудивительно, если вмѣсто англійскихъ кораблей, не допускавшихся въ европейскія гавани, являлись американскія или греческія суда съ англійскими товарами. Но Наполеонъ объявилъ запрещеніе и на американскія суда, а также на всѣ суда съ нейтральнымъ флагомъ. Европа должна была повиноваться; но Россія, доведенная до крайности строгимъ выполненіемъ континентальной системы, рѣшилась не подчиниться требованіямъ Наполеона. Въ продолженіи трехъ лѣтъ мы не отпускали за-границу нашихъ громоздкихъ произведеній и, нуждаясь въ мануфактурныхъ и колоніальныхъ произведеніяхъ, платили за нихъ большія деньги: напримѣръ, за пудъ сахару отъ 80 до 100 руб. асс., т. е. отъ 20 до 25 руб. на серебро; звонкая монета уплывала изъ государства и денежный курсъ падалъ съ замѣтною быстротою. «Я буду стараться вредить Англичанамъ—сказалъ императоръ Коленкуру — но не считаю себя обязаннымъ принять мѣры сверхъ условій трактата заключеннаго мною съ императоромъ Наполеономъ. Каждый въ правѣ распоряжаться у себя сообразно съ собственною пользою». Наполеонъ возвысилъ пошлины на поташъ, рыбій жиръ и другія русскія произведенія. Когда Куракину неудалось выхлопотать пониженія ихъ, императоръ издалъ свой тарифъ, по которому иностранныя вина, шелковыя издѣлія, сукна, кружева и другіе предметы роскоши были обложены высокими пошлинами. Послѣ этого Наполеонъ уже не скрывалъ своей холодности къ императору Александру, сталъ возбуждать въ Полякахъ мысль о возстановленіи Польши, посылалъ имъ оружіе и пушки, возбуждалъ также Турокъ и Шведовъ и началъ дѣятельныя приготовленія къ войнѣ.

Война съ Турками еще не была окончена и, хотя императоръ также готовился къ войнѣ съ Наполеономъ, но не желалъ скораго разрыва съ нимъ и въ 1811 г. послалъ къ нему для переговоровъ флигель-адъютанта Чернышева, человѣка очень молодого, но умнаго и ловкаго. Начались продолжительные переговоры: Наполеонъ то грозилъ Чернышеву, то ласкалъ его и, видимо, тянулъ дѣло до окончанія своей войны съ Испаніей и Португаліей. «Я уже имѣлъ счастіе, во время моего пребыванія въ Петербургѣ,—писалъ Чернышевъ,—выразить вашему величеству мнѣніе, что императоръ Наполеонъ желаетъ выиграть только время; самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ могутъ служить настоящія обстоятельства, которыя не только поддерживаютъ это мнѣніе, но и подтверждаютъ вполнѣ. Вы усмотрите убѣдительныя доказательства этого въ почетѣ и предупредительности всякаго рода, которыхъ я былъ предметомъ. Такъ какъ я хорошо знакомъ съ тюльерійскимъ дворомъ, то всѣ эти оттѣнки не безъ причинъ и не безъ значенія».

Австрія и Пруссія, изъ желанія предотвратить войну, которая могла разразиться и надъ ними, предлагали императору свое посредничество, но императоръ отклонилъ его и заявилъ объ этомъ Наполеону; послѣдній поблагодарилъ императора, но не переставалъ дѣлать приготовленія къ войнѣ. Въ началѣ 1812 г., отпуская Чернышева въ Петербургъ, Наполеонъ излилъ сначала передъ нимъ свои жалобы на Александра, а потомъ замѣтилъ: «императоръ Александръ молодъ, а я долженъ жить долго, то я считалъ наши взаимныя чувства ручательствомъ спокойствія Европы; моя преданность къ нему не измѣнилась; вы можете его увѣрить въ томъ отъ меня, сказавъ, что если суждено двумъ величайшимъ державамъ въ свѣтѣ драться между собою изъ-за пустяковъ, я буду воевать по-рыцарски, безъ всякой ненависти, безъ малѣйшаго озлобленія, и даже, при удобномъ случаѣ, готовъ пригласить его позавтра-

кать вмѣстѣ со мною на аванпостахъ...» Письмо, посланное съ Чернышевымъ было коротенькое и въ офиціальномъ тонѣ: «Государи не должны писать длинныхъ писемъ—сказалъ Наполеонъ—если не могутъ сообщить другъ другу ничего пріятнаго». Въ одно время съ этимъ письмомъ государь получилъ извѣстіе о союзѣ Наполеона съ Прусскимъ королемъ и о приближеніи Французскаго войска къ Одеру. «Пожалѣйте обо мнѣ, а не обвиняйте меня — писалъ Александру Фридрихъ Вильгельмъ.—Ваше величество сами бывали въ такомъ положеніи, когда разсудокъ заставлялъ покоряться тяжкимъ обстоятельствамъ, когда вы принимали благоразумныя рѣшенія, стоившія дорого вашему великодушному сердцу. Во всякомъ случаѣ, моя непоколебимая привязанность къ особѣ вашего величества останется одинакою. Если начнется война, то мы не повредимъ другъ другу болѣе, чѣмъ сколько потребуютъ строгія правила войны, и не будемъ забывать, что мы друзья, и придетъ время, когда будемъ союзниками». Никто въ Россіи не былъ пораженъ этимъ извѣстіемъ: Прусскій король былъ слабъ и по обстоятельствамъ былъ вынужденъ или стать на сторону Наполеона, или быть раздавленнымъ; во всякомъ случаѣ Александръ не могъ завидовать Наполеону въ пріобрѣтеніи такого союзника. Гораздо чувствительнѣе для императора былъ переходъ на сторону Наполеона Австріи: она была сильнѣе Пруссіи, не была доведена до крайности и могла остаться нейтральною, какъ и объявляла до сихъ поръ Пруссіи. Государь узналъ объ этомъ въ то время, когда готовился отдать приказаніе арміи Барклая-де-Толли идти за Нѣманъ, если Наполеонъ перейдетъ на правый берегъ Одера. Теперь обстоятельства нѣсколько измѣнились, и двигаться впередъ, оставляя позади лѣваго крыла австрійскую армію, было не безопасно; поэтому Александръ приказалъ Барклаю быть готовымъ къ походу и ждать его въ Вильно для составленія дальнѣйшаго плана военныхъ дѣйствій.

9 апрѣля государь отслушалъ молебенъ въ Казанскомъ соборѣ и, въ сопровожденіи оберъ-гофмаршала графа Толстого, отправился въ дѣйствующую армію. Въ Вильно государь получилъ извѣстіе о заключеніи Бухарестскаго мира, слѣдовательно, тяжелая война была кончена, не смотря на происки Наполеона, и руки императора были развязаны. Еще при извѣстіи о союзѣ Наполеона съ Австріей, въ головѣ императора родилась мысль о славянскихъ средствахъ: Австрія находилась въ затруднительномъ положеніи, вслѣдствіе сильныхъ неудовольствій среди Венгерцевъ; если поднять австрійскихъ славянъ, эти затрудненія еще болѣе увеличатся. Такъ думалъ императоръ и, по заключеніи Бухарестскаго мира, приказалъ Чичагову идти съ частью арміи черезъ Сербію въ Иллирійскія славянскія земли, чтобы поднять ихъ противъ Наполеона. Цѣль была достигнута. Меттернихъ пришелъ въ ужасъ отъ новыхъ усложненій и поторопился объяснить нашему послу при Вѣнскомъ дворѣ, что союзъ съ Наполеономъ есть вынужденный союзъ, что Австрія выставляетъ не 30 тыс. войска, а всего 26 тыс. и что она готова вступить съ Россіей въ тайное соглашеніе: тогда на всѣхъ границахъ обѣихъ Имперій миръ не будетъ нарушенъ. Императоръ отвѣчалъ, что будетъ сообразовать свои дѣйствія съ поведеніемъ Австріи.

Не смотря на то, что Швеція и Турція не пристали къ Наполеону, средства его были громадны. Въ Дрезденъ къ нему съѣхались владѣтели Рейнскаго союза и новые его союзники. Императоръ Францъ съ семействомъ и король Прусскій съ наслѣднымъ принцемъ. Наполеонъ казался полнымъ хозяиномъ страны: жилъ въ королевскомъ дворцѣ, давалъ роскошные обѣды, устраивалъ блестящіе вечера и собранія или присутствовалъ на театральныхъ представленіяхъ. Многочисленные полки его двигались по всей Европѣ, ожидая только одного мановенія, чтобы идти на востокъ. Впрочемъ Наполеонъ не желалъ показаться несправедливымъ начинателемъ войны и

потому еще продолжалъ переговоры, хотя оставался по прежнему самоувѣренъ. «Я иду въ Москву, говорилъ онъ, и въ одно или два сраженія все кончу. Императоръ Александръ будетъ на колѣнахъ просить мира. Я сожгу Тулу и обезоружу Россію. Меня ждутъ тамъ; Москва сердце Имперіи; безъ Россіи континентальная система есть пустая мечта». Въ это время къ нему возвратился изъ Вильно Нарбоннъ и привезъ настоятельное требованіе императора очистить Пруссію отъ французскихъ войскъ. Въ отвѣтъ на это, Наполеонъ приказалъ Лористону выѣхать изъ Петербурга, а самъ отправился въ Торнъ дать окончательное повелѣніе своей арміи идти къ границамъ Россіи.

Уже восточная Пруссія и герцогство Варшавское были наводнены его войсками, когда онъ прибылъ въ Вильковискъ и велѣлъ отдать по войскамъ приказъ слѣдующаго содержанія: «Солдаты! вторая война Польская началась. Первая кончилась подъ Фридландомъ и Тильзитомъ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась на вѣчный союзъ съ Франціею и войну съ Англіею. Нынѣ нарушаетъ она клятвы свои, и не хочетъ дать никакого изъясненія о странномъ поведеніи своемъ, пока орлы Французскіе не возвратятся за Рейнъ, предавъ во власть ея союзниковъ нашихъ. Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться. Не почитаетъ ли она насъ измѣнившимися? Развѣ мы уже не воины Аустерлицкіе? Россія поставляетъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не будетъ сомнителенъ. Пойдемъ же впередъ! Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ Русскіе предѣлы. Вторая Польская война, подобно первой, прославитъ оружіе Французское; но миръ, который мы заключимъ, будетъ прочекъ, и положитъ конецъ пятидесятилѣтнему кичливому вліянію Россіи на дѣла Европы». Передовые разъѣзды Французской арміи были на самомъ берегу Нѣмана. Пѣхота, конница и артиллерія стояли у Ковно въ густыхъ, необозримыхъ колоннахъ, боясь шумѣть или разводить бивачные огни. Ночью 12 іюня Наполеонъ, въ своемъ присутствіи, приказалъ

спустить въ воду понтоны и переправилъ за Нѣманъ 300 поляковъ. Они заняли небольшую деревушку, близь которой находился лейбъ-казачій разъѣздъ. Нѣсколько ружейныхъ и пистолѣтныхъ выстрѣловъ между казаками и поляками огласили песчаные берега Нѣмана и были началомъ такой гигантской борьбы, какую когда либо освѣщало солнце. На другой день Наполеонъ переправился за войскомъ и ночевалъ въ Ковно.

Русскіе давно ненавидили Наполеона, и вѣсть о неизбѣжности войны не пугала, но радовала ихъ. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, желали ополчиться за царя и отечество и не пугались мысли, что Россія будетъ вести войну съ Наполеономъ одна и ни на кого кромѣ себя въ этой борьбѣ не можетъ разсчитывать. «У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какіе у васъ,—говорилъ Александръ послу Наполеона, — самъ я не такой генералъ и не такой администраторъ, какъ Наполеонъ; но у меня добрые солдаты, у меня преданный народъ, и мы помремъ всѣ съ мечомъ въ рукахъ, а не позволимъ обходиться съ собою, какъ съ голландцами или гамбургцами... я не хочу войны, мой народъ также не хочетъ войны, но когда на него нападутъ, онъ не отступитъ». Императоръ чувствовалъ въ себѣ силы для войны, потому что чувствовалъ необходимость войны: онъ зналъ, что сколько бы войска ни навелъ противникъ, оно будетъ поглощено этимъ сухимъ океаномъ, который называется Россіею. «Разъ война начата—писалъ онъ Бернадотту—мое твердое рѣшеніе не оканчивать ее, хотя бы пришлось сражаться на берегахъ Волги».

Еще задолго до начала войны государю было представлено нѣсколько плановъ войны съ Наполеономъ; большая часть изъ нихъ сходилась съ мнѣніемъ самаго государя: длить оборонительную войну на сколько возможно продолжительное время, избѣгая развязки дѣла и пользуясь всѣми средствами страны: огромнымъ протяженіемъ, недостаткомъ жизненныхъ припасовъ и суровостью климата. Утвержденный государемъ планъ

состоялъ въ томъ, чтобы каждая изъ армій, въ случаѣ наступленія на нее большихъ силъ, отступала, въ то время, когда другія арміи, не имѣющія противъ себя значительныхъ силъ, наступали бы во флангъ и тылъ непріятелю. Русская армія, состоявшая въ то время изъ 480 тыс. человѣкъ съ 1600 орудій (не считая учебныхъ, гарнизонныхъ и вновь сформированныхъ изъ рекрутъ 12 пѣхотныхъ полковъ), была расположена частью по южнымъ, частью по западнымъ границамъ. По западной Двинѣ, Березинѣ, Днѣпру и у Мозыря по Припети находился 35 тысячный корпусъ Барклая-де-Толли.

Въ Вильно было все спокойно. Никто, кромѣ государя, не зналъ о приближеніи непріятеля, и виленская публика даже жаждала увеселеній. 12 іюня, въ честь государя, данъ былъ балъ въ домѣ генер. Беннигсена. Въ разгаръ бала къ государю подошелъ Балашевъ и тихонько передалъ ему извѣстіе о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ. Чтобы не потревожить веселья, государь приказалъ хранить это извѣстіе въ тайнѣ и, оставаясь по прежнему привѣтливымъ и веселымъ, уѣхалъ только во время ужина. «Черезъ шесть мѣсяцевъ — пишетъ очевидецъ — государь высказалъ мнѣ, какъ ему тяжело было выказывать веселость въ то время, когда такъ тяжело было у него на сердцѣ». Большую часть ночи государь провелъ въ трудахъ и безъ сна. Сначала онъ занимался съ главнокомандующимъ, который былъ въ то время и военнымъ министромъ. По выходѣ отъ государя, Барклай-де-Толли, отдалъ приказъ всѣмъ корпуснымъ командирамъ отступать къ Свенцянамъ, Платову — ударить во флангъ непріятеля, а Багратіону — поддерживать Платова. Затѣмъ Александръ призвалъ къ себѣ государственнаго секретаря Шишкова и поручилъ ему написать приказъ къ арміи и въ Петербургъ къ гр. Салтыкову о вступленіи въ наши предѣлы непріятеля. «Не нужно Мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости» — говорилось въ приказѣ по арміи. «Въ

нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь Славянъ! Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На зачинающаго Богъ». Въ рескриптѣ къ гр. Салтыкову государь писалъ: «не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ Моемъ».

14 іюня, рано утромъ государь отправился въ Свенцяны. Въ это время главныя силы Наполеона двигались къ Вильно; корпусъ Удино былъ отправленъ по Виліи къ Вилькоміру. Черезъ два дня Наполеонъ торжественно вступилъ въ Вильно и сюда прибылъ къ нему Балашевъ съ письмомъ императора. По случайности онъ былъ принятъ въ той комнатѣ, въ которой государь вручилъ ему письмо къ Наполеону. Допустивъ къ себѣ Балашева, Наполеонъ началъ укорять императора и поносить состоявшихъ при немъ Штейна и другихъ Пруссаковъ, грозилъ уничтожить Пруссію и въ концѣ заявилъ о своей готовности къ миру. Въ 7 часовъ Балашевъ былъ приглашенъ къ обѣду, на которомъ присутствовали Бертье, Коленкуръ и Бессьеръ. Наполеонъ между прочимъ обратился къ Балашеву съ вопросомъ:

— Много ли жителей въ Москвѣ?

— 300 тысячъ, отвѣчалъ Балашевъ.

— А домовъ?

— 10 тысячъ.

— А церквей?

— Болѣе 240.

— Къ чему такое множество?

— Русскій народъ набоженъ, отвѣчалъ Балашевъ.

— Полноте, какая теперь набожность? возразилъ Наполеонъ.

— Извините меня, ваше величество, — сказалъ Балашевъ, — можетъ быть въ Германіи и Италіи мало набожныхъ, но ихъ еще много въ Испаніи и Россіи.

Наполеону не понравился намекъ на Испанію и онъ на нѣ-

сколько минутъ замолчалъ; потомъ вдругъ обратился къ Балашеву:

— По какой дорогѣ можно пройти къ Москвѣ?

— Ваше величество поставили меня въ большое затрудненіе, — отвѣчалъ Балашевъ, — Русскіе, какъ и Французы, говорятъ, что къ Риму можно пройти по всякой дорогѣ. Въ Москву тоже многіе пути. Карлъ XII туда шелъ на Полтаву.

Послѣ обѣда Наполеонъ снова упрекалъ Александра въ недоброжелательствѣ къ себѣ и угрожалъ удалить изъ Германіи всѣхъ владѣтелей родственныхъ государю. Въ Вильно Наполеонъ пробылъ 18 дней, собирая свѣдѣнія о Россіи и занимаясь вооруженіемъ Литвы и Польши; генералы его двигались медленно и не успѣли отрѣзать ни одной части русской арміи. Усиленные переходы по дурнымъ или испорченнымъ дорогамъ, разнаго рода лишенія и наконецъ наступившіе жары увеличивали число больныхъ, отсталыхъ и мародеровъ; послѣднихъ оказалось до 50 тысячъ. Тогда самъ Наполеонъ съ гвардіей пошелъ на Дрисскій лагерь.

Дрисскій лагерь въ тактическомъ отношеніи былъ чрезвычайно неудобенъ: въ полуверстѣ отъ него находился лѣсъ, который дозволялъ непріятелю подойти незамѣтно и укрыться, укрѣпленія его были слабы, спуски къ Двинѣ были круты и въ самой рѣкѣ вблизи лагеря было множество бродовъ. Большинство генераловъ сознавало неудобства, но только инженеръ-полковникъ Мишо рѣшился откровенно высказать свое мнѣніе государю черезъ князя Волконскаго. По этому поводу былъ собранъ военный совѣтъ, и рѣшено оставить лагерь и отступать къ Витебску. Вскорѣ государь уѣхалъ въ Москву [1]).

Въ Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязьмѣ, Можайскѣ, вездѣ, куда пріѣзжалъ государь, встрѣчали его съ необыкновеннымъ

---

[1]) Шишковъ думалъ, что присутствіе государя при арміи можетъ стѣснить главнокомандующаго и что всякая неудача въ его присутствіи можетъ сильнѣе дѣйствовать на армію. Эти соображенія онъ высказалъ въ особой запискѣ по-

восторгомъ; но еще съ большимъ нетерпѣніемъ ждали императора въ первопрестольной столицѣ. На Поклонной горѣ и въ Москвѣ народъ ожидалъ царя въ продолженіи цѣлаго дня; но государь, уклоняясь отъ торжественной встрѣчи, въѣхалъ въ Москву ночью. На другой день, лишь только взошло солнце, народъ повалилъ на кремлевскія площади, боясь пропустить минуту, когда государь выйдетъ изъ дворца. Въ 10 часовъ утра Александръ показался народу. Раздался колокольный звонъ и тысячи людей закричали *ура*; затѣмъ раздались восклицанія: «Веди насъ, отецъ нашъ! умремъ или истребимъ злодѣя!» — 15 іюля государь прибылъ въ Слободскій дворецъ, куда съѣхалось московское дворянство и купечество. Въ дворянскомъ залѣ прочитали манифестъ, призывающій всѣхъ и каждаго вооружиться противъ врага «несущаго вѣчныя для Россіи цѣпи и оковы». Графъ Ростопчинъ указалъ государю на залу купечества и сказалъ: «Оттуда польются милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя!» Тотчасъ было опредѣлено: собрать въ Московской губерніи 80 тысячъ человѣкъ ополченія, вооружить ихъ и снабдить одеждою и провіантомъ. Когда же манифестъ былъ прочитанъ купечеству, оно мгновенно положило сдѣлать денежный сборъ на ополченіе и кромѣ того тутъ же, не расходясь, собрало по подпискѣ полтора милліона рублей.

Судя по примѣрамъ Москвы и Смоленска, государь могъ ожидать того же отъ всѣхъ губерній; дѣйствительно, готовность жертвовать всѣмъ превышала мѣру потребности. Считая излишнимъ общее вооруженіе, государь положилъ распредѣлить его только на 17 губерній.

Пока Наполеонъ шелъ къ Дрисскому лагерю, первая за-

даной Императору. Кромѣ Шишкова записку подписали Аракчеевъ и Балашевъ. Присутствіе государя въ Дрисскомъ лагерѣ не было потеряннымъ временемъ: здѣсь онъ приказалъ Чичагову идти на Волынь и соединиться съ Тормасовымъ, затѣмъ открылъ черезъ Шведовъ переговоры съ Англіей и заключилъ съ нею союзъ; наконецъ въ Дриссѣ онъ приказалъ формировать новые полки и собирать ополченія.

падная армія отступала вверхъ по Двинѣ, отъ Полоцка къ Витебску, гдѣ Барклай-де-Толли намѣренъ былъ дожидаться вторую армію, шедшую сюда съ юга, изъ Бобруйска. Но такъ какъ Наполеонъ уже прошелъ Полоцкъ и приближался съ главными силами къ Витебску, а Багратіонъ еще не являлся; то Барклай выслалъ къ Островкѣ [1]) небольшой пѣхотный корпусъ гр. Остермана, съ приказаніемъ задерживать непріятеля какъ можно долѣе. На другой день Мюратъ и вице-король Евгеній аттаковали отрядъ. Остерманъ оборонялся нѣсколько часовъ. Картечь уже вырвала у него цѣлые ряды, но онъ стоялъ по прежнему поперекъ дороги и не отступалъ. Когда генералы спрашивали у него, что дѣлать? онъ отвѣчалъ: «ничего; стоять и умирать!» На слѣдующій день Остермана смѣнилъ Коновницынъ со своимъ отрядомъ и непріятель былъ задержанъ еще на день. На утро Барклай думалъ сразиться съ Наполеономъ, но, узнавъ, что Багратіонъ пошелъ къ Смоленску, оставилъ противъ Мюрата графа Палена съ 800 человѣкъ и отступилъ туда же. Это было 15 іюля, а черезъ недѣлю обѣ западныя арміи соединились у Смоленска. Положеніе Багратіона едва ли было лучше. Онъ вышелъ изъ Бобруйска 7 іюля и спѣшилъ къ Могилеву, потому что здѣсь была лучшая переправа черезъ Днѣпръ; къ тому же онъ получилъ извѣстіе, что туда же съ запада приближается Даву со своимъ корпусомъ. Послѣднему удалось предупредить Русскихъ и загородить имъ путь. Багратіонъ пытался сначала прорваться силой, но, когда это не удалось, успѣлъ замаскировать свои движенія и въ пять дней, которые Даву провелъ въ Могилевѣ, собирая свѣдѣнія о русской арміи, обошелъ Могилевъ съ восточной стороны, по дорогѣ къ Красному. Платовъ со своими Донцами выводилъ Багратіона изъ затруднительнаго положенія, въ которомъ онъ находился между Даву и Вестфальскимъ королемъ, разсылая

---

[1]) Нѣсколько выше Витебска, на лѣвомъ берегу Двины.

во всѣ стороны разъѣзды, которые какъ рой пчелъ, кружась на всѣхъ тропинкахъ, избивали французскія команды и мѣшали имъ собирать свѣдѣнія о движеніяхъ Багратіона.

По соединеніи обѣихъ армій у Смоленска, Багратіонъ охотно подчинилъ себя главнокомандующему, хотя былъ старѣе его чиномъ. Барклай-де-Толли былъ человѣкъ умный, честный, соединявшій съ глубокими познаніями въ военномъ искуствѣ храбрость и необыкновенное хладнокровіе на полѣ битвы, но крайне осторожный и нерѣшительный. Въ то время, когда государь и вся Россія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за движеніями главной арміи и ожидали наступательныхъ дѣйствій, а армія и офицеры, возбужденные преувеличенными слухами о разобщеніи Французовъ и о возможности побѣдить ихъ по частямъ, съ нетерпѣніемъ жаждали боя, Барклай-де-Толли отступалъ передъ непріятелемъ и только разъ сдѣлалъ неудачную попытку идти на встрѣчу ему изъ Смоленска къ Витебску. Неудивительно, что въ арміи и въ народѣ поднялся ропотъ: Барклая называли нѣмцемъ, равнодушнымъ къ интересамъ Россіи и считали совершенно неспособнымъ къ роли главнокомандующаго.

Между тѣмъ Наполеонъ съ 180 тысячнымъ войскомъ шелъ по лѣвому берегу Днѣпра къ Смоленску, въ намѣреніи обойти Русскую армію съ лѣваго фланга, занять Смоленскъ и отбросить Русскихъ отъ московской дороги. Повидимому ничто не мѣшало его плану: обѣ Русскія арміи находились на правомъ берегу рѣки и въ значительномъ разстояніи отъ Смоленска; на пути его, между Витебскомъ и Смоленскомъ, не было значительныхъ силъ, только въ Красномъ находилась вновь сформированная дивизія генерала Невѣровскаго, состоявшая изъ новобранцевъ, не бывавшихъ еще въ огнѣ. 2 августа къ Невѣровскому прискакали казаки съ извѣстіемъ, что «Французы валомъ валятъ». Дѣйствительно на него шелъ Мюратъ съ кавалеріей, Груши, Нансути, Монбрюкъ и за ними Ней съ

пѣхотой. Завидѣвши русскій отрядъ, Мюратъ раздѣлилъ конницу на нѣсколько частей и двинулъ ихъ въ обходъ, съ цѣлію обхватить Русскихъ со всѣхъ сторонъ, какъ вѣрную добычу. Невѣровскій отступилъ за Красное и, построилъ войско въ карре, выдержавъ первое страшное нападеніе Французовъ, когда пѣхота ударила съ фронта, а конница неслась на фланги; затѣмъ началъ отступать по большой смоленской дорогѣ, отбиваясь на каждомъ шагу отъ превосходныхъ силъ непріятеля. Мюратъ предлагалъ ему сдаться, но получилъ гордый отказъ. Иногда непріятель подходилъ такъ близко, что могъ переговариваться съ нашими солдатами и вызывалъ ихъ положить оружіе. Солдаты отвѣчали: «умремъ а не сдадимся». Невѣровскій «отступалъ какъ левъ», по выраженію французскаго историка, аттакуемый на протяженіи 12 верстъ. Мюратъ безпрестанно вводилъ свѣжія войска и сдѣлалъ до 40 аттакъ. Ночью Русскому отряду удалось дойти до оврага, находящагося въ 6 верстахъ отъ Смоленска; непріятель остановился, а Раевскій занялъ Смоленскъ и тѣмъ предупредилъ Наполеона. Въ распоряженіи Раевскаго находилось только 15 тысячъ войска и съ этимъ отрядомъ онъ долженъ былъ задерживать всѣ силы Наполеона, не имѣя возможности разсчитывать на скорое подкрѣпленіе, потому что обѣ арміи находились на значительномъ разстояніи. Раевскій понималъ опасность своего положенія, но рѣшился скорѣй погибнуть со всѣмъ корпусомъ, нежели позволить Наполеому отбросить наши арміи къ сѣверу и отрѣзать ихъ отъ сообщенія съ Москвою и южными губерніями.

Ночь на 4 августа была мѣсячная и свѣтлая. Раевскій и Паскевичъ поѣхали осматривать городъ, чтобы выбрать наиболѣе выгодныя позиціи для арміи. Расположенный на лѣвомъ берегу Днѣпра, Смоленскъ былъ окруженъ старинною каменною стѣной съ 30 башнями въ разныхъ мѣстахъ. Около стѣны шелъ неглубокій ровъ; кромѣ стѣнъ въ городѣ не успѣли сдѣ-

лать никакихъ укрѣпленій и только противъ самой Красненской дороги возвышался земляной кронверкъ, называемый королевскимъ бастіономъ; его, какъ самый опасный пунктъ, Раевскій поручилъ Паскевичу.

На зарѣ завязалась перестрѣлка; вскорѣ явился Наполеонъ и приказалъ Нею начать аттаку. Тогда пѣхота тремя огромными колонами направилась на Смоленскъ и, не смотря на дѣйствіе нашихъ 70 орудій, перешла ровъ и дошла до гласиса. Орловскій полкъ открылъ ружейный огонь и задерживалъ непріятеля. Нѣсколько разъ Французы пробовали выйдти изъ оврага и бросались на нашу пѣхоту, но каждый разъ ихъ встрѣчалъ сильный батальный огонь и съ большимъ урономъ возвращалъ назадъ; такъ же неудачна была аттака въ другихъ мѣстахъ. Въ 9 часовъ утра подъ Смоленскомъ стали собираться всѣ силы Французской арміи и большимъ полукругомъ окружили городъ; оставалось свободнымъ только петербургское предмѣстіе—на правомъ берегу Днѣпра, куда должны были прибыть, по дорогѣ изъ Витебска, обѣ Русскія арміи. «Другъ мой я нейду, а бѣгу—писалъ Раевскому Багратіонъ— желалъ бы имѣть крылья, чтобы скорѣе соединиться съ тобою. Держись Богъ тебѣ помощникъ!» Слѣдовательно, Раевскій до полученія подкрѣпленія долженъ былъ сдѣлать послѣднее усиліе отстоять городъ отъ Наполеона. Между тѣмъ Наполеонъ, считая дальнѣйшія аттаки безполезными, приказалъ построить батареи и съ нихъ началъ громить городскія башни и стѣны; въ пространствахъ между батареями разсыпались по баталіонно полки пѣхотныхъ стрѣлковъ. Въ два часа обѣ арміи, Барклая-де-Толли и Багратіона, показались на высотахъ праваго берега. Наполеонъ давно желалъ сразиться съ ними и, лишь только завидѣлъ ихъ, радостно воскликнулъ: «наконецъ Русскіе въ моихъ рукахъ». Къ вечеру, когда сраженіе утихло и Наполеонъ отвелъ свои войска къ лагерю, въ Смоленскъ пріѣхали оба главнокомандующіе съ своими генералами. Всѣ

чувствовали важность успѣха и отъ души поздравляли и благодарили Раевскаго и Паскевича.

Съ восходомъ солнца Наполеонъ былъ уже въ полѣ и съ нетерпѣніемъ ожидалъ, скоро ли растворятся ворота и выступятъ для боя русскія войска. Вдругъ онъ узнаетъ, что русскія арміи отступаютъ отъ Смоленска по московской дорогѣ.

Дорога въ Москву шла на сѣверо-востокъ черезъ Дорогобужъ, Вязьму, Гжатскъ и Можайскъ. Барклай-де-Толли успѣлъ удостовѣриться, что Наполеонъ сосредоточилъ всѣ свои силы подъ Смоленскомъ и, думая, что намѣреніе его состоитъ въ томъ, чтобы предупредить русскія арміи въ Дорогобужѣ, а затѣмъ овладѣть московской дорогой, рѣшился отступить отъ Смоленска, оставивъ въ послѣднемъ только одинъ корпусъ Дохтурова. Дохтуровъ еще не успѣлъ оправиться отъ болѣзни, но, когда главнокомандующій спросилъ его, въ силахъ ли онъ дѣйствовать при оборонѣ Смоленска, онъ отвѣчалъ: «лучше умереть на полѣ, нежели въ кровати». Въ ночь на 5 августа онъ смѣнилъ Раевскаго и, размѣстивши войска на тѣхъ мѣстахъ, которыя занималъ Раевскій, приготовился къ бою. Наполеонъ сначала хотѣлъ отрѣзать отступающія войска Барклая-де-Толли и Багратіона, но, не найдя бродовъ въ рѣкѣ, приказалъ взять Смоленскъ. Въ 4-мъ часу по полудни на предмѣстье направились съ трехъ сторонъ густыя колоны Нея, Даву и Понятовскаго. Въ продолженіи двухъ часовъ Дохтуровъ держался въ предмѣстіяхъ, наконецъ оставилъ ихъ и вступилъ въ городъ, и дѣясь найдти защиту за старинными стѣнами его. Дѣйствительно Наполеонъ, утомившійся безполезностью нападеній, приказалъ идти на проломъ. Загудѣло 150 орудій, посыпались тучи ядеръ и гранатъ и зажгли городъ въ нѣсколькихъ пунктахъ. Церкви, дома, башни, все, что могло горѣть, запылало. Въ испугѣ жители убѣгали изъ огня, метались изъ улицы въ улицу и не знали что спасать, между тѣмъ какъ русскіе полки одинъ за другимъ шли въ

огонь, а духовенство пѣло молебны и, подъ громъ ревущихъ пушекъ, совершало всенощное бдѣніе, такъ какъ на завтра былъ праздникъ Преображенія Господня. Въ сумерки вынесли за городъ чудотворную икону Смоленской Божіей Матери. Удалилась старинная заступница города, но со стѣнъ не сходили утомившіеся защитники его и продолжали сражаться между разлившимся пламенемъ пожара; съ трудомъ сохранили мостъ на Днѣпрѣ, какъ единственное сообщеніе съ арміей. Вечеромъ канонада прекратилась сразу на всѣхъ пунктахъ, и наши стрѣлки снова заняли предмѣстія и прикрытый путь. Дохтуровъ потерялъ въ этомъ дѣлѣ 4—6 тысячъ человѣкъ; потери же Французовъ были гораздо значительнѣе. Недаромъ на вечернихъ бивакахъ старые французскіе офицеры, участвовавшіе въ Египетской экспедиціи, сравнивали бой 5 августа съ Сенъ-Жанъ д'Акрскимъ дѣломъ, гдѣ Наполеонъ впервые потернѣлъ неудачу. Главнымъ сподвижникомъ Дохтурова въ этотъ день былъ Коновницынъ, который защищалъ самый опасный пунктъ — Молоховскія ворота, былъ раненъ, но не оставлялъ сраженія и даже не дозволилъ сдѣлать себѣ перевязку.

Барклай-де-Толли, не видя возможности оборонять долѣе пылающія развалины Смоленска, приказалъ Дохтурову очистить его ночью. Русскіе стали отступать не по прямой большой дорогѣ, которая шла по возвышенному правому берегу Днѣпра и, слѣдовательно, была доступна картечи и ружейному огню непріятеля, а по полукруглой дорогѣ, болѣе длинной и неудобной, но скрытой отъ непріятеля. Наполеонъ, занявши Смоленскъ, преслѣдовалъ Русскихъ, посылалъ даже въ перерѣзъ имъ большія силы Нея, Гюдена и Жюно, но не успѣлъ зайдти русской арміи въ тылъ или отрѣзать хоть небольшой ея отрядъ. 12 августа западныя арміи расположились у Дорогобужа и оба главнокомандующіе все утро провели въ обозрѣніи мѣстности Позиція оказалась слишкомъ тѣсною; несмотря на то, ее начали исправлять и укрѣплять. Вскорѣ

пришло извѣстіе, что непріятель начинаетъ обходить фланги. Главнокомандующій приказалъ отступать дальше, думая сразиться съ Наполеономъ у Вязьмы. «Кажется, теперь настала минута, — доносилъ онъ государю,— гдѣ война можетъ принять благопріятнѣйшій видъ, потому что непріятель... слабѣетъ на каждомъ шагу, по мѣрѣ того, какъ подается впередъ, и въ каждомъ сраженіи съ нами. Напротивъ того, наши войска подкрѣпляются резервомъ, который Милорадовичъ ведетъ къ Вязьмѣ...» Но и Вязьма оказалась неудобнымъ стратегическимъ пунктомъ: пришлось отступать далѣе. Наполеонъ также спѣшилъ впередъ, потому что вокругъ него разгоралась народная война и весь край представлялъ крайнее опустошеніе. 7 августа ночью Русскіе оставили Вязьму и Французамъ пришлось вступить въ зажженный городъ. До сихъ поръ отступленіе русской арміи совершалось въ порядкѣ: Французамъ не удалось ни разу оттѣснить русскій арріергардъ раньше времени и отбить ни одного орудія, ни одной повозки. Барклай думалъ дать битву у Царева-Займища: опять начали строить укрѣпленія и готовиться къ сраженію, но войска уже не надѣялись на близкую встрѣчу съ непріятелемъ и громко роптали; даже Багратіонъ открыто расходился въ мнѣніяхъ съ главнокомандующимъ съ самаго отступленія отъ Смоленска и энергически порицалъ его распоряженія [1]); многіе генералы упрекали его въ нерѣшительности, а нѣкоторые видѣли въ немъ даже измѣнника. Такимъ образомъ, вся армія не желала Барклая; арміи сочувствовала и вся Россія, которая была оскорблена непріятельскимъ нашествіемъ и не вѣрила, чтобы такое событіе было возможно безъ измѣны или, по крайней

[1]) Багратіонъ часто писалъ изъ главной квартиры Аракчееву. Въ одномъ письмѣ онъ такъ выразился про Барклая: «Воля Государя моего. Я никакъ вмѣстѣ съ министромъ не могу. Ради Бога, пошлите меня куда угодно, хотя полкомъ командовать, въ Молдавію или на Кавказъ, а здѣсь быть не могу, и вся главная квартира Нѣмцами наполнена такъ, что Русскому жить невозможно и толку никакого нѣтъ».

мѣрѣ, безъ непростительныхъ ошибокъ главнокомандующаго. Въ Москвѣ, въ Петербургѣ, вездѣ, куда доходило извѣстіе о послѣдовательномъ отступленіи Барклая къ Москвѣ, не могли понять цѣли отступленія и, видя только пожары, опустошенія, грабежи и убійства, требовали рѣшительнаго боя, который одинъ, по мнѣнію большинства, могъ положить конецъ дерзкому нашествію. Вся Россія знала, что въ другихъ мѣстахъ немногочисленные наши отряды одерживали верхъ надъ Французами; такъ, напримѣръ, графъ Виттенштейнъ, прикрывавшій Петербургъ, разбилъ при Клястицахъ [1]) маршала Удино, а при Полоцкѣ — Сенъ-Сира; на югѣ — Тормасовъ уничтожилъ при Кобринѣ [2]) авангардъ корпуса Рейнье, вступилъ въ бой съ сильнѣйшей Австро-Саксонскою арміей Шварценберга у Городечны [3]), отошелъ въ порядкѣ за Стырь [4]) и преградилъ дальнѣйшее вторженіе непріятеля.

Среди всеобщаго неудовольствія Барклаемъ-де-Толли, общественное мнѣніе склонялось въ пользу Кутузова, который въ то время командовалъ петербургскимъ ополченіемъ и дѣятельно занимался вооруженіемъ и обмундированіемъ его. Имя Кутузова было у всѣхъ на языкѣ и всѣ изъ глубины сердца призывали его на защиту родины; посылали ему даже безъимянныя письма, въ которыхъ упрекали его въ бездѣйствіи. Когда въ іюлѣ мѣсяцѣ, государь возвелъ его въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости, всѣ встрѣтили эту награду съ восторгомъ, какъ предвѣстницу скорой дѣятельности великаго ученика Суворова. Народъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ его и каждое слово его передавалъ съ какимъ-то благоговѣніемъ, а въ театрахъ, когда произносились имена Дмитрія Донскаго или Пожарскаго, взоры всѣхъ обращались на маститаго полководца. Государь уже давно получалъ извѣстія о разномысліи между Барклаемъ-

---

[1]) Въ Витебской губерніи, на сѣверъ отъ Полоцка, по дорогѣ между Полоцкомъ и Опочкой. [2]) Въ Минской губ., на р. Мухавцѣ. [3]) Тамъ же, нѣсколько сѣвернѣе. [4]) Стырь впадаетъ въ Припеть.

де-Толли и Багратіономъ и о ропотѣ всей арміи. Хотя онъ не допускалъ мысли объ измѣнѣ, вѣрилъ въ честность и военныя способности Барклая, но въ настоящую минуту, когда вездѣ говорили о необходимости перемѣнить главнокомандующаго, государь рѣшился на мѣсто Барклая назначить другаго военоначальника, причемъ выборъ его поручилъ особому комитету, въ которомъ предсѣдательствовалъ фельдмаршалъ Салтыковъ. Комитетъ единодушно остановился на Кутузовѣ.

8 августа, послѣ обѣда, государь велѣлъ Кутузову пріѣхать на Каменный островъ и здѣсь объявилъ ему, что назначаетъ его главнокомандующимъ надъ всѣми арміями и ополченіями. «Я не оробѣлъ — говорилъ потомъ Кутузовъ — и съ помощью Божіею надѣюсь успѣть, но слушая государя, я былъ растроганъ новымъ назначеніемъ моимъ». Назначеніе Кутузова Россія праздновала съ такою радостію, какой она еще не ощущала со времени вторженія непріятелей. «Современники нашего полководца — говоритъ Богдановичъ — несомнѣвались ни въ его способностяхъ, ни въ услугахъ имъ оказанныхъ отечеству, и даже порицатели Кутузова сознавали, что никто не могъ замѣнить его въ тотъ грозный часъ, когда Наполеонъ, въ челѣ покоренной имъ Европы, пройдя какъ огненный метеоръ, чрезъ наши западныя области, неудержимо ломился къ Москвѣ».

11 августа, въ воскресенье, Кутузовъ отправился въ армію. Народъ съ утра тѣснился около его дома на Дворцовой площади и, съ пожеланіями счастливаго пути и побѣдъ, сопровождалъ его карету до Казанскаго собора. Здѣсь маститый полководецъ прослушалъ весь молебенъ, стоя на колѣнахъ; протоіерей окропилъ его святой водой и подалъ ему на блюдѣ образъ Казанской Божіей Матери, который князь возложилъ на себя. Выходя изъ церкви, Кутузовъ сказалъ священникамъ: «Молитесь обо мнѣ; меня посылаютъ на великое дѣло!» По всей дорогѣ жители городовъ и селъ встрѣчали его съ хлѣбомъ и солью и напутствовали благословеніями; часто народъ отпрягалъ ло-

шадей и везъ его карету на себѣ; многіе цѣловали слѣды, оставленные колесами его экипажа; матери съ грудными дѣтьми бѣжали къ каретѣ и высоко поднимали младенцевъ, какъ бы поручая ихъ въ защиту Кутузову.

Въ Гжатскѣ онъ встрѣтилъ офицеровъ генеральнаго штаба, которые были посланы впередъ для обозрѣнія позицій по Московской дорогѣ. Кутузовъ отослалъ ихъ назадъ: «не нужно намъ позади никакихъ позицій — сказалъ онъ — мы и безъ того уже слишкомъ далеко отступили!» — Въ Царевѣ-Займищѣ для него былъ выставленъ почетный караулъ. Поздоровавшись съ нимъ, Кутузовъ, какъ бы про себя, но довольно громко замѣтилъ: «ну, какъ можно отступать съ такими молодцами!» Послѣ обѣда онъ поѣхалъ въ лагерь въ сюртукѣ безъ эполетъ и въ бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ плечо и съ нагайкою на ремнѣ черезъ другое. Не было полка или генерала, которые не служили бы въ прежнія войны подъ его начальствомъ, поэтому войско встрѣтило знакомаго вождя съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Какъ бы къ довершенію торжества, на ясномъ небѣ взвился огромный орелъ и парилъ надъ Кутузовымъ: куда онъ, туда и орелъ [1]). Князь снялъ фуражку и привѣтствовалъ вѣстника побѣды крикомъ *ура*, которое дружно подхватили всѣ полки. «Пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ», заговорили въ лагерѣ: до того пріѣздъ его воскресилъ упадшій духъ войска и оживилъ въ немъ самосознаніе непобѣдимости!

Еще до войны съ Наполеономъ императоръ Александръ вступилъ въ дружескую переписку съ шведскимъ наслѣднымъ

---

[1]) Въ запискахъ *Ковальскаго* («Русскій Вѣстникъ», 1871 г., Январь) говорится, что «передъ Бородинскимъ дѣломъ, для поднятія духа въ арміи, адъютанты Кутузова разъѣзжали по полкамъ съ вымышленнымъ извѣстіемъ, что король Неаполитанскій Мюратъ взятъ въ плѣнъ. Затѣмъ изъ заранѣе приготовленнаго мѣшка выпущенъ былъ орелъ, который поднялся ввиду арміи, и это обстоятельство ободрило многихъ малодушныхъ людей».

принцемъ; передъ самымъ же открытіемъ военныхъ дѣйствій онъ предлагалъ ему принять начальство надъ всею русскою арміей. Оба они желали лично познакомиться другъ съ другомъ, но до августа различныя обстоятельства мѣшали этому. На другой день послѣ назначенія князя Кутузова, государь отправился въ Або, въ сопровожденіи графовъ Румянцева и Аракчеева и флигель-адъютанта Чернышева. Сюда черезъ три дня пріѣхалъ и наслѣдный принцъ. Императоръ принялъ его радушно и оказывалъ ему всевозможныя знаки вниманія. Принцъ очень дорожилъ дружбою императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ пожелалъ извлечь изъ нея побольше пользы для Швеціи: разъ, въ откровенной бесѣдѣ съ Чернышевымъ, онъ просилъ его передать императору о своемъ желаніи получить Аландскіе острова. Когда Чернышевъ донесъ объ этомъ государю, тотъ приказалъ передать принцу, что «не уступитъ *ни аршина земли*, даже если бы довелось ему удалиться въ Сибирь и тамъ сражаться за неприкосновенность Имперіи». При свиданіи съ принцемъ онъ сказалъ ему, что съ удовольствіемъ исполнилъ бы его желаніе, если бы былъ увѣренъ, что уступка Аландскихъ острововъ не возбудитъ противъ него общественное мнѣніе. «Для меня — продолжалъ императоръ — лучше отдать вамъ, въ залогъ, до совершеннаго исполненія заключенныхъ между нами условій, Ригу съ островами Эзелемъ и Даго». Когда же принцъ возразилъ, что для него слово императора важнѣе всякаго залога, государь пожалъ ему руку и сказалъ, что никогда не забудетъ столь высокаго знака довѣрія. Свиданіе государей продолжались только три дня, но въ это время уполномоченные обоихъ государствъ успѣли заключить въ Або союзный договоръ, по которому императоръ обѣщалъ принцу для завоеванія Норвегіи свою помощь деньгами и войскомъ, а принцъ — въ случаѣ нашего успѣха въ войнѣ съ Наполеономъ и расширенія нашихъ границъ до Вислы,—обѣщалъ признать такое пріобрѣтеніе законнымъ. Хотя нѣкоторые Шведы были противъ союза

съ Россіей и даже совѣтовали принцу воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ ея, чтобы отнять Финляндію, но принцъ былъ дальновиднымъ политикомъ и до конца оставался вѣрнымъ союзникомъ могущественнаго сосѣда [1]). При разставаніи съ императоромъ, онъ оказалъ ему даже особую любезность, предложивъ воспользоваться тѣми тремя дивизіями, которыя были оставлены въ Финляндіи для содѣйствія Шведамъ.

— Вашъ поступокъ прекрасенъ—отвѣчалъ государь—но могу ли я принять такое предложеніе? Если я это сдѣлаю, то какимъ образомъ вы получите Норвегію?

— Ежели успѣхъ будетъ на вашей сторонѣ — сказалъ принцъ — я получу ее; вы сдержите ваше обѣщаніе. Если же вы будете побѣждены, Европа подвергнется порабощенію; всѣ государи покорятся произволу Наполеона, и тогда лучше быть простымъ пахаремъ, нежели царить на такихъ условіяхъ.

До какой степени личное свиданіе сблизило императора съ наслѣднымъ принцемъ, видно изъ перваго послѣ свиданія письма его къ императору. «Минуты,—писалъ онъ,—проведенныя съ вашимъ величествомъ въ Або, и разговоры наши оставили въ душѣ моей впечатлѣнія, навсегда неизгладимыя. Желаю имѣть случай доказать вашему величеству всю полноту чувствованій, вамъ посвященныхъ, и счастливъ надеждою увидѣть желанія мои осуществленными».

---

[1]) Пріобрѣтя Финляндію, едва-ли бы принцъ могъ надолго удержать ее, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ втянулъ бы государство въ тяжелую войну съ сильными сосѣдями и довелъ бы его до большихъ потерь. Напротивъ, союзъ съ императоромъ, избавилъ его отъ войны, далъ ему, вмѣсто утраченныхъ 3 милліоновъ населенія, страну съ населеніемъ въ 4 милліона.

ГЛАВА XIII.

Отступленіе Кутузова къ Бородину.—Бородинская позиція.—Приближеніе Наполеона и бой на Шевардинѣ.—Канунъ битвы.—Бородинская битва.—Отступленіе арміи къ Москвѣ и Милорадовичъ.—Совѣтъ въ Филяхъ.—Настроеніе Москвы.—Отступленіе русской арміи черезъ Москву.—Вступленіе Наполеона въ Москву.—Пожаръ Москвы.—Грабежи и безчинства.—Государь узнаетъ о потерѣ Москвы.—Разговоръ его съ полковникомъ Мишо.—Переходъ Кутузова на Калужскую дорогу.—Партизаны и крестьяне тревожатъ непріятеля.—Дѣло у Тарутина.—Битва у Малоярославца.

Барклай-де-Толли, подкрѣпленный корпусомъ Милорадовича, хотѣлъ дать сраженіе Наполеону у Царева-Займища; но въ тотъ же день вечеромъ пріѣхалъ въ главную квартиру Кутузовъ, и начальство Барклая кончилось. За день до этого онъ писалъ государю: «Не намѣренъ я теперь, когда наступаютъ рѣшительныя минуты, распространяться о дѣйствіяхъ арміи, которая была мнѣ ввѣрена. Успѣхъ докажетъ: могъ ли я сдѣлать что либо лучшее для спасенія государства? Если бы я руководимъ былъ слѣпымъ, безумнымъ честолюбіемъ, то, можетъ быть, ваше императорское величество изволили бы получать донесенія о сраженіяхъ, и не взирая на то непріятель находился бы подъ стѣнами Москвы, не встрѣтя достаточныхъ силъ, которыя были бы въ состояніи ему сопротивляться».

Кутузовъ сначала одобрилъ позицію при Царевѣ-Займищѣ и продолжалъ укрѣплять ее; но вскорѣ отступилъ къ Бородину. Здѣсь онъ усилилъ себя нѣсколькими полками, сформированными Лобановымъ-Ростовскимъ и отсюда извѣстилъ Тор-

масова и Чичагова о своемъ желаніи сразиться здѣсь съ Наполеономъ, приказавъ первому обратиться противъ праваго крыла Наполеона для отвлеченія части его силъ отъ себя, а второму замѣнить перваго. 24 августа къ Бородину прибылъ арріергардъ Коновницына, выдержавшій на пути отступленія два жаркихъ дѣла съ непріятелемъ.

Бородинская позиція находилась по обѣ стороны большой Смоленской дороги, въ 10 верстахъ отъ Можайска и въ 80— отъ Москвы. Дорога шла до деревни Горки, гдѣ была квартира главнокомандующаго, на востокъ, затѣмъ поворачивала на юго-востокъ, пересѣкая притокъ Москвы, Колочу, текущую по глубокому оврагу въ сѣверо-восточномъ направленіи. Вся мѣстность имѣетъ характеръ холмистый, образуя общую покатость къ р. Москвѣ, т. е. отъ лѣваго фланга къ правому. Правый флангъ арміи находился на сѣверо-востокѣ, въ пространствѣ между Смоленскою дорогой, р. Москвой и р. Колочей, примыкая къ густому лѣсу; лѣвый флангъ приходился на юго-западѣ, между Смоленской дорогой, старой Московской и деревней Утицей, примыкая къ кустарникамъ, которые не могли представлять хорошей защиты. Длина фронта представляла линію въ 7 верстъ и была прикрыта какъ р. Колочей и впадающими въ нее ручьями Горицкимъ, Семеновскимъ и др., такъ и рядомъ батарей, построенныхъ на скорую руку. Понимая значеніе Шевардинскаго кургана, находившагося въ 1000 саженяхъ передъ серединой позиціи, Кутузовъ приказалъ построить на немъ пятиугольный редутъ съ 12 батарейными орудіями, но его не успѣли окончить. Войска были расположены слѣдующимъ образомъ. Двѣ переднія линіи занимала пѣхота въ баталіонныхъ колоннахъ: на правомъ крылѣ и въ центрѣ— Барклай-де-Толли; на лѣвомъ—Багратіонъ съ Милорадовичемъ, Раевскимъ и другими; третью линію составляла кавалерія: за правымъ флангомъ—Платовъ съ казаками и кавалерійскій корпусъ Уварова; за лѣвымъ флангомъ—пятый гвардейскій

корпусъ и кирасирскія дивизіи. Шесть казачьихъ полковъ подъ начальствомъ Карпова были расположены у деревни Утицы, а ополченцы, какъ плохо вооруженные и еще не обученые, стояли за линіями и были назначены для отвода раненыхъ и прикрытія обозовъ. Передовая позиція у Шевардина была занята дивизіей Невѣровскаго, однимъ егерскимъ полкомъ и частью кавалеріи подъ общимъ начальствомъ князя Горчакова.

Занявъ Гжатскъ, Наполеонъ пошелъ далѣе тремя большими колоннами: правой начальствовалъ Понятовскій, лѣвой—вице-король итальянскій; среднею или главными силами арміи—самъ Наполеонъ. Лишь только непріятель подошелъ къ Бородину, какъ былъ встрѣченъ огнемъ съ Шевардинскаго редута и ружейнымъ огнемъ стрѣлковъ, засѣвшихъ въ кустарникахъ и оврагахъ праваго берега Колочи. Взбѣшенный остановкою, Наполеонъ приказалъ Мюрату перейдти рѣку и взять Шевардинскій холмъ приступомъ. Послѣ жестокаго и упорнаго боя, французы ворвались въ укрѣпленіе; но вскорѣ наши гренадеры, предшествуемые священниками въ полномъ облаченіи и съ крестами въ рукахъ, выгнали непріятеля; завязался рукопашный бой, въ которомъ поперемѣнно одерживала верхъ то одна, то другая сторона, пока не наступилъ вечеръ. Шевардино осталось за нами; однако ночью Кутузовъ приказалъ Голицыну оставить холмъ и отойдти къ главной позиціи. Во все время дѣла главнокомандующій не покидалъ поля сраженія, обозрѣвалъ мѣстность или пересылался съ Багратіономъ, который повелъ на Шевардино гренадеровъ. По временамъ онъ садился на скамейку, которую за нимъ повсюду возили.

25 августа прошло спокойно. Наполеонъ весь день обозрѣвалъ мѣстность, нашу позицію и къ вечеру составилъ слѣдующій планъ: Понятовскій долженъ обойдти нашъ лѣвый флангъ, а Даву, Ней, Жюно и Мюратъ съ кавалеріей Монбрена, Нансути и Латуръ-Мобура, должны нанести главный ударъ, т. е. обрушившись на наше лѣвое крыло, опрокинуть его, или, по

крайней мѣрѣ, запереть въ колѣно между Колочею и Москвою рѣкою; въ случаѣ успѣха, вице-король долженъ перейдти Колочу и, прорвавъ центръ русской арміи, довершить ея пораженіе. Въ распоряженіи Наполеона было болѣе 170 тысячъ человѣкъ и до 1000 орудій. На завтра, въ 6 часовъ утра, пальба изъ 62 орудій должна быть сигналомъ къ началу битвы. Наполеонъ по обыкновенію не сомнѣвался въ успѣхѣ: когда французы, поившіе въ Москвѣ рѣкѣ лошадей, объявили ему съ восторгомъ имя рѣки, онъ отвѣчалъ: «По имени этой рѣки назовемъ завтрашнюю побѣду».

Наканунѣ битвы Кутузовъ объѣзжалъ войска и говорилъ съ ними языкомъ простымъ и понятнымъ каждому солдату. Единодушное, громкое *ура* сопровождало престарѣлаго вождя отъ одной колонны до другой. Передъ вечеромъ по лагерю пронесли икону Смоленской Божіей Матери. Главнокомандующій встрѣтилъ ее со всѣмъ своимъ штабомъ и поклонился ей до земли. Духовенство въ богатыхъ ризахъ по временамъ останавливалось и совершало молебствія. Въ арміи не было замѣтно унынія, но не было и веселья: она приготовлялась къ Бородинскому бою, какъ къ какому нибудь великому религіозному дѣлу: очевидцы разсказываютъ, что солдаты надѣли чистое бѣлье и на призывъ квартиргеровъ: «водку привезли; ступай къ чаркѣ!» многіе отвѣчали: «не къ тому готовимся; не такой завтра день». Вездѣ точили штыки, отпускали сабли; артиллеристы передвигали орудія, избирая для нихъ болѣе выгодныя мѣста. Генералы и полковые командиры ободряли солдатъ. Наступилъ вечеръ; поднялся вѣтеръ и съ воемъ гудѣлъ по бивакамъ. На облачномъ небѣ изрѣдка искрились звѣзды. Въ лагерѣ было тихо, спокойно, и войска дремали вокругъ дымящихся костровъ; у непріятеля напротивъ восторженные крики въ честь Наполеона оглашали воздухъ и костры бивачные горѣли ярко. Когда занялась заря и разсѣялся туманъ, Наполеонъ сказалъ окружающимъ его генераламъ: «Вотъ солнце

Аустерлица!» и велѣлъ подать сигналъ. Тотчасъ же задвигались густыя колонны непріятеля, загремѣла канонада и бой начался.

Желая скрыть настоящее свое намѣреніе, Наполеонъ приказалъ сдѣлать ложное нападеніе на Бородино. Такъ какъ село защищалъ только одинъ егерскій гвардейскій полкъ, то онъ долженъ былъ уступить силѣ и оставилъ село; но, отступая, егеря успѣли подъ сильнымъ огнемъ истребить мостъ черезъ Колочу. Одновременно съ нападеніемъ на Бородино, Наполеонъ направилъ главный ударъ на лѣвое крыло. Несмотря на страшныя усилія, первая попытка не удалась Французамъ: при самомъ началѣ были ранены Компанъ, Дезе, затѣмъ Раппъ и Даву. Въ 7 часовъ Наполеонъ приказалъ возобновить нападеніе съ большими силами. Тогда Багратіонъ стянулъ къ этому мѣсту всѣ войска, бывшія подъ рукой и просилъ главнокомандующаго прислать подкрѣпленіе. Страшный огонь не могъ остановить нападающихъ, и дивизія Воронцова, послѣ продолжительнаго сопротивленія, была истреблена вся. Въ это время къ оконечности лѣваго крыла явился Понятовскій и, вытѣснивъ русскихъ изъ деревни Утицы, занялъ курганъ. Тучковъ выбилъ отсюда Французовъ, но палъ жертвою своей храбрости. Бой становился все жарче и яростнѣй. Сколько ни отбивали Французовъ, они смыкались и валили впередъ. Наши полки бросались въ штыки, дрались съ яростію и часто отбивали у непріятеля сильныя позиціи. «Ребята,—сказалъ одинъ полковникъ, указывая на батарею,—представьте себѣ, что это Россія, и отстаивайте ее грудью богатырскою!» Солдаты бросились за нимъ, но вскорѣ картечь повергла его полумертвымъ на землю.

Между тѣмъ вице-король перешелъ Колочу и направился противъ курганной батареи Раевскаго. Оттѣснивъ нашихъ стрѣлковъ, Французы двинулись на батарею; сильный огонь изъ 18 орудій не могъ остановить ихъ: они перелѣзли черезъ

брустверъ и завладѣли курганомъ. Въ моментъ отступленія нашихъ полковъ, появился Ермоловъ, остановилъ отступающихъ и повелъ ихъ въ штыки на непріятеля. Съ крикомъ *ура* бросились наши солдаты на непріятельскія колонны, опрокинули ихъ и гнали до кустарниковъ. Тогда непріятель началъ обстрѣливать батареи съ такой силой, что отъ великой убыли въ людяхъ два раза мѣняли орудія и для прислуги брали солдатъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Покушеніе на батарею продолжалось еще $1^1/_2$ часа. Такимъ образомъ Ермоловъ возстановилъ равновѣсіе въ центрѣ.

Вскорѣ Наполеонъ возобновилъ свой ударъ на лѣвый флангъ. Французы, обсыпаемые нашею картечью, шли бодро впередъ, неся ружья подъ курокъ. Молодецкая аттака привела въ восторгъ Багратіона, который закричалъ имъ *браво*. Видя невозможность остановить ихъ картечью, Багратіонъ приказалъ нашимъ колоннамъ ударить въ штыки. Завязался страшный рукопашный бой; нельзя было различить своихъ отъ непріятеля: въ тѣсной толпѣ перемѣшались всѣ, артиллеристы, пѣхотинцы, кавалеристы; бились штыками, прикладами, тесаками, банниками. Посреди дѣла часть ядра ударила Багратіона въ ногу и лишила чувствъ. Рана Багратіона и превосходство силъ непріятельскихъ помогли успѣху французовъ. Коновницынъ, смѣнившій Багратіона, отвелъ войска за Семеновскій оврагъ и занялъ ближайшія высоты. Вскорѣ Кутузовъ поручилъ вторую армію храброму защитнику Смоленска—Дохтурову. Подвинувшись нѣсколько впередъ, Наполеонъ послалъ на лѣвое крыло конницу. Стройно понеслись латники на наши пѣхотные кареи; но, встрѣченные дружнымъ огнемъ и штыками Измайловскаго и Литовскаго полковъ, отступили; вторая аттака была такъ же неудачна. Но при всемъ мужествѣ русскихъ, силы ихъ истощились. Наполеонъ хорошо понималъ это и, чтобы покончить съ лѣвымъ крыломъ, послалъ на него гвардію. Не успѣла гвардія пройдти полъ-дороги, какъ онъ отдалъ ей при-

казаніе вернуться. Причиной такого страннаго приказанія былъ маневръ Кутузова, который послалъ противъ лѣваго крыла французовъ первый кавалерійскій корпусъ графа Уварова и казачьи полки Платова. Уваровъ перешелъ Колочу и принудилъ легкую кавалерійскую дивизію французовъ отступить за ручей; затѣмъ сдѣлалъ нѣсколько аттакъ противъ пѣхотныхъ кареевъ вице-короля и отступилъ за Колочу; въ то же время Платовъ произвелъ страшную тревогу въ тылу непріятеля и обратилъ въ бѣгство бывшіе тамъ обозы. Это было въ 3-мъ часу по полудни. Наполеонъ поскакалъ на лѣвое крыло и лишился побѣды, уже склонявшейся на его сторону; дѣйствительно, когда онъ увѣрился въ безопасности своего лѣваго крыла и устремился снова противъ нашего центра, центръ былъ уже обезпеченъ. На время Наполеонъ приказалъ остановить нападеніе и начать канонаду. Загудѣли сотни пушекъ: тучи гранатъ и ядеръ падали непрерывно и выстрѣлы изъ орудій напоминали неумолкаемые раскаты грома. Барклай-де-Толли, Милорадовичъ и Остерманъ ободряли войска своимъ примѣромъ и храбростью, становясь на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ особенно пировала смерть. Въ этотъ день Барклаю удалось примирить съ собою войска, которыя уже давно не привѣтствовали его обычными криками *ура*. Врядъ ли было въ центрѣ опасное мѣсто, на которомъ не появлялся бы Барклай и не ободрялъ полки словомъ или примѣромъ. Завидя его тамъ, гдѣ особенно много падало ядеръ, Милорадовичъ сказалъ: «Барклай хочетъ меня удивить», затѣмъ поѣхалъ далѣе, подъ перекрестные выстрѣлы французскихъ батарей и приказалъ себѣ подать завтракъ.

Послѣ канонады, Наполеонъ послалъ въ аттаку кирасировъ и уланов; но наша пѣхота встрѣтила ихъ съ удивительною твердостью, подпустила на 60 шаговъ и открыла такой сильный огонь, что непріятель былъ опрокинутъ и бѣжалъ въ безпорядкѣ; впрочемъ силы нашихъ защитниковъ уже истощились, и, послѣ второй аттаки, курганная батарея перешла въ

руки французовъ. Ихъ конница уже направилась на нашу пѣхоту, какъ Барклай повелъ въ аттаку кавалергардскій и конногвардейскій полки. Онъ ѣхалъ впереди ихъ, въ полномъ генеральскомъ мундирѣ и въ шляпѣ съ чернымъ перомъ. Аттака слѣдовала за аттакой, и поле битвы осталось наконецъ за нами: непріятель отступилъ. Милорадовичъ расположилъ батареи на картечный выстрѣлъ отъ курганной батареи, на случай, если бы непріятель пошелъ еще впередъ.

Понятовскій, извѣщенный объ успѣхѣ одержанномъ въ центрѣ, возобновилъ нападеніе на Дохтурова; но всѣ усилія его были тщетны. Съ нашей стороны не было ни маневровъ, ни движеній; отстрѣливались и отбивали аттаки, между тѣмъ какъ Дохтуровъ, сидя на барабанѣ посреди войскъ, подавалъ имъ примѣръ неустрашимости и хладнокровія. Къ 6 часамъ обѣ стороны чувствовали крайнее изнуреніе и уже не производили нападеній. До девяти часовъ по полю ревѣла только канонада. Французы возвратились на тѣ мѣста, которые занимали до сраженія, а русскіе сохранили почти всѣ свои позиціи, за исключеніемъ лѣваго крыла, который подался назадъ саженей на 400. Курганъ близъ Утицы, оставленный Понятовскимъ, былъ занятъ казачьимъ передовымъ постомъ.

Русскіе не считали себя побѣжденными, потому что удержали за собою часть поля сраженія, но Наполеонъ провозгласилъ себя побѣдителемъ, потому что заставилъ отступить войска нашего лѣваго фланга и центра; впрочемъ результаты сраженія не могли удовлетворить его. «Эта кровопролитная и достопамятная битва, которой мы такъ пламенно желали,—говорилъ онъ—вовсе не согласовалась съ моею первоначальною цѣлью. Я предполагалъ дать сраженіе въ Литвѣ и дать сраженіе рѣшительное. Русскіе приняли бой 200 лье далѣе и не оставили мнѣ никакого трофея, кромѣ поля сраженія, покрытаго 60,000 умирающихъ и раненыхъ съ обѣихъ сторонъ». Дѣйствительно, потери съ обѣихъ сторонъ были громадны: у

насъ въ два дня, 24 и 26 августа, выбыло изъ строя убитыми, ранеными и пропавшими до 55 тысячъ человѣкъ, а у французовъ до 50 тысячъ человѣкъ, и въ числѣ ихъ до 49 генераловъ, такъ что французы не даромъ называли битву при Бородинѣ «*битвою генераловъ*» (la bataille des généraux). Оставляя въ сторонѣ разрѣшеніе вопроса, кто былъ побѣдителемъ въ Бородинской битвѣ, Кутузовъ или Наполеонъ, мы приведемъ слова однаго изъ друзей принца Евгенія Виртембергскаго: «Говоря по совѣсти, не было причины ни Кутузову доносить о побѣдѣ императору Александру, ни Наполеону извѣщать Марію-Луизу. Если бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день передъ алтаремъ правды, то сама слава, конечно, признала бы насъ братьями». «Тамъ французская армія расшиблась объ русскую», сказалъ про Бородино герой Ермоловъ. Самъ Наполеонъ не разъ говорилъ: «Французы показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми».

Императоръ произвелъ Кутузова въ генералъ-фельдмаршалы и пожаловалъ ему 100 тысячъ рублей. Барклай-де-Толли получилъ Георгія 2-й степени, Багратіонъ—50 тысячъ рублей; четырнадцати генераламъ даны ордена георгія 3-й степени и всѣмъ солдатамъ, участвовавшимъ въ бою роздано по 5 рублей на брата.

Принимая во вниманіе огромныя потери, Кутузовъ не рѣшился возобновить битву на другой день и приказалъ отступать. Армія шла въ порядкѣ, не уступая французамъ ни одного обоза или орудія, и разрушая на своемъ пути мосты, верстовые столбы и запасы хлѣба, вина и провіанта. Арріергардомъ нашимъ начальствовалъ безстрашный Милорадовичъ, который сражался каждый день съ авангардомъ Мюрата и до самой Москвы удерживалъ непріятеля въ значительномъ разстояніи отъ арміи. Мюратъ и Милорадовичъ какъ будто соперничали

другъ съ другомъ въ отвагѣ и безпримѣрной храбрости. Оба гарцовали на статныхъ коняхъ впереди колоннъ или въ застрѣльщичьей цѣпи, тамъ, гдѣ особенно много летало пуль, и оба, какъ нарочно, въ костюмахъ бросающихся въ глаза. Мюратъ въ фантастическомъ костюмѣ имъ самимъ придуманномъ: въ очень пестромъ и богатомъ гусаркомъ ментикѣ, въ желтыхъ или красныхъ сапожкахъ и въ шляпѣ съ высокимъ султаномъ изъ разноцвѣтныхъ перьевъ, а Милорадовичъ въ парадномъ генеральскомъ мундирѣ, украшенномъ множествомъ орденовъ, повязанный богатою шалью, съ длинною трубкой.

1 сентября русская армія подошла къ Москвѣ и остановилась въ двухъ верстахъ отъ Драгомиловской заставы. Сюда пріѣхалъ къ главнокомандующему Ростопчинъ и, послѣ спора о томъ, сразиться ли съ Наполеономъ у самой Москвы или отступить, Кутузовъ собралъ въ деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ. Барклай-де-Толли, Дохтуровъ, Уваровъ, Остерманъ, Коновницынъ, Ермоловъ, Бенигсенъ, Раевскій и другіе генералы собрались въ простой избѣ около Кутузова и начали обсуждать вопросъ, предложенный фельдмаршаломъ: ожидать ли нападенія на невыгодной позиціи у Воробьевыхъ горъ или уступить непріятелю Москву? Мнѣнія раздѣлились: одни соглашались съ Бенигсеномъ, который утверждалъ, что необходимо дать сраженіе у Москвы, другіе — съ Барклаемъ, который говорилъ, что сраженіе у Москвы можетъ угрожать всей арміи совершеннымъ пораженіемъ. Выслушавши мнѣнія генераловъ, Кутузовъ заключилъ засѣданіе слѣдующими словами: «Съ потерею Москвы не потеряна Россія. Первою обязанностью поставляю сохранить армію и сблизиться съ войсками, идущими къ намъ на подкрѣпленіе. Самымъ уступленіемъ Москвы приготовимъ мы гибель непріятелю. Изъ Москвы я намѣренъ идти по Рязанской дорогѣ. Знаю, отвѣтственность обрушится на мнѣ, *но жертвую собою для блага отечества*». Сказавъ это, онъ всталъ со стула и прибавилъ: «приказываю отступать». Когда

генералы разошлись, Кутузовъ остался одинъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по избѣ, когда вошелъ къ нему офицеръ, находившійся при немъ 20 лѣтъ безотлучно. Онъ старался разсѣять фельдмаршала и заводилъ рѣчь о разныхъ предметахъ, но слова его оставались безъ отвѣта. «Гдѣ же мы остановимся?» спросилъ онъ наконецъ. Будто пробужденный вопросомъ, Кутузовъ подошелъ къ столу, сильно ударилъ объ него, и сказалъ съ жаромъ: «это мое дѣло; но ужь доведу я проклятыхъ Французовъ, какъ въ прошломъ году Турковъ, до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо!» Всю ночь Кутузовъ былъ необыкновенно печаленъ и даже нѣсколько разъ принимался плакать.

Въ Москвѣ давно безпокоились приближеніемъ непріятеля. Хотя графъ Ростопчинъ старался успокоивать умы народа своими *афишами*, въ которыхъ представлялъ успѣхи нашихъ войскъ въ преувеличенномъ видѣ [1]), однако по ночамъ вывозилъ изъ Москвы присутственныя мѣста, учебныя заведенія, архивъ иностранныхъ дѣлъ, пушки и казну. Извѣстіе о Бородинскомъ боѣ и объ ужасныхъ потеряхъ непріятеля было встрѣчено москвичами съ восторгомъ: народъ ходилъ по городу изъ конца въ конецъ съ криками *побѣда! побѣда!* Но вскорѣ Москва наполнилась ранеными въ Бородинскомъ боѣ и пришло извѣстіе объ отступленіи русской арміи къ Москвѣ. Народъ успокоенный было увѣреніями Ростопчина, снова заволновался; многіе стали съ поспѣшностію уѣзжать, и въ Москвѣ остались только тѣ, кому нечего было терять. Когда Ростопчинъ получилъ извѣстіе отъ Кутузова о рѣшеніи пожертвовать Москвою, онъ приказалъ выступить изъ нея всѣмъ воинскимъ командамъ и вѣдомствамъ. Всѣ подводы, какія только можно была найдти, употребили для отвоза больныхъ и раненыхъ. Полиціи и пожарной командѣ съ трубами и бочками велѣно отправиться во

---

[1]) Впрочемъ Ростопчинъ, вводя въ заблужденіе жителей Москвы, самъ былъ обманутъ отзывами Кутузова, который не сообщалъ ему своихъ соображеній и даже клялся своими сѣдыми волосами, что Наполеонъ не дойдетъ до Москвы.

Владиміръ; нѣкоторые полицейскіе отправлены были разбивать бочки съ виномъ на винномъ дворѣ и жечь на Москвѣ рѣкѣ всѣ барки съ частнымъ и казеннымъ имуществомъ, которое не успѣютъ вывезти до вступленія Французовъ.

Въ понедѣльникъ 2 сентября, до зари, въ Москву черезъ Драгомиловскую заставу вступили обозы и артиллерія; за нею слѣдовала пѣхота и конница. «Идемъ въ обходъ», говорили солдаты, но, видя опустѣлыя улицы и площади, скоро поняли настоящую цѣль движенія и пришли въ уныніе: прекратились шутки и веселые возгласы. Кутузовъ спокойно и величаво въѣхалъ въ городъ верхомъ. У заставы онъ сказалъ собравшемуся народу: «ручаюсь головой, что непріятель погибнетъ въ Москвѣ». Не желая ни съ кѣмъ встрѣчаться въ городѣ, онъ приказалъ своему ординарцу провести себя по пустыннымъ и безлюднымъ улицамъ. Его провели отъ Арбатскихъ воротъ вдоль бульваровъ къ Яузскому мосту. Такъ какъ отсюда до Коломенской заставы медленно двигались войска, народъ и обозы, то тѣснота на мосту была ужасная и едва могли возстановить порядокъ. За заставой Кутузовъ сошелъ съ лошади и сѣлъ на скамейку близь самой дороги, у старообрядческаго кладбища. Облокотившись головой на руку, онъ сидѣлъ такъ долгое время, и въ глубокомъ раздумьи смотрѣлъ на Москву. Вокругъ него раздавались восклицанія: «что съ нами станется? куда идемъ? куда онъ насъ завелъ?» но Кутузовъ ничего не видѣлъ и не слышалъ: онъ весь былъ занятъ мыслями объ арріергардѣ Милорадовича. Вдругъ прискакалъ адъютантъ и сообщилъ Кутузову, что Милорадовичъ выговорилъ у Мюрата условія, которыя обезпечивали движеніе арміи и арріергарда. Тогда Кутузовъ отправился за арміей.

Милорадовичъ думалъ сначала сразиться съ непріятелемъ у самой Москвы, но обходившій его непріятель могъ въ такомъ случаѣ легко ворваться въ Москву и отрѣзать арріергардъ и обозы арміи; поэтому, желая спасти обозы и обезпечить отсту-

пленіе главныхъ силъ арміи, Милорадовичъ отправилъ къ Мюрату своего адъютанта съ письмомъ, въ которомъ объявилъ ему, что если непріятель хочетъ занять Москву невредимою, то долженъ наступать медленно и дать возможность русской арміи спокойно выйдти изъ города со всею артиллеріею и обозами; въ противномъ случаѣ онъ будетъ сражаться передъ Москвой и въ улицахъ города до послѣдняго человѣка и, вмѣсто Москвы, оставитъ однѣ развалины. Мюрату хотѣлось сохранить Москву, въ которой Французы мечтали найдти несмѣтныя богатства и привлекательный отдыхъ послѣ продолжительнаго похода, поэтому онъ согласился на предложеніе Милорадовича и тотчасъ же послалъ приказаніе передовымъ войскамъ остановиться. «Если соглашаюсь на предложеніе генерала Милорадовича, сказалъ Мюратъ его адъютанту, то единственно изъ особеннаго къ нему уваженія».

Заключивъ условіе съ Мюратомъ, Милорадовичъ поспѣшилъ къ своей пѣхотѣ, которая уже входила въ городскія ворота. Подъѣзжая къ Кремлю, онъ встрѣтилъ коменданта гарнизоннаго полка Брозина, который, ко всеобщему неудовольствію народа и солдатъ, выводилъ свои баталіоны съ музыкой. Съ гнѣвомъ подскакалъ къ нему Милорадовичъ и закричалъ громко: «какой каналья приказалъ вамъ идти съ музыкою?» генералъ простодушно отвѣчалъ: «если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкою: такъ сказано въ регламентѣ Петра Великаго». «Да развѣ есть въ регламентѣ что-либо о сдачѣ Москвы?—вскричалъ Милорадовичъ. «Прикажите замолчать вашей музыкѣ».

Между тѣмъ самъ Наполеонъ прибылъ на Поклонную гору. Увидя оттуда Москву, онъ радостно воскликнулъ: «La voila donc enfin cette fameuse ville!» Помолчавъ немного, онъ прибавилъ: «Ilétait temps», сошелъ съ лошади и долго разсматривалъ городъ и окрестности въ подзорную трубу; наконецъ приказалъ сдѣлать пушечный выстрѣлъ, который былъ сигналомъ для

его арміи вступать въ городъ. Съ крикомъ *vive l'Empereur!* бросились впередъ войска его: пѣхота бѣглымъ шагомъ, а кавалерія во весь опоръ. У Драгомиловской заставы Наполеонъ остановился, въ ожиданіи депутаціи, которая должна была молить его о пощадѣ города и поднести городскіе ключи. Но вскорѣ ему донесли, что Москва оставлена властями и жителями. «Москва опустѣла! это невѣроятно—сказалъ онъ графу Дарю». Надобно удостовѣриться въ томъ. Ступайте туда и приведите мнѣ бояръ». Вмѣсто *бояръ* къ нему привели нѣсколькихъ иностранцевъ, въ числѣ которыхъ былъ книгопродавецъ. Кто вы?—спросилъ его Наполеонъ. «Французъ, поселившійся въ Москвѣ».—«Слѣдовательно, мой подданный. Гдѣ Сенатъ?»—«Выѣхалъ».—«Губернаторъ?»—«Выѣхалъ».—«Гдѣ народъ?»—«Нѣтъ его».—«Кто же здѣсь?»—«Никого».—«Быть не можетъ!»—возразилъ Наполеонъ.—«Клянусь вамъ честью»,—отвѣчалъ книгопродавецъ.—«Молчи», сказалъ Наполеонъ и кончилъ разговоръ. Молча вступилъ онъ въ городъ и выбралъ для своего помѣщенія покои Кремлевскаго дворца. До наступленія темноты, въ городѣ еще сохранялся нѣкоторый порядокъ: жители не показывались изъ домовъ, а Французы ходили по улицамъ чинно; съ наступленіемъ же ночи, Французы принялись грабить, врывались въ дома и предавались всевозможнымъ безчинствамъ. Ночью загорѣлся Москотильный рядъ и въ Китаѣ городѣ распространился сильный пожаръ. Порывистый вѣтеръ усилилъ его: огонь лился съ церквей на дома, съ домовъ на церкви и уничтожалъ цѣлыя улицы. Наполеонъ думалъ сначала, что пожаръ произошелъ отъ неосторожности арміи и приказалъ тушить; но пожарныхъ трубъ не оказалось: едва успѣвали потушить пламя въ одномъ мѣстѣ, какъ оно вспыхивало въ другомъ; поймали нѣсколькихъ поджигателей, которые показали, что имъ это было приказано отъ полиціи: ихъ растрѣляли. Скоро Москва превратилась въ огненное море, и въ 3 дня

згорѣло 7—8 тысячъ домовъ [1]). Кремль, окруженный высокой стѣной, казался сперва внѣ опасности; но летѣвшія со всѣхъ сторонъ головни заставили Наполеона опасаться за арсеналъ и парки, притомъ вихри дыма и огня дѣлали воздухъ удушливымъ; Наполеонъ не могъ стоять даже у оконъ: стекла трещали и лопались. Загорѣлись конюшни и арсенальная башня. Тогда Наполеонъ оставилъ Кремль и съ опасностію жизни выбрался изъ пылающей Москвы. Онъ поселился въ Петровскомъ дворцѣ. Съ удаленіемъ Наполеона, усилились въ Москвѣ грабежи и разбои. «Вооруженные мечемъ и пламенемъ, упоенные крѣпкими напитками и злобой,—говоритъ современникъ—непріятели бѣгали по длиннымъ улицамъ, пустырямъ и опустѣвшимъ домамъ, стрѣляли въ зданія и окна, губили все тяжелое, уносили все драгоцѣнное и легкое. Обагренные кровью, съ ружьями въ рукахъ и махая обнаженными тесаками и саблями, они нападали на жителей, терзали ихъ, отнимали послѣднее достояніе, даже кресты, возлагаемые при крещеніи, оцѣняя въ нихъ только золото... Послѣдній кусокъ хлѣба вырывали они у жителей, навьючивали ихъ рожью, мукою, овсомъ, картофелемъ, капустою, похищенными вещами, принуждая ихъ переносить тяжести съ одного мѣста на другое,

---

[1]) Всѣ писатели, говорившіе объ отечественной войнѣ или о графѣ Ростопчинѣ останавливались на причинахъ Московскаго пожара. *С. Н. Глинка, Терещенко* (Опытъ обозр. жизни сановн. 1837), *Бутурлинъ* (Histoire militaire de la camp. de Russie en 1812. Paris 1824) и *Бантышъ-Каменскій* (Словарь достопамятныхъ людей русской земли. Часть 3-я) слагаютъ всю вину на Ростопчина. Другіе, какъ напр. *Михайловскій-Данилевскій* (Опис. отеч. войны 1812 г.) и *Богдановичъ* (Исторія царств. имнер. Александра I), стараются оправдать Ростопчина: если Ростопчинъ и говорилъ о необходимости зажечь Москву и сжегъ два своихъ дома, то не сжегъ Москву; поджигали ее русскіе, поджигали французы; тушить было нечѣмъ, вѣтеръ усиливалъ пожаръ и —Москва сгорѣла. *А. Н. Поповъ* (Французы въ Москвѣ. Р. Архивъ 1876), собравъ всевозможныя указанія и намеки на пожаръ 1812 года у русскихъ и иностранныхъ современныхъ писателей, отвѣчаетъ на вопросъ, «кто сжегъ Москву:»—«русскій народъ, въ лицѣ всѣхъ сословій и состояній, неисключая и лицъ, облеченныхъ правительственною властію, въ числѣ ихъ и графъ Ростопчинъ. Если пожаръ былъ дѣломъ *немногихъ*, то мыслію *всѣхъ*».

какъ животныхъ впрягали они жителей въ повозки, сопровождая каждый шагъ ударами... По тѣламъ священниковъ вбѣгали непріятели въ средину церквей, срывали, разметывали по полу и попирали ногами иконы и украшенія престоловъ. Конечно, отъ сотворенія міра, ни одинъ извергъ такъ не бѣшенствовалъ на землѣ, какъ шайки Наполеоновы въ Москвѣ».

Извѣстіе о вступленіи Французовъ въ Москву распространилось въ Петербургѣ черезъ одного помѣщика; сначала ему не вѣрили; но, когда показанія его подтвердились письмомъ Ростопчина, Петербургъ пришелъ въ неописанное волненіе, и въ городѣ только и говорили что о гибели Москвы. Въ безпокойствѣ объ арміи и о намѣреніяхъ главнокомандующаго, государь послалъ къ Кутузову князя Волконскаго; но на другой день вечеромъ въ Петербургъ пріѣхалъ отъ фельдмаршала полковникъ Мишо съ донесеніемъ. Государь немедленно принялъ его въ Каменноостровскомъ дворцѣ. По грустному виду полковника, императоръ догадался, что онъ привезъ нерадостное извѣстіе. Узнавъ о занятіи Москвы, императоръ сказалъ: «Изъ всего, что съ нами сбывается, я заключаю, что Провидѣніе требуетъ отъ насъ великихъ пожертвованій, особенно отъ меня. Я готовъ покориться волѣ его, но скажите: что говорили войска, когда древнюю столицу мою оставили безъ выстрѣла? Не замѣчали ли вы упадка въ духѣ?»

— «Позволите ли мнѣ, какъ солдату, говорить вашему величеству откровенно?»

— «Я всегда требую искренности, но теперь прошу васъ: не скрывайте отъ меня ничего, скажите мнѣ чистосердечно всю истину».

— «Государь! признаюсь, я оставилъ армію, отъ князя Кутузова до послѣдняго солдата, въ неописанномъ страхѣ...»

— «Что вы говорите? Отъ чего происходитъ страхъ? Ужели мои Русскіе сокрушены несчастьемъ?»

— «Нѣтъ, ваше величество, они только боятся, чтобы вы, по добротѣ вашего сердца, не заключили мира; они горятъ желаніемъ сразиться, и доказать вамъ храбростью своею и пожертвованіемъ жизни, сколь они вамъ преданы!»

Государь потрепалъ Мишо по плечу и сказалъ: «Вы облегчили мое сердце; вы меня успокоили. Возвратитесь въ армію, говорите моимъ вѣрноподданнымъ, вездѣ гдѣ вы будете проѣзжать, что *если у меня не останется ни одного солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства моей Имперіи*. Россія представляетъ мнѣ болѣе способовъ, чѣмъ полагаетъ непріятель. Но если судьбою и промысломъ Божіимъ предназначено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, *истощивъ всѣ усилія, я отращу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего отечества и добрыхъ моихъ подданныхъ*, пожертвованія коихъ умѣю цѣнить». Пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ скорыми шагами, государь подошелъ къ Мишо и крѣпко сжалъ ему руку. «Не забудьте, что я вамъ теперь говорю, — сказалъ онъ,—можетъ быть, настанетъ время, когда мы вспомнимъ о томъ съ удовольствіемъ: *Наполеонъ или я, я или онъ*—но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать. Я узналъ его; онъ болѣе не обманетъ меня».

Государь остался вѣренъ своимъ словамъ: поборники мира, Румянцевъ, Аракчеевъ и даже великій князь Константинъ Павловичъ не могли убѣдить его въ необходимости заключить миръ. «Потеря Москвы тяжела—писалъ онъ шведскому наслѣдному принцу—но она чувствительна болѣе въ нравственномъ и политическомъ отношеніи, нежели въ военномъ. Она даетъ мнѣ случай представить Европѣ величайшее доказательство моей настойчивости въ борьбѣ противъ угнетателя царствъ. Послѣ этой раны, всѣ прочія ничтожны. Повторяю

вашему королевскому высочеству торжественное увѣреніе, что нынѣ, болѣе нежели когда либо, я и народъ, въ челѣ котораго нахожусь, рѣшились стоять твердо и скорѣе погребсти себя подъ развалинами Имперіи, нежели примириться съ Аттилою нашего времени».

Отъ Москвы на югъ шло нѣсколько дорогъ: на юго-востокъ черезъ Боровской перевозъ, Бронницы и Коломну—въ Рязань, на югъ—черезъ Подольскъ и Серпуховъ въ Тулу и на юго-западъ—черезъ Боровскъ и Малоярославецъ—въ Калугу; между Калужской и Тульской дорогами — черезъ Тарутино шла старая Калужская дорога. 4 сентября Кутузовъ пошелъ по Рязанской дорогѣ; дойдя до Боровскаго моста, онъ оставилъ здѣсь арріергардъ съ Милорадовичемъ и пошелъ по правому берегу р. Пахры [1]) къ старой Калужской дорогѣ. Этотъ маневръ далъ возможность прикрыть Калугу, гдѣ были собраны большіе склады жизненныхъ припасовъ, Тулу съ оружейными заводами и хлѣбородныя южныя губерніи; слѣдуя этимъ путемъ, Кутузовъ могъ также дѣйствовать на сообщенія Наполеона. Черезъ нѣсколько дней армія расположилась лагеремъ при Тарутинѣ, куда вскорѣ прибылъ и арріергадъ Милорадовича, сражавшійся на каждомъ шагу съ авангардомъ Мюрата. Въ продолженіи двухъ недѣль войско успѣло отдохнуть и значительно оправиться, получая все необходимое изъ южныхъ губерній, тогда какъ Наполеонъ затруднялся въ пріисканіи жизненныхъ припасовъ и фуража. Кутузовъ очень жалѣлъ о потерѣ Москвы, но, желая подольше продержать въ ней Наполеона, вводилъ его въ заблужденіе, распространяя между непріятелемъ слухи объ упадкѣ дисциплины въ русской арміи, о слабости ея, измѣнѣ Платова и т. д. Дѣйствительно, Наполеонъ обманывался подобными слухами и, надѣясь на свои силы, выжидалъ въ

---

[1]) Рѣка Пахра течетъ въ р. Москву, съ запада на востокъ.

Москвѣ мирныхъ предложеній. Между тѣмъ въ разныхъ мѣстахъ появились отчаянные партизаны, какъ Давыдовъ, Фигнеръ, Сеславинъ, князь Кудашевъ и др., которые нападали въ расплохъ на отдѣльные отряды непріятеля и начинали сильно безпокоить «великую армію»; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вооружился народъ и отбивалъ у непріятеля обозы и добычу. Крестьяне Московской губерніи уничтожали все, что могло достаться Французамъ и, уходя въ лѣса, нападали оттуда на фуражировъ и мародеровъ или, какъ они говорили, *на міродёровъ*. Часто на возвышенныхъ пунктахъ они выставляли караулы, которые зорко слѣдили за непріятелемъ: если Французы появлялись небольшими партіями, то поселяне старались окружить и схватить ихъ втихомолку, чтобы не выдать своего мѣстопребыванія; если же непріятель шелъ большими отрядами, караульные быстро давали знать въ ближайшее село, откуда появлялись вооруженныя толпы крестьянъ подъ предводительствомъ помѣщика или какого нибудь отставнаго офицера, нападали на непріятеля и всегда разбивали его на голову или забирали въ плѣнъ. Между такими предводителями особенно замѣчателенъ крестьянинъ Богородскаго уѣзда *Герасимъ Куринъ*. Расторопный и смѣлый, онъ нерѣдко водилъ на Французовъ огромныя толпы вооруженныхъ поселянъ числомъ до 5800 человѣкъ, въ числѣ которыхъ насчитывалось до 500 конныхъ. Въ отдѣльныхъ схваткахъ съ французами участвовали даже женщины, напримѣръ, знаменитая старостиха Василиса, которая однажды доставила въ Сычевки цѣлую партію плѣнныхъ непріятелей [1]). Скоро Французамъ нельзя было уходить за фуражемъ безъ значительныхъ отрядовъ кавалеріи

---

[1]) Нельзя не упомянуть здѣсь объ извѣстной писательницѣ 30-хъ годовъ *Надеждѣ Андреевнѣ Дуровой*, которая на 16 году поступила въ Уланскій полкъ рядовымъ, участвовала въ войнѣ 1806 г., была произведена въ офицеры и, въ отечественную войну, сражалась при Смоленскѣ и Бородинѣ. Свою военную жизнь она описала въ «Запискахъ дѣвицы кавалериста» (въ 1838 г.). Въ литературѣ она была извѣстна подъ именемъ *Александрова*.

и артиллеріи. Вслѣдствіе этого явился недостатокъ въ хлѣбѣ и фуражѣ: солдаты должны были стрѣлять воронъ, ловить кошекъ и питаться крысами и павшими лошадьми; во многихъ полкахъ вмѣсто соли клали въ кашу порохъ, а вмѣсто сала употребляли сальныя свѣчи. Какъ слѣдствіе дурной пищи, появились различныя болѣзни желудка, лихорадки и тифъ; нерѣдко бывали и самоубійства отъ дурного питанія и тоски по родинѣ. Наполеонъ начиналъ понимать свое положеніе; но оставался въ Москвѣ: идти назадъ—значило сознаться въ пораженіи, идти впередъ, на Петербургъ — значило еще болѣе рисковать и подвергать свою армію новымъ случайностямъ. Изъ Москвы онъ сдѣлалъ попытку заключить миръ или по крайней мѣрѣ вступить въ переговоры о мирѣ, и съ этою цѣлью послалъ въ главную квартиру Кутузова генерала Лористона. Кутузовъ принялъ его, но въ переговоры вступить отказался. Тогда Наполеонъ рѣшился выступить изъ Москвы и, послѣ долгихъ колебаній, избралъ Калужскую дорогу: оттѣснивъ нашу армію, онъ думалъ повернуть черезъ Юхновъ и Ельну на Смоленскъ, гдѣ у него были запасены жизненные припасы. Авангардъ его находился недалеко отъ русской арміи. Разсчитывая на скорый миръ и ослабленіе русскихъ, Мюратъ былъ безпеченъ и не сдѣлалъ ничего, чтобы обезпечить себя отъ неожиданнаго нападенія; онъ не посылалъ даже разъѣздовъ. Нерѣдко наши казаки скрытно подъѣзжали къ непріятельскимъ бивакамъ и, высмотрѣвъ расположеніе и силы Французовъ, незамѣтно уѣзжали назадъ. Толь, Коновницынъ, Беннигсенъ и другіе генералы убѣдили Кутузова напасть на Мюрата въ его позиціи и уничтожить весь его отрядъ. 6 октября, ночью, Беннигсенъ повелъ назначенные въ дѣло отряды. Планъ его былъ зрѣло обдуманъ, но приведенъ въ исполненіе неудачно: обходныя колонны приняли ложное направленіе и запоздали; вслѣдствіе этого, нападеніе съ разныхъ сторонъ было неодновременное и Мюратъ успѣлъ спастись, потерявъ только

500 человѣкъ убитыми и ранеными, 1500 плѣнныхъ и нѣсколько орудій и зарядныхъ ящиковъ. Несмотря однако же на незначительность результатовъ, Тарутинская битва имѣла на наши войска огромное нравственное вліяніе. Съ самаго начала похода это было первое наступательное дѣйствіе нашей арміи и притомъ удачное. Шумно и весело возвращались наши войска въ лагерь; на полъ-дорогѣ стояли отбитыя у непріятеля орудія; тутъ же, на крыльцѣ полуразрушенной избы сидѣлъ престарѣлый фельдмаршалъ. Указывая на трофеи, онъ говорилъ войскамъ: «Вотъ сегодняшній вашъ подарокъ государю и Россіи. Благодарю васъ именемъ Царя и Отечества». На другой день было отслужено въ лагерѣ торжественное молебствіе. Въ Петербургъ съ извѣстіемъ о побѣдѣ былъ посланъ полковникъ Мишо [1]).

Объяснивъ государю всѣ подробности сраженія, Мишо доложилъ ему о желаніи всей арміи, чтобы императоръ лично принялъ надъ нею начальство. «Присутствіе вашего величества—сказалъ Мишо—сдѣлаетъ войска непобѣдимыми». Императоръ отказался. «Пусть пожинаетъ лавры тотъ—сказалъ онъ — кто болѣе меня достоинъ ихъ. Возвратитесь къ фельдмаршалу, поздравьте его съ побѣдою и скажите ему, чтобы онъ изгналъ непріятелей изъ Россіи» [2]).

Дѣло у Тарутина ускорило выступленіе Наполеона изъ Москвы. Еще до этого онъ отправилъ отсюда раненыхъ и разные трофеи, какъ напримѣръ, турецкія знамена, вызолочен-

[1]) Императоръ самъ пожелалъ, чтобы полковникъ Мишо былъ присланъ къ нему „съ первымъ радостнымъ извѣстіемъ послѣ его пріѣзда послѣдующимъ“.

[2]) Императоръ наградилъ Кутузова за Тарутинское дѣло золотой шпагой съ алмазами и лавровымъ вѣнкомъ; генералъ Бенигсенъ получилъ алмазные знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и 100 тысячъ рублей; но тотчасъ же послалъ къ государю письмо, въ которомъ обвинялъ фельдмаршала въ умышленномъ неподдержаніи его главными силами при Тарутинѣ, въ бездѣйствіи арміи, въ сибаритствѣ и разныхъ порокахъ. Но императоръ, не смотря на свое нерасположеніе къ Кутузову, не обратилъ на письмо никакого вниманія и даже послалъ его къ фельдмаршалу; слѣдствіемъ этого было удаленіе Бенигсена изъ арміи.

ный крестъ съ колокольни Ивана Великаго и т. п. Французы не пощадили въ Москвѣ ничего, а оставляя ее, Наполеонъ приказалъ маршалу Мортье взорвать на воздухъ весь Кремль. Движеніе французской арміи изъ Москвы походило на какое-то переселеніе народовъ: на разстояніи болѣе 30 верстъ тянулись въ 4 ряда тысячи каретъ, экипажей, фургоновъ, телѣгъ, нагруженныхъ продовольствіемъ и награбленной добычей. Что не помѣщалось въ телѣги, кавалеристы навьючивали на тощихъ лошадей, пѣхотинцы—въ ранцы. Съ трудомъ могъ Наполеонъ проѣхать сквозь обозы, загромождавшіе Большую Ордынку и Калужскую улицу. У заставы онъ остановился и въ послѣдній разъ взглянулъ на пылающій городъ, который за нѣсколько недѣль называлъ вѣнцомъ своего похода. Изъ Москвы Наполеонъ пошелъ по Калужской дорогѣ къ Малоярославцу. Туда же изъ Тарутина поспѣшилъ и Кутузовъ; но не успѣлъ предупредить непріятеля, потому что крестьяне уничтожили плотину на р. Протвѣ, и на построеніе моста пришлось употребить болѣе полдня. Часть Французовъ была уже въ Малоярославцѣ, когда къ нему подошли Платовъ и Дохтуровъ; между ними завязалась битва и, прежде чѣмъ подошли арміи, городъ 5 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Почти одновременно появились обѣ арміи. Бой продолжался, и въ шестой разъ городъ остался за нами: Французы удержались только въ нѣсколькихъ крайнихъ домахъ.

Ночью прибылъ Милорадовичъ съ остальными силами, пройдя въ одинъ день слишкомъ 50 верстъ. Кутузовъ былъ такъ обрадованъ его появленіемъ, что обнялъ его и сказалъ: «Ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы»; затѣмъ призвалъ Коновницына и сказалъ: «Ты знаешь какъ я тебя берегу и всегда упрашиваю не кидаться въ огонь, но теперь прошу тебя очистить городъ». Коновницынъ сражался съ непріятелемъ всю ночь, но не могъ его выбить изъ города: часть сгорѣвшаго Малоярославца осталась за нами, другая за непріятелемъ. Ку-

тузовъ ожидалъ назавтра нападенія, поэтому отдалъ приказаніе Платову ударить ночью въ тылъ или въ правый флангъ Наполеона. Донцы напали на французскую артиллерію и отбили болѣе 50 орудій; другіе бросились на 3 кавалерійскихъ взвода, среди которыхъ находился самъ Наполеонъ, и чуть не плѣнили его. Отнявъ у непріятеля много золота, серебра и важныхъ бумагъ, Донцы возвратились благополучно назадъ. Въ одной изъ бумагъ говорилось о намѣреніи Наполеона идти къ Смоленску черезъ Медынь и Юхновъ. Кутузовъ, желая предупредить Наполеона со стороны Медыни и не упустить изъ виду новую Калужскую дорогу, отошелъ ночью къ Детчину (на югъ отъ Малоярославца), оставивъ у Малоярославца одного Милорадовича. Эта новая позиція была удобнѣе прежней, какъ потому, что представляла лучшія средства къ защитѣ, такъ и потому, что разстояніе ея отъ Медыни было менѣе, нежели отъ Малоярославца. Во власти Наполеона остался только одинъ путь къ Смоленску — по старой опустошенной Смоленской дорогѣ. Въ молчаніи, съ видомъ унынія, двинулся непріятель въ обратный путь. Среди печальныхъ полковъ ѣхалъ самъ Наполеонъ, пасмурный и задумчивый. «По всему видно, доносилъ Платовъ, что гордый и дерзкій непріятель испошовалъ и поколебался; теперь направилъ лыжи. Богъ да поможетъ! Еще не то ему будетъ: по повелѣнію его свѣтлости фельдмаршала нашего и совсѣмъ побѣжитъ».

За Французами двинулась наша армія. Чтобы не выпускать Наполеона изъ виду, Кутузовъ послалъ впередъ Платова съ 15 казачьими полками и партизановъ: Кайсарова, Кудашева, Сеславина, Ефремова и Фигнера: они должны были вблизи наблюдать за непріятелемъ и по возможности больше тѣснить его.

ГЛАВА XIV.

Поспѣшное отступленіе Наполеона.—Дѣло у Вязьмы.—Наполеонъ въ Смоленскѣ.— Красненская битва.— Пораженіе Нея.—Печальное состояніе французской арміи.—Радость государя и русскаго народа.—Благодарственный манифестъ и награды.—Переправа французовъ черезъ Березину.—Морозы и окончательное разстройство непріятельской арміи.—Отъѣздъ Наполеона изъ арміи.—Духъ нашей арміи.—Непріятель переходитъ границу.—Отступленіе Шварценберга, Рейнье и Макдональда.—Пріѣздъ государя въ Вильну.—Патріотическое напряженіе въ войну 1812 г. и отраженіе его въ литературѣ: басни Крылова, афиши Ростопчина; каррикатуры.

Отъ Малоярославца путь Наполеона шелъ черезъ Боровскъ, Верею и Борисовъ къ Можайску. Самъ онъ съ гвардіей шелъ въ челѣ арміи, составляя ея авангардъ; арріергардомъ начальствовалъ Даву. Прошло 50 дней послѣ Бородинской битвы, и Наполеону пришлось снова проѣзжать черезъ знакомую равнину. Утученная кровью почва произвела роскошную траву; но еще повсюду лежали обломки оружія, каски, сломанные лафеты, лоскутки мундировъ, дохлыя лошади и человѣческія кости. Наполеонъ ѣхалъ по равнинѣ молча. Безмолвные и грустные полки его гвардіи указывали другъ другу на поле битвы и охрипшимъ голосомъ повторяли: «c'est le champ de la grande bataille!» Черезъ день «великая армія» повернула по Смоленской дорогѣ на Вязьму. Въ дикой ненависти ко всему русскому, Даву уничтожалъ за собой все, что только можно было истребить. Никогда отступленіе арміи не совершалось съ такою поспѣшностью, какъ въ настоящемъ случаѣ: Французы спѣшили миновать пустыню и, въ торопяхъ, бросали по дорогѣ ране-

ныхъ, больныхъ, тяжести и притомившихся лошадей; недовольный и этимъ, Наполеонъ безпрестанно дѣлалъ выговоры Даву за медленность и за то, что при каждомъ нападеніи казаковъ, онъ строилъ войска въ боевой порядокъ и требовалъ подкрѣпленій. Между тѣмъ противъ французской арміи вооружалась сама погода: подулъ холодный осенній вѣтеръ, нестерпимый для непривыкшей къ холоду арміи Наполеона, и задолго до зари выгонялъ ее изъ ночлеговъ: армія продолжала свой путь въ темнотѣ, освѣщая дорогу фонарями и факелами. У Гжатска Наполеонъ сошелъ съ коня и пересѣлъ въ карету, надѣвъ на себя соболью шубу, крытую зеленымъ бархатомъ, теплые сапоги и теплую шапку. 20 октября Наполеонъ имѣлъ дневку въ Вязьмѣ. Лишь только онъ вышелъ отсюда, какъ съ юговосточной стороны подошелъ Милорадовичъ. Видя, въ какомъ безпорядкѣ тянутся въ городъ Французы, Милорадовичъ рѣшился напасть на нихъ всѣмъ авангардомъ и отрѣзать арріергардъ Даву, который находился въ значительномъ разстояніи отъ арміи. 22 октября, до разсвѣта, Васильчиковъ и Корфъ съ кавалерійскими полками пошли проселками до столбовой дороги; за ними слѣдовали пѣхотные корпуса. Васильчиковъ вскакалъ въ промежутокъ между французскими отрядами, отрѣзалъ часть корпуса вице-короля, частію разсѣялъ, частію полонилъ его, и сталъ поперекъ дороги. Если бы къ этому времени подоспѣла наша пѣхота, Даву былъ бы отрѣзанъ и уничтоженъ, тѣмъ болѣе, что по пятамъ его шли Платовъ и Паскевичъ; но на выстрѣлы изъ Вязьмы вышли вице-король и Понятовскій и завязали съ нашей кавалеріей упорное сраженіе. Такъ какъ непріятель значительно превосходилъ насъ силами, то Даву удалось, бросивъ всѣ обозы, пройдти стороною отъ большой дороги въ тылъ вице-короля и построиться за его корпусомъ. Милорадовичу оставалось только тѣснить непріятеля. Въ это время подошла пѣхота и двѣ кирасирскія дивизіи Уварова. Непріятель отступилъ въ городъ и употреблялъ послѣднія усилія, чтобы

обезпечить свое отступленіе. Милорадовичъ приказалъ выбить его оттуда. Пѣхотные полки пошли въ городъ съ музыкою и развернутыми знаменами, не обращая вниманія на то, что французы стрѣляли изъ каждаго дома. Въ короткое время непріятель былъ вытѣсненъ изъ Вязьмы: защищавшіеся въ домахъ были заколоты штыками или взяты въ плѣнъ. Въ дѣлѣ при Вязьмѣ непріятель потерялъ 4 тысячи убитыми, до 2 тысячъ плѣнными, 3 орудія, 2 знамени и массу обозовъ.

По распоряженію Кутузова, Милорадовичъ преслѣдовалъ непріятеля далѣе; въ то же время Платовъ опережалъ и безпокоилъ его съ правой стороны, Орловъ-Денисовъ—съ лѣвой. Черезъ четыре дня Милорадовичъ засталъ въ расплохъ непріятеля расположившимся ночлегомъ близъ Дорогобужа, на рѣкѣ Осмѣ [1]): Французы пришли въ такое замѣшательство, что побросали орудія въ рѣку и, столпясь на мосту, падали въ воду цѣлыми толпами. Послѣ этого они еще болѣе ускорили свое отступленіе. Между тѣмъ выпалъ снѣгъ и ослѣпительной пеленой покрылъ всю Смоленскую равнину; забушевали вѣтры и поднялись снѣжныя мятели, въ продолженіи пяти дней снѣгъ не переставалъ падать. Непривычныя къ гололедицѣ лошади падали и дѣлались неспособными къ походу, такъ что вскорѣ непріятельская конница пошла пѣшкомъ; для артиллеріи брали лошадей отъ обозовъ, а обозы бросали на дорогѣ вмѣстѣ съ награбленною добычей. «Великая армія» уже не имѣла дневокъ и питалась только конскою падалью. Казаки, партизаны и даже крестьяне каждый день полонили отставшихъ и голодныхъ Французовъ тысячами. Наконецъ, 29 октября, Наполеонъ достигъ Смоленска. Но вмѣсто обильныхъ запасовъ, отдыха и успокоенія, его ждали здѣсь однѣ разочарованія и огорченія. Запасовъ оказалось такъ мало, что ихъ хватило только на одни гвардейскіе полки, и то «раздача провіанта—по словамъ его секретаря—походила болѣе на продолжительный грабежъ»; за-

[1]) Р. Осма впадаетъ въ Днѣпръ ниже Вязьмы.

тѣмъ сюда стали приходить къ нему одно за другимъ самыя неутѣшительныя извѣстія. Сначала онъ получилъ донесеніе, что вице-король разбитъ близъ Духовщины, Ожеро разбитъ и положилъ оружіе въ Ляховѣ [1]); затѣмъ, что Русскіе взяли Витебскъ, вслѣдствіе чего Викторъ и Сенъ-Сиръ отчаяваются удержать Витгенштейна; что Чичаговъ идетъ на Минскъ и наконецъ, что въ Парижѣ генералы Малле и Лагори произвели цѣлый мятежъ въ пользу республики. Къ довершенію всего онъ узналъ, что Кутузовъ находится южнѣе Смоленска, на одной высотѣ съ нимъ.

Наполеонъ поторопился выступить изъ Смоленска. Кутузовъ пошелъ за нимъ, держась по прежнему лѣвой стороны, чтобы сохранять связь съ Чичаговымъ и загородить непріятелю отступленіе къ южнымъ хлѣбороднымъ губерніямъ. Черезъ два дня (4 ноября), у Краснаго Милорадовичъ повторилъ тотъ же маневръ, который удался ему у Вязьмы: пропустивъ Наполеона, онъ всталъ поперекъ дороги и атаковалъ приближавшіяся войска вице-короля. Непріятель потерялъ знамя, $1^1/_2$ тысячи плѣнными и послѣднія 17 пушекъ; только наступившая темнота спасла корпусъ вице-короля отъ окончательнаго разгрома. На другой день Наполеонъ рѣшился атаковать Кутузова; по всей вѣроятности онъ надѣялся, что слишкомъ осторожный противникъ его сблизитъ войска Милорадовича со своими главными силами и дастъ возможность Даву и Нею безпрепятственно дойдти до Краснаго. Кутузовъ принялъ сраженіе; но едва разгорѣлась битва, какъ Наполеонъ приказалъ отступать. Онъ узналъ, что Кутузовъ послалъ большую часть войска въ тылъ ему, чтобы отрѣзать дорогу въ Ляды. Тормасовъ, посланный впередъ, уже велъ войска свои къ бою, какъ вдругъ получилъ приказаніе воротиться. Войска, жаждавшія боя, остались не-

---

[1]) *Ляхово* находится между Смоленскомъ и Ельней, слѣдовательно на юговостокъ отъ Смоленска. Здѣсь Ожеро атаковали партизаны: Давыдовъ, Сеславинъ и Фигнеръ и заставили положить оружіе съ 19 офицерами и 1650 нижними чинами.

довольны распоряженіемъ Кутузова, но фельдмаршалъ, встрѣтивши ихъ, сказалъ: «за десятерыхъ французовъ не отдамъ я одного Русскаго. Непріятели скоро всѣ пропадутъ, а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ на границу?»

Убѣгая изъ Краснаго, Наполеонъ пожертвовалъ даже Неемъ, который оставался еще въ Смоленскѣ, наблюдаемый Платовымъ. Въ день Красненской битвы Ней выступилъ изъ Смоленска, сжегши все, чего нельзя было захватить съ собой. Только что вышелъ изъ города арріергардъ, какъ раздался страшный взрывъ; за нимъ послѣдовало нѣсколько другихъ: восемь башень и Королевская крѣпость взлетѣли на воздухъ. Весь день 6 ноября не было видно солнца: поутру тучи заволокли небо, и на землю палъ такой страшный туманъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ ничего нельзя было разглядѣть. Французы не могли видѣть Милорадовича, который стоялъ поперекъ дороги и подошли къ нему чрезвычайно близко. Вдругъ загремѣли 40 орудій, гвардейскіе уланы бросились въ атаку, а Паскевичъ повелъ пѣхоту въ штыки. Ошеломленный неожиданностью, Ней отступилъ, собравъ свой корпусъ въ порядокъ и повелъ его на проломъ; но всѣ усилія его были тщетны: цѣлыя тысячи французовъ гибли отъ пуль и картечи, не подвигаясь впередъ ни на шагъ; наконецъ повернули назадъ и побѣжали въ безпорядкѣ. Наши казаки преслѣдовали ихъ до самой Орши. Въ этомъ дѣлѣ намъ сдались 12 тысячъ солдатъ, 100 офицеровъ и до 27 орудій. Вечеромъ Кутузовъ пріѣхалъ къ гвардейскимъ бивакамъ поздравить войска съ побѣдой. «Дѣти! — сказалъ онъ — знаете ли сколько взято орудій? Сто шестнадцать!» Затѣмъ, указывая солдатамъ на везенные за нимъ французскіе орлы, прибавилъ: «Какъ ихъ бѣдняжекъ жаль! Они и головки повѣсили; вѣдь имъ холодно и голодно!» Принявъ поздравленіе отъ войска, фельдмаршалъ остановился у одного бивака и пилъ чай. Весь гвардейскій корпусъ, съ обнаженными головами, образовалъ около обожаемаго вождя кружокъ и не спускалъ съ

него глазъ. «Согрѣтые его присутствіемъ,—говоритъ одинъ очевидецъ,—мы не чувствовали ни грязи подъ собою, ни обливавшаго насъ дождя». Фельдмаршалъ сказалъ: «Крыловъ сочинилъ басенку, и разсказываетъ, какъ волкъ попалъ не въ овчарню, а на псарню. Увидя бѣду, пустился онъ въ переговоры и сталъ умолять о пощадѣ, но псарь сказалъ ему: *«ты сѣръ»*... При этихъ словахъ князь Кутузовъ снялъ свою бѣлую фуражку, и потрясая наклоненною головою, продолжалъ: «а я, пріятель, *сѣдъ*!» Воздухъ потрясался отъ восклицаній гвардіи.

Между тѣмъ Наполеонъ шелъ черезъ Дубровну на Оршу. «Маршъ, или, лучше сказать, бѣгство къ Оршѣ,—говоритъ генералъ-интендантъ его арміи,—были самою плачевною картиною, какая можетъ поразить взоры и сердце французскаго солдата. Грустно было смотрѣть на императора, когда онъ верхомъ, окруженный своимъ штабомъ, съ трудомъ пробирался сквозь толпы солдатъ, большею частію безоружныхъ, не сохранявшихъ ни малѣйшаго порядка». 8 ноября Наполеонъ прибылъ въ Оршу и съ поспѣшностію переправился черезъ Днѣпръ, чѣмъ выигралъ передъ нашей пѣхотой нѣсколько переходовъ. Послѣ нѣкотораго колебанія, онъ рѣшился идти на Минскъ черезъ Борисовъ. У него уже не было конницы, и эскадронъ, охранявшій его, состоялъ изъ генераловъ и офицеровъ, сохранившихъ лошадей: оберъ-офицеры заняли мѣста рядовыхъ, майоры и полковники унтеръ-офицеровъ, а генералы—офицеровъ. Наполеонъ назвалъ его *священнымъ эскадрономъ*, но черезъ нѣсколько дней священный эскадронъ побрелъ пѣшкомъ.

Молва о бѣгствѣ Наполеона уже разошлась по всей Россіи. Въ городахъ, селахъ, на домахъ служились благодарственныя молебствія, и очень многіе по обѣщанію отправлялись въ Кіевъ или въ другія отдаленныя мѣста поклониться святымъ. Рѣдкій день не приходило отъ Кутузова извѣстія о новыхъ пораженіяхъ непріятельской арміи. Отправляя курьеровъ, фельдмар-

шалъ приказывалъ имъ, если они съѣдутся на дорогѣ, являться въ столицу не вмѣстѣ, а одинъ за другимъ: «пусть добрыя вѣсти — говорилъ онъ — приходятъ не вдругъ, а поодиночкѣ».— 3 ноября въ Петербургѣ былъ обнародованъ благодарственный манифестъ русскому народу. «Торжественно, отъ лица всего Отечества — говорилось въ манифестѣ — изъявляемъ признательность и благодарность Нашу всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, яко истиннымъ сынамъ Россіи. Всеобщимъ ихъ рвеніемъ и усердіемъ доведены непріятельскія силы до крайняго истощенія, и главною частію, или истреблены, или въ полонъ взяты. Всѣ единодушно въ томъ содѣйствовали. Храбрыя войска Наши вездѣ поражали и низлагали врага. Знаменитое дворянство не пощадило ничего къ умноженію государственныхъ силъ. Почтенное купечество ознаменовало себя всякаго рода пожертвованіями. Вѣрный народъ, мѣщанство и крестьяне, показали такіе опыты вѣрности и любви къ Отечеству, какіе одному только Русскому народу свойственны...» Манифестъ этотъ былъ читанъ во всѣхъ церквахъ. Кутузову, за побѣды подъ Краснымъ и вообще въ Смоленской губерніи, государь повелѣлъ именоваться *Смоленскимъ;* главному виновнику пораженія непріятеля у Вязьмы и Краснаго — Милорадовичу пожалованъ орденъ Георгія 2-й степени; Платовъ возведенъ въ графское достоинство.

Въ Борисовѣ Наполеонъ надѣялся найдти лучшую переправу черезъ Березину, поэтому шелъ туда съ необыкновенной быстротой; вдругъ на дорогѣ онъ узналъ, что Чичаговъ взялъ Борисовское укрѣпленіе и разбилъ корпусъ Домбровскаго. «Въ нынѣшнемъ походѣ — воскликнулъ Наполеонъ — намъ суждено дѣлать однѣ глупости». Окружавшіе его генералы пришли въ смущеніе и шепотомъ стали переговаривать о необходимости положить оружіе. «Никогда — писалъ Наполеонъ — не находился я въ столь отчаянномъ положеніи: тѣснимый съ тылу, справа и слѣва, я долженъ былъ переправиться черезъ рѣку,

обороняемую цѣлою арміею. Съ полумертвыми отъ голода и холода войсками мнѣ должно было преодолѣть препятствія, которыя могли устрашить и самую благоустроенную армію». Дѣйствительно, «великая армія» походила на какой-то кочующій таборъ цыганъ, въ которомъ не было никакого порядка: солдаты не слушались офицеровъ, офицеры не повиновались генераламъ; большинство солдатъ не имѣло оружія; офицеры и генералы обросли бородой, одѣвались въ рубище, женскіе салопы или поповскія ризы, окутывая ноги соломой или мѣшками. Сходясь по вечерамъ на ночлеги среди дремучихъ лѣсовъ, они не устраивали правильнаго лагеря, не ставили карауловъ и не получали продовольствія: каждый кидался на мерзлую землю; гдѣ и какъ хотѣлъ, и питался чѣмъ могъ. Тѣмъ не менѣе Наполеонъ еще вѣрилъ въ «свою звѣзду» и не падалъ духомъ. Послѣ короткаго совѣщанія съ генералами, онъ послалъ Удино приказаніе аттаковать Чичагова, втоптать его въ Березину, взять Борисовскій мостъ, или, въ крайнемъ случаѣ, отыскать иную переправу. У Бобра [1]) онъ получилъ отъ Удино радостное донесеніе: Борисовъ взятъ и Дунайская армія оттѣснена. Это былъ шагъ къ его спасенію. Тотчасъ же къ Удино посланы были артиллерійскіе и инженерные генералы и всѣ піонеры и саперы, какихъ можно было отыскать въ арміи. Мостъ черезъ Березину рѣшено строить у Студянки (выше Борисова), но, чтобы обмануть Чичагова, дѣлались ложныя приготовленія къ переправѣ у Ухолода (ниже Борисова). 14 ноября, до разсвѣта, Наполеонъ прибылъ въ Студянку, куда тянулись уже всѣ войска его, кромѣ арріергарда Виктора. Прежніе понтоны не сохранились, поэтому мосты должно было строить на козлахъ; для этого рубили лѣсъ и ломали всѣ избы и заборы, какія оказались по близости. Отъ наступившихъ морозовъ обширныя болота вдоль Березины застыли и вся рѣка была покрыта пловучими льдинами, которыя затруд-

[1]) На половинѣ дороги между Оршей и Борисовымъ.

няли постройку; но личное присутствіе Наполеона оживляло рабочихъ: изнуренные продолжительнымъ походомъ, голодные и помертвѣвшіе отъ холода саперы и понтонеры бросались въ воду между льдинами, работали день и ночь и гибли для спасенія арміи. Для обезпеченія переправы, по лѣвому берегу рѣки была устроена 40 пушечная батарея съ орудіями большаго калибра. Едва начали строить мостъ, какъ Наполеонъ приказалъ конному отряду переправиться вплавь; въ то же время пѣхоту перевозили на паромахъ. Отрядъ полковника Корнилова думалъ остановить непріятеля огнемъ конной артиллеріи; но непріятель началъ засыпать горсть храбрецовъ градомъ картечи съ своей батареи и заставилъ ихъ отступить къ ближайжему лѣсу. Въ часъ дня одинъ мостъ былъ готовъ, и переправа началась. Вскорѣ правый берегъ Березины огласился радостными криками и ружейнымъ огнемъ. «Моя звѣзда опять взошла!» воскликнулъ Наполеонъ и началъ торопить переправу. Когда большая часть арміи была уже на другомъ берегу, онъ переправился самъ.

Чичаговъ и Витгенштейнъ подошли къ Студянкѣ слишкомъ поздно; тѣмъ не менѣе они аттаковали непріятеля на обоихъ берегахъ. Викторъ перевелъ арріергардъ и, не дожидаясь обозовъ и отсталыхъ, зажегъ мостъ. «Люди, лошади, обозы опустились въ воду», говоритъ очевидецъ. «Многіе изъ оставшихся на уцѣлѣвшей части мостовъ покусились переходить по льдинамъ, спершимся около козелъ, но были сжаты, затерты льдомъ, унесены рѣкою, тщетно боролись съ ея теченіемъ и вопили о помощи: никто не помогалъ. Другіе пытались спастись вплавь, но утопали или замерзали. Иные бросались сквозь пламя, пожиравшее мостъ, и вмѣсто избавленія, находили мучительную смерть. Женщины, дѣти, грудные младенцы, обвившіе свои рученки вокругъ шеи матерей, лежали на льду съ разможженными членами. Отчаянные, неистовые крики наполняли воздухъ, раздираемый пронзительнымъ завываніемъ сѣвернаго

вѣтра, который отъ ранняго утра поднялся съ метелью, засыпалъ глаза разноплеменныхъ жертвъ инеемъ и снѣгомъ, окостенялъ ихъ руки и ноги. Березина до такой степени запрудилась трупами, что по нимъ можно было переходить пѣшкомъ съ одного берега на другой».

Въ этой переправѣ погибло нѣсколько тысячъ Французовъ; нами захвачено до 20 тысячъ плѣнныхъ, 25 пушекъ и масса обозовъ; но государь и общественное мнѣніе были недовольны послѣдствіями Березинской переправы; самъ Кутузовъ говорилъ, что «не все было сдѣлано, что можно было сдѣлать, и что еслибы не адмиралъ, то простой псковскій дворянинъ сказалъ бы: Европа, дыши свободно!» Одни обвиняли Чичагова въ неспособности, другіе—въ измѣнѣ. Но въ неуспѣшномъ преслѣдованіи непріятеля виноватъ не одинъ Чичаговъ, виноватъ былъ и Витгенштейнъ, который долженъ былъ войдти въ связь съ Чичаговымъ и общими силами помѣшать переправѣ: для этого у нихъ было достаточно силъ, безъ арміи Кутузова. Правда, что Кутузовъ могъ бы идти быстрѣе за непріятелемъ и вòвремя настигнуть его; но онъ оправдывался тѣмъ, что желалъ сберечь армію, «чтобы было съ чѣмъ придти на границу». «Европа—говорилъ онъ—должна видѣть, что наша главная армія дѣйствительно существуетъ, не есть призракъ, или тѣнь. Правда, она уменьшается на маршѣ, но мѣсяцъ покоя и хорошія квартиры оправятъ ее. Только сильная армія можетъ дать намъ вѣсъ въ дѣлахъ политическихъ и склонить Германію на нашу сторону». Дѣйствительно, война еще не была окончена: за Березиной стояли Макдональдъ, Шварценбергъ и Рейнье, а между Одеромъ и Нѣманомъ—корпусъ Ожеро.

Перейдя Березину, непріятель слѣдовалъ черезъ Молодечну на Вильно и Ковно, преслѣдуемый по пятамъ легкими отрядами Ланскаго и Орлова-Денисова; за ними, въ нѣкоторомъ отдаленіи шла Дунайская армія; съ лѣвой стороны тянулась главная армія, съ правой—Витгенштейнъ. Отъ наступившихъ

холодовъ разстройство непріятельской арміи увеличивалось съ каждымъ днемъ. Съ 16 ноября постоянно было около 20° мороза; 22 ноября едва можно было говорить, отъ холода спиралось дыханіе и птицы замерзали на лету. Молча, стиснувъ зубы, бѣжали Французы по дорогамъ и снѣжнымъ полямъ, въ какомъ-то безпорядкѣ, побросавши оружіе и добычу. Завидя издали какое-нибудь строеніе или заборъ, они стремглавъ бѣжали къ нему, чтобы зажечь его и отогрѣть свои окоченѣлые члены. «Намъ случалось,—пишетъ очевидецъ,—заглядывать въ полусгорѣвшія корчмы: по срединѣ обыкновенно находился курившійся огонекъ, а вокругъ на полу замерзшіе непріятели. Ближайшіе къ огоньку еще шевелились; прочіе, въ искривленномъ положеніи, съ судорожными лицами, лежали какъ окаменѣлые. У многихъ вмѣсто слезъ выступала кровь изъ глазъ, и потому безъ преувеличенія можно сказать, что враги проливали кровавыя слезы. Подобно тѣнямъ бродили они по пепелищамъ и среди пустынь, гдѣ не было ни движенія, ни жизни; опершись на деревья или сучья, шатались они на ногахъ; лишенные всякихъ пособій къ облегченію страданій, въ тщетной борьбѣ съ смертію, падали безъ чувствъ, на безлюдныхъ, снѣжныхъ поляхъ. Сами не зная куда, тащились иные по дорогамъ, съ примерзшею къ ногамъ соломою, съ почернѣвшими отъ грязи ступнями, покрытыми ледяною корою, зараженными антоновымъ огнемъ. Съ отмороженными по колѣни ногами, окутанныя въ отвратительныя ветошки, съ закоптѣлыми отъ дыма лицами, небритыми бородами, дикими глазами, иные не могли ходить и ползали на рукахъ. Многіе приходили въ безчувственность, лишались слуха, языка и ума; какъ шальные, выпуча глаза, смотрѣли на наши войска и ничего не понимали». «Много мы ловили солдатъ—пишетъ другой очевидецъ—одѣтыхъ въ женскіе салопы, священническія ризы или лакейскія ливреи. У иныхъ на головахъ вмѣсто касокъ торчали капоры... По дорогѣ попадались женщины въ

оборванныхъ салопахъ, въ лаптяхъ, изнуренныя и изнеможенныя. Посмотришь, въ сторонѣ бѣжитъ Французъ въ поповской ризѣ, а за нимъ гонится мужикъ съ дубиной; но такъ какъ на спинѣ у Француза сіяетъ крестъ, то мужикъ набожно снимаетъ шапку и бьетъ врага по икрамъ и пяткамъ. Казаки, преслѣдуя французскихъ кирасиръ, загнали ихъ въ какое-то болото, и мы видѣли нѣсколько всадниковъ верхами провалившихся въ воду и замерзшихъ въ разныхъ положеніяхъ».

У Молодечны Наполеонъ рѣшился оставить армію на Мюрата и поѣхалъ въ Парижъ. У одного помѣщика достали карету и сани: въ карету сѣлъ самъ Наполеонъ и Коленкуръ [1]), въ сани—оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ Мутонъ, на козлахъ кареты помѣстился одинъ польскій офицеръ и мамелюкъ, который всюду ѣздилъ за Наполеономъ со времени Египетскаго похода. Въ такомъ скромномъ поѣздѣ трудно было узнать того человѣка, который за нѣсколько мѣсяцевъ гордо возглашалъ: «Судьба Россіи должна совершиться!» Бѣгство его было послѣднимъ ударомъ для «великой арміи». Въ негодованіи на вѣроломство своего императора, солдаты начали кричать: «Онъ бѣжитъ какъ изъ Египта, оставляя насъ на жертву», и съ этихъ поръ стали помышлять только о своемъ личномъ спасеніи, бросая на пути орудія, обозы и казну. Въ Вильно, напримѣръ, казаки захватили множество денегъ, различной добычи, 28 пушекъ, собственные экипажи Наполеона и массу повозокъ; на другой день пришли русскія войска и почти безъ боя захватили болѣе 140 орудій, болѣе 14 тысячъ плѣнныхъ и огромные запасы хлѣба и фуража. Изъ Вильно въ Ковно Мюратъ ѣхалъ съ Бертье въ каретѣ; за ними, окутанные до ушей, ѣхали Даву, вице-король, Мортье и другіе генералы; затѣмъ слѣдовала гвардія и безоружныя толпы въ самыхъ ужасныхъ костюмахъ.

---

[1]) Наполеонъ хотѣлъ проѣхать по всей Германіи подъ именемъ Коленкура, поэтому Французы тогда острили: Colin qui court.

Преслѣдуя непріятеля, наши войска также много терпѣли отъ похода, потому что двигались довольно быстро, въ глубокую осень и зиму, по снѣжнымъ дорогамъ и дремучимъ лѣсамъ, не взирая на грязь, снѣгъ и скудость въ продовольствіи. Люди заболѣвали отъ холода, голода, отъ изнуренія и дурной воды, зараженной гніеніемъ труповъ. Начиная съ Тарутинскаго боя, изъ строя выбыло болѣе 80 тысячъ человѣкъ. Но несмотря на всѣ трудности похода, на голодъ и стужу, духъ нашей арміи былъ превосходный. Нерѣдко самъ фельдмаршалъ останавливалъ на дорогѣ колонны и ободрялъ солдатъ. Однажды онъ подъѣхалъ къ Измайловскому полку и спросилъ у солдатъ: «Есть ли хлѣбъ?»—«Нѣтъ, ваша свѣтлость», отвѣчали они. — «А вино?» — «Нѣтъ, ваша свѣтлость.» — «А говядина?»—«Тоже нѣтъ.»—Принявъ грозный видъ, Кутузовъ сказалъ: «Я велю повѣсить провіантскихъ чиновниковъ. Завтра навезутъ вамъ хлѣба, вина, мяса, и вы будете отдыхать».—«Покорнѣйше благодаримъ», сказали солдаты.—«Да, вотъ что, братцы,—замѣтилъ фельдмаршалъ,—пока вы станете отдыхать, злодѣй-то, не дожидаясь васъ, уйдетъ».

Тогда гвардейцы въ одинъ голосъ закричали: «Намъ ничего не надобно; безъ сухарей и вина пойдемъ его догонять!»

Кутузовъ думалъ остановить свою армію въ Вильно и на Нѣманѣ, пославъ преслѣдовать непріятеля только авангарды Витгенштейна и Чичагова; но Государь не соглашался съ его планами. «Уважая причины, въ донесеніи вашемъ помѣщенныя,—писалъ ему Государь,—нахожу полезнымъ остановить въ Вильнѣ единственно небольшую часть войскъ, болѣе другихъ разстроенную, которая бы собрала отставшихъ и выздоровѣвшихъ..., а прочимъ всѣмъ войскамъ... слѣдовать безпрерывно за непріятелемъ, взявъ такое направленіе, чтобы не только внутри, но и внѣ границъ нашихъ имѣть ту же цѣль: отрѣзывать ему сообщеніе и соединеніе съ новыми подкрѣпленіями его».

30 ноября Мюратъ прибылъ въ Ковно. Здѣсь, подъ защитою укрѣпленій, онъ надѣялся собрать людей и вывезти изъ города часть запасовъ; но, едва пришла гвардія и безоружныя толпы, какъ солдаты бросились въ дома, грабили магазины, выкатывали бочки съ водкой и упивались сею до безпамятства. Отъ бивачныхъ огней начались пожары, и вскорѣ Мюратъ долженъ былъ вывести остатки арміи изъ пылающаго города. Въ Ковно остался только Ней. Черезъ день показались казаки Платова. Французы сдѣлали по нимъ выстрѣлъ и, побросавъ пушки, побѣжали изъ города: часть была исколота пиками, другая часть побѣжала къ Тильзиту и Вильковишкамъ. Самъ Ней былъ раненъ и, благодаря наступившей темнотѣ, спасся бѣгствомъ. Вотъ какъ описываетъ свое свиданіе съ нимъ генералъ-интендантъ французской арміи. «Вырвавшись изъ окаянной Россіи, я сидѣлъ въ своей горницѣ въ Вильковискѣ, какъ вдругъ увидѣлъ вошедшаго ко мнѣ человѣка, въ коричневомъ сюртукѣ, съ длинною бородою, загорѣлымъ лицомъ, красными и сверкающими глазами. «Вы меня не узнали?—спросилъ онъ. —«Нѣтъ! Кто вы?» – «Я—аррієргардъ великой арміи, маршалъ Ней. Сдѣлавъ послѣдній выстрѣлъ на Ковенскомъ мосту, бросилъ я въ Нѣманъ послѣднее французское ружье и спасся сюда лѣсами».

Мюратъ, всѣ маршалы и жалкіе остатки наполеоновской арміи перешли границу и разсѣялись по Восточной Пруссіи. «Исполнились слова Вашего Императорскаго Величества,—доносилъ Кутузовъ,—усѣяна дорога костями непріятельскими! Да вознесетъ всякій Россіянинъ благодарственныя молитвы ко Всевышнему, а я почитаю себя счастливѣйшимъ изъ подданныхъ, бывъ избранъ благодѣтельною судьбою исполнителемъ Высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества».

Отдѣльные отряды французской арміи должны были отступить при первомъ извѣстіи о разгромѣ въ главной арміи. Въ ноябрѣ Шварценбергъ съ Австрійцами стоялъ въ Слонимѣ,

Рейнье съ Саксонцами въ Ружанахъ, Макдональдъ — въ Курляндіи. Наступившіе холода дѣйствовали и на нихъ губительно. 1 декабря Шварценбергъ пошелъ къ Бѣлостоку и Гродно, Рейнье — къ Волчину, на Бугѣ; за ними шелъ сначала Тормасовъ, затѣмъ Дохтуровъ. Австрійцы уже успѣли охладѣть къ Наполеону и не вступали въ битву съ нашими войсками: венгерскіе гусары, сходясь съ казаками, называли ихъ товарищами. У Пултуска Австрійцы стали вести себя такъ, какъ будто бы было заключено перемиріе: ихъ и наши аванпосты стояли въ виду другъ друга спокойно и сходились между собою; наши офицеры ѣздили за покупками въ австрійскій лагерь. 10 января императоръ Францъ приказалъ Шварценбергу очистить Варшавское герцогство. 27 числа, Русскіе заняли Варшаву; вслѣдствіе чего Австрійцы отступили къ Кракову, Поляки къ Ченстохову, а Саксонцы — къ Калишу.

Макдональдъ получилъ приказаніе отступить только 6 декабря. Такъ какъ онъ былъ совсѣмъ готовъ къ обратному походу, то тотчасъ же пошелъ черезъ Шавлю къ Тильзиту. Самъ онъ съ Французами и Пруссаками шелъ впереди, за нимъ, на одинъ день разстоянія, слѣдовалъ прусскій корпусъ генерала Іорка. По стопамъ Іорка шелъ отрядъ Левиза и, въ то время, какъ маркизъ Паулуччи направлялся прямо въ Мемель, въ Тильзитъ съ востока спѣшилъ Витгенштейнъ и, казалось, могъ предупредить Макдональда; но послѣдній, отразивъ авангардъ Витгенштейна, успѣлъ дойдти до Тильзита. Между тѣмъ Дибичъ съ отрядомъ въ 1400 человѣкъ сталъ на дорогѣ изъ Митавы въ Тильзитъ и загородилъ путь прусскому корпусу Іорка; дождавшись здѣсь Пруссаковъ, Дибичъ предложилъ Іорку свиданіе въ аванпостахъ, для заключенія договора, который имѣлъ бы цѣлью объявить прусскія войска нейтральными. Іоркъ давно ненавидѣлъ Наполеона и, самъ по себѣ, готовъ былъ на такой договоръ, но, безъ дозволенія короля, не рѣшался заключить его, поэтому условился съ Дибичемъ только въ томъ,

что пойдетъ къ Тильзиту какъ можно тише и на пути не будетъ сражаться съ Русскими. Близъ Таурогена къ нему пришло извѣстіе о совершенномъ разрушеніи французской арміи и о желаніи берлинскаго кабинета отстать отъ союза съ Наполеономъ. Не колеблясь долѣе, Іоркъ подписалъ условіе, по которому его корпусъ, въ ожиданіи приказаній отъ короля, расположился между Мемелемъ и Тильзитомъ. Въ это время прусскій отрядъ, шедшій съ Макдональдомъ, ушелъ ночью отъ Французовъ и присоединился къ Іорку. Такимъ образомъ у Макдональда осталось только 5000 человѣкъ; боясь быть обойденнымъ Витгенштейномъ, онъ поспѣшилъ къ Кенигсбергу.

Лишь только Императоръ получилъ донесеніе о занятіи Вильно, какъ тотчасъ же отправился туда изъ Петербурга, въ сопровожденіи Аракчеева, Толстого, Волконскаго, Шишкова и Марченко. Несмотря на холодное время, Государь все время ѣхалъ въ открытыхъ саняхъ. Въ Вильно онъ пріѣхалъ 11 декабря, въ 5 часовъ по полудни. У замка его встрѣтилъ самъ фельдмаршалъ, одѣтый въ полный генеральскій мундиръ, съ шарфомъ черезъ плечо, и подалъ ему строевой рапортъ. Александръ вышелъ изъ саней и, сжавъ Кутузова въ объятіяхъ, пошелъ съ нимъ за руку въ замокъ. Говорятъ, что, бесѣдуя съ фельдмаршаломъ наединѣ, Государь упрекалъ его въ медленности движенія и указалъ на нѣкоторыя ошибки; но, разставаясь съ нимъ. пожелалъ наградить его достойнымъ образомъ. Лишь только престарѣлый полководецъ вышелъ отъ Государя, какъ оберъ-гофмаршалъ графъ Толстой, поднесъ ему на серебряномъ блюдѣ знаки Георгія 1-й степени. Въ то время, кромѣ Кутузова, никто еще не имѣлъ такого знака отличія. На другой день было рожденіе Государя; послѣ обѣдни во дворецъ собрались для поздравленій всѣ генералы; поздоровавшись съ ними, Александръ сказалъ: «Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу». Обѣдалъ Государь у фельдмаршала. Когда пили за его здоровье, палили изъ французскихъ пушекъ

французскимъ порохомъ изъ тѣхъ укрѣпленій, которыя Наполеонъ построилъ противъ насъ. Вечеромъ былъ балъ у фельдмаршала: при входѣ Государя въ бальную залу, Кутузовъ повергъ къ его ногамъ французскія знамена, которыя за полчаса до этого доставилъ ему Платовъ. «На балу Государь пробылъ часа три,—писалъ Кутузовъ.—Какую разницу дамы увидѣли между Нимъ и Бонапартомъ, и въ какомъ онѣ восхищеніи, и какъ Онъ былъ хорошъ и любезенъ!» Во время двухнедѣльнаго пребыванія въ Вильно, Государь дѣлалъ много добра: ходилъ по госпиталямъ и помогалъ всѣмъ нуждавшимся. «Одна бѣдная француженка, съ двумя малолѣтними дѣтьми»,—разсказываетъ современница (Шуазель Гуфье),—«бросилась ему въ ноги, когда онъ возвращался съ парада. При видѣ ея слезъ, онъ самъ прослезился и устроилъ всю семью. Французъ солдатъ, котораго я пріютила, разсказывалъ мнѣ, какъ однажды встрѣтилъ онъ молодаго русскаго офицера съ такимъ добрымъ взглядомъ, что онъ рѣшился остановить его и попросить на хлѣбъ. Молодой человѣкъ велѣлъ ему идти на царскую кухню и сказать тамъ: «Братъ великаго князя велѣлъ мнѣ дать поѣсть». «Меня тамъ отлично угостили», добавилъ простодушно разскащикъ, не понимая, что братъ великаго князя былъ самъ русскій императоръ».

«Когда Александръ осматривалъ Наполеоновскіе госпитали, то французы принимали его за адъютанта генерала Сенъ-Пріеста, съ которымъ онъ ходилъ туда. Разъ они вошли въ палату въ то время, какъ одинъ умирающій офицеръ, испанецъ кончалъ диктовать письмо своему товарищу. «Г. офицеръ, — обратился онъ къ государю, — потрудитесь сами переслать мое письмо, это послѣдній привѣтъ, посылаемый мною женѣ, въ Испанію».

«Отъ описаній этихъ госпиталей стыла кровь въ жилахъ Одинъ изъ нихъ былъ устроенъ въ зданіяхъ университета. «Я вошелъ туда вечеромъ, — разсказывалъ мнѣ Государь,—

одна только лампа освѣщала темные своды, подъ которыми, вышиной въ уровень со стѣнами, свалены были въ кучѣ тѣла умершихъ. Не могу передать вамъ того отвратительнаго чувства, которое охватило меня, когда я увидѣлъ, что нѣкоторыя изъ тѣлъ еще оказывали признаки жизни, они шевелились. . Немудрено, что никто не хочетъ сопутствовать мнѣ при моемъ обходѣ этихъ госпиталей: молодежь, готовая съ восторгомъ идти на приступъ или броситься въ дѣло, находитъ всегда какой нибудь предлогъ уклониться отъ этой тяжелой обязанности. Я хочу сообщить Наполеону, какъ плохо исполнялись его приказанія даже тѣми, кому онъ довѣрялъ —Господи! — продолжалъ Александръ, взявъ себя за голову,—какое блестящее поприще предстояло этому человѣку: онъ могъ дать миръ всей Европѣ. Могъ—но не сдѣлалъ! Обаяніе его исчезло: *увидимъ что́ лучше—заставить себя бояться, или—любить*».

— «Не Наполеону предстоитъ честь внести миръ въ Европу»,—замѣтила я.

— «Не все ли равно кому: ему ли, мнѣ ли, кому другому, лишь бы онъ былъ внесенъ».

«Я выразила свое желаніе, чтобы это было исполнено будущею весною».

— «Отчего не нынѣшней зимой?»—замѣтилъ онъ, оживляясь:—«чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше».

Александръ выѣхалъ изъ Вильно въ первый день Рождества, послѣ обѣдни, одинъ, почти безъ свиты.

Кто-то сказалъ, что отечественная война составляетъ цѣлую эпопею. Дѣйствительно, Россія вела много войнъ, но никогда еще война не вызывала такого патріотическаго напряженія, какъ война 1812 года. Наполеона уже давно знала вся Россія и успѣла возненавидѣть; ненависть эта отъ высшаго и средняго классовъ перешла къ простому народу. Извѣстно, что войнѣ предшествовала невидимая и ужасная комета, которую

суевѣрный народъ почелъ за грозное знаменованіе будущихъ несчастій: «помететъ она русскую землю», —говорилъ онъ; за кометою явились новыя бѣдствія: во многихъ мѣстахъ появился голодъ, запылали русскіе города и села. Кіевъ, Воронежъ, Казань, Уфа, Житоміръ и Бердичевъ обратились въ пепелъ или въ развалины. На Наполеона, готовившагося съ своими громадными полчищами идти на Россію, народъ сталъ смотрѣть, какъ на антихриста, который «шелъ съ нечистою ратью истреблять народъ и вѣру» и разлагалъ его имя на апокалипсическое число 666 (что означаетъ Антихристъ). Неблагопріятныя знаменія передъ началомъ войны съ Наполеономъ, отступленіе русской арміи до самаго Бородино, затѣмъ пожаръ и занятіе первопрестольной столицы придали всей войнѣ характеръ страшной борьбы, —борьбы не на жизнь, а на смерть, до послѣдняго истощенія. Самыя опасности и первыя неудачи не подавили народнаго духа, напротивъ, воспламеняли народъ еще болѣе и приводили его къ неслыханнымъ пожертвованіямъ. «Всѣ распоряженія и усилія правительства, —замѣчаетъ одинъ современникъ (И. Д. Якушкинъ), — были бы недостаточны, еслибъ народъ, по прежнему, остался въ оцѣпененіи. Не по распоряженію начальства жители, при приближеніи Французовъ, удалялись въ лѣса и болота, оставляя свои жилища на сожженіе; не по распоряженію начальства выступило все народонаселеніе Москвы вмѣстѣ съ арміей изъ древней столицы... Въ рядахъ даже между солдатами не было уже безсмысленныхъ орудій; *каждый чувствовалъ, что онъ призванъ содѣйствовать въ великомъ дѣлѣ*... Конечно, никогда прежде, и никогда послѣ императоръ Александръ не былъ такъ сближенъ съ своимъ народомъ, какъ въ это время; въ это время онъ его любилъ и уважалъ». Какъ слѣдствіе войны и патріотическаго напряженія, явилась ненависть ко всему иностранному и особенно французскому. Общество вдругъ возвратилось къ народности, и все русское сдѣлалось моднымъ: люди высшаго класса,

не знавшіе роднаго языка и всю жизнь проговорившіе на французскомъ языкѣ, стали говорить по-русски; барыни замѣнили французскія платья сарафанами и кокошниками; губернаторы и ихъ чиновники надѣвали ополченскіе мундиры. Въ ряды защитниковъ отечества становились даже писатели и поэты, такъ, Батюшковъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ походахъ противъ Наполеона, Жуковскій вступилъ въ Московское ополченіе и сражался въ Бородинской битвѣ, князь Вяземскій надѣлъ казацкій мундиръ и, въ отечественную войну, находился при отважномъ Милорадовичѣ.

Если въ періодъ предшествовавшихъ войнъ съ Наполеономъ литература вооружалась противъ Наполеона и галломаніи, то въ настоящее время патріотическое направленіе ея достигло крайняго напряженія Въ еженедѣльномъ журналѣ «*Сынъ Отечества*», Наполеона называли *гнуснымъ тираномъ*, *убійцею* и печатали настоящія ругательства. «Предчувствуй безсмертіе, тебя достойное!» —писалось въ одномъ нумерѣ. «Предчувствуй, *какъ* и *когда* потомки будутъ клясться твоимъ именемъ! Ты возсѣдишь на престолѣ своемъ посреди блеска и пламени, какъ сатана въ средоточіи ада, препоясанъ смертью, опустошеніемъ, яростью и пламенемъ». Жуковскій, Крыловъ, Ростопчинъ и другіе писатели посвящали свои произведенія прославленію русскаго оружія или возбужденію народнаго духа. Передъ самой Тарутинской битвой, въ виду пылающей Москвы, *Жуковскій* написалъ свое знаменитое стихотвореніе «*Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*», которое облетѣло всю Россію. *Крыловъ* написалъ нѣсколько басенъ. Въ баснѣ «*Обозъ*» онъ оправдываетъ передъ обществомъ медлительность Кутузова.

Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

Въ баснѣ «*Ворона и Курица*», Крыловъ разсказываетъ про ворону, которая не желала покидать Москвы, при приближеніи Французовъ:

«...вѣдь воронъ ни жарятъ, ни варятъ:
Такъ мнѣ съ гостьми не мудрено ужиться,
А, можетъ быть, еще удастся поживиться
Сыркомъ, иль косточкой, иль чѣмъ нибудь»
Ворона подлинно осталась;
Но, вмѣсто всѣхъ поживокъ ей,
Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей —
Она сама къ нимъ въ супъ попалась.

Въ третьей баснѣ, «*Волкъ на псарнѣ*», онъ представилъ стѣсненное положеніе Наполеона послѣ Бородинской битвы и его попытки вступить въ переговоры съ Кутузовымъ, изображеннымъ въ лицѣ хитраго ловчаго. Мы уже видѣли, какое впечатлѣніе произвела эта «басенка», когда самъ Кутузовъ прочелъ ее офицерамъ, послѣ пораженія Неева корпуса.

Графъ Ростопчинъ выступилъ въ эту тяжкую годину со своими *афишами*, написанными языкомъ простымъ, складнымъ и забавнымъ, пересыпаннымъ русскими поговорками и пословицами. Афиши Ростопчина успокоивали и ободряли малодушныхъ, обуздывали буйную толпу и знакомили простой народъ съ ходомъ военныхъ дѣйствій. «Слава Богу!—писалъ онъ москвитянамъ 9-го августа,—все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно. Хлѣбъ не дорожаетъ и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить, и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять... Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуемъ. *Все перемелится, мука будетъ.* Берегитесь одного: пьяницъ да дураковъ. Они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши въ расплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его дѣло кожу драть; обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего: солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ золотыя горы, народу свободу, *а всѣхъ ловитъ за виски, да въ тиски*, и пошлетъ на смерть; *убьютъ либо тамъ, либо тутъ.* И для сего прошу, если кто изъ нашихъ, или изъ чужихъ станетъ его выхвалять и сулить и то, и другое, то какой бы онъ ни былъ, за хохолъ, да на Съѣзжую...»

17-го августа Ростопчинъ обнародовалъ: «Здѣсь есть слухъ и есть люди, кои ему вѣрятъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы и по нѣсколько тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей...» Передъ самой Бородинской битвой Ростопчинъ писалъ: «Свѣтлѣйшій князь, чтобъ скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему отправлено отсюда 48 пушекъ съ снарядами; а свѣтлѣйшій говоритъ: *что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ, и готовъ хоть въ улицахъ драться.* Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли дѣла: прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ. Я кличъ кликну дня за два, а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы тройчатки: *Французъ не тяжеле снопа ржанаго...*»

Нашествіе Наполеона и его бѣгство изъ Россіи были причиною появленія множества брошюръ, враждебныхъ Наполеону и Французамъ, которыя печатались тысячами и расходились между людьми, мало заботившимися о вѣрности фактовъ. Рядомъ съ брошюрами вышла масса каррикатуръ, большая часть которыхъ принадлежала карандашу талантливаго скульптора Теребенева. На одной, напримѣръ, былъ изображенъ ополченецъ, замахивающійся прикладомъ ружья на оборваннаго и полузамерзшаго Француза; послѣдній въ испугѣ бросаетъ свое ружье и говоритъ: «Пардонъ, мусье!» — «Врешь», — отвѣчаетъ ратникъ, — «я не Мосей, а Алексѣй». — На другой каррикатурѣ «Крестьянинъ Иванъ Долбила кладетъ вилами Французовъ на возъ», была подпись: «вотъ и вилы тройчатки пригодились уби-

рать да укладывать, ну, мусье, полно вздрагивать».—На третьей изображенъ подвигъ старостихи Василисы. Василиса сидитъ на конѣ и держитъ на веревочкѣ Француза; двое другихъ французовъ стоятъ передъ ней на колѣнахъ. Старостиха говоритъ:

Добрыхъ людей
Да званыхъ гостей
Съ честію у насъ встрѣчаютъ
И въ передній уголъ сажаютъ;
А незванныхъ нахаловъ,
Грабителей басурмановъ
Съ безчестьемъ прогоняютъ
И кулакомъ провожаютъ.
Знать вы въ Москвѣ-то не солоно похлебали,
Что хуже прежняго и тоще стали.
А кабы занесло васъ въ Питеръ,
Онъ бы вамъ всѣ бока повытеръ.

Нѣкоторыя каррикатуры изображали самаго Наполеона, такъ, на одной картинѣ онъ съ войскомъ увязъ по грудь въ снѣгу. Маршалы спрашиваютъ его: «какъ прикажете написать въ бюллетенѣ?»—Наполеонъ отвѣчаетъ: «Пишите, остановились на зимнихъ квартирахъ». Затѣмъ Наполеонъ танцуетъ со своимъ маршаломъ въ присядку, подъ пѣсню: «Ахъ, скучно мнѣ на чужой сторонѣ». Одинъ мужичекъ постегиваетъ маршала плетью, а другой—Наполеона розгой и приговариваетъ:

«И мы твою, братъ, слышали погудку:
Въ присядку попляши теперь подъ нашу дудку».

На третьей каррикатурѣ изображены Наполеонъ и два доктора. Консиліумъ. Одинъ докторъ щупаетъ у Наполеона пульсъ и голову и передаетъ своему товарищу симптомы и вмѣстѣ причины болѣзни: «Языкъ бѣлехонекъ (въ наказаніе за то, что много лгалъ въ бюллетеняхъ).— Пульсъ едва бьется! (отъ чрезмѣрнаго кровопусканія). — Голова въ страшномъ жару (отъ того, что не удались сумасбродные планы)». Наполеонъ замѣчаетъ: «надобно скорѣе убираться въ Парижъ. Видно въ Россіи климатъ мнѣ не благопріятствуетъ».

ГЛАВА XV.

Императоръ Александръ выступаетъ на защиту Европы.—Занятіе Варшавы.—Союзъ съ Пруссіей и свиданіе императора съ королемъ.—Движеніе арміи впередъ.—Болѣзнь и смерть Кутузова.—Приготовленія Наполеона.—Битвы при Люценѣ и Бауценѣ.—Перемиріе и конгрессъ въ Прагѣ.—Союзъ съ Австріей.—Шварценбергъ, Блюхеръ и Бернадоттъ.—Осада Дрездена.—Кульмская побѣда.—Успѣхи сѣверной арміи.—Трехдневная битва у Лейпцига и вступленіе императора въ Лейпцигъ.—Дѣло у Ганау.—Кавказъ послѣ 1813 года: Тормасовъ, Паулуччи и Ртищевъ.—Подвиги Котляревскаго.—Миръ съ Персіанами.

Обаяніе Наполеона было еще такъ велико въ Европѣ, что западно-европейскія государства не хотѣли вѣрить въ гибель его грозныхъ ополченій въ нѣдрахъ Россіи и не думали о возстаніи, считая самую мысль одолѣть исполина дерзкою и невозможною. Впрочемъ и самъ Наполеонъ не думалъ о мирѣ: явившись въ Парижъ, онъ съ поспѣшностію занялся приготовленіями къ новому походу въ Россію.

Александръ, уничтожившій врага въ границахъ своего государства, одинъ выступилъ на защиту порабощенной Европы и рѣшился воевать съ Наполеономъ до тѣхъ поръ, пока не спасетъ Европы и не обезпечитъ на долгое время спокойствіе и законные престолы Европы; поэтому онъ не соглашался съ Кутузовымъ, который думалъ преслѣдовать отступающихъ въ безпорядкѣ Французовъ только до Вислы, а потребовалъ отъ него быстрыхъ, рѣшительныхъ и обширныхъ дѣйствій, которыя могли бы скорѣе поднять Европу и помѣшали бы Наполеону опомниться и собраться съ новыми силами.

Главная армія выступила изъ Вильно 25 декабря, въ сопровожденіи императора и Кутузова, и въ тотъ же день авангардъ графа Витгенштейна занялъ Кенигсбергъ и былъ встрѣченъ жителями съ восторгомъ. Императоръ вступилъ въ переговоры съ Прусскимъ королемъ о союзныхъ дѣйствіяхъ, и, пока велись переговоры, Милорадовичъ, составлявшій лѣвое крыло главной арміи, заставилъ отступить австрійскаго фельдмаршала Шварценберга и занялъ Варшаву. Городскіе ключи поднесъ Милорадовичу тотъ старикъ, который 19 лѣтъ тому назадъ подносилъ ихъ Суворову. Занятіе Варшавы обезпечивало нашъ лѣвый флангъ и уничтожало главное гнѣздо доброжелателей Наполеона. Почти въ то же время графъ Сиверсъ взялъ кр. Пилау, отчего значительно облегчалась доставка въ главную армію продовольствія и боевыхъ снарядовъ. Итакъ, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ, Варшавское герцогство (исключая крѣпостей) и все пространство до Одера были очищены отъ Французовъ. Прежде чѣмъ Прусскій король заключилъ союзъ съ императоромъ Александромъ, прусскіе генералы Іоркъ и Бюловъ пристали къ русской арміи. Вскорѣ самъ король подписалъ оборонительный союзъ и все свое войско подчинилъ Кутузову. Австрія, тайно отъ Наполеона, приглашала Александра идти за Одеръ, Шведское правительство соглашалось сдѣлать высадку въ Германіи, Англія обѣщала свою помощь деньгами.

Витгенштейнъ перешелъ Одеръ и, по пятамъ Французовъ, подступилъ къ столицѣ Прусскаго королевства; вскорѣ Французы очистили Берлинъ и Русскіе торжественно вступили въ него, встрѣченные населеніемъ съ изъявленіемъ восторга, какъ защитники и спасители Пруссіи. Среди этихъ побѣдъ, Александръ отправился въ Бреславль, чтобы личнымъ свиданіемъ съ королемъ Прусскимъ тѣснѣе скрѣпить узы дружбы и согласиться о совокупномъ управленіи военными и политическими дѣйствіями. Король отвѣтилъ императору визитомъ въ Калишъ. Здѣсь его привѣтствовалъ самъ фельдмаршалъ, стоя передъ

строемъ солдатъ: онъ былъ уже боленъ и не могъ сѣсть на коня. Фридрихъ-Вильгельмъ пожаловалъ ему орденъ Чернаго Орла и дорогую табакерку

Передовые наши отряды заняли Гамбургъ, Любекъ, Бременъ, Верденъ и Люнебургъ: вездѣ жители встрѣчали нашихъ казаковъ съ колокольнымъ звономъ, изгоняли Французовъ, срывали французскіе орлы и присоединялись къ русской арміи.

Главная армія, составлявшая резервъ, послѣ шестинедѣльнаго отдыха, выступила изъ Калиша въ Дрезденъ и походъ ея, совершенный въ прекрасную, весеннюю погоду, походилъ на тріумфальное шествіе.—Въ городахъ, по которымъ проѣзжалъ императоръ, его встрѣчало духовенство съ крестами, дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ посыпали его путь цвѣтами, даже евреи выходили къ нему на встрѣчу съ разноцвѣтными значками. Армія переправилась черезъ Одеръ въ г. Штейнау, по мосту, украшенному гирляндами изъ цвѣтовъ; здѣсь ожидалъ императора Прусскій король и, въ его присутствіи, Александру поднесли лавровый вѣнокъ. «Вѣнокъ есть достояніе фельдмаршала»,—сказалъ императоръ и приказалъ его отдать Кутузову. Въ Бунцлау армія остановилась на три дня, потому что престарѣлый фельдмаршалъ, истомленный болѣзнію, увеличившеюся отъ простуды, слегъ въ постель. На четвертый день болѣзнь его до того усилилась, что онъ уже не могъ слѣдовать за арміей. «Я въ отчаяніи»,—писалъ онъ государю 10 апрѣля,—«что такъ долго хвораю, и чувствую, что ежедневно болѣе ослабѣваю; я никакъ не могу ѣхать, даже въ каретѣ. Между тѣмъ, надобно стараться сколь можно поспѣшнѣе сосредоточивать арміи за Эльбою». На смертномъ одрѣ Кутузовъ вручилъ императору послѣдніе свои трофеи: ключи отъ крѣп. Торна, взятой Барклаемъ-де-Толли. Оставляя фельдмаршала въ Бунцлау, Государь извѣщалъ его обо всемъ происходившемъ и часто черезъ князя Волконскаго спрашивалъ его мнѣнія. Фридрихъ-Вильгельмъ оставилъ при немъ своего знаменитаго доктора Гуфе-

ланда; но наука уже ничего не могла сдѣлать: 16 апрѣля 1813 г. Кутузовъ скончался, на 68 году отъ рожденія. «Болѣзненная не для однихъ васъ, но и для всего отечества потеря! — писалъ императоръ овдовѣвшей княгинѣ. — Не вы одна проливаете о немъ слезы: съ вами плачу Я, и плачетъ вся Россія...» На мѣсто Кутузова Государь назначилъ гр. Витгенштейна.

Между тѣмъ Наполеонъ собиралъ новыя полчища. Одно появленіе его въ Парижѣ вызвало во Франціи необыкновенный энтузіазмъ: отовсюду посылались адресы съ изъявленіемъ готовности жертвовать чѣмъ можно, и свое сочувствіе выражали ему не только французскіе города, но Римъ, Миланъ и Венеція, Брюссель и Антверпенъ, Майнцъ, Кельнъ и др. Кромѣ новыхъ конскриптовъ Наполеонъ вызвалъ войска изъ Испаніи и Италіи. По мѣрѣ того, какъ войска набирались, ихъ обучали и съ поспѣшностію отправляли въ походъ, присылая имъ ружья и другіе предметы обмундированія, когда они были уже на маршѣ къ Рейну. Черезъ два мѣсяца Наполеонъ уже поѣхалъ въ Ерфуртъ, сборный пунктъ его новой арміи, соединился съ вице-королемъ и двинулся въ Саксонію. Битва при Люценѣ, стоившая намъ очень дорого, заставила союзниковъ отступить за Эльбу и Эльстеръ. Наполеонъ вступилъ въ Дрезденъ, который еще такъ недавно былъ занятъ корпусами Винцингероде и Блюхера, и грозно потребовалъ къ себѣ саксонскаго короля.

Витгенштейнъ отступалъ къ Бауцену, какъ потому что отсюда шелъ путь къ Варшавскому герцогству, такъ и потому, что не желалъ удаляться отъ границъ Австріи. Въ арріергардѣ находился Милорадовичъ, который, на пути къ Бауцену, имѣлъ нѣсколько жаркихъ стычекъ съ корпусомъ Макдональда. За искусное и смѣлое прикрытіе арміи, государь возвелъ его въ графское достоинство. У Бауцена союзная армія остановилась и растянулась на 12 верстъ, по мѣстности, изрѣзанной и неудобной для быстрыхъ передвиженій. Гр. Витгенштейна стѣсняло присутствіе двухъ монарховъ; при этомъ, хотя онъ и

былъ назначенъ главнокомандующимъ волею императора, но чувствовалъ себя неловко передъ другими генералами, какъ Милорадовичъ, Барклай и Блюхеръ, бывшими старѣе его въ чинахъ: нерѣдко онъ долженъ былъ посылать имъ приказанія въ видѣ просьбъ, и нерѣдко императоръ разрѣшалъ имъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію или одобрялъ ихъ планы, которые они, помимо главнокомандующаго, посылали прямо въ его руки. Въ ночь съ 8 на 9 мая обѣ стороны приготовлялись къ битвѣ и сдѣлали диспозиціи. Союзные государи и Наполеонъ явились къ войскамъ на самомъ разсвѣтѣ и оставались при нихъ во все время боя, продолжавшагося съ пяти часовъ утра до самаго вечера. Союзныя войска были въ полтора раза малочисленнѣе силъ Наполеона, поэтому должны были отступить, но отступили въ примѣрномъ порядкѣ. Потери были чувствительны для обѣихъ сторонъ, но Русскіе не потеряли ни орудій, ни знаменъ, ни повозокъ. Союзникамъ необходимо было отступать медленно, избѣгая генеральныхъ сраженій, чтобы не ослаблять армію и не подвергать ее риску; необходимо было также дать время прибыть резервамъ, а Австріи — изготовиться къ войнѣ. Съ этой цѣлью союзные монархи даже вступили съ Наполеономъ въ переговоры о мирѣ. Въ это время гр. Витгенштейнъ, чувствовавшій всю неловкость своего положенія, особенно послѣ сраженія при Бауценѣ, попросилъ императора уволить его отъ должности главнокомандующаго и былъ смѣненъ Барклаемъ-де-Толли. Французы продолжали преслѣдовать союзную армію и безпрерывными стычками задерживали нашъ арріергардъ; но отступленіе союзниковъ вдоль Австрійской границы и прибытіе резервовъ ускорило перемиріе. Для союзныхъ войскъ это шестинедѣльное перемиріе было необходимо, потому что русская армія едва оправилась послѣ отечественной войны, а Пруссія и Австрія были не вполнѣ готовы для рѣшительныхъ дѣйствій; даже въ нашихъ войскахъ солдаты нуждались въ обуви, а боевыхъ снарядовъ, говорятъ, могло хва-

тить только на одно сраженіе. Но жители Пруссіи видѣли въ перемиріи начало мира съ Наполеономъ и негодовали на Русскихъ; нѣкоторые прусскіе офицеры выражали свое неудовольствіе такъ неосторожно, что король вынужденъ былъ на смотру сдѣлать имъ внушеніе.

Во время перемирія императоръ жилъ въ замкѣ Петерсвальде, въ прелестной долинѣ близъ Рейхенбаха и дѣятельно занимался устройствомъ войска, дѣлалъ ему смотры и т. д.

Переговоры о мирѣ и даже конгрессъ въ Прагѣ не привели ни къ чему, но дали намъ время собраться съ силами: въ концѣ іюля къ союзу пристала Австрія и, увеличивъ собою силы союзниковъ, дала имъ возможность дѣйствовать изъ Богеміи на сообщенія Наполеона съ Франціей. Изъ всѣхъ союзныхъ войскъ (Россіи, Австріи, Пруссіи и Швеціи) составлено было три большія арміи: 1) *Богемская* или главная подъ начальствомъ кн. Шварценберга, 2) *Силезская* подъ начальствомъ Блюхера и 3) *Сѣверная* подъ начальствомъ наслѣднаго шведскаго принца Бернадотта, всего болѣе 500,000 человѣкъ съ 1399 орудіями. Не смотря на то, что огромная часть этого числа состояла изъ русскихъ, Александръ ввѣрилъ начальство надъ арміями иноземнымъ полководцамъ. Этимъ онъ хотѣлъ сдѣлать любезность австрійскому императору и своему другу прусскому королю. *Князь Шварценбергъ* былъ человѣкъ очень образованный, благородный и, при всемъ своемъ педантизмѣ, отличался безкорыстіемъ и необычайною храбростію. Хотя нѣкоторые и говорили, что «солдаты считаютъ его хорошимъ дипломатомъ, а дипломаты хорошимъ солдатомъ», но, по отзывамъ другихъ, Шварценбергъ былъ скорѣе на этомъ мѣстѣ, чѣмъ какой-нибудь великій полководецъ. Недаромъ Блюхеръ говорилъ позже, что «въ лагерѣ Шварценберга было три государя и онъ все таки билъ непріятелей». Императоръ Александръ до конца своей жизни сохранялъ къ нему особое расположеніе и говаривалъ про него: «Le maréchal Schwarzenberg á été l'hom-

7

me de la coalition». Другой главнокомандующій, *Блюхеръ* былъ старецъ 72 лѣтъ, не получившій научнаго образованія, но отличавшійся здравымъ смысломъ, находчивостію, невообразимой предпріимчивостію и отвагой юноши. Воинственный видъ, выразительная физіономія, привѣтливость и даже шутливость сдѣлали его скоро общимъ любимцемъ всѣхъ служившихъ подъ его начальствомъ. За то не такъ удачно было назначеніе *Бернадотта.* Мечтая о престолѣ Франціи по низложеніи Наполеона, онъ мало заботился о пользѣ союзниковъ, и командуя 150 тысячной арміей, въ которой было лишь 24 тысячи Шведовъ, щадилъ Французовъ и хлопоталъ только о томъ, чтобы по возможности менѣе наносить вреда Французамъ. Сами Французы говорили, что наслѣдный принцъ сражается съ ними только для вида.

Прежде чѣмъ главная армія двинулась изъ Богеміи въ Саксонію, Силезская армія открыла свои дѣйствія, и на первый разъ неудачно. Она состояла преимущественно изъ русскихъ войскъ, которыя не знали Блюхера и не могли много довѣрять ему, какъ нѣмцу; даже нѣкоторые генералы не были довольны назначеніемъ Блюхера; напримѣръ храбрый и заслуженный Ланжеронъ въ подчиненіи Блюхеру видѣлъ для себя обиду, а прусскій генералъ Іоркъ считалъ главнокомандующаго человѣкомъ ничтожнымъ и не стѣснялся открыто заявлять объ этомъ. Неудивительно, что армія не выдержала натиска Французовъ, перешедшихъ съ Наполеономъ черезъ Боберъ, и отступила. Между тѣмъ главная армія, имѣя намѣреніе отвлечь Наполеона отъ Блюхера и Бернадотта и пресѣчь ему путь къ отступленію за Эльбу, направилась въ Саксонію. Такъ какъ въ Дрезденѣ находился только незначительный корпусъ Сенъ-Сира, то императоръ рѣшилъ на военномъ совѣтѣ взять городъ приступомъ. Но австрійскія войска съ обычною медлительностію подвигались къ столицѣ Саксоніи не по шоссе или по прямой дорогѣ, а по кратчайшей, по неудобной дорогѣ, черезъ горы;

затѣмъ Шварценбергъ отложилъ аттаку и тѣмъ далъ Наполеону время прибыть въ Дрезденъ и укрѣпиться. Утромъ 14 августа 120 тысячное войско союзниковъ пошло въ аттаку на городскія укрѣпленія съ необыкновенной стремительностію; нѣкоторые полки проникли въ садъ и за укрѣпленія, но были отражены съ большимъ урономъ. Ночью, къ Наполеону прибыло войско изъ Силезіи, такъ что у него стало до 100 тысячъ человѣкъ, не считая корпуса Вандома, который былъ отправленъ къ Кенигштейну въ обходъ союзникамъ. Утромъ на другой день не смотря на сильный дождь, аттака повторилась съ прежнимъ ожесточеніемъ и такъ же неудачно. Въ оба дня союзники потеряли множество знаменъ, пушекъ и болѣе 25 тысячъ убитыми, ранеными и плѣнными. Императоръ Александръ и прусскій король желали поправить дѣло новой аттакой; но Шварценбергъ, ссылаясь на недостатокъ продовольствія и боевыхъ снарядовъ, настаивалъ на необходимости отступить въ Богемію. Армія стала отступать по тѣснымъ, горнымъ дорогамъ и, преслѣдуемая Французами, теряла на каждомъ шагу пушки и обозы; однихъ раненыхъ и плѣнныхъ оказалось нѣсколько тысячъ. Войско отступало въ унынiи, и только одинъ Александръ оставался твердымъ; однако, проѣзжая въ Рейхштетъ съ княземъ Волконскимъ, подъ дождемъ, среди обозовъ и раненыхъ, онъ выразилъ ему свое сожалѣніе, что не принялъ на себя начальство надъ главной арміей. Замѣчательно, что съ этихъ поръ императоръ сталъ непосредственно распоряжаться военными дѣйствіями, и дѣло приняло другой оборотъ.

Графъ Остерманъ съ гвардейскими полками загородилъ Вандому дорогу къ Теплицу, утвердился за Кульмомъ и удерживался здѣсь съ необыкновенною стойкостію до тѣхъ поръ, пока императоръ не прислалъ ему на другой день подкрѣпленія. Барклай-де-Толли на зарѣ высмотрѣлъ расположеніе Вандома передъ Кульмомъ и рѣшился обойти его лѣвый флангъ,

опрокинуть его на центръ и прижать къ горамъ; въ то же время прусскій генералъ Клейстъ долженъ былъ обойти горы и ударить на Французовъ съ тыла. Планъ былъ превосходно выполненъ и къ часу дня (18 августа) 30 тысячный корпусъ Вандома былъ разбитъ на голову: нестройныя толпы непріятеля разсыпались по лѣсу, ущельямъ и горамъ; на каждомъ шагу русскіе брали пушки, обозы и массы плѣнныхъ, которыхъ проводили въ колоннахъ мимо монарховъ; наконецъ казаки привели къ нимъ самаго маршала. Едва увели Вандома, какъ прискакалъ нарочный отъ Блюхера съ извѣстіемъ, что Макдональдъ разбитъ при Кацбахѣ [1]). Императоръ объявилъ эту радостную вѣсть войскамъ, и неумолкаемое *ура* потрясло воздухъ. Битва при Кульмѣ имѣла важное слѣдствіе и для насъ, и для Наполеона. Она была какъ бы предѣломъ его военной славы; съ другой стороны союзныя войска ожили духомъ и болѣе скрѣпились въ братской дружбѣ. Такъ какъ эта побѣда была вполнѣ дѣломъ Александра, то онъ особенно торжествовалъ ее и до конца жизни вспоминалъ о ней съ необыкновеннымъ удовольствіемъ. Барклаю-де-Толли былъ пожалованъ Георгій первой степени, князю Шварценбергу—Андрей Первозванный; всѣмъ солдатамъ роздано по два рубля на брата; незабыты были гр. Остерманъ, Ермоловъ и др.; всѣ гвардейскіе полки получили или георгіевскія знамена, или георгіевскія трубы.

Скоро въ главную квартиру пришло извѣстіе и объ успѣхахъ сѣверной арміи. Бернадоттъ, ограничивавшійся до сихъ поръ оборонительнымъ положеніемъ, рѣшился наконецъ выступить противъ Удино, и 11 августа разбилъ его при Гроссъ Беерепѣ [2]); это придало арміи самоувѣренность и облегчило ей всѣ слѣдующія побѣды. Взятые здѣсь въ плѣнъ Саксонцы

---

[1]) Кацбахъ впадаетъ съ лѣвой стороны въ Одеръ. Дѣло происходило въ треугольникѣ между Лигницемъ, Гольдбергомъ и Яуеромъ.

[2]) Недалеко отъ Берлина, по дорогѣ на югозападъ.

поступили въ ряды сѣверной арміи. Черезъ недѣлю Бернадоттъ разбилъ маршала Нея при Денневицѣ [1]).

Такимъ образомъ, въ короткое время Наполеонъ лишился нѣсколькихъ тысячъ войска и до 250 орудій. Армія его, сформированная на скорую руку, таяла не только отъ пораженій, но и отъ усиленныхъ переходовъ, побѣговъ и болѣзней; между тѣмъ союзныя войска, ободренныя успѣхами, сдвигались все ближе, стѣсняли свой полукругъ и ожидали только прибытія Беннигсена, чтобы продолжать свое наступленіе. Къ концу сентября прибыла въ Теплицъ польская армія [2]) Беннигсена и расположилась у Кульма: она должна была прикрывать сообщенія главной арміи, выступившей въ Саксонію. Блюхеръ и Бернадоттъ уже перешли Эльбу и, оттѣснивъ Нея, успѣли придти въ связь другъ съ другомъ. Французы, разстроенные неудачами, упали духомъ и на походѣ отставали цѣлыми толпами: наши летучіе отряды каждый день приводили сотни плѣнныхъ. Наполеонъ сначала не зналъ о соединеніи армій и хотѣлъ ударить сперва на силезскую армію, потомъ на Бернадотта, разсчитывая, что главная армія пойдетъ впередъ медленно и не будетъ въ состояніи помѣшать ему. Но, на пути къ Виттенбергу, онъ получилъ два непріятныхъ извѣстія: что главная армія начала тѣснить Мюрата и что нѣсколько рейнскихъ полковъ отложилось отъ него. Тогда съ поспѣшностію онъ сосредоточилъ свои силы у Лейпцига. Союзники также подходили сюда, даже Беннигсенъ получилъ приказаніе съ большею частію арміи явиться къ Лейпцигу. Но въ главной квартирѣ Шварценберга рѣшили аттаковать Наполеона, не дожидаясь Беннигсена и Сѣверной арміи.

Лейпцигъ расположенъ въ изгибѣ р. Плейссы, на огромной долинѣ, перерѣзанной множествомъ рѣчекъ и каналовъ; восточнѣе города въ Плейссу впадаетъ р. Парта; такимъ обра-

---

[1]) Еще югозападнѣе, на дорогѣ между Виттенбергомъ и Ютербокомъ.

[2]) Она формировалась въ Польшѣ, отчего и наз. «польскою».

зомъ, рр.: Эльстеръ, Плейсса и Парта раздѣляютъ окрестности города на три части. Наполеонъ расположилъ 170-ти-тысячную армію передъ городомъ большимъ полукругомъ въ три линіи, примкнувъ фланги къ рр. Плейссѣ и Партѣ: такая диспозиція, думалъ онъ, не дозволитъ союзникамъ обойдти его фланги. Главная армія также была построена въ три линіи, паралельно непріятелю. По плану Шварценберга, Русскіе должны были аттаковать непріятеля и тѣснить его къ Лейпцигу, а Австрійцы въ это время должны перейдти черезъ Плейссу у праваго непріятельскаго фланга и дѣйствовать ему въ тылъ. Утромъ 4 октября, армія, въ глубокой тишинѣ, начала строиться въ боевой порядокъ. Пріѣхалъ императоръ и шагомъ поѣхалъ къ первой линіи. Вдругъ Французы сдѣлали первый выстрѣлъ. «Французы привѣтствуютъ прибытіе Вашего Величества», сказалъ Милорадовичъ. Тотчасъ же русскія и прусскія войска пошли въ аттаку и успѣли занять двѣ непріятельскія позиціи. Выждавъ развитіе нашей аттаки, Наполеонъ быстро выдвинулъ 100 орудій на ближайшія возвышенности въ тылу этихъ позицій и въ одну минуту подбилъ 19 нашихъ орудій; затѣмъ послалъ на нихъ нѣсколько колоннъ, которыя вытѣснили побѣдителей съ занятыхъ ими позицій. Австрійцы между тѣмъ не могли перейдти Плейссу, потому что мосты были сломаны, а на другомъ берегу стояли французскія орудія и массы стрѣлковъ. Прошло три часа; битва продолжалась съ ожесточеніемъ на всѣхъ пунктахъ; но Русскіе не могли выиграть ни одного шага. Блюхеръ еще не успѣлъ подойдти, и Наполеонъ, ослабивъ свои силы на сѣверозападѣ, двинулъ войска на нашъ центръ. Корпусъ за корпусомъ отступалъ въ разстройствѣ, не выдерживая стремительнаго напора Удино, Виктора и Латуръ Мобура. Ядра долетали уже до возвышенности Госсы, съ которой императоръ Александръ наблюдалъ за ходомъ битвы. Онъ видѣлъ, какъ наши пушки умолкали одна за другою и переходили въ руки непріятеля и какъ разстроенные полки отступали въ его сто-

рону. Напрасно, генералы считавшіе сраженіе проиграннымъ, умоляли его удалиться отъ такого опаснаго мѣста. Императоръ оставался спокойнымъ зрителемъ совершавшагося и одинъ, среди всеобщаго отчаянія, не потерялъ присутствія духа и не считалъ дѣла окончательно проиграннымъ. Дѣйствительно, гренадерскій корпусъ подъ начальствомъ Раевскаго стоялъ непоколебимо, «какъ скала среди разъяреннаго моря» и не отступалъ подъ давленіемъ грозныхъ силъ Французовъ. Императоръ тотчасъ-же отправилъ гр. Орлова-Денисова къ Барклаю-де-Толли съ приказаніемъ, чтобы тотъ немедленно выдвинулъ тяжелую кавалерію, а, до ея прибытія, послалъ впередъ артиллерійскую роту; лейбъ-казакамъ, составлявшимъ постоянный конвой императора, приказано было прикрывать орудія. Пока прискакали наши орудія и утвердились на возвышенности Госсы, Денисовъ съ лейбъ казаками бросился въ отчаянную аттаку на непріятеля и, смѣло опрокинувъ Французовъ, на время остановилъ наступленіе. Страшный огонь подоспѣвшихъ орудій и появленіе гвардейскихъ резервовъ уравновѣсили силы нашего центра. Наполеонъ долженъ былъ отойдти съ занятыхъ позицій и даже оставить на мѣстѣ 30 нашихъ пушекъ. Въ самый разгаръ сраженія появился Блюхеръ, разбилъ Мармона на сѣверѣ отъ Лейпцига и заставилъ его въ безпорядкѣ отступить за Парту. Вечеромъ канонада стихла и войска обѣихъ сторонъ остались ночевать на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли днемъ. Въ этотъ день союзники потеряли много людей, но за то выиграли время: къ нимъ подошли Блюхеръ, Бернадоттъ и Беннигсенъ. Весь слѣдующій день шелъ дождь и обѣ стороны приготовлялись къ битвѣ. Императоръ прибылъ на поле рано и все время самъ дѣлалъ приготовленія къ слѣдующему дню, соображая дѣйствія главной арміи съ дѣйствіями сѣверной и силезской арміи. Наполеонъ также объѣзжалъ свои позиціи и ночью стянулъ войска ближе къ городу. 6 октября, въ 7 часовъ утра, когда не успѣлъ еще разсѣяться туманъ, раздался первый выстрѣлъ изъ глав-

ной арміи. Скоро появилось солнце и небо было ясно. Битва началась счастливо для союзниковъ: ихъ фланги и центръ оттѣснили авангарды Французовъ, но черезъ нѣкоторое время Французы отразили союзниковъ. Затѣмъ появленіе сѣверной арміи и переходъ графа Ланжерона черезъ Парту дали снова перевѣсъ союзникамъ. Въ самый разгаръ битвы нѣсколько полковъ виртембергскихъ и саксонскихъ перешли на нашу сторону. Тогда Наполеонъ сталъ напрягать всѣ свои силы и даже самъ водилъ въ бой старую гвардію, но помочь дѣлу уже не могъ.

Къ вечеру нѣсколько селеній было въ нашихъ рукахъ и, когда ночь прекратила битву, Наполеонъ началъ отступать за Эльстеръ. Макдональду и Понятовскому поручено было всѣми мѣрами замедлять наступленіе союзниковъ. Утромъ 7 октября, съ трехъ сторонъ потянулись союзныя войска къ Лейпцигу густыми колоннами, и черезъ часъ вогнали Французовъ въ предмѣстія. Непріятель засѣлъ въ садахъ, домахъ, на крышахъ и оттуда встрѣтилъ наши полки залпами. Но по мѣрѣ того, какъ постепенная переправа французской арміи ослабляла ея линію, союзники съ возростающею бодростію приближались къ городу; они овладѣли уже предмѣстіями и восточною частью бульвара. Баденскіе полки уступили имъ ворота св. Петра и такимъ образомъ открыли городъ. На улицахъ Французы оказывали слабое сопротивленіе, и къ 12 часамъ въ городѣ не оставалось ни одного непріятеля.

Не успѣли еще всѣ Французы перейдти черезъ Эльстеръ, какъ у моста появились русскіе стрѣлки и начали стрѣлять въ отступавшаго непріятеля. Французскій унтеръ-офицеръ, приставленный къ минѣ моста, подумалъ, что вся армія уже на томъ берегу и поджегъ мину. Съ оглушительнымъ взрывомъ мостъ взлетѣлъ на воздухъ, и непріятель очутился между союзными войсками и рѣкою. Храбрѣйшіе съ Макдональдомъ и Понятовскимъ бросились въ воду. Первому удалось спастись, Понятовскій же утонулъ пораженный двумя пулями въ то вре-

мя, когда лошадь несла его по водѣ. 15 тысячъ Французовъ положили оружіе. «Тотъ ли это Бонапартъ—говорилъ послѣ Лейпцигской битвы Бернадотъ—который присвоилъ себѣ славу всѣхъ французскихъ генераловъ, могъ избрать позицію для генеральнаго сраженія, оставивъ позади себя двѣ рѣки, эту опасную дефилею, гдѣ для отступленія всей арміи его оставалась только длинная и тѣсная плотина [1]).

По трупамъ раненыхъ и убитыхъ, между брошенными обозами и орудіями въѣзжали въ городъ императоръ Александръ и король прусскій. Населеніе встрѣтило ихъ съ восторгомъ: изъ всѣхъ оконъ махали побѣдителямъ платками, и многіе отъ радости плакали. Когда Александръ остановился на площади, окруженный королемъ прусскимъ, Константиномъ Павловичемъ, Бернадотомъ, Беннигсеномъ, Шварценбергомъ, Барклаемъ-де-Толли и другими генералами, къ нему стали подводить важнѣйшихъ изъ плѣнныхъ и между прочими казаки привели Лористона. Еще недавно онъ представлялъ въ Петербургѣ гордаго и побѣдоноснаго Наполеона; теперь же предсталъ передъ императоромъ блѣдный, съ поникшей головой и въ изодранномъ синемъ сюртукѣ. Александръ обошелся съ нимъ милостиво и приказалъ удовлетворить всѣ его желанія Къ довершенію торжества союзныхъ монарховъ, по улицамъ города стояли въ полномъ вооруженіи полки рейнскаго союза, которыхъ уже давно всѣ привыкли видѣть въ рядахъ Наполеона.

Александръ расположился въ домѣ однаго доктора и весь день принималъ генераловъ и офицеровъ союзныхъ армій. Саксонскаго короля онъ не пожелалъ видѣть. Почти всю ночь государь не ложился спать и занимался дѣлами военными и дипломатическими; тогда же онъ написалъ поздравительное письмо къ своей матери Маріи Ѳеодоровнѣ и распредѣлилъ всѣ награды. Князь Шварценбергъ и Блюхеръ пожалованы были Георгіемъ 1-й степени; великій князь Константинъ Павловичъ,

---

[1]) См. любопытныя записки *ген. Отрощенко* въ «Русск. Вѣстн.» 1877 года.

Клейстъ и принцъ Евгеній Виртембергскій Георгіемъ 2-й степени, Беннигсенъ и Барклай-де-Толли были возведены въ графское достоинство.

Наполеонъ быстро отступалъ, перешелъ черезъ Заалу, Унштрутъ, вездѣ уничтожая за собою мосты. Въ Ерфуртѣ онъ остановился въ томъ домѣ, гдѣ недавно счастливый и гордый принималъ Александра. Теперь передъ его глазами проходили голодные, оборванные и изнуренные полки, съ ссорой и дракой бросавшіеся на съѣстные припасы. Изъ Ерфурта онъ поспѣшилъ къ Ганау (на Майнѣ) черезъ Готу и Эйзенахъ. Союзныя войска шли за нимъ въ двухъ колоннахъ. Такъ какъ они проходили черезъ Тюрингенскій лѣсъ, по глубокому снѣгу или по грязи и часто останавливались на пути крутизною утесовъ, то маршъ ихъ значительно замедлялся; за то Платовъ и Орловъ-Денисовъ съ своимъ летучимъ отрядомъ безпокоили Наполеона, а Чернышевъ и Иловайскій, попавши въ середину между его арміей и авангардомъ, уничтожали запасы, мосты и безпрестанно устраивали засѣки и засады. Въ это время отпала отъ Наполеона Баварія и баварско-австрійскія войска подъ начальствомъ Вреде загородили ему у Ганау дорогу къ Рейну. Но Вреде выбралъ дурную позицію, имѣя въ тылу р. Кинцигъ, притомъ сдѣлалъ нѣсколько другихъ ошибокъ. Наполеонъ атаковалъ его центръ и правое крыло, въ то же время его кавалерія смяла лѣвое крыло баварцевъ и частію опрокинула его въ рѣку; половина этаго крыла съ Вреде достигла Ганау, только благодаря казакамъ Чернышева. Такимъ образомъ, Наполеонъ пробилъ себѣ дорогу во Францію и черезъ два дня уже перешелъ Рейнъ.

Союзныя войска, узнавъ о дѣлѣ при Ганау, спѣшили къ Рейну усиленными маршами, но прибыли туда уже поздно.

Между тѣмъ Сенъ-Сиръ принужденъ былъ сдать русско-австрійскимъ войскамъ Дрезденъ и генералъ-губернаторъ Саксоніи переѣхалъ туда изъ Лейпцига со всей канцеляріей. Отъ

Наполеона отложились: король Виртембергскій и великіе герцоги Баденскій и Дармштадтскій; затѣмъ союзные монархи водворили въ своихъ владѣніяхъ: курфирстовъ Ганноверскаго и Гесенъ-Кассельскаго, герцоговъ Ольденбургскаго и Брауншвейгскаго. Изъ крѣпостей, находившихся во власти Наполеона, сдались: Модлинъ, Замостье, Штетинъ, Торгау, Виттенбергъ и Данцигъ, причемъ взято было 2247 орудій и болѣе 40 тысячъ плѣнныхъ.

Ключи этихъ крѣпостей, вмѣстѣ съ другими трофеями французской войны, украшаютъ стѣны нашего Казанскаго собора. Шведскій принцъ Бернадоттъ вторгнулся въ Шлезвигъ и затѣмъ освободилъ отъ Французовъ всю Голландію. Къ довершенію всего, зять Наполеона Мюратъ, король Неаполитанскій, отложился отъ него и даже объявилъ ему войну. У Наполеона уже не осталось болѣе союзниковъ.

Въ октябрѣ 1813 года подписанъ былъ въ Гюлистанѣ миръ съ Персіей. Послѣ графа Гудовича главнокомандующимъ Кавказа и Грузіи назначенъ былъ генералъ *Тормасовъ.* Еще до него Англичане начали возбуждать противъ насъ Персіянъ, теперь же посылали въ Тегеранъ пушки, ружья и даже офицеровъ для обученія ихъ войска, вообще не щадили ни золота, ни обѣщаній, чтобы вооружить шаха. Подъ ихъ вліяніемъ, въ августѣ 1810 года, Баба-ханъ заключилъ союзъ съ Турками и выслалъ на нашу границу своего сына съ 12 тысячнымъ корпусомъ. Въ это же время измѣнилъ Соломонъ Имеретинскій, и вся Имеретія пришла въ движеніе.

Тормасовъ располагалъ немногочисленными силами, потому могъ двинуть противъ Персіянъ и Имеретинцевъ только небольшіе отряды. Не смотря на то, успѣхъ сопровождалъ почти всѣ распоряженія главнокомандующаго. Полковнику Симоновичу удалось разбить мятежниковъ, плѣнить Соломона и привести Имеретинцевъ къ присягѣ. Вскорѣ взято было Поти,

и русскіе утвердились въ древней Колхидѣ. Въ слѣдующемъ году заняты были Сухумъ-Кале и крѣпость Мигри. Полковникъ Котляревскій отстоялъ крѣпость отъ бѣшенаго нападенія 10 тысячъ Персіянъ съ самимъ Абазъ-Мирзою, а генералъ-маіоръ Паулуччи уничтожилъ огромный отрядъ Персіянъ у Алхалкалаки и захватилъ весь ихъ лагерь съ несмѣтной добычей. Не смотря однако же на эти удачи, положеніе нашей арміи въ Закавказьи, растянутой на огромномъ пространствѣ, среди коварныхъ азіятовъ, было опасное: во многихъ пунктахъ уже готово было вспыхнуть возстаніе. Тормасовъ обратился къ государю съ просьбою прислать ему въ Закавказье хоть одну дивизію; но въ это время собирались наши войска на западной границѣ, и государь не только не могъ прислать Тормасову подкрѣпленій, но даже его самаго отозвалъ съ Кавказа. На мѣсто его императоръ назначилъ *маркиза Паулуччи*. Хитрый итальянецъ доносилъ ему, что 18 тысячъ въ Закавказьи совершенно достаточно не только для удержанія въ краѣ спокойствія, но даже для борьбы съ Турками и Персіянами. Желая взять Ахалкалаки, онъ послалъ Котляревскаго только съ 2 баталіонами и сотней казаковъ. Отрядъ шелъ до крѣпости три дня, зимою, по горнымъ тропинкамъ, страдая отъ сильныхъ морозовъ и горныхъ мятелей. Ночью, отрядъ подошелъ къ крѣпости незамѣтно. Турки всполошились и начали стрѣлять только тогда, когда солдаты переходили скалистый оврагъ у крѣпостныхъ стѣнъ. Не обращая вниманія на сильный огонь, солдаты приставили лѣстницы и, перекрестившись, полѣзли на стѣны. Черезъ $1^1/_2$ часа крѣпость была въ рукахъ горсти храбрецовъ. Котляревскій за это дѣло былъ произведенъ въ генералъ-маіоры. Взятіе Ахалкалаки было единственнымъ серіознымъ дѣломъ Паулуччи на Кавказѣ, потому что вскорѣ онъ былъ отозванъ на западную границу.

Мѣсто его занялъ генералъ-лейтенантъ *Ртищевъ*, человѣкъ уже довольно старый и не способный къ той кипучей

дѣятельности, которая требовалась отъ главнокомандующаго на Кавказѣ. Хотя турки и заключили въ 1812 году миръ съ нами, но шахъ оставался непреклоннымъ и готовился сдѣлать новое вторженіе въ Грузію. Горцы, жившіе около Военно-грузинской дороги, возстали, и въ самыхъ окрестностяхъ Тифлиса появились джигитовавшіе лезгины. Положеніе отрядовъ, отрѣзанныхъ отъ Кавказа, сдѣлалось чрезвычайно опаснымъ: но пока Ртищевъ распоряжался въ Тифлисѣ, Котляревскій находчивостію и необыкновенною смѣлостію спасъ Карабагъ, и затѣмъ, вопреки приказанію главнокомандующаго, перешелъ Араксъ и нанесъ Персіянамъ страшное пораженіе. Владѣтель Карабага Мехти-Кули-ханъ, готовясь перейдти на сторону Персіянъ, сталъ притѣснять преданныхъ Россіи бековъ и даже не пріѣхалъ проводить по восточному обычаю главнокомандующаго. Котляревскій только съ однимъ казакомъ прискакалъ на ханскій дворъ, гдѣ засталъ хана курящаго съ важностію кальянъ, среди большой вооруженной свиты приближенныхъ. «Асажагамъ» (я повѣшу тебя) закричалъ онъ на хана; затѣмъ соскочилъ съ коня и, размахивая нагайкой, продолжалъ осыпать хана угрозами. Смѣлость молодаго генерала поразила хана и тотъ робко спросилъ Котляревскаго: «Чѣмъ заслужилъ онъ гнѣвъ его?»

«Какъ чѣмъ?—закричалъ Котляревскій.—А развѣ ты не во что не ставишь русскаго сердаря, не удостоивъ пріѣхать къ нему и проводить его какъ слѣдовало? А развѣ ты не притѣсняешь преданныхъ намъ бековъ?» Ханъ совсѣмъ растерялся и началъ униженно извиняться передъ страшнымъ генераломъ и при этомъ не только приказалъ отправить къ главнокомандующему нѣсколько муловъ съ провизіей и подарками, но самъ поскакалъ догонять его и простился съ нимъ по всѣмъ правиламъ восточнаго этикета. Въ октябрѣ мѣсяцѣ Котляревскій съ отрядомъ въ 2000 человѣкъ перешелъ Араксъ, неожиданно напалъ на огромныя полчища Абасса-мирзы и въ

двухъ битвахъ нанесъ имъ страшное пораженіе: Абассъ-мирза едва спасся бѣгствомъ, и весь лагерь Персіянъ съ богатой добычей достался въ руки смѣльчаковъ. Черезъ два мѣсяца Котляревскій пошелъ къ Ленкорану. Идя то безводной Муганской степью, то топкими болотами, онъ разбивалъ на пути отдѣльные отряды непріятеля, и къ концу декабря дошелъ до крѣпости. Послѣ бомбардированія, Котляревскій потребовалъ у хана сдачи и, когда послѣдній отказался, рѣшилъ взять крѣпость штурмомъ. Ленкоранъ стоялъ среди болотъ, былъ обнесенъ высокою стѣною съ глубокимъ рвомъ и заключалъ въ своихъ стѣнахъ 4 тысячный гарнизонъ. Въ ночь на 1 января, еще до разсвѣта, Котляревскій построилъ свой отрядъ въ три колонны и двинулъ его къ крѣпостнымъ стѣнамъ. Подъ сильнымъ огнемъ Персіянъ, солдаты спустились въ ровъ и стали приставлять лѣстницы: самъ Котляревскій бросился въ ровъ ободрять солдатъ. Стѣны были покрыты деревянными рѣшетками, которые теперь были зажжены Персіянами и представляли массу пламени; кругомъ Котляревскаго падали люди, онъ самъ былъ раненъ въ ногу, но, зажавъ рану рукой, закричалъ солдатамъ: «сюда!» Гренадеры бросились впередъ, но новая пуля поразила Котляревскаго въ челюсть; обливаясь кровью, герой упалъ въ ровъ и считалъ дѣло проиграннымъ; но въ эту минуту съ крѣпостныхъ стѣнъ раздалось громкое *ура*, которое дружно подхватилъ весь отрядъ; за первой колонной влѣзли на стѣны остальныя и, послѣ непродолжительной рѣзни въ городѣ, Ленкоранъ былъ взятъ. Убитыхъ непріятелей было такъ много, что «рѣчка Ленкоранъ —какъ доносилъ Котляревскій—сдѣлалась кровавою».

По представленію Ртищева, за битву съ Персіянами за Араксомъ Котляревскій получилъ чинъ генералъ-лейтенанта и Георгія 3-й степени, за взятіе Ленкорана—Георгія 2-й степени и 2000 червонцевъ. Но изувѣченнаго и страдающаго героя не могли теперь утѣшить внѣшнія награды; гораздо по-

лезнѣе для него было дозволеніе государя взять у казны заимообразно извѣстную сумму денегъ. Онъ купилъ себѣ маленькое имѣньице, въ которомъ поселился на отдыхъ и даже пріютилъ у себя одного изувѣченнаго товарища.

Успѣхи русскихъ и усмиреніе возставшихъ горцевъ подѣйствовали на Персіянъ. Шахъ сдѣлался уступчивѣе, сговорчивѣе и, не возбуждаемый Англичанами, началъ переговоры о мирѣ. Наконецъ 12 октября 1813 года подписанъ былъ миръ. Гюлистанскій трактатъ признавалъ за Россіей всѣ земли на Кавказѣ и въ Закавказьи, уже находившіяся въ нашихъ рукахъ, какъ напримѣръ: ханства Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышинское; притомъ весь Дагестанъ, Грузію съ Шурагельской провинціей, Имеретію, Гурію, Мингрелію и Абхазію. Каспійское море объявлялось свободнымъ: русскія и персидскія купескія суда могли безпрепятственно плавать и приставать къ берегамъ; что же касается до военныхъ судовъ, то, по мирному трактату, ни одна держава, кромѣ Россіи не имѣла права держать на Каспійскомъ морѣ военный флотъ. Такимъ образомъ, миръ съ Персіянами не только обезпечилъ наши завоеванія на Кавказѣ и въ Закавказьи, но и успокоилъ край, нуждавшійся въ продолжительномъ отдыхѣ.

ГЛАВА XVI.

Переходъ союзниковъ черезъ Рейнъ.— Битва у Бріення. — Дѣло при Шампоберѣ.—Успѣхи Наполеона и отступленіе союзныхъ армій.—Битвы у Краона и у Лаона. — Пораженіе Мармона. — Дѣло у Арсисъ. — Послѣдній маневръ Наполеона.—Битва у Ферь-Шампенуаза.—Битва у Парижа.—Капитуляція Парижа и вступленіе въ него союзниковъ.—Временное правительство; отреченіе Наполеона.—Торжество императора Александра.—Пріѣздъ короля Людовика —Первый Парижскій миръ.—Отъѣздъ изъ Парижа императора Александра.—Пріѣздъ его въ Россію.

У Рейна союзныя войска остановились и пробыли на кантонир. квартирахъ до конца ноября.

Наполеонъ пріѣхалъ въ Парижъ въ концѣ октября. Получивъ разрѣшеніе сената сдѣлать 300 тысячный рекрутскій наборъ, онъ сталъ съ необыкновенною поспѣшностію приготовляться къ новой компаніи. Къ январю 1814 года у него было до 120 тысячъ войска, не считая отдѣльныхъ корпусовъ вице-короля, Сульта, Ожеро и гарнизоновъ разныхъ крѣпостей,—число незначительное въ сравненіи съ силами союзниковъ; но Наполеонъ былъ у себя дома, народъ охотно доставлялъ ему оружіе, снаряды, съѣстные запасы и подводы, и тысячи ловкихъ лазутчиковъ увѣдомляли его о каждомъ шагѣ непріятеля. Союзныя войска напротивъ двигались медленно, отъ путаницы въ приказаніяхъ и отъ переписки начальства, солдаты нуждались въ пищѣ и обуви, а больные и отсталые не только не находили пріюта, но избивались французскими крестьянами.

Англія, Швеція и Австрія походомъ къ Рейну считали дѣло уже поконченнымъ, и Александру пришлось употребить большія старанія, чтобы убѣдить ихъ дѣйствовать рѣшительнѣе, быстрѣе и продолжать походъ до самаго Парижа. На это ушло два мѣсяца, и только въ декабрѣ и началѣ января 1814 г. обѣ арміи, силезская и главная, переправились черезъ Рейнъ. Сѣверная армія, удерживаемая переговорами съ датчанами, поздно прибыла во Францію и не принимала участія въ походѣ 1814 года.

Мѣсто для переправы союзныхъ войскъ, а также планъ военныхъ дѣйствій были указаны самимъ Александромъ еще въ октябрѣ мѣсяцѣ. Въ самый новый годъ императоръ лично перевелъ черезъ Рейнъ гвардію у Базеля и уже 5 января ночевалъ въ Монбельярѣ, гдѣ родилась и провела первые годы дѣтства его августѣйшая мать Марія Θеодоровна. Всѣ дни погода стояла дурная и неровная: снѣгъ смѣнялся дождемъ, морозы оттепелью; дороги страшно испортились; но государь спѣшилъ далѣе и почти всю дорогу ѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи небольшой свиты и одѣтый лучше всѣхъ. 10 января главная квартира остановилась въ Лангрѣ. Силезская армія тѣмъ временемъ переправилась черезъ Рейнъ у Кобленца, отбросила Мармона за Сару, затѣмъ вошла въ сообщеніе съ главною арміей и прибыла къ Бріенню. Такимъ образомъ къ половинѣ января союзники перешли Юру, Вогезскія горы и прислонились лѣвымъ крыломъ къ Ліону, а правымъ къ Бріенню. Австрійцы двигались по Италіи; Англичане перешли Пиренейскія горы и съ Веллингтономъ появились въ южной Франціи; Бернадоттъ былъ въ Бельгіи. Положеніе Наполеона сдѣлалось отчаяннымъ и только несогласіе союзниковъ спасло его. Нѣкоторые кабинеты снова заговорили о мирѣ, и союзники должны были потерять еще 3 недѣли. Между тѣмъ Наполеонъ рѣшился разобщить главную и силезскую арміи, затѣмъ ударить на послѣднюю и разбить ее по частямъ. 17 января онъ напалъ на

Блюхера у Бріенія, гдѣ находились только русскія войска, подъ начальствомъ ген. Сакена. Послѣ жаркаго дѣла, Французы были отбиты и потеряли 8 орудій; но такъ какъ Сакенъ отступилъ, то Наполеонъ объявилъ себя побѣдителемъ. Для союзниковъ отступленіе Сакена было полезно, потому что 19 января всѣ силы ихъ были уже соединены и наступленіе сдѣлалось возможнымъ. Начальство надъ сто-тысячной арміей поручено было Блюхеру. Утро 20 января было пасмурное, дулъ холодный вѣтеръ и даже шелъ снѣгъ. Но вскорѣ небо прояснилось и союзники увидѣли передъ Бріенномъ стройныя массы непріятелей. Союзная армія пошла въ аттаку съ музыкой и развернутыми знаменами; русскіе полки—съ пѣснями, притомъ въ такомъ порядкѣ и съ такою стройностію, какъ на маневрахъ; особенно бодро шла наша артиллерія и пѣхота. Сакену удалось прорвать центръ непріятеля; въ то же время было опрокинуто лѣвое крыло Французовъ, и вскорѣ всѣ селенія у Бріенія перешли въ руки союзниковъ. Наполеонъ, подъ покровомъ ночи, отступилъ за Объ и Вуару. Намъ досталось съ боя около тысячи плѣнныхъ и до 73 орудій. Герой дня, Сакенъ, былъ пожалованъ орденомъ Андрея Первозваннаго. Послѣ этого дѣла, главная армія пошла дальше, черезъ Бріеннь, Баръ-сюръ-Объ и Труа; Блюхеръ съ корпусами Сакена и Олсуфьева направился къ Шалону, предполагая соединиться въ Вертю съ другими корпусами и вмѣстѣ съ ними идти на Парижъ. Преслѣдуя Макдональда, онъ сильно растянулъ армію и далъ Наполеону возможность ударить на разобщенный корпусъ Олсуфьева при Шампоберѣ.

У Олсуфьева было только 3690 человѣкъ и 24 орудія; но Блюхеръ приказалъ ему, во что бы то ни стало, держаться въ этомъ пунктѣ, не желая вѣрить, чтобы самъ Наполеонъ могъ быть такъ близко. Окруженный со всѣхъ сторонъ, небольшой отрядъ отбивался отъ страшныхъ силъ непріятеля цѣлыя сутки, пока Олсуфьевъ и многіе офицеры не были взяты въ плѣнъ;

незначительная часть корпуса съ ген. Корниловымъ и со всѣми знаменами пробилась ночью через Французовъ. Наполеонъ придалъ серьезное значеніе этой побѣдѣ и не хотѣлъ вѣрить, чтобы корпусъ Олсуфьева былъ такъ ничтоженъ. Разсказываютъ, что, пригласивъ его къ себѣ ужинать, онъ спросилъ у него:

«Сколько васъ сегодня было въ дѣлѣ?» Олсуфьевъ отвѣтилъ.

«Вздоръ,—замѣтилъ Наполеонъ,—этого быть не можетъ: вашъ корпусъ состоялъ по крайней мѣрѣ изъ 18,000 человѣкъ».

«Русскій офицеръ не говоритъ вздора,—отвѣчалъ Олсуфьевъ,—слова мои настоящая истина. Впрочемъ, кромѣ меня, у васъ есть другіе плѣнные; отъ нихъ вы можете узнать то же самое, и удостовѣриться въ истинѣ».

«Если это справедливо,—возразилъ Наполеонъ,—то, по чести, можно сказать, что *одни Русскіе умѣютъ такъ жестоко драться.* Я прозакладывалъ бы голову, что васъ было по крайней мѣрѣ 18,000».

Побѣдой при Шампоберѣ Наполеонъ разрѣзалъ силезскую армію на двѣ части: Сакенъ былъ на лѣво отъ него, Блюхеръ— на право. Сначала Наполеонъ ударилъ на Сакена у Монмираля и разбилъ его, а на другой день обрушился на Іорка при Шатотьери (на Марнѣ). Оба корпуса были поставлены въ затруднительное положеніе, потому что кругомъ возставали крестьяне и угоняли отъ нихъ скотъ. Изнуренные голодомъ и походомъ, солдаты шли по дурнымъ дорогамъ безлѣсной Шампаньи, безъ топлива и обуви, заболѣвая цѣлыми сотнями. Черезъ два дня Наполеонъ напалъ при Вошанѣ [1]) на Блюхера и, послѣ страшнаго дѣла, стоившаго союзникамъ до 6 тысячъ убитыми и ранеными, заставилъ его отступить на востокъ (къ Этожу). Считая силезскую армію уничтоженною, Наполеонъ оставилъ въ долинѣ Марны только 20 тысячъ войска, а самъ съ гвардіей и кава-

[1]) На дорогѣ между Шампоберн и Монмиралемъ.

лерiей поспѣшилъ за главной армiей: въ полторы сутокъ онъ прошелъ около 90 верстъ; кавалерiя шла день и ночь съ небольшими отдыхами, а пѣхоту везли на безчисленныхъ подводахъ. Медлительность и упрямство фельдмаршала позволили Наполеону напасть на разобщенныя силы главной армiи и разбить ихъ при Морманѣ и Ножанѣ. Вопреки желанiю Александра, Шварценбергъ вступилъ даже въ переговоры съ Наполеономъ и сталъ отступать отъ Сены и Iоны къ окрестностямъ Труа, для сближенiя съ Блюхеромъ, которому отдано было приказанiе примкнуть къ правому флангу. У Мери Блюхеръ соединился съ главной армiей, но фельдмаршалъ не рѣшался принять битву даже у Труа и продолжалъ отступать. Войско, давно роптавшее на распоряженiя главнокомандующаго, теперь переставало довѣрять ему и приходило въ унынiе. Напрасно Александръ старался побудить Шварценберга къ дѣятельности: прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и армiя все-таки ничего не сдѣлала. Наконецъ, по настоянiю императора, Блюхеръ съ 50,000 перешелъ Объ и двигался къ Сезану (на Марнѣ), намѣреваясь у Суасона перейдти черезъ Энъ: онъ долженъ былъ соединиться съ корпусами Винцингероде и Бюлова и дѣйствовать въ долинѣ Марны. Наполеонъ пошелъ за нимъ, оставивъ противъ главной армiи корпусъ Макдональда. Упоенный недавними успѣхами, Наполеонъ утѣшалъ армiю мыслiю, что съ часу на часъ Русскiе и Пруссаки будутъ окружены и уничтожены. Дѣйствительно, на Энѣ не было ни однаго моста, кромѣ Суасонскаго, а городъ былъ въ рукахъ Французовъ. Наполеонъ разсчитывалъ припереть Блюхера къ рѣкѣ и подвергнуть весь его корпусъ уничтоженiю. Но Винцингероде и Бюловъ овладѣли Суассономъ, и Блюхеръ успѣлъ перейдти на правый берегъ Эна и расположиться между Суассономъ и Краономъ. Силы его увеличились теперь до 100,000 человѣкъ. Тщетно Мармонъ и Мортье пытались отнять Суассонъ у 8,000 Русскихъ, находившихся подъ начальствомъ храбраго Рудзевича; также безуспѣшна была и попытка Напо-

леона разбить Блюхера. Сраженіе произошло 23 февраля у Краона. Въ 10 часовъ утра, непріятель началъ битву убійственнымъ огнемъ. Большая часть Блюхеровой арміи шла въ обходъ лѣваго фланга непріятеля, поэтому передъ Наполеономъ находились только русскіе корпуса Сакена и Воронцова. Наполеонъ посылалъ аттаковать сначала лѣвое крыло Сакена, потомъ правое, затѣмъ снова лѣвое и центръ; нѣкоторые полки его дѣлали по 8 аттакъ одна за другою, но Русскіе съ неимовѣрною стойкостію отражали неистовый натискъ непріятеля и заставили Наполеона къ вечеру прекратить наступленіе. Блюхеръ отступилъ къ Лаону, который представлялъ болѣе средствъ къ защитѣ, потому что расположенъ на горѣ, былъ окруженъ каменной стѣной съ нѣсколькими башнями и по сторонамъ имѣлъ нѣсколько возвышенностей, господствующихъ надъ мѣстностію. Блюхеръ страдалъ глазами; но, не смотря на свою болѣзнь, рѣшился аттаковать Наполеона прежде, нежели Мармонъ приведетъ къ нему подкрѣпленія. Сраженіе началось 25 февраля въ 11 часовъ утра, лишь только разсѣялся туманъ, и длилось цѣлый день, безъ рѣшительнаго перевѣса на чью либо сторону. Союзники удержали свои позиціи, а Французы держались въ деревняхъ, впереди ихъ фронта. Ночью Блюхеръ отправилъ Сакена и графа Ланжерона на сѣверовостокъ, къ селенію Атисъ, куда только что прибылъ Мармонъ: Русскіе должны были напасть на него въ расплохъ и разбить его, послѣ чего Блюхеръ ударилъ бы на самаго Наполеона. Часть плана была приведена въ исполненіе. Мармонъ, утомленный длиннымъ переходомъ, только что расположился на отдыхъ и не помышлялъ о сопротивленіи: захваченные въ расплохъ, Французы бѣжали, оставивъ союзникамъ 45 пушекъ, массу военныхъ снарядовъ и до 2000 плѣнныхъ. На другой день, въ 9 часовъ утра, Наполеонъ возобновилъ нападеніе, но въ цѣлый день не сдѣлалъ ни одного шага впередъ; наконецъ, опасаясь быть окруженнымъ, отступилъ къ Суассону и тамъ переправился черезъ

Энъ. Движеніе его за силезской арміей отъ Труа къ Суассону и два дѣла: у Краона и Лаона чрезвычайно изнурили его армію и вообще обошлись дорого: онъ потерялъ 46 орудій и 12 тысячъ убитыми и ранеными. Но тяжелѣе всѣхъ потерь для него было разочарованіе: надежда уничтожить силезскую армію исчезла, и теперь онъ самъ увидѣлъ свою ошибку: главная армія получила возможность дѣйствовать свободно и двигалась снова отъ Труа, оттѣсняя корпуса Удино и Макдональда. Въ самомъ дѣлѣ, Шварценбергъ какъ бы ожилъ, при извѣстіи объ успѣхахъ Блюхера, и, подстрекаемый императоромъ Александромъ, рѣшился аттаковать Наполеона, при переправѣ его черезъ Объ, а такъ какъ Наполеонъ шелъ на встрѣчу главной арміи, то обѣ арміи стали сближаться у Арсиса (на Оби). Первый день встрѣчи не имѣлъ рѣшительнаго исхода, потому что обѣ стороны поджидали подкрѣпленій: Наполеонъ — Макдональда, союзники — 3 корпуса принца Виртембергскаго. На другой день Наполеонъ, неожиданно для всѣхъ, даже не дожидаясь ночи, сталъ отступать на сѣверовостокъ, по дорогѣ къ Витри. Отступленіе его такъ поразило союзниковъ, что одинъ казачій офицеръ замѣтилъ: «непріятели отступаютъ не къ Парижу, а къ Москвѣ».

Наполеонъ дѣлалъ послѣднюю и отчаянную попытку спасти себя. Отступленіемъ своимъ на востокъ, онъ думалъ выиграть время, чтобы воспользоваться первымъ счастливымъ случаемъ; разсчитывая на возстаніе народа и на гарнизоны крѣпостей по Рейну, Саонѣ и Мозелю, онъ болѣе всего разсчитывалъ заманить за собой союзниковъ и привлечь ихъ въ ту мѣстность, гдѣ болѣе шансовъ нанести имъ пораженіе и гдѣ рядъ крѣпостей помогъ бы ему выполнить свой смѣлый планъ. «Правда, говорилъ Наполеонъ, я открылъ союзникамъ дорогу на Парижъ; но что значитъ столица при государѣ воинственномъ? Его столица въ главной квартирѣ. Мое дѣйствіе не было оправдано успѣхомъ: его назовутъ сумасброднымъ. Люди судятъ всегда послѣ происшествій. Тѣ же, которые теперь порица-

ютъ меня, потому что я не имѣлъ успѣха, вознесли бы мой планъ до небесъ, если бы Шварценбергъ отступилъ до Базеля; а я могъ ожидать этого отъ него». Дѣйствительно, Наполеону чуть не удалось поколебать союзниковъ. Императоръ Александръ, король прусскій и Шварценбергъ уже рѣшились идти на Шалонъ, чтобы соединиться тамъ съ Блюхеромъ. Главная армія выступила въ походъ и государь слѣдовалъ за нею въ коляскѣ: чувствуя себя нездоровымъ, онъ не могъ сидѣть верхомъ. Вдругъ на дорогѣ подали государю какія-то бумаги, перехваченныя казаками у французскихъ курьеровъ; между ними оказалось письмо Наполеона къ Маріи-Луизѣ, въ которомъ онъ указывалъ ей на свое затруднительное положеніе и сознавался въ своемъ намѣреніи удалить союзниковъ отъ Парижа. Князь Волконскій тотчасъ же высказалъ императору мысль: соединиться съ Блюхеромъ и идти на Парижъ, а чтобы скрыть это движеніе отъ Наполеона, отрядить за нимъ сильный корпусъ; но мнительный и осторожный фельдмаршалъ не раздѣлялъ его мнѣнія и назвалъ его черезчуръ смѣлымъ. Однако ночью Волконскому удалось подробнѣе развить передъ императоромъ свою мысль. Государь собралъ военный совѣтъ, и здѣсь Волконскій, поддержанный Барклаемъ-де-Толли, Дибичемъ и другими генералами, успѣлъ окончательно убѣдить императора. Тогда императоръ поспѣшилъ въ Витри, и, догнавъ на 7 верстѣ короля и фельдмаршала, пригласилъ ихъ сойдти съ лошадей. Былъ 11-й часъ прекраснаго весенняго дня. На возвышенности, съ которой открывался видъ на г. Витри и окрестные луга, уже начинавшіе покрываться яркой зеленью, въ виду тянувшихся со всѣхъ сторонъ войскъ, Толь развернулъ на травѣ карту, и императоръ сталъ объяснять королю и Шварценбергу предполагаемый походъ на Парижъ. Доводы его были такъ сильны и такъ убѣдительны, что король и фельдмаршалъ тотчасъ же согласились. Довольный императоръ провелъ весь день въ Витри, занимаясь распоряженіями къ предстоящему походу.

На другой день, 13 марта, главная армія пошла на Мо черезъ Феръ-Шампенуазъ, гдѣ она должна была соединиться съ Блюхеромъ, шедшимъ изъ Шалона. Отъ Мо обѣ арміи должны были идти на Парижъ. Сильный кавалерійскій корпусъ подъ начальствомъ Винцингероде былъ отправленъ за Наполеономъ: «главная цѣль вашихъ дѣйствій—писалъ ему императоръ—должна состоять въ томъ, чтобы скрыть слѣдованіе нашихъ армій и подробно, обстоятельно извѣщать насъ о настоящемъ направленіи Наполеона». Часть французской арміи подъ начальствомъ Мортье, Мармона, Пакто и Аме находилась между Парижемъ и союзными арміями. Сначала Французы думали, что имъ открытъ путь черезъ Витри для соединенія съ Наполеономъ; но, увидѣвши себя отрѣзанными, стали быстро отступать. Нашъ авангардъ преслѣдовалъ ихъ. Корпусъ Мортье, задержанный въ своемъ движеніи, былъ настигнутъ у Феръ-Шампенуаза нашею кавалеріей и разбитъ на голову. Латники дѣлали нѣсколько лихихъ аттакъ на непріятеля, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ великаго князя Константина Павловича. Непріятель бѣжалъ въ страшномъ смятеніи, бросая орудія, обозы и зарядные ящики. Намъ досталось 80 орудій и до 10 тысячъ плѣнныхъ; въ числѣ 9 плѣнныхъ генераловъ былъ Пакто. На другой день погода была прекрасная и теплая. Главная армія продолжала свое движеніе и полки шли бодро, съ музыкой и барабаннымъ боемъ. Неумолкаемые крики *ура* сопровождали императора, переѣзжавшаго отъ однаго полка къ другому. «Ребята!—говорилъ государь солдатамъ:—уже до Парижа не далеко!» а Преображенскому полку сказалъ: «Поемъ послѣднюю пѣсню».

Между тѣмъ Наполеонъ угадалъ хитрость союзниковъ и, ударивъ на Винцингероде у Сенъ-Дизье, нанесъ ему сильное пораженіе и заставилъ отступить. Это была «прощальная улыбка счастія Наполеона», говоритъ одинъ современникъ. Желая взять Витри, Наполеонъ приказалъ расположить около города

120 орудій; вдругъ получилъ извѣстіе о движеніи союзниковъ на Парижъ и о дѣлѣ при Феръ-Шампенуазѣ. «Il n'y a qu'un coup de foudre qui puisse nous sauver!» сказалъ онъ окружающимъ и, не сдѣлавъ по городу ни одного выстрѣла, поспѣшилъ къ Парижу. По странному недоумѣнію, онъ выбралъ самую дальнюю дорогу: черезъ Васси, Труа и Сансъ.

На равнинахъ Парижа, который одинъ изъ всѣхъ столицъ Европы еще не испытывалъ несчастія непріятельскаго занятія, появилось сто тысячъ союзнаго войска. Императрица Марія-Луиза, только-что назначенная регентшей, оставила Парижъ 17 марта утромъ; за ней уѣхали министры, члены государственнаго совѣта, чиновники и казна. Къ немногочисленному гарнизону города присоединились маршалы Мармонъ и Мортье, такъ что столица могла располагать только 45,000 войска и 150 орудіями. На сѣверъ отъ Парижа возвышается Монмартръ, на востокъ—Роменвиль и Бельвиль; господствуя надъ окрестностями, онѣ могли бы защищать Парижъ вмѣстѣ съ садами, каменными стѣнами, множествомъ каналовъ и овраговъ; но правительство не озаботилось укрѣпить возвышенности, и сами батареи были поставлены только тогда, когда союзныя войска уже перешли Марну. Лишь только началась перестрѣлка, въ виду Парижа, императоръ отправилъ къ маршаламъ захваченнаго въ плѣнъ французскаго офицера, съ требованіемъ сдачи столицы. Офицера долженъ былъ сопровождать флигель-адъютантъ Орловъ, которому императоръ далъ подобное порученіе. «Доброю ли волею или силою — сказалъ ему императоръ—на штыкахъ или церемоніальнымъ маршемъ, на развалинахъ или въ чертогахъ, но сегодня же Европа должна ночевать въ Парижѣ». Но едва парламентеръ доѣхалъ до передовой цѣпи Французовъ и за нею скрылся французскій офицеръ, какъ Французы сдѣлали по нимъ залпъ и принудили ихъ удалиться.

Битва у Парижа началась дѣйствіемъ русскихъ стрѣл-

ковъ; затѣмъ выступили лѣвый и правый фланги и наконецъ центръ. Графу Барклаю-де-Толли съ его помощниками, Милорадовичемъ и Раевскимъ, назначено было взять Бельвиль; графу Ланжерону — Монмартръ. Бодро и весело, съ крикомъ *ура* двинулись русскія колонны на приступъ, не останавливаясь передъ цѣлымъ градомъ изъ ядеръ и картечи. Ихъ знамена, освѣщаемыя яркимъ солнцемъ, переносились съ одной высоты на другую, и черезъ часъ Русскіе со всѣхъ сторонъ всходили на высоты Бельвиля. Въ эту минуту Мармонъ положилъ шпагу и просилъ у императора позволенія вступить въ переговоры. Тогда государь послалъ въ непріятельскую армію графа Нессельроде, въ сопровожденіи Орлова и адъютанта князя Шварценберга, и при этомъ приказалъ прекратить пальбу по всей линіи осады. Вдругъ, среди тишины и безмолвія, раздалось нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ со стороны Монмартра, а черезъ полчаса императоръ получилъ донесеніе, что Монмартръ занятъ Русскими. Ланжеронъ не успѣлъ еще получить приказаніе императора, какъ уже началъ осаду Монмартрскихъ высотъ. На приступъ онъ послалъ 10 полковъ съ храбрымъ генераломъ Рудзевичемъ. Солдаты шли скоро съ грознымъ, ревущимъ *ура*, и съ такимъ азартомъ лезли на огонь непріятеля, что офицеры едва могли сдерживать слишкомъ усердныхъ застрѣльщиковъ. Натискъ былъ такъ грозенъ и силенъ, что Французы успѣли сдѣлать только два выстрѣла картечью, какъ нижнія батареи уже были въ рукахъ нашихъ егерей. Отступившій непріятель поспѣшилъ сдѣлать залпъ изъ верхнихъ орудій, но и этотъ не могъ остановить наступленіе: черезъ 10 минутъ всѣ батареи были взяты штыками, и французы въ безпорядкѣ побѣжали къ Парижу. Въ эту минуту пришло къ Ланжерону приказаніе императора пріостановить военныя дѣйствія, съ извѣщеніемъ, что Парижъ сдается. Солдаты пришли въ неописанный восторгъ и стали креститься. «Пришлось батюшкѣ Парижу поплатиться за матушку Москву»,

сказалъ одинъ солдатъ. На высотахъ Монмартра заиграла русская музыка и, какъ бы въ отвѣтъ на нее, у всѣхъ заставъ появились бѣлыя знамена; толпы Французовъ просили позволенія посмотрѣть на русскій лагерь. Рудзевичъ получилъ отъ императора Георгія 2-й степени, а графъ Ланжеронъ—алмазные знаки св. Андрея Первозваннаго. Замѣчательно, какимъ образомъ императоръ пожаловалъ ихъ ему. По занятіи Парижа, государь присутствовалъ на обѣдѣ у великаго князя Константина Павловича, гдѣ былъ и графъ Ланжеронъ. Увидѣвши генерала, императоръ спросилъ у него, не потерялъ ли онъ чего нибудь на Монмартрѣ, такъ какъ онъ нашелъ тамъ вещь ему принадлежащую. Ланжеронъ увѣрялъ, что ничего не терялъ; тогда государь подалъ ему конвертъ: «Вотъ что я нашелъ на Монмартрѣ, это—вамъ принадлежитъ». Въ конвертѣ оказались орденскіе знаки [1]).

Послѣ продолжительнаго спора Несельроде съ маршалами, капитуляція о сдачѣ Парижа была составлена Орловымъ: войскамъ Мармона и Мортье дозволялось рано утромъ выйдти изъ города, предоставивъ жандармовъ, національную гвардію, арсеналы, магазины и самый Парижъ великодушію союзныхъ монарховъ. Депутація изъ чиновниковъ сопровождала Орлова въ Бонди. Имъ пришлось ѣхать мимо русскихъ биваковъ, среди тысячей разведенныхъ огней, у которыхъ солдаты чистили ружья и амуницію, приготовляясь къ торжественному вступленію въ непріятельскую столицу. «Пріѣхавши въ главную квартиру, — говоритъ Орловъ — я ввелъ депутатовъ въ большую залу замка и велѣлъ увѣдомить о ихъ прибытіи гр. Нессель-

---

[1]) Такимъ же сюрпризомъ императоръ пожаловалъ Барклай-де-Толли фельдмаршальскимъ званіемъ. У стѣнъ Парижа, когда появились французскіе парламентеры, онъ подозвалъ къ себѣ флигель-адъютанта Орлова и сказалъ ему по французски, чтобы слышалъ князь Шварценбергъ: «Orloff, allez dire de ma part *au maréchal* Barclay-de-Tolly de faire cesser le feu, sur toute la ligne». И когда Шварценбергъ спросилъ: «Est ce que Barclay est maréchal?» Государь отвѣчалъ: «Oui, il l'est depuis ce moment». Разсказъ Н. Дивова. См. «Русск. Архивъ» 1878 года № 1.

роде, который тотчасъ къ нимъ явился. А самъ я пошелъ прямо къ государю, который принялъ меня лежа въ постели. «Ну— сказалъ онъ мнѣ, — что вы привезли новаго?»

— Вотъ капитуляція Парижа,—отвѣчалъ я.

Императоръ взялъ ее и прочелъ, сложилъ бумагу и, положивъ подъ подушку, сказалъ: «поцѣлуйте меня; поздравляю васъ, что вы соединили имя ваше съ этимъ великимъ происшествіемъ».

На другой день императоръ и его вѣрный союзникъ король прусскій торжественно вступили съ войсками въ Парижъ. Вотъ какъ описываетъ это вступленіе очевидецъ торжества, тогда еще молодой офицеръ Михайловскій-Данилевскій. «На зарѣ прекраснѣйшаго утра, 19 марта, начали сходиться на обширномъ дворѣ, передъ Бондисскимъ замкомъ, генералы и офицеры свиты императора Александра. Въ шестомъ часу пріѣхали въ парадныхъ каретахъ чиновники парижскаго городоваго правленія умолять нашего монарха о покровительствѣ Парижу. Вслѣдъ за ними явился верхомъ на лошади, передъ воротами замка, человѣкъ, знакомый намъ всѣмъ. То былъ Коленкуръ, присланный Наполеономъ изъявить готовность мириться на предложенныхъ ему въ Шатильонѣ условіяхъ. Преображенскій солдатъ, стоявшій на часахъ, сказалъ Коленкуру: «слѣзай съ лошади!» Коленкуръ безпрекословно повиновался. Увидя собравшихся на дворѣ офицеровъ, онъ снялъ шляпу и потупивъ глаза, просилъ графа Шувалова доложить объ немъ государю... Императоръ провелъ съ нимъ болѣе часа, и отвергъ привезенныя имъ предложенія Наполеона... Ровно въ 8 часовъ подвели къ крыльцу сѣрую лошадь, по имени Марсъ, государь сѣлъ на нее и поѣхалъ въ Парижъ. Въ верстѣ, встрѣтилъ онъ короля прусскаго и гвардію. Никакое перо не дерзнетъ выразить восторговъ радости, загремѣвшихъ въ рядахъ гвардіи при видѣ государя. Верстахъ въ трехъ отъ города начали показываться парижане; они спрашивали: «гдѣ императоръ Александръ?»

«Посланные рано поутру въ Парижъ съ разными приказаніями офицеры, возвращаясь, разсказами своими воспламеняли общее желаніе быть скорѣе въ Парижѣ. Мы горѣли нетерпѣніемъ войдти въ городъ ...каждый шагъ, отдѣлявшій насъ отъ Парижа, не позволялъ вкусить въ полной мѣрѣ чувство отмщенія за Россію».

«Въ 9 часовъ утра мы пришли къ предмѣстіямъ Парижа. Необозримыя толпы народа наполняли улицы, кровли и окна домовъ. Сначала примѣтно было въ жителяхъ какое то опасеніе: радостныя восклицанія еще не были общими. Изумленіе парижанъ продолжалось нѣсколько минутъ; безпрестанно спрашивали они насъ и другъ друга: «гдѣ Александръ?» — «Вотъ онъ, вотъ Александръ!» — Узнавъ нашего монарха, они взывали: «какъ онъ милостиво кланяется, какъ ласково онъ съ нами говоритъ!» — «Я вступаю не врагомъ, а возвращаю вамъ миръ и торговлю», говорилъ имъ государь. — «Мы уже давно ожидали прибытія вашего величества», сказалъ одинъ Французъ. Императоръ отвѣчалъ. «Я бы ранѣе къ вамъ прибылъ; обвиняйте въ моей медленности храбрость вашихъ войскъ».—Французы воображали увидѣть Русскихъ людьми полудикими, изнуренныхъ походами, говорящихъ непонятнымъ для нихъ языкомъ, странно одѣтыхъ, съ понятіями застарѣлыми, и едва вѣрили глазамъ, видя красоту Русскихъ мундировъ, блескъ оружія, веселую наружность войскъ, здоровыя лица, ласковое обращеніе офицеровъ, и слыша остроумные отвѣты ихъ на французскомъ языкѣ. «Вы не Русскіе», говорили они намъ, «вы эмигранты!» Скоро удостовѣрились они въ противномъ, и вѣсть о невѣроятныхъ свойствахъ побѣдителей перелетала изъ устъ въ уста. Похвалы Русскихъ загремѣли повсюду; женщины изъ оконъ и съ балконовъ махали бѣлыми платками, привѣтствовали насъ движеніемъ рукъ, и раздалось отъ одного конца Парижа до другаго: «да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ Русскіе!»

«Пройдя Монмартрское предмѣстіе, мы поворотили на право, по бульварамъ. Ликованія, возрастая безпрестанно, превзошли всякую мѣру. Съ трудомъ можно было ѣхать верхомъ. Парижане останавливали на каждомъ шагу лошадей нашихъ, превозносили, славили Александра, изрѣдка упоминая о другихъ союзникахъ. Ободренные привѣтливостію императора, они начали желать перемѣны правительства и провозглашать бурбоновъ. Явились бѣлыя кокарды на шляпахъ. Тѣснясь вокругъ государя, парижане просили его остаться во Франціи: «царствуйте надъ нами», говорили они, «или дайте намъ монарха, похожаго на васъ!» Слѣдуя мимо великолѣпныхъ зданій и памятниковъ, воздвигнутыхъ во славу французскаго оружія, мы достигли наконецъ Елисейскихъ полей, гдѣ императоръ остановился и смотрѣлъ проходившія церемоніальнымъ маршемъ войска. Сюда устремились парижане, привлеченные новостью зрѣлища. Француженки просили насъ сойдти съ лошадей и позволить имъ стать на сѣдла, желая удобнѣе видѣть государя. Просьбы прекрасныхъ просительницъ были удовлетворяемы по возможности. Вскорѣ приблизились головы колоннъ нашихъ. Сначала шли Австрійцы. Жандармы никакъ не могли удержать народъ, стремившійся въ ряды войскъ. Любопытные парижане тѣснили Австрійскіе взводы, но когда показались Русскіе гренадеры и пѣшая гвардія, Французы, пораженные воинственною осанкою ихъ, единодушно, какъ будто по нѣкоторому тайному согласію, отступили гораздо далѣе черты, назначенной для зрителей. Съ безмолвнымъ удивленіемъ взирали они на гвардейскій и гренадерскій корпуса, сознаваясь, что въ самое славное время Французской имперіи, армія Наполеонова не была въ такомъ блистательномъ положеніи, какъ сіи корпуса послѣ трехъ, совершенныхъ ими безсмертныхъ походовъ. Смотръ кончился въ пятомъ часу по полудни. Императоръ Александръ отправился въ домъ Талейрана, назначенный для первоначальнаго пребыванія его въ Парижѣ. Часть войскъ нашихъ

заняла караулы, другія пошли въ назначенныя имъ квартиры, остальныя расположились биваками въ Елисейскихъ поляхъ».

Въ тотъ же день Александръ издалъ прокламацію къ Французамъ, въ которой говорилось, что ни онъ, ни его союзники не вступятъ въ переговоры съ Наполеономъ или съ кѣмъ нибудь изъ членовъ его семейства, и что Французы могутъ назначить у себя временное правительство. Сенатъ, подъ вліяніемъ Талейрана, объявилъ Наполеона низвергнутымъ съ престола и назначилъ временное правительство. Въ Фонтенебло Наполеонъ отрекся за себя и свое потомство отъ престола Франціи и Италіи и, вмѣсто обширнѣйшаго государства простиравшагося отъ Испаніи до Россіи и отъ Даніи до Италіи, — получилъ небольшой островъ Эльбу.

На другой день въ Парижѣ были открыты всѣ лавки и магазины, и все приняло обыкновенный порядокъ, не смотря на то, что городъ былъ наполненъ иностранными войсками. Императоръ принялъ его подъ свое покровительство, и спокойствіе жителей ничѣмъ не нарушалось. Теперь судьба цѣлой Франціи зависѣла отъ Александра. — Французы видѣли его великодушіе, доброту и ласковость, и въ благодарность окружали всевозможными почестями. Любовь къ нему Французовъ тогда доходила до крайности. «Справедливость требуетъ сказать, — писалъ одинъ англійскій дипломатъ того времени, что если континентъ былъ проклятъ въ Бонапартѣ, то онъ получилъ благословеніе въ Александрѣ, этомъ законномъ императорѣ и освободителѣ человѣчества». Обыкновенно народъ толпился на улицѣ передъ его квартирой и на крышахъ домовъ, ожидая съ нетерпѣніемъ выхода императора, чтобы привѣтствовать его изъявленіями своего восторга. Поэты, художники и ваятели прославляли его; ученые и профессора наперерывъ старались сказать ему что нибудь пріятное. Трудно себѣ представить восторгъ публики, когда разнесся слухъ, что императоръ собирается въ театръ на представленіе оперы *Траяново торже-*

ство. Когда передъ самымъ пріѣздомъ государя, на сцену вышелъ актеръ и громогласно объявилъ, что по внезапной болѣзни главнаго актера, въ замѣнъ оперы *Траяново торжество*, пойдетъ *Весталка*, публика стала неистово кричать «не хотимъ Весталки! Давайте Траяна!» Но когда зрителямъ объявили, что императоръ по скромности не позволяетъ себѣ принять жертвы, приготовлявшейся ему въ Траянѣ и согласенъ на перемѣну,—всѣ умолкли и съ нетерпѣніемъ ожидали появленія Александра. Лишь только императоръ появился въ ложѣ, начались ликованія: крики восторга не унимались въ продолженіи $^{1}/_{4}$ часа и возобновлялись всякій разъ, когда какое нибудь слово актера намекало на торжество, воздаваемое Александру. Въ антрактахъ знаменитый актеръ Лаисъ долженъ былъ, по требованію публики, нѣсколько разъ спѣть сочиненное имъ стихотвореніе:

Vive Alexandre!
Vive ce roi des rois!
Sans rien prétendre,
Sans nous dicter des loix,
Ce prince auguste
A le triple renom
De héros, de juste,
De nous rendre un Bourbon!

Французы съ какою-то покорностію ожидали отъ одного Александра своего устройства. 1-го апрѣля пріѣхалъ въ Парижъ братъ Людовика XVIII, графъ д'Артуа и, принимая на другой день въ Тюильри сенаторовъ, далъ обѣщаніе, что король одобритъ составленную сенатомъ конституцію. Ожидали самаго короля изъ Лондона. Когда Людовикъ пріѣхалъ въ Компьенъ, его встрѣтили всѣ знаменитости Франціи, какъ Ней, Мармонъ, Бертье, Удино и др. Суда же пріѣхали графъ д'Артуа и Талейранъ; но король, вѣрный отжившимъ традиціямъ своихъ предковъ, мечталъ о возстановленіи придворнаго этикета временъ Людовика XIV и избѣгалъ разговоровъ о конституціи; онъ даже не обращалъ вниманія на намеки Поццо-ди-

Борго, котораго прислалъ къ нему императоръ Александръ, такъ что императоръ долженъ былъ самъ отправиться въ Компьенъ. Судя по современнымъ извѣстіямъ, новый король, обязанный своимъ престоломъ великодушію Александра, держалъ себя довольно высокомѣрно. Такъ напримѣръ, принимая у себя императора, сѣлъ въ кресло, а гостю предложилъ стулъ. Александръ не показалъ виду, что понимаетъ умыселъ короля, но вечеромъ сказалъ Волконскому: «Весьма естественно, что король, больной и дряхлый, сидѣлъ въ креслѣ, но я, въ такомъ случаѣ, приказалъ бы подать для гостя другое кресло [1]).

Императоръ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, при возстановленіи династіи Бурбоновъ,—дарованіе странѣ конституціи, которая могла бы на прочныхъ основаніяхъ довершить возрожденіе Франціи и вознаградить ее за потерю провинцій, пріобрѣтенныхъ войной и насиліемъ; а такъ какъ король съ особеннымъ упрямствомъ отвергалъ составленную сенатомъ конституцію, то императоръ вынужденъ былъ объявить ему, что самый въѣздъ его въ Парижъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда онъ приметъ конституцію или по крайней мѣрѣ объявитъ объ ней народу. Людовикъ долженъ былъ повиноваться.

Когда конституція была обнародована, король пріѣхалъ въ Парижъ и начались переговоры о мирѣ. Черезъ мѣсяцъ, $^{18}/_{30}$ мая заключенъ былъ такъ называемый *первый Парижскій трактатъ*. По главнѣйшимъ статьямъ его, Франція была ограничена предѣлами 1792 года, объявляла Рейнъ свободнымъ для плаванія до самаго устья и обязывалась выплатить союзнымъ державамъ около 25 милліоновъ франковъ. По

---

[1]) Затѣмъ позже, когда Людовикъ былъ уже въ Парижѣ, у него обѣдали императоръ Александръ и король прусскій. Хозяинъ вошелъ въ столовую первымъ и занялъ за столомъ почетное мѣсто, а когда лакей поднесъ было какое-то блюдо сначала императору, онъ грозно замѣтилъ: «à moi, s'il vous plait».

«Мы сѣверные варвары у себя гораздо учтивѣе», сказалъ впослѣдствіи императоръ, припоминая этотъ случай.

32 статьѣ мирнаго трактата, положено было, въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ собрать конгрессъ въ Вѣнѣ.

Послѣ этого союзнымъ государямъ не за чѣмъ было оставаться въ Парижѣ. Александръ съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ поѣхалъ въ Лондонъ, а Францъ—въ Вѣну; тогда же караулы въ Парижѣ были сданы національной гвардіи и союзныя войска двинулись обратнымъ путемъ домой. «Отъѣзжая отъ насъ—говорилось въ Монитерѣ объ Александрѣ—сей великій монархъ оставляетъ между нами, равно какъ и въ лѣтописяхъ міра, незабвенную память своихъ высокихъ качествъ и достославное имя».

Въ Англіи Александра и короля прусскаго ожидала самая торжественная встрѣча. Въ Дуврѣ народъ впрягся въ ихъ карету и повезъ ее по улицамъ съ восклицаніями: «Да здравствуетъ императоръ Александръ! да здравствуетъ король Фридрихъ-Вильгельмъ!» Вездѣ имъ выказывали самый восторженный пріемъ и въ честь ихъ устраивали роскошныя празднества. Изъ Англіи государь черезъ Дувръ и Кале отправился въ Голландію, и путешествіе его по этой странѣ уподоблялось тріумфальному шествію. Голландцы встрѣчали и провожали его какъ дѣти отца, очарованные простотою жизни освободителя Европы, его вѣжливостію, добротою и ласковымъ обращеніемъ со всѣми—до простаго поселянина. Отсюда государь поѣхалъ въ Карлсруэ для свиданія съ императрицей Елисаветой Алексѣевной, и здѣсь получилъ черезъ депутатовъ св. синода, государственнаго совѣта и сената прошеніе о принятіи наименованія *Благословеннаго* и о дозволеніи въ честь его выбить медаль и воздвигнуть въ Петербургѣ памятникъ. Александръ отказался отъ этой чести съ тою скромностію, которая всегда составляла отличительную черту его характера. «Да соорудится Мнѣ памятникъ—заканчивалъ онъ указъ свой по этому поводу—въ чувствахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ! Да благословляетъ Меня

въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ Моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо Мною и надъ нею благословеніе Божіе!»

12 іюня государь пріѣхалъ въ Павловскъ. Вдовствующая императрица, въ сопровожденіи сыновей и дочери Анны Павловны, встрѣтила его на площадкѣ передъ дворцомъ. Быстро выскочивъ изъ коляски, Александръ хотѣлъ цѣловать руки у своей родительницы, но она обняла его и отъ радости заплакала. «Въ эту торжественную минуту, говоритъ одинъ очевидецъ,—мгновенно смолкли не только восторженные клики народа, собравшагося около дворца, но даже всякій говоръ между присутствовавшими при этой трогательной сценѣ; всѣ въ благоговѣйномъ молчаніи устремили на нее взоры свои, и глубокая тишина царствовала на дворцовой площадкѣ во все время, пока продолжалось изліяніе первыхъ чувствъ радости царственной семьи при этомъ свиданіи. Но когда императоръ, взявъ подъ руку августѣйшую родительницу и привѣтливо кланяясь тѣснившемуся со всѣхъ сторонъ народу, вошелъ во дворецъ, воздухъ огласился долго неумолкавшими восторженными криками ура!»

Петербургъ готовился къ торжественному пріему своего государя и съ напряженіемъ ожидалъ только его прибытія; но Александръ отклонилъ всѣ почести, всѣ готовившіяся въ честь его торжества, и въѣхалъ въ городъ безъ всякой пышности, въ 7 часовъ утра. Народъ, узнавшій о пріѣздѣ царя только тогда, когда кончилось молебствіе въ Казанскомъ соборѣ, сопровождалъ радостными криками его экипажъ отъ собора до Зимняго дворца Многіе падали на колѣни и благословляли государя крестнымъ знаменіемъ. Во всѣхъ городахъ и отдаленныхъ провинціяхъ праздновали побѣды и возвращеніе Александра; въ частныхъ собраніяхъ, въ семействахъ обвивали свѣжими цвѣтами бюстъ или портретъ императора, пили за его здоровье или молились за него. Жуковскій, Батюшковъ,

Вяземскій, старикъ Державинъ и юноша Пушкинъ встрѣтили возвращеніе Александра цѣлымъ потокомъ воодушевленныхъ привѣтствій. Ода Державина «На возвращеніе императора Александра I», пѣтая въ Павловскѣ у Маріи Өеодоровны, была положена на музыку Антополини и долго пѣлась по всей Россіи.

ГЛАВА XVII.

Съѣздъ государей въ Вѣну.—Цѣль конгресса и раздоръ между представителями разныхъ державъ. — Условія конгресса. — Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы.—Пріѣздъ государя въ Гейдельбергъ и встрѣча съ баронессой Криднеръ.—Пріѣздъ союзныхъ государей въ Парижъ.—Актъ священнаго союза.—Второй Парижскій миръ.—Возвращеніе государя и перемѣна въ его характерѣ.—Аракчеевъ и новые министры.—Посѣщеніе Москвы.—Военныя поселенія.—Бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича.—Посѣщеніе Москвы.—Рожденіе нынѣ царствующаго Императора Александра Николаевича.—Храмъ Спасителя.—Украшеніе Петербурга.—Царство Польское и его неустройства.—Записка Карамзина.—Государь недоволенъ поляками.

Государь не долго оставался въ Петербургѣ и въ сентябрѣ уже поѣхалъ на конгрессъ въ Вѣну, въ сопровожденіи князя Волконскаго, Уварова, Чернышева, Жомини и еще нѣсколькихъ человѣкъ свиты. Въ Вѣну съѣхались къ этому времени многіе представители крупныхъ и мелкихъ владѣній Европы и нѣсколько государей, напримѣръ, короли: Датскій, Виртембергскій и Баварскій; великія княгини Марія и Екатерина Павловны и великій князь Константинъ Павловичъ. Небывалое стеченіе коронованныхъ особъ и знатныхъ лицъ со всѣхъ концовъ Европы обѣщало вѣнскимъ жителямъ и небывалыя удовольствія. На короткое время Вѣна сдѣлалась какъ бы средоточіемъ всей Европы: сюда наѣхало множество частныхъ людей, явились художники, актеры и разные спекулянты. Цѣны на квартиры и съѣстные припасы страшно повысились. За все время конгресса, правительство издержало около 17 милліоновъ

рублей. Дѣйствительно, императоръ Францъ не щадилъ ничего, чтобы сдѣлать для своихъ гостей пребываніе въ Вѣнѣ пріятнымъ праздникомъ, устраивалъ роскошные балы, маскерады и театральныя представленія; карусели смѣнялись пышной охотой, охоты парадами и маневрами; и очевидцы вѣнскихъ празнествъ долго вспоминали о веселыхъ дняхъ конгресса [1]). Одинъ изъ участниковъ конгресса замѣтилъ вскорѣ: Le congrès danse, mais il ne marche pas. Время быстро проходило въ однѣхъ удовольствіяхъ, и серіозныя занятія начались только съ ноября мѣсяца.

Цѣлью конгресса было окончательное рѣшеніе вопросовъ, не разрѣшенныхъ при заключеніи Парижскаго мира, и въ числѣ первыхъ: распредѣленіе земель завоеванныхъ союзниками и устройство Германскаго союза. Но вопросъ о Саксоніи и Варшавскомъ герцогствѣ, изъ которыхъ первую хотѣли присоединить къ Пруссіи, а второе—къ Россіи, сдѣлался яблокомъ раздора между представителями разныхъ державъ. Прусскіе государственные сановники были недовольны сближеніемъ русскихъ границъ къ Берлину; Австрія опасалась близкаго сосѣдства Россіи и Пруссіи и всевозможными мѣрами старалась затруднить присоединеніе къ нимъ Саксоніи и Варшавскаго герцогства; Англія боялась, что присоединеніе Варшавскаго герцогства къ Россіи образуетъ новое конституціонное государство въ Европѣ, которое можетъ подать поводъ къ безпорядкамъ и смутамъ въ сосѣднихъ государствахъ, и потому стала домогаться раздѣленія герцогства между Австріей, Россіей и Пруссіей. Представитель Великобританскихъ интересовъ, лордъ Кестлери скоро сдѣлался орудіемъ хитраго и тонкаго Меттерниха, главнаго дѣятеля конгресса, и дѣйствовалъ совершенно въ его духѣ. Интриги усилились, когда въ Вѣну

---

[1]) «Не достаетъ имъ только церемоніальнаго шествія, которое сопровождаетъ погребеніе имперскаго маршала,—сказалъ умирающій принцъ де-Линь.—я берусь оставить имъ эту потѣху». Дѣйствительно, онъ умеръ до окончанія конгресса.

пріѣхалъ представитель Франціи, Талейранъ. Шестидесятилѣтній старикъ, хромой, но сохранившій всю живость и ясность ума, Талейранъ старался посѣять сѣмена раздора между Европейскими націями, чтобы чрезъ это хоть что-нибудь выиграть для Франціи, уже начинавшей тяготиться своей зависимостію отъ главы Европейской коалиціи. Ободренныя его требованіями, заговорили даже второстепенныя германскія державы и, ставъ на сторону Саксонскаго короля, готовы были защищать его права оружіемъ; Людовикъ XVIII также объявилъ чрезъ Талейрана, что готовъ поддерживать народныя права 300 тысячною арміей. При такомъ усложненіи дѣла, прусскіе министры готовы были отказаться отъ Саксоніи, если ихъ вознаградятъ изъ Польскихъ земель... Но двуличіе Меттерниха и интриги Талейрана сдѣлали императора осторожнѣе и пробудили въ немъ энергію: онъ обратился прямо къ своему другу Прусскому королю и убѣдилъ его приказать Гарденбергу стоять за требованіе русскихъ министровъ; съ своей стороны, чтобы показать, что ни въ какомъ случаѣ не отступитъ отъ своихъ видовъ на герцогство Варшавское, Александръ приказалъ саксонскому губернатору Репнину передать Саксонію въ Прусское владѣніе, а великому князю Константину Павловичу отправиться въ герцогство Варшавское, собрать тамъ 70 тысячную армію и призвать жителей къ оружію. Такимъ образомъ споры о Саксоніи и герцогствѣ Варшавскомъ кончились. Послѣ нихъ начались разсужденія объ устройствѣ Германіи и обсужденіе вопросовъ второстепенной важности. Многое еще не было рѣшено; но государи уже въ февралѣ 1815 года готовились оставить Вѣну, поручивъ окончаніе дѣлъ своимъ министрамъ; какъ вдругъ, среди прощальныхъ баловъ и праздниковъ, явилось извѣстіе о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы и о торжественномъ вступленіи его во Францію. Эта неожиданная вѣсть какъ громовой ударъ поразила всѣхъ дѣятелей конгресса и ускорила его развязку.

По условіямъ Вѣнскаго конгресса, Россія получила герцогство Варшавское (болѣе 2000 миль съ населеніемъ въ 3 съ небольшимъ милліона), уступивъ Австріи Тарнопольскую область. Пруссія получила большую часть земель, принадлежавшихъ ей до 1806 года, затѣмъ часть Саксоніи (другая часть оставлена королю), Рейнскую провинцію и Шведскую Померанію съ островомъ Рюгеномъ [1]).

Наполеонъ жилъ на островѣ Эльбѣ безъ строгаго присмотра, получалъ журналы и зналъ все, что дѣлалось во Франціи, гдѣ слабое правительство Бурбоновъ, давая волю эмигрантамъ, возбуждало ропотъ и вооружало противъ себя большинство народа. Бонапартисты также извѣщали его о разногласіи, которое происходило на Вѣнскомъ конгрессѣ. Испугавшись возможности быть перевезеннымъ съ острова Эльбы, Наполеонъ посадилъ свой небольшой отрядъ на суда и, пользуясь небрежностію французскихъ и англійскихъ крейсеровъ, черезъ 5 дней высадился на южномъ берегу Франціи. На всемъ маршѣ къ Парижу, онъ не встрѣтилъ препятствій. Народъ и войска привѣтствовали его криками радости и всѣ отряды, посланные противъ него, присоединялись къ нему. Черезъ 20 дней онъ былъ уже у стѣнъ Парижа. Король распустилъ палаты и едва успѣлъ спастись въ Бельгіи.

Союзники, спорившіе объ Саксоніи и Варшавѣ и готовые поддержать свои требованія оружіемъ, не успѣли еще распустить своихъ армій, когда пришло извѣстіе о возвращеніи Наполеона; поэтому довольно было четыремъ главнымъ державамъ выставить по 150 тысячъ войска и отдать имъ приказаніе, чтобы привести въ движеніе всю Европу. Изъ 800 ты-

---

[1]) Актъ Вѣнскаго конгресса состоялъ изъ CXXI статьи и подписанъ былъ 16 дѣятелями конгресса въ алфавитномъ порядкѣ державъ: князь Меттернихъ, баронъ Вессенбергъ, князь Талейранъ, герцогъ Дальбергъ, графъ де-Ноаль, Кланкарти, Каткартъ, Стевартъ, графъ Палмелла, Антоніо де Салданга-да-Гама, князь Гарденбергъ, баронъ Гумбольтъ, графъ Разумовскій, графъ Стакельбергъ, графъ Нессельродъ и графъ Лёвенгельмъ.

сячъ европейскаго войска 167 тысячъ Русскихъ, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, выступили въ походъ въ началѣ апрѣля и черезъ два мѣсяца пришли изъ Польши къ берегамъ Рейна.

Императоръ Александръ выѣхалъ изъ Вѣны 13 (25) мая и черезъ полторы недѣли прибылъ въ Гейдельбергъ, главную квартиру русской арміи. Пышныя встрѣчи на пути, удовольствія, представленія разныхъ лицъ и выраженія всякаго рода уваженія утомили государя. Въ Гейдельбергѣ онъ вернулся домой только поздно вечеромъ и тотчасъ же легъ въ постель: но мысли о конгрессѣ и о предстоящей борьбѣ съ Наполеономъ до того занимали его, что онъ не могъ уснуть. Онъ раскрылъ библію, съ которой не разставался въ послѣднее время, и старался найдти успокоеніе своей души въ словахъ святой книги; но взоры скользили по строкамъ, не останавливаясь, и умъ отказывался отъ пониманія ихъ; вдругъ онъ вспомнилъ о баронессѣ Криднеръ, которая предвидѣла бѣгство Наполеона и его торжественное вступленіе во Францію и о которой государь много слышалъ отъ Стурдзы, любимой фрейлины Елизаветы Алексѣевны. Императору вдругъ захотѣлось увидѣть эту необыкновенную женщину и побесѣдовать съ ней: но кто могъ сказать, гдѣ она находится? Въ эту минуту раздался стукъ у дверей. «Въ комнату вошелъ князь Волконскій,—пишетъ императоръ,—съ видомъ нетерпѣнія и досады. Онъ сказалъ, что рѣшился безпокоить меня въ этотъ необыкновенный часъ только потому, чтобы отдѣлаться отъ женщины, которая настоятельно требуетъ свиданія со мною, и назвалъ г-жу Криднеръ Можете себѣ представить мое удивленіе! Мнѣ казалось, что это сонъ. Криднеръ! Криднеръ! невольно произнесъ я. Этотъ быстрый отвѣтъ на мою мысль не могъ быть случайнымъ. Я сей часъ же принялъ посѣтительницу и она, какъ бы угадывая настроеніе души моей, поспѣшила успокоить ее давнишнее смятеніе утѣшительными словами».

Криднеръ, какъ говорилъ государь, подняла передъ нимъ завѣсу прошедшаго и представила жизнь его со всѣми заблужденіями тщеславія и суетной гордости; она доказала, что минутное пробужденіе совѣсти, сознаніе своихъ слабостей и временное раскаяніе, не есть полное искупленіе грѣховъ, что сама она была великая грѣшница, но что у подножія креста, выстрадала себѣ прощеніе постоянною молитвою и горькими слезами. Бесѣда съ Криднеръ потрясла впечатлительнаго императора до глубины души: онъ плакалъ.

Въ Гейдельбергѣ въ продолженіи нѣсколькихъ дней собирался военный совѣтъ для составленія общаго плана военныхъ дѣйствій; австрійскіе генералы много спорили, и планъ нѣсколько разъ измѣнялся, когда пришло извѣстіе, что англо-прусскія войска разбили Наполеона у Ватерлоо и вторично подвигаются къ Парижу. Тогда русско-австрійскія войска перешли Рейнъ и направились туда же. Въ это время въ Гейдельбергъ прибыли великіе князья Николай и Михаилъ Павловичи и отсюда сопровождали императора до Парижа. У Сенъ-Дизье имъ встрѣтился курьеръ отъ генералъ-адъютанта Чернышева, съ извѣстіемъ, что прусская и англійская арміи уже вступили въ Парижъ; союзные монархи со своей свитой сѣли на почтовыхъ и въ девяти экипажахъ поѣхали въ Парижъ.

Государь поселился во дворцѣ Элизе Бурбонъ и большую часть времени проводилъ въ полномъ уединеніи. Вставалъ обыкновенно въ 8 часовъ и, отдавши приказанія князю Волконскому, гулялъ по тѣнистому саду; здѣсь же онъ занимался въ хорошую погоду дѣлами, для чего въ садъ былъ перенесенъ его письменный столъ. Обѣдалъ императоръ не позже 2 часовъ, съ великими князьями, приглашая къ своему столу поочереди то князя Волконскаго, то Уварова, то кого-нибудь другаго. Въ 6 часовъ отправлялся кататься верхомъ по окрестностямъ Парижа, въ сопровожденіи одного жокея, и всегда во фракѣ. Вечера по большей части проводилъ дома или у баро-

нессы Криднеръ, первая бесѣда съ которой произвела на его восторженную душу неотразимое впечатлѣніе. Нѣкоторые говорили, что подъ ея вліяніемъ императоръ составилъ актъ священнаго союза. Александръ думалъ, что обыкновенные договоры не могутъ обезпечить спокойствіе и благоденствіе народовъ, что для этого необходимо скрѣпить общую связь государствъ актомъ основаннымъ на непреложныхъ истинахъ божественнаго ученія, который былъ бы обязателенъ для государей и народовъ, какъ Евангеліе, по совѣсти, по чувству и по долгу. Проектъ союза государь написалъ самъ и отдалъ графу Каподистрію облечь въ обычную форму: «Сущности отнюдь не измѣняйте, сказалъ государь, это мое дѣло; я началъ и съ Божіею помощію докончу». Когда актъ былъ готовъ, государь собственноручно переписалъ его, самъ скрѣпилъ и потомъ подписалъ вмѣстѣ съ австрійскимъ императоромъ и королемъ прусскимъ. Впослѣдствіи актъ священнаго союза подписали всѣ европейскіе государи, кромѣ турецкаго султана и папы римскаго.

Съ самаго появленія въ Парижѣ союзниковъ, назначенъ былъ совѣтъ изъ уполномоченныхъ Россіи, Англіи, Австріи и Пруссіи для опредѣленія условій *втораго Парижскаго мира*. Александръ все время твердо стоялъ за выгоды короля Людовика и успѣлъ устранить притязанія германскихъ державъ. Такимъ образомъ, только благодаря его заступничеству, уступки Франціи ограничились двумя крѣпостями со стороны Нидерландовъ, и двумя крѣпостями съ небольшимъ округомъ— со стороны Германіи; затѣмъ, его же стараніями, значительно уменьшена цифра военной контрибуціи, а занятіе Франціи иноземными войсками съ пятилѣтняго срока сокращено на трехлѣтній, если она окажется способной сама охранять свои права и свою безопасность.

Въ сентябрѣ государь оставилъ Парижъ, поручивъ русскій 30 тысячный корпусъ графу Воронцову, а дѣла переговоровъ

и подписаніе мирнаго трактата графу Каподистріа. Въ Россію государь пріѣхалъ другимъ человѣкомъ, вполнѣ разочарованный и въ государяхъ, на которыхъ смотрѣлъ какъ на братьевъ, и въ народахъ, которыхъ недавно спасъ отъ несчастій и порабощенія. Онъ сталъ замѣтно удаляться отъ людей, меньше довѣрялъ имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлался вспыльчивъ и взыскателенъ къ нарушителямъ военной дисциплины; къ этому присоединилось открытіе страшныхъ злоупотребленій почти во всѣхъ частяхъ государственнаго управленія, и многія лица, облеченныя довѣріемъ императора, были отданы подъ судъ. Александръ какъ будто хотѣлъ отвернуться на время отъ злоупотребленій, которыя, казалось, не было силъ уничтожить. и всѣ внутреннія дѣла поручилъ графу Аракчееву. Такимъ образомъ, Аракчеевъ обратился въ перваго министра, потому что только онъ одинъ имѣлъ право являться къ государю со своими докладами. Современники говорятъ, что даже незлобивые люди выходили изъ себя, когда имъ приходилось имѣть дѣло съ этимъ грубымъ временщикомъ. Пріемная Аракчеева съ ранняго утра наполнялась государственными сановниками, которые напрасно заставляли дежурнаго адъютанта доложить объ ихъ прибытіи графу. Аракчеевъ обыкновенно сидѣлъ за письменнымъ столомъ, среди груды бумагъ, и нерѣдко на двукратные доклады адъютанта не отвѣчалъ ни одного слова; наконецъ, оторвавшись отъ бумагъ, громко звонилъ въ колокольчикъ и гордо приказывалъ адъютанту: «позвать такого-то!» На аудіенціи графъ держалъ себя со всѣми безъ исключенія грубо и дерзко, и чѣмъ болѣе лицо было достойно уваженія и любимо государемъ, тѣмъ высокомѣрнѣе было съ нимъ обращеніе Аракчеева.

Около этого же времени произошли и нѣкоторыя перемѣны въ министерствѣ. Послѣ смерти престарѣлаго фельдмаршала кн. Салтыкова, предсѣдателемъ государственнаго совѣта былъ сдѣланъ свѣтлѣйшій *князь Петръ Васильевичъ Лопухинъ*,

бывшій генералъ-губернаторомъ, затѣмъ генералъ-прокуроромъ и министромъ юстиціи, человѣкъ ума государственнаго, опытный и свѣдущій въ дѣлахъ, но состарившійся и слабѣющій. Военное министерство передано было *графу Коновницыну*, а послѣ смерти его, инспектору всей артиллеріи *барону Петру Ивановичу Меллеру-Закомельскому*; хотя вся военная часть находилась въ рукахъ постояннаго спутника государя, начальника главнаго штаба *князя Волконскаго*. Министромъ юстиціи былъ сдѣланъ, по рекомендаціи Аракчеева, *князь Дмитрій Ивановичъ Лобановъ-Ростовскій* или «князь Тильзитскаго мира», какъ его тогда называли. Министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, послѣ отставки Разумовскаго, было поручено набожному *князю Александру Николаевичу Голицыну*.

Въ августѣ 1816 года императоръ посѣтилъ Москву, въ первый разъ послѣ пожара 1812 года. Народъ принялъ своего государя съ необыкновеннымъ восторгомъ, и каждое появленіе его на улицахъ пострадавшаго города сопровождалось изъявленіемъ самой искренней радости. Въ день парада, лишь только государь выѣхалъ изъ Спасскихъ воротъ, народъ бросился къ его коляскѣ и окружилъ ее тѣсной толпой. Полиція принялась разгонять толпу, но государь запретилъ ей это сдѣлать: «Тише, тише—говорилъ онъ,—какъ можно тише!» Слышавшіе это, бросились цѣловать лошадь государя, сапоги, платье: «Вотъ какъ онъ любитъ насъ!—заговорили въ толпѣ.—Да и мы любимъ его также, какъ добрые его солдаты». И на императора радушіе Москвичей произвело пріятное впечатлѣніе: прощаясь съ ними, онъ обѣщалъ на будущій годъ опять пріѣхать въ Москву и погостить въ ней подольше. Пребываніе свое въ Москвѣ императоръ ознаменовалъ прощеніемъ Сперанскаго и Магницкаго: указомъ сенату первый сдѣланъ былъ губернаторомъ Пензы, а второй—вице-губернаторомъ Воронежскимъ. Новая перемѣна въ участи бывшаго любимца импера-

тора поразила всѣхъ своею неожиданностію. Одинъ современникъ (Голенищевъ-Кутузовъ) говоритъ, что вѣсть объ этомъ поразила всѣхъ точно также, какъ незадолго до того вѣсть о побѣгѣ Наполеона съ острова Эльбы. «Въ указѣ — говоритъ другой современникъ (Вигель),—было сказано, что по дошедшимъ невыгоднымъ слухамъ о Сперанскомъ и Магницкомъ, они были удалены отъ должностей, но дабы дать имъ возможность оправдать себя, назначаются они: первый гражданскимъ губернаторомъ въ Пензу, а послѣдній вице-губернаторомъ въ Симбирскъ [1]). Они были не только отставлены, они были сосланы, слѣдовательно наказаны: за что же? Неужели по однимъ только подозрѣніямъ? это походило на право выслуги дарованное разжалованнымъ. Вмѣсто того, чтобы объясниться, это дѣло стало еще темнѣе».

Изъ Москвы государь поѣхалъ въ Тулу, а оттуда въ главную квартиру поселенія Елецкаго мушкатерскаго полка. Это былъ первый опытъ нашихъ военныхъ поселеній, для которыхъ самъ Аракчеевъ составилъ въ 1815 году особое «Положеніе». Каждый военно-поселяемый былъ женатъ и владѣлъ извѣстнымъ имуществомъ, кромѣ дома и земли; къ нему на постой ставили двухъ солдатъ, которые получали отъ казны провіантъ и обязаны были помогать хозяину во всѣхъ его работахъ полевыхъ и домашнихъ, не переставая быть солдатами, т. е. бывать на ученіяхъ, занимать караулы и т. д. Кто подалъ государю мысль учредить у насъ военныя поселенія— сказать трудно: можетъ быть Аракчеевъ, можетъ быть самъ императоръ былъ авторомъ этой мысли, потому что любилъ солдата и всегда желалъ улучшить его участь и обезпечить его старость; извѣстно только, что впервые онѣ появились въ 1810 г., когда финансы пришли въ страшное разстройство, а государство требовало большихъ вооруженныхъ силъ. Послѣ

[1]) Магницкій былъ назначенъ въ Симбирскъ послѣ вице-губернаторства въ Воронежѣ.

блистательнаго примѣра прусскихъ ландверовъ и ландштурмовъ, которые значительно уменьшили расходы на армію, военныя поселенія представляли лучшее средство имѣть на готовѣ значительную армію, колонизированную и устроенную такимъ образомъ, чтобы она сама себя содержала и слѣдовательно не была бы обременительна для государства. Аракчеевъ успѣлъ убѣдить государя въ необходимости немедленно приступить къ устройсту военныхъ поселеній и съ ревностію сталъ приводить въ исполненіе свой проектъ. Въ 1816 году для поселенія однаго баталіона гренадерскаго графа Аракчеева полка отведена была въ Новгородской губерніи цѣлая волость съ селомъ: министръ финансовъ, по требованію графа, выдалъ на поселенцевъ 50 тысячъ рублей, а военный министръ приказалъ заготовить годовую пропорцію провіанта. Дѣло закипѣло: вызывались рабочіе, покупался и подвозился матеріалъ, выравнивались дороги, строились избы, и на слѣдующій годъ императоръ разрѣшилъ торжествующему Аракчееву приступить къ устройству военныхъ поселеній въ Херсонской губерніи. Воинскіе чины поселяемыхъ войскъ надѣлялись землей, домами, земледѣльческими орудіями, даже скотомъ и упряжью, получали жалованье и обмундированіе и избавлялись отъ походовъ. Чего же лучше? Аракчеевъ думалъ, что онъ дѣлаетъ ихъ счастливыми, что они будутъ благославлять свою участь,—и дѣлалъ имъ благодѣянія помимо ихъ собственной воли, не спрашивая у нихъ, какъ они сами понимаютъ свое счастіе. Но въ первое же время военные поселяне стали сожалѣть о прежнихъ своихъ избахъ курныхъ и грязныхъ, но теплыхъ и милыхъ имъ, гдѣ можно было высушить измокшее платье или отдохнуть въ теплѣ послѣ тяжелой работы. Новые домики были опрятны и даже красивы, но построенные изъ сыраго дерева не удерживали тепла; къ тому же поддерживаніе чистоты и опрятности обходилось поселянамъ черезъ-чуръ дорого: безпрестанно приходилось бѣлить и подмазывать стѣны, исправлять

попорченныя изгороди, держать въ исправности фонарь, ведра и другіе предметы хозяйства, мести улицу и дворъ, чинить шоссе, копать канавы, исправлять мосты. Малѣйшее упущеніе наказывалось съ примѣрной строгостію, поэтому послѣдніе крохи поселянъ шли на подмазку и подкраску, на покупку свѣчей и масла. Хлѣбъ, каждая курица, каждое снесенное яйцо были на счету и, безъ воли начальства, нельзя было пользоваться ими. Вмѣстѣ съ тяжестью фронтовой службы и безпрерывной работой на полѣ и дома, поселянъ тяготило бритье бороды, прививаніе оспы, запрещеніе вступать въ бракъ безъ разрѣшенія начальства и другія стѣсненія, обратившія ихъ жизнь въ настоящую каторгу: на первыхъ же порахъ поселяне стали волноваться и писали царю «о защитѣ хрещенаго народа отъ Аракчеева». Но гораздо серьезнѣе были волненія военныхъ поселянъ на югѣ Россіи. Въ Чугуевскомъ округѣ неудовольствіе крестьянъ новыми порядками дошло до того, что они отказались ходить на сѣнокосъ для строевыхъ лошадей, не обращая вниманія на увѣщаніе и угрозы своего полковаго командира. Когда вытребовано было войско для усмиренія ихъ, и харьковскій губернаторъ пытался уговаривать ихъ, поселяне упорствовали и твердили, что ни они, ни дѣти ихъ военнаго поселенія не желаютъ. По приказанію Государя, въ Чугуевъ отправился самъ Аракчеевъ и прекратилъ волненіе страшными наказаніями: до 500 человѣкъ было прогнано сквозь строй и болѣе 300 человѣкъ сослано въ Оренбургъ; также наказано было розгами до 29 женщинъ, и нѣсколько неблагонадежныхъ офицеровъ переселено въ Оренбургскій округъ. Происшествіе это произвело на чувствительную душу Александра тяжелое впечатлѣніе; проѣзжая въ Варшаву черезъ Чугуевъ, онъ старался милостями и лаской изгладить слѣды недавнихъ бѣдствій.

Въ іюнѣ 1817 г. пріѣхала въ Петербургъ Прусская принцесса Шарлотта со своимъ братомъ принцемъ Вильгельмомъ (нынѣшнимъ императоромъ Германіи). Еще въ началѣ 1814 г. юный Великій Князь Николай Павловичъ, проѣзжая со своимъ младшимъ братомъ через Берлинъ, остановился въ королевскомъ семействѣ и въ первый разъ увидѣлъ старшую дочь короля, только что вышедшую тогда изъ дѣтскихъ лѣтъ [1]). Они сразу понравились другъ другу, а дружба между Императоромъ Александромъ и отцомъ принцессы Шарлотты дѣлала возможнымъ брачный союзъ между ними, такъ что черезъ два съ половиной года объ этомъ говорили какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ. Въ Петербургъ принцесса пріѣхала уже какъ невѣста Великаго Князя и черезъ два дня была миропомазана съ именованіемъ Александры Ѳеодоровны. 25 іюня, въ день рожденія жениха, происходило торжественное обрученіе, а 1 іюля, въ день рожденія невѣсты—отпразднована была свадьба. Вскорѣ Императоръ и вся царская семья отправились на цѣлую зиму въ Москву, чтобы своимъ присутствіемъ поднять оживающую послѣ раззоренія столицу. Балы и различныя празднества продолжались непрерывно до самаго поста. Въ среду на Святой недѣлѣ [2]), вечеромъ пушечные выстрѣлы возвѣстили жителямъ Москвы о рожденіи Великаго Князя Александра Николаевича. Среди веселій и пировъ, въ Москвѣ, на Красной площади открытъ былъ памятникъ Минину и Пожарскому, а на Воробьевыхъ горахъ, вблизи знаменитаго селенія Филей, заложенъ храмъ Спасителя, проектированный даровитымъ художникомъ Витбергомъ [3]):

---

[1]) Николай Павловичъ родился 25 іюня 1796 г., а принцесса Шарлотта 1 іюля 1798 года.

[2]) 17 апрѣля 1818 г.

[3]) Храмъ, по проекту Витберга, въ 110 саж. высоты, долженъ былъ состоять изъ 3 частей: 1) *Нижняго храма* — во имя Рожд. Христова. Врытый въ землю, онъ долженъ былъ быть могилою воиновъ павшихъ въ 12 году, почему на стѣнахъ предполагалось вырѣзать ихъ имена и служить по нимъ панихиды. 2) *Средняго храма*—во имя Преображенія Господня. Онъ долженъ былъ имѣть форму равноконечнаго греческаго креста, колоннада ведущая въ храмъ должна была украситься

Но мечтамъ молодаго художника не пришлось сбыться. Уже подвезли къ Воробьевымъ горамъ матеріалы и началась работа, какъ вдругъ пришлось ее остановить: рыхлая земля Воробьевыхъ горъ не выдержала давленія такой громадной массы, и начатый храмъ осѣлъ. Смѣлый архитекторъ былъ отставленъ и, послѣ кончины Императора, сосланъ въ Вятку.

Украшеніе Петербурга, начатое въ первые годы царствованія Александра, было пріостановлено въ 1805 году; когда же войны были окончены, Императоръ могъ снова обратиться къ своимъ мирнымъ занятіямъ. Въ періодъ войнъ ему пришлось побывать во многихъ красивыхъ городахъ, и вотъ, по возвращеніи домой, онъ захотѣлъ сдѣлать Петербургъ красивѣе всѣхъ посѣщенныхъ имъ столицъ Европы. Для этого былъ учрежденъ особый архитектурный комитетъ изъ инженеровъ и архитекторовъ, подъ предсѣдательствомъ генерала *Бетанкура*, главнаго начальника института путей сообщенія. Комитетъ обязанъ былъ разсматривать проекты всѣхъ новыхъ зданій, утверждать ихъ, отвергать или измѣнять; также регулировать улицы и площади, проектировать каналы, мосты и лучшее устройство городскихъ окраинъ. Обладая большимъ вкусомъ, Императоръ требовалъ отъ зданій правильности и точности размѣровъ; поэтому комитетъ представлялъ на его разсмотрѣніе планы всѣхъ домовъ, хотя бы они строились на Пескахъ или на Петербургской сторонѣ. Въ архитектурномъ комитетѣ вышло постановленіе о тротуарахъ, которыхъ до тѣхъ поръ не существовало вовсе. На мѣстѣ грязнаго двора передъ Аничковымъ дворцемъ устроена большая площадь со скверомъ, и проло-

---

изваяніями ветхо-завѣтныхъ лицъ, а самый храмъ — образами изъ евангельской исторіи и дѣяній апостольскихъ. 3) *Верхняго храма*—во имя Воскресенія, сквознаго, въ видѣ ротонды, ярко освѣщенной со всѣхъ сторонъ, окруженнаго снаружи вѣнкомъ архангеловъ. Проектъ Витберга такъ понравился Государю, что онъ призвалъ его къ себѣ и сказалъ ему „вы камнями говорите“.

жена новая улица до Чернышева моста. Другая улица—Михайловская должна была идти отъ башни городской думы до новой площади, въ глубинѣ которой былъ заложенъ красивый Михайловскій дворецъ; однообразныя большія зданія должны были служить рамкой улицы. Прежнія знаменитости архитектурнаго міра, какъ Гваренги, Томонъ, Захаровъ, и др. уже умерли, явились новыя лица, какъ напр. *Росси*, строитель Михайловскаго и Елагинскаго дворцовъ и красиваго зданія главнаго штаба: по одну сторону арки помѣщался главный штабъ, по другую — министерство финансовъ и министерство иностранныхъ дѣлъ. Архитекторъ *Модюи* перестроилъ Большой театръ, сгорѣвшій въ январѣ 1811 года. Онъ придалъ ему тотъ величественный видъ, которымъ онъ отличается до сихъ поръ: къ огромному четыреугольнику примыкаетъ перистиль изъ 8 большихъ колоннъ, поддерживающій фронтонъ, на которомъ изображенъ Аполлонъ на своей колесницѣ, окруженной часами или хорами. Въ это время пріѣхалъ изъ Франціи молодой рисовальщикъ, необыкновенный талантъ котораго вскорѣ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Это былъ *Монферанъ*, имени котораго суждено было прославиться въ слѣдующее царствованіе построеніемъ Исакіевскаго собора и Александровской колонны.

Извѣстный обелискъ, воздвигнутый «побѣдамъ Румянцева», еще въ прошлое царствованіе, былъ перенесенъ на площадь перваго кадетскаго корпуса, «да юные питомцы сего училища—говорилось въ повелѣніи—въ коемъ воспитывался самъ герой Задунайскій, созерцаютъ монументъ его славы». Незабыты были и современные герои. Императоръ желалъ воздвигнуть памятники главнымъ сподвижникамъ совершеннаго имъ освобожденія Европы, фельдмаршаламъ: Кутузову и Барклаю-де-Толли, но мысль его была приведена въ исполненіе только въ слѣдующее царствованіе. Вообще Петербургъ быстро украшался и разростался въ періодъ 25 лѣтняго царствованія Импе-

ратора Александра; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастали и доходы его: по смѣтѣ 1804 года, доходы города не достигали и милліона рублей, а черезъ 15 лѣтъ они превысили цифру въ три милліона (3.142,848 р. 21 к.)

Вѣнскій конгресъ рѣшилъ судьбу Польши. Герцогство Варшавское, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей уступленныхъ Австріи и Пруссіи, было присоединено къ Россіи подъ именемъ *Царства Польскаго*, и Императоръ присоединилъ къ своему титулу титулъ *царя (короля) Польскаго.* Особымъ манифестомъ Государь объявилъ объ этомъ жителямъ вновь присоединеннаго края и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ даровать имъ конституцію, самоуправленіе, собственную армію и свободу печати. Поляки приняли это извѣстіе съ шумнымъ восторгомъ, отслужили во всѣхъ церквахъ благодарственныя молебствія съ колокольнымъ звономъ и пушечной пальбой и, для выраженія внѣшнимъ образомъ своей свободы, водрузили на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ польское знамя и Бѣлый орелъ. Бывшая армія герцогства Варшавскаго, переименованная теперь въ королевско-польскую, собралась въ день обнародованія манифеста на равнинахъ предмѣстія Воли и здѣсь, въ присутствіи своего главнокомандующаго, Великаго Князя Константина Павловича, приняла присягу на вѣрность Царю. Скоро пріѣхалъ въ Варшаву самъ Императоръ и ознаменовалъ свое пребываніе въ царствѣ многими милостями; тогда же онъ приказалъ составить изъ польскихъ сановниковъ особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ гр. Островскаго, для составленія конституціи. Еще на Вѣнскомъ конгрессѣ Чарторижскій, какъ глава аристократической, польской партіи, поднесъ Императору проектъ конституціи, но Императоръ отвергъ ее, потому что она имѣла въ виду только выгоды дворянства. Намѣстникомъ царства Императоръ назначилъ стараго генерала *Заіончека*. Чарториж-

скій, не терявшій надежды получить это мѣсто до послѣдней минуты, былъ пораженъ неудачею, ходилъ всю ночь по дворцу съ разстроеннымъ видомъ, и не говорилъ ни съ кѣмъ изъ Русскихъ въ пріемной Государя. Заіончекъ оставался намѣстникомъ до самой смерти (1826 г.) и, говорятъ, совѣтовался во всѣхъ важныхъ дѣлахъ съ великимъ княземъ; съ своей стороны Константинъ Павловичъ во всѣхъ официіальныхъ случаяхъ уступалъ намѣстнику первый шагъ, а въ торжественные дни, послѣ парада, въ полной формѣ, со всею свитою являлся во дворецъ намѣстника для принесенія поздравленій. Польская конституція, составленная на основаніи учрежденій уже существовавшихъ въ странѣ (3 мая 1791 г.), и согламенная съ конституціями новѣйшими, была готова и утверждена государемъ за три дня до его отъѣзда изъ Варшавы [1]).

Въ мартѣ 1818 г. государь поѣхалъ въ Варшаву къ открытію сейма. Въ числѣ лицъ сопровождавшихъ императора былъ графъ Каподистріа, сдѣланный въ 1816 году министромъ иностранныхъ дѣлъ. Онъ написалъ для государя рѣчь, но она ему не понравилась. За два дня до сейма государь далъ ему свою рѣчь для исправленія: «даю вамъ полное право расположить фразы согласно съ граматикою, разставить точки и запятыя, но не допущу никакихъ другихъ измѣненій». Открытіе сейма было необыкновенно торжественно. Президентъ и секретарь сената встрѣтили государя у самыхъ дверей зала и довели до трона, по сторонамъ котораго размѣстились въ извѣстномъ порядкѣ министры, члены государ-

---

[1]) Какъ всѣ европейскія конституціи, она раздѣляла власти: исполнительную и законодательную. *Исполнительная власть* была въ рукахъ императора: онъ распоряжался финансами, управлялъ вооруженными силами, объявлялъ войну, заключалъ міръ, назначалъ чиновниковъ по всѣмъ отраслямъ управленія, давалъ чины, ордена, почетныя должности, миловалъ преступниковъ и т. д. Особа царя считалась священною и ненарушимою. *Законодательную власть* онъ раздѣлялъ съ *сенатомъ* и *камерой депутатовъ*. Для обсужденія проектовъ новыхъ законовъ каждые два года собирался на 30 дней *сеймъ*. Законъ прошедшій въ сеймѣ утверждался обѣими камерами и уже тогда шелъ на утвержденіе государя.

ственнаго совѣта, свита государя и придворные. «Представители Царства Польскаго! говорилъ императоръ. Станьте въ уровень вашему назначенію. Вы призваны дать великій примѣръ взирающей на васъ Европѣ. Докажите вашимъ современникамъ, что свободныя учрежденія, коихъ священныя начала покушаются смѣшивать съ разрушительнымъ ученіемъ, враждебнымъ общественному устройству, не мечта опасная; но что, напротивъ того, такія учрежденія, приведенныя въ исполненіе съ чистымъ сердцемъ, къ достиженію полезной и спасительной для человѣчества цѣли, совершенно согласуются съ общественнымъ порядкомъ и утверждаютъ истинное благосостояніе народовъ. Вамъ предлежитъ доказать на опытѣ эту великую истину. Да будетъ согласіе душею вашихъ собраній, а достоинство, хладнокровіе и умѣренность, да ознаменуютъ ваши пренія. Руководясь единственно любовью къ отечеству, старайтесь освободить свои мнѣнія отъ вліянія частныхъ выгодъ, и выражая ихъ просто, съ прямодушіемъ, не допускайте увлечь себя заманчивой прелести, столь часто сопровождающей даръ слова. Наконецъ, да будетъ съ вами неразлучно чувство братской любви, намъ всѣмъ заповѣданное божественнымъ законодавцемъ.» Рѣчь свою императоръ произнесъ на французскомъ языкѣ; потомъ она была прочтена государственнымъ секретаремъ въ польскомъ переводѣ.

Дарованіе конституціи и либеральная рѣчь императора, ласковость и кроткое обхожденіе его подѣйствовали на впечатлительныхъ поляковъ, мечтавшихъ о возрожденіи самобытной Польши. Пребываніе императора въ Варшавѣ было подобно празднику, и поляки ликовали. Самъ императоръ сочувствовалъ ихъ радости, потому что видѣлъ осуществленіе тѣхъ мечтаній, которымъ предавался еще въ юношескихъ лѣтахъ вмѣстѣ съ Адамомъ Чарторижскимъ. За то въ Россіи очень многимъ неправились «варшавскія новости» и «варшавскія рѣчи». «Варшавскія новости, писалъ Карамзинъ,

сильно дѣйствуютъ на умы,—спятъ и бредятъ конституціей.» «Никто въ Петербургѣ, говоритъ Вигель, ни даже настоящіе или мнимые друзья свободы, никто не скрывалъ неодобренія и прискорбія при видѣ сихъ новыхъ опасностей, которыя добровольно создавались для Россіи.» Дѣйствительно, одни завидовали полякамъ и надѣялись на конституцію въ Россіи, другіе напротивъ боялись свободы, съ которою могла соединиться мысль объ освобожденіи крестьянъ.

Но поляки не оправдали довѣрія государя и обманули его надежды. Едва онъ оставилъ Варшаву, какъ обѣ палаты заговорили дерзкимъ тономъ и стали предъявлять разныя притязанія государственному совѣту, несогласныя съ почтеніемъ къ верховной власти. Нѣкоторые напримѣръ осуждали высочайшіе указы и, желая видѣть въ нихъ противорѣчія, кричали, что они затрудняютъ администрацію. Вообще поляки скоро забыли благодѣянія и милости императора и, увлекаясь только воспоминаніемъ о бывшей посполитой рѣчи, когда вся власть находилась въ рукахъ сейма, стали съ легкомысліемъ нарушать свои обязанности. Недовольный этимъ, императоръ вынужденъ былъ дать совѣту особый рескриптъ, въ которомъ прямо говорилось, что палата не имѣетъ права обсуждать дѣйствія правительства или дѣлать ему упреки. Но поляки не унимались. Чарторижскій, представляя изъ себя ходатая за народъ польскій, писалъ императору о притѣсненіяхъ, которымъ будто бы подвергались жители царства отъ мѣстныхъ властей, надъ ними поставленныхъ. Изъ писемъ Константина Павловича было видно, что его усилія возстановить въ польской арміи дисциплину, подвергались сильнымъ нареканіямъ и что его особу старались выставить въ глазахъ императора какъ нестерпимаго тирана. Огорченный императоръ рѣшился самъ, лично, убѣдиться въ справедливости жалобъ, и изъ Финляндіи, куда предпринялъ путешествіе въ 1819 году, прямо отправился въ Варшаву. Къ этому времени относится

извѣстная записка Карамзина, съ которымъ государь говорилъ о Польшѣ. Съ прежнимъ мужествомъ, силою и убѣдительностію Карамзинъ изложилъ передъ государемъ невозможность возстановленія Польши въ ея прежнихъ границахъ. «Я слышу русскихъ и знаю ихъ, писалъ историографъ. Мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ царю, остыли бы душею и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ, унизились бы предъ другими и передъ собою. Не опустѣлъ бы конечно дворецъ. Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ, но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы... А вы, государь, гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу. Однимъ словомъ—возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обагрятъ своею кровью землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.... Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ королевство Польское, какъ оно есть нынѣ; но да существуетъ, да благоденствуетъ и Россія, какъ она есть и какъ оставлена вамъ Екатериною...»

«Екатерина любила васъ нѣжно, любила и наше отечество; ея тѣнь здѣсь присутствуетъ; умолкаю!»

Жалобы на притѣсненія оказались несправедливыми, что глубоко оскорбило императора. Онъ казался недовольнымъ всѣмъ управленіемъ Польши и началъ искать уединенія: часто, не предупредивъ свою свиту, государь уходилъ одинъ гулять въ отдаленныя отъ Варшавы мѣстности, приказывая принести туда себѣ обѣдъ.

Въ августѣ слѣдующаго года императоръ снова поѣхалъ въ Варшаву, куда вскорѣ пріѣхалъ и графъ Аракчеевъ. На этотъ разъ государь открылъ сеймъ довольно строгою рѣчью, въ которой старался убѣдить поляковъ быть благоразумными

и болѣе довѣрять правительству. Но и это мало подѣйствовало на расходившіяся страсти. Сеймъ съ прежнимъ предубѣжденіемъ встрѣтилъ всѣ проекты законовъ и отвергнулъ ихъ безъ обсужденія. Государь оставилъ Варшаву, возмущенный до глубины души.

ГЛАВА XVIII.

Конгрессъ въ Ахенѣ.—Волненія между германскою молодежью.—Смерть Коцебу.—Карлсбадскія совѣщанія.—Взглядъ императора Александра.—Возстаніе въ Испаніи, Португаліи и Неаполѣ.—Конгрессъ въ Троппау.—Семеновская исторія.—Конгрессъ въ Лайбахѣ.—Возстаніе Грековъ и Александръ Инспланти.—Изувѣрства Турокъ.—Отставка графа Каподистріа.—Конгрессъ въ Веронѣ.—Кавказъ и Закавказье съ 1816 по 1825 годъ: Ермоловъ и его посольство въ Персію; успокоеніе края; князь Мадатовъ; Мулла Магометъ и начало мюридизма.—Состояніе Польши въ послѣдніе годы царствованія императора Александра.—Новосильцевъ и Друцкой-Любецкой.—Третій сеймъ.

Дѣла Франціи еще не были окончены и Французы тяготились пребываніемъ въ ихъ территоріи окупаціонной арміи. Не только король Людовикъ и герцогъ Ришелье, котораго уважалъ императоръ, убѣждали его сократить срокъ пребыванія окупаціонной арміи, но и командующій ею, Веллингтонъ высказывался въ томъ же духѣ и находилъ совершенно излишнимъ продолжительную окупацію Франціи. Для рѣшенія этого вопроса, осенью 1817 г., состоялся конгрессъ въ Ахенѣ. Но при самыхъ первыхъ совѣщаніяхъ, обнаружилось разногласіе въ основныхъ мнѣніяхъ. Англійскій и Австрійскій кабинеты, изъ ревности къ колоссальному величію Россіи и изъ боязни вмѣшательства ея кабинета во всѣ европейскія отношенія, настаивали на необходимости продолжать четверной союзъ, т. е. союзъ Россіи, Австріи, Пруссіи и Англіи; тогда какъ Россія склонялась къ союзу общеевропейскому, братскому и христіанскому. Впрочемъ искренность и откровенность, съ которою велъ

себя на конгрессѣ императоръ Александръ, скоро поколебали подозрительность Меттерниха, и главное дѣло, для котораго собрались государи въ Ахенѣ — рѣшеніе вопроса объ отношеніяхъ союзныхъ державъ къ Франціи — окончилось согласно съ желаніемъ Александра: Франція была освобождена отъ опеки четырехъ державъ, и ея земли были очищены отъ иностраннаго войска. Императоръ настаивалъ также, чтобы конгрессы собирались періодически, въ извѣстное опредѣленное время и въ извѣстныхъ мѣстностяхъ: это одно, по его мнѣнію, могло упрочить общее управленіе дѣлами Европы; но стараніями Англіи мысль императора была устранена, и положено собирать конгрессы не періодически, а по требованію обстоятельствъ.

Обстоятельства скоро представились.

Въ продолжительной борьбѣ за независимость участвовали почти всѣ народы Европы. Жертвуя для этой великой цѣли своею жизнію и имуществомъ, напрягая послѣднія свои силы, они успѣли сохранить государственную независимость. Борьба и пожертвованія пробудили въ нихъ чувство личнаго достоинства, развили самолюбіе, а обѣщанія правительствъ дать народное представительство укрѣпило въ нихъ надежду на лучшее и спокойное будущее. Но, по миновании опасности, обѣщанія не были исполнены. Такъ было въ Италіи, Испаніи, Австріи и даже въ Пруссіи, гдѣ Гарденбергъ и Штейнъ уже успѣли ввести нѣкоторыя благодѣтельныя реформы и гдѣ народъ отличался большимъ образованіемъ. Подъ вліяніемъ людей отсталыхъ и вполнѣ раздѣлявшихъ опасенія Меттерниха, прусское правительство отказалось выполнить свои торжественныя обѣщанія и, боясь революціи, подавляло конституціонныя стремленія въ другихъ государствахъ; съ этою цѣлію, была стѣснена печать и запрещены нѣкоторые журналы либеральнаго характера. Пылкая молодежь, мечтавшая о свободѣ и единствѣ всей германской земли, не могла переносить притѣсненій и воспользовалась торжественнымъ празднованіемъ 300 лѣтняго юбилея

реформаціи (во всей протестанской Германіи), чтобы выказать правительству свое негодованіе. Въ день годовщины Лейпцигской битвы, Іенскіе студенты и нѣкоторые профессора собрались въ историческомъ замкѣ Вартбургъ, пѣли пѣсни, провозглашали тосты за свободу и объединеніе Германіи и, къ вечеру, по примѣру Лютера, сжегшаго папскую буллу, съ какимъ то торжествомъ стали жечь всѣ книги, написанныя въ консервативномъ духѣ и враждебныя объединенію германскаго народа, какъ напримѣръ, Наполеоновъ кодексъ, сочиненія Коцебу, Шмальца и др., а также австрійскую капральскую палку, гессенскую косичку и прусскую гвардейскую куртку.—Этой ребяческой выходкѣ было придано слишкомъ много значенія: въ Веймаръ были посланы Гарденбергъ, Коцебу и др., изслѣдовать на мѣстѣ результаты празднества и наказать виновныхъ. Около этого времени Стурдза подалъ императору особую записку, въ которой съ ожесточеніемъ нападалъ на германскіе университеты, какъ на притоны, устроенные для разврата и гибели юнаго поколѣнія, и вообще предрекалъ Германіи революцію. Почти не читая записки, императоръ Александръ разрѣшилъ ему отлитографировать ее и разослать къ разнымъ дворамъ Европы. Англійскія и нѣмецкія газеты перепечатали ее въ искаженномъ видѣ и такимъ образомъ возбудили всю германскую молодежь противъ Стурдзы; его уже хотѣли умертвить, но онъ успѣлъ скрыться въ Россіи. Также счастливо отдѣлался отъ убійцы профессоръ Шмальцъ; за то Августъ Коцебу, обвиненный, какъ русскій шпіонъ, не избѣгнулъ кинжала и палъ отъ руки полупомѣшаннаго студента.—Это обстоятельство серьезно встревожило правительства Пруссіи и Австріи, гдѣ, въ отдѣльныхъ попыткахъ фанатизма, робкіе умы видѣли какую то соумышленность и систему.—Меттернихъ, предрекавшій заранѣе разные ужасы европейскимъ государямъ, ухватился за этотъ случай, чтобы подавить во всей Европѣ либеральныя стремленія и, по соглашенію съ королемъ прусскимъ

и Гарденбергомъ, который въ послѣднее время совершенно подпалъ подъ его вліяніе, склонилъ императора Франца собрать лѣтомъ въ Карлсбадъ на совѣщаніе всѣхъ министровъ Германіи. Такъ называемыя *карлсбадскія* совѣщанія продолжались 20 дней. Меттернихъ, съ особымъ искуствомъ, отличавшимъ его, изложилъ въ чемъ дѣло и указалъ на необходимость принять быстрыя и дѣйствительныя мѣры для предохраненія германской конфедераціи вообще и каждое государство, ее составляющее, въ особенности, отъ опасностей, которыми грозятъ революціонныя движенія и демагогическія общества. Средства, на которыя указывалъ Меттернихъ и которыя ему удалось провести на совѣщаніяхъ, были: введеніе цензуры во всемъ союзѣ, устройство строгаго надзора за учащимися и учащими и учрежденіе въ Майнцѣ особой комиссіи, которая бы неусыпно наблюдала за дѣйствіями демагоговъ и уполномочивала бы особыхъ лицъ для арестованія безпокойныхъ людей во всей Германіи. Карлсбадскія положенія были утверждены Франкфуртскимъ сеймомъ, а черезъ 2 мѣсяца назначена была конференція въ Вѣнѣ, для пересмотра и уясненія параграфовъ союзнаго акта.

Казалось, Меттернихъ достигалъ своей цѣли: большая часть германскихъ правительствъ, изъ страха революціи, примкнула къ нему и только отъ него ждала себѣ спасенія; но что скажетъ императоръ Александръ, государь могущественный, способный однимъ своимъ вліяніемъ остановить реакцію германскихъ государствъ? Эта мысль могла безпокоить Меттерниха. Александръ, извѣщенный о безпорядкахъ въ Германскихъ университетахъ и объ убійствѣ Коцебу, былъ чрезвычайно огорченъ, но въ то же время не раздѣлялъ и взглядовъ Австрійскаго министерства. «Если таковы результаты ученій, преподаваемыхъ въ германскихъ университетахъ» — говорилось въ инструкціи русскимъ министрамъ при германскихъ дворахъ, — «если осмѣливаются употреблять во зло религію, благодѣтельницу чело-

вѣчества; если такова, наконецъ, цѣль, указываемая свободѣ: то не настоитъ ли нужда задушить зло при его рожденіи? Не надлежитъ ли общими мѣрами утвердить господство принциповъ, которыхъ государи и народы не могутъ забывать безнаказанно? Во время своего пребыванія въ Веймарѣ, императоръ обратилъ вниманіе великаго герцога на эти великія и спасительныя истины. Продолжайте эти внушенія, поддерживайте вашимъ кредитомъ мѣры, которыя Австрія предложитъ въ этомъ отношеніи, сообща съ другими нашими союзниками, но не берите на себя инйціативы въ вопросѣ, который относится преимущественно къ германской конфедераціи».

Такая сдержанность не могла удовлетворить Меттерниха; ему хотѣлось, чтобы императоръ высказалъ громко, во всеуслышанье свое сочувствіе Карлсбадскимъ мѣрамъ; «когда Нѣмцы узнаютъ изъ газетъ, — сказалъ онъ одному русскому дипломату,—«что императоръ торжественно высказался о мудрости принятыхъ теперь нами мѣръ, то у революціонеровъ отнимется предлогъ употреблять его имя для поддержанія своего дѣла». Но императоръ продолжалъ стоять за мѣры осторожности, не высказывался за реакцію и даже приказывалъ своимъ министрамъ уклоняться отъ всякаго участія во внутреннихъ дѣлахъ Германіи, высказывая свое мнѣніе только тогда, когда это будетъ неизбѣжно; въ послѣднемъ случаѣ, мнѣнія ихъ должны быть основаны на принципахъ права, достоинства государей и благосостоянія народовъ. Министры, собравшіеся на Вѣнской конференціи, приходили отъ этого въ отчаяніе и во всемъ обвиняли Каподистрію. То же невмѣшательство высказывалъ Англійскій кабинетъ, хотя по совершенно другимъ причинамъ: Англія боялась вмѣшательства Россіи во всѣ дѣла континента и потому старалась устранить ея вліяніе отовсюду, не давая нигдѣ пускать корни.

Между тѣмъ начали сбываться предсказанія Меттерниха. Возстали испанскія колоніи въ Америкѣ и отложились отъ

метрополіи; возстаніе колоній отразилось сначала на Пиренейскомъ полуостровѣ, затѣмъ въ Италіи и во всей Европѣ. Если недоказано, что возстаніе въ испанскихъ колоніяхъ поддерживала Англія, то неподлежитъ сомнѣнію, что это возстаніе было выгодно для англійскаго кабинета: онъ могъ сбыть буйные и дикіе полки солдатъ, набранные вербовкой во всѣхъ концахъ свѣта для поддержанія гигантской борьбы съ Наполеономъ; еще болѣе надѣялся сбыть, подъ шумокъ революціи, тѣ военные снаряды и мануфактурныя произведенія, которыя залежались въ государствѣ послѣ раззорительной для него континентальной системы. Въ 1820 г. испанскій народъ не только вынудилъ у короля Фердинанда VII возстановленіе конституціи 1812 г., но и принудилъ его присягнуть ей: упразднена инквизиція, объявлена свобода печати и амнистія за всѣ политическія преступленія. Примѣру Испаніи послѣдовали Португалія и Неаполь. Карбонаріи провозгласили конституцію, и Фердинандъ IV, увлеченный общимъ порывомъ народа и войска, присягнулъ ей. Меттернихъ испугался за Австрію, въ которую быстро могли перейдти безпорядки изъ Италіи, тѣмъ болѣе, что въ странѣ, составленной изъ различныхъ народовъ и вѣроисповѣданій, уже накопилось много воспламенительныхъ элементовъ. Онъ поспѣшилъ заявить, что австрійское правительство не дозволитъ никакихъ измѣненій въ Италіи: оно испробуетъ сначала путь переговоровъ; убѣдившись въ одобреніи и нравственной поддержкѣ всей Европы, прибѣгнетъ къ силѣ оружія. Для этой поддержки понадобился конгрессъ государей: Меттернихъ не забывалъ, что для русскаго императора это была любимая форма для рѣшенія европейскихъ дѣлъ.— Императоръ Францъ предлагалъ для конгресса г. Пещь, но Александръ потребовалъ г. Троппау, безъ согласія котораго австрійская армія не могла перейдти границу нашихъ владѣній.— 20 октября, въ одинъ и тотъ же день, пріѣхали въ Троппау императоры Александръ и Францъ; король Прусскій, по бо-

лѣзни, не могъ прiѣхать ранѣе 5 ноября и вмѣсто себя прислалъ наслѣднаго принца. Англiя отказалась принять участiе въ конгрессѣ, указывая на свою парламентскую форму правленiя и, вмѣсто уполномоченныхъ, прислала въ Троппау только своего посла при Вѣнскомъ дворѣ, запретивъ ему подписывать протоколы конгресса. На совѣщанiяхъ съ самаго начала повторились прежнiя разногласiя; но это не помѣшало придти въ концѣ къ извѣстному соглашенiю: рѣшено было принять мѣры для возвращенiя королю и его народу свободы и оставить въ странѣ для охраненiя спокойствiя окупацiонную армiю, а чтобы не входить въ сношенiя съ революцiоннымъ правительствомъ, пригласить отъ имени трехъ монарховъ неаполитанскаго короля въ г. Лайбахъ, куда, какъ въ городъ ближайшiй къ мѣсту революцiи, монархи предполагали перенести конгрессъ.

Императоръ Александръ сталъ замѣтно подпадать влiянiю Меттерниха, который съ ловкостiю искуснаго и тонкаго дипломата изощрялъ всѣ извороты своей хитрости, чтобы удержать его отъ покровительства законносвободнымъ учрежденiямъ.—Онъ замѣтилъ, что императоръ утомленъ и сильно разочарованъ, и съумѣлъ воспользоваться одной исторiей въ Семеновскомъ полку, о которой онъ успѣлъ донести государю раньше, чѣмъ прибылъ въ Троппау курьеръ. Раздувъ ее до размѣровъ опаснаго бунта, Меттернихъ напугалъ императора тѣмъ, будто бы духъ возмущенiя, направленный противъ властей, установленныхъ закономъ, проникъ и въ Россiю.

Семеновскiй полкъ былъ самымъ любимымъ полкомъ императора. Семеновцы со своей стороны обожали державнаго шефа и избрали его образцомъ для своего подражанiя. Всѣ офицеры были изъ лучшихъ фамилiй, соединены дружбой и товариществомъ, рѣдко посѣщали общество и занимались или серьезнымъ чтенiемъ или обученiемъ солдатъ грамотѣ; никогда семеновскаго офицера нельзя было увидѣть на какомъ нибудь шпицъ-балѣ или въ другомъ нескромномъ заведенiи. Пурита-

низмъ ихъ доходилъ до того, что они даже не курили табаку. Никогда нельзя было семеновскаго солдата встрѣтить на улицѣ пьянымъ; они были грамотны, отличались выправкой и вѣжливостью; одежда и пища ихъ были лучше, чѣмъ въ другихъ полкахъ, и на прочія войска они смотрѣли свысока; вообще, въ нравственномъ отношеніи едва ли было въ Европѣ другое подобное войско. Но графъ Аракчеевъ не терпѣлъ этотъ полкъ, потому ли, что его любилъ государь, или по другимъ причинамъ, только не разъ говаривалъ, что «надо выбить дурь изъ головы этихъ молодчиковъ», не рѣшаясь впрочемъ сказать объ этомъ государю прямо. Въ 1819 году ему удалось на мѣсто Потемкина, этого «джентельмена въ полномъ смыслѣ слова» назначить командиромъ полка полковника *Шварца*. Правда, Шварцъ былъ знатокъ фронтовой службы, но за то былъ невѣжественъ, крутъ и вспыльчивъ до бѣшенства.—На ученіяхъ онъ выходилъ изъ себя бранился, ревѣлъ дикимъ голосомъ и съ первыхъ же дней ввелъ въ дѣло палки, тамъ, гдѣ до него не было слышно даже брани. Недовольный этими наказаніями, Шварцъ билъ самъ солдатъ по щекамъ, дергалъ за усы, заставлялъ плевать одного въ лице другому и томилъ полкъ безполезными ученіями даже по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Офицеровъ Шварцъ оскорблялъ самою пошлою и грубою фамильярностію. Терпѣть больше подобное положеніе дѣлъ было невозможно, и Семеновцы рѣшились жаловаться, не дожидаясь инспекторскаго смотра. Однажды рота его величества обратилась къ своему ближайшему начальству и просила его облегчить тягость ихъ службы; роту арестовали и отправили въ крѣпость. Тогда весь полкъ пришелъ въ уныніе. «Нѣтъ государевой роты! она погибаетъ!» говорили солдаты и, считая себя виновными наравнѣ съ нею, просили начальство возвратить ее изъ крѣпости. Не помогали ни доводы, ни угрозы. Когда полку скомандовали: «идите подъ арестъ въ крѣпость», люди исполнили приказаніе безпрекословно и шли подъ арестъ

безъ конвоя. Въ крѣпости они говорили графу Милорадовичу: «будемъ смотрѣть сами за собою и ослушниковъ не будетъ».

Извѣщеніе объ этомъ событіи тотчасъ же послано было государю въ Троппау, но, къ несчастію полка, курьеръ запоздалъ въ дорогѣ и былъ предупрежденъ Меттернихомъ. Донесенія и письма объ семеновской исторіи не могли успокоить императора: такъ сильно поразила его неблагодарность полка, который онъ любилъ болѣе другихъ и всегда удостоивалъ своимъ вниманіемъ и милостями. При всемъ томъ государь хорошо понималъ, что слѣдствіе было ведено неудовлетворительно. «Я почти увѣренъ,—писалъ онъ Аракчееву—что если бы съ одною гренадерскою ротою приличнѣе поступили при самомъ началѣ, ничего другаго важнаго не произошло бы». Весь полкъ былъ раскассированъ и набранъ изъ новыхъ солдатъ и офицеровъ; полковникъ Шварцъ былъ преданъ военному суду, какъ командиръ не съумѣвшій поведеніемъ своимъ удержать полкъ въ должномъ повиновеніи.

Послѣ семеновской исторіи Александръ переста元ъ настаивать на охраненіи желаній и пользъ неаполитанскаго народа и сталъ поддерживать виды австрійскаго правительства. 4 января 1821 года пріѣхалъ въ Лайбахъ австрійскій императоръ Францъ, черезъ три дня императоръ Александръ, затѣмъ министры папы, сардинскій король, великій герцогъ тосканскій, герцогъ моденскій и наконецъ король неаполитанскій. Король прусскій не пріѣхалъ на конгрессъ. Черезъ своего уполномоченнаго, князя Руффо, Фердинандъ IV благодарилъ союзныхъ монарховъ за то, что они отложили строгія и рѣшительныя мѣры до тѣхъ поръ, пока не будутъ истощены всякія средства къ усмиренію края и, съ своей стороны, просилъ союзныхъ монарховъ сообщить ему что нибудь опредѣленное объ ихъ намѣреніи. Когда Меттернихъ заявилъ ему, что король обязанъ отмѣнить всѣ перемѣны и устроить у себя такой порядокъ управленія, который могъ бы ручаться за прочность и

спокойствіе края, то король обѣщалъ обратиться съ этимъ предложеніемъ къ неаполитанскому правительству, прося при этомъ, чтобы его требованія поддержали агенты союзныхъ монарховъ. Но не успѣлъ придти изъ Неаполя какой нибудь отвѣтъ, какъ Меттернихъ уже двинулъ въ южную Италію генерала Фримона, и австрійцы заняли Неаполь и Гаэту. 26 февраля конгрессъ закрылся; но оба императора и министры разныхъ дворовъ оставались въ Лайбахѣ, чтобы дождаться успокоительныхъ извѣстій изъ Неаполя. Въ это время пришло извѣстіе о революціи въ Піемонтѣ и во всей сѣверной Италіи. Меттернихъ и германскіе министры пришли въ ужасъ: опасались, что революціонное движеніе отзовется во Франціи, Германіи и Польшѣ. Тогда австрійскій генералъ, графъ Бубна получилъ приказаніе идти изъ Ломбардіи къ рѣкѣ Тичино; чтобы поддержать его армію, императоръ Александръ предложилъ къ услугамъ Австріи стотысячную русскую армію. Она уже была двинута съ генераломъ Ермоловымъ изъ царства Польскаго, когда пришло извѣстіе, что возстаніе потушено. Для охраненія тишины и спокойствія на Аппенинскомъ полуостровѣ, австрійское правительство оставило въ Піемонтѣ и королевствѣ обѣихъ Сицилій 54 тысячи войска.

Въ это время вспыхнуло возстаніе въ Греціи. Болѣе трехъ съ половиною вѣковъ греки страдали подъ варварскимъ гнетомъ турковъ и только въ единовѣрной имъ Россіи видѣли надежду на будущее избавленіе. «На вѣнскомъ конгрессѣ—говорили многіе греки—поднятъ былъ вопросъ объ изгнаніи турковъ изъ Европы. Предсѣдательствовалъ на конгрессѣ императоръ Александръ, освободитель Европы, государь великодушный и кроткій, врагъ всякаго зла и притѣсненій. Этотъ императоръ оказываетъ свое довѣріе извѣстному греческому патріоту, графу Каподистріа, который, какъ соперникъ Меттерниха, одинъ можетъ убѣдить императора оказать помощь несчастному народу». Такъ думали многіе греки и укрѣпляли

въ своемъ народѣ надежды на русскую помощь. Тайныя патріотическія общества, такъ называемыя *гетеріи*, существовали уже давно, и не только въ Греціи, но и во всей Европѣ, съ которою Греція сближалась все тѣснѣе и тѣснѣе, по мѣрѣ того, какъ дѣлала успѣхи въ образованіи. Въ 1819 г. греческіе патріоты считали свое дѣло вполнѣ созрѣвшимъ и обратились къ графу Каподистріа. Нельзя было выбрать времени болѣе неблагопріятнаго: императоръ только что согласился съ двумя монархами считать непозволительнымъ всякое возстаніе подданныхъ противъ правительства и обѣщалъ имъ поддерживать правительства противъ народа. Каподистріа, какъ дипломатъ русскаго кабинета, не могъ взяться за дѣло грековъ, хотя, какъ грекъ, вполнѣ сочувствовалъ мечтамъ гетеристовъ, и потому отклонилъ отъ себя всякое участіе въ этомъ дѣлѣ и въ воздѣйствіи на императора. Тогда гетеристы обратились къ другому лицу, Александру *Ипсиланти*, генералъ-майору русской службы, потерявшему руку подъ Кульмомъ, человѣку живому и сочувствовавшему всему хорошему. Ипсиланти удалось вмѣшать въ дѣло гетеристовъ молдаванскаго и валахскаго господарей, а также янинскаго пашу, который имѣлъ причины быть недовольнымъ султаномъ и привлекъ къ возстанію часть Албаніи. Наконецъ Ипсиланти съ отрядомъ изъ грековъ, арнаутовъ и русскихъ удальцовъ перешелъ Прутъ и занялъ Бухарестъ и Яссы. Это случилось въ 1820 году, когда императоръ Александръ находился въ Лайбахѣ. Здѣсь же императоръ получилъ отъ Ипсиланти письмо, въ которомъ послѣдній убѣдительно просилъ помочь грекамъ. «Государь!—писалъ онъ.—Неужели вы предоставите грековъ ихъ собственной участи, когда однимъ словомъ можете освободить ихъ отъ самаго чудовищнаго тиранства и спасти ихъ отъ ужасовъ долгой и страшной борьбы? Все говоритъ намъ, что васъ, государь, избрало Провидѣніе, чтобы положить конецъ нашимъ вѣковымъ страданіямъ. Не презрите

мольбы 10 милліонъ христіанъ, которые возбуждаютъ ненависть тирановъ своею вѣрностію нашему Божественному Искупителю. Спасите насъ, государь, спасите религію отъ ея гонителей, возвратите намъ наши храмы, наши алтари, откуда божественный свѣтъ Евангелія просвѣтилъ великій народъ, вами управляемый!» Хотя императоръ былъ тронутъ письмомъ и благородствомъ чувствъ Ипсиланти, однако же не рѣшился отступить отъ прежней своей программы—мѣшать народамъ требовать себѣ свободу революціоннымъ путемъ и, чтобы отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ участіи къ дѣлу грековъ, уволилъ Ипсиланти изъ русской службы и приказалъ русскому главнокомандующему въ Бессарабіи, князю Витгенштейну соблюдать строгій нейтралитетъ. Ипсиланти не могъ справиться съ турками, бѣжалъ въ Вѣну и былъ тамъ посаженъ въ темницу. Но возстаніе, потухшее въ Дунайскихъ княжествахъ, вспыхнуло въ Мореѣ и на нѣкоторыхъ островахъ Архипелага.

Турки пришли въ неописанную ярость и начали избивать всѣхъ христіанъ, попавшихъ въ руки кровожадной черни, грабили церкви и предавались самымъ безчеловѣчнымъ жестокостямъ. Въ самый день Пасхи, они схватили престарѣлаго патріарха Григорія у алтаря и въ полномъ облаченіи повѣсили у входа въ церковь. Въ присутствіи верховнаго визиря, чернь ругалась надъ его трупомъ, а затѣмъ дозволила жидамъ тащить его по улицамъ города и бросить въ море. Русскій посолъ Строгановъ протестовалъ противъ такой неслыханной жестокости; но чернь продолжала буйствовать безнаказанно, потому что была подстрекаема правительствомъ. Турки казнили трехъ митрополитовъ и 8 высшихъ духовныхъ лицъ, нанесли оскорбленіе даже русскимъ судамъ и убили нѣсколько нашихъ матросовъ. Не только Строгановъ, но и русское правительство понимало неизбѣжность войны съ турками: «если турецкое правительство будетъ продолжать свою

систему разрушенія и нечестія,—отвѣчали ему на его донесеніе—то вы должны оставить Константинополь со всѣми чиновниками и людьми посольства.» Это обстоятельство встревожило англійскій и австрійскій кабинеты: допустить войну между Россіей и Портой, значило, допустить новое вмѣшательство Россіи. Что тогда сдѣлаетъ конгрессъ для жителей Балканскаго полуострова, если русскіе займутъ Константинополь, и на конгрессѣ будетъ предсѣдательствовать владыка новой Византіи? Въ Вѣнѣ и Лондонѣ рѣшили тянуть время, сдерживать султана и дѣйствовать, какъ можно осторожнѣе, чтобы не раздражить императора и не допустить его до войны съ турками. Но турки не могли понять, какимъ образомъ миръ съ Россіей могъ помочь дѣлу, не выводили свои войска изъ Дунайскихъ княжествъ и продолжали требовать отъ Россіи бѣжавшихъ грековъ. Строгановъ въ концѣ іюля уѣхалъ изъ Константинополя. Началась дипломатическая переписка. Она была простой проволочкой и не подвинула впередъ спорнаго вопроса. Чтобы ускорить дѣло, императоръ, по совѣту Нессельроде, отправилъ въ Вѣну тайнаго совѣтника Татищева, который долженъ былъ ослабить вліяніе лондонскаго двора; но и эта попытка не удалась, потому что Кестельри и Меттернихъ уже согласились въ Ганноверѣ поддерживать турковъ въ Европѣ и мѣшать всякому измѣненію существующаго порядка на Балканскомъ полуостровѣ. Турки между тѣмъ продолжали свирѣпствовать: на островѣ Хіосѣ рѣзня была такъ чудовищна, что изъ 10 тысячъ жителей осталось въ живыхъ только 900 человѣкъ; даже въ Англіи ужаснулись и заговорили противъ политики Кестельри. Послѣдній въ это время лишилъ себя жизни, и на мѣсто его былъ поставленъ постоянный его соперникъ, Каннингъ. Въ Россіи сочувствовали судьбѣ Греціи. Графъ Каподистріа сдѣлался смѣлѣе и совѣтовалъ императору энергическія дѣйствія въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ дворами вѣнскимъ и лондонскимъ; на

одномъ изъ докладовъ онъ отговаривалъ государя ѣхать въ Вѣну, куда совѣтовалъ ему отправиться Татищевъ, и даже указывалъ на необходимость отозвать прежнихъ представителей нашихъ, а на мѣсто ихъ послать въ Вѣну графа Толстаго, а въ Лондонъ—барона Строганова. Послѣ продолжительнаго спора, государь послѣдовалъ противоположному мнѣнію... По выходѣ изъ кабинета, графъ передалъ своему сотоварищу всѣ депеши, которыя государь, по обыкновенію, поручалъ ему, объявивъ, что это былъ его послѣдній докладъ. Въ августѣ 1822 года графъ Каподистріа оставилъ Россію.

Разладъ императора съ Каподистріа и отставка послѣдняго были большой побѣдой Меттерниха. Когда государь пріѣхалъ въ Вѣну, Меттернихъ развилъ въ немъ такую подозрительность, что даже Нессельроде и Волконскій начали опасаться, что ихъ заподозрили въ карбонаризмѣ. Александръ не только перестал уклоняться отъ обычной австрійской политики застоя, но и не домогался поспѣшнѣе умиротворить Грецію. Когда, въ октябрѣ мѣсяцѣ, союзные монархи съѣхались въ Верону, на первомъ планѣ было дѣло успокоенія Испаніи. Отстранивши же Александра отъ помощи грекамъ и отложивши дѣло ихъ до рѣшенія въ будущемъ, Англія успѣла занять на Балканскомъ полуостровѣ мѣсто, принадлежавшее Россіи и тѣмъ отдалила на многіе годы изгнаніе турокъ изъ Европы.

Императоръ Александръ принесъ эту невознаградимую жертву Священному Союзу. «Не можетъ быть болѣе политики англійской, французской, русской, прусской, австрійской,— говорилъ онъ Шатобріану,—существуетъ только одна политика общая, которая должна быть принята и народами и государями для общаго счастья. Я первый долженъ показать вѣрность принципамъ, на которыхъ я основалъ союзъ.... Нѣтъ, я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ, съ которыми нахожусь въ союзѣ».

Персіане не считали Гюлистанскій миръ послѣднимъ словомъ и, въ продолженіи трехъ лѣтъ, съ настойчивостію хлопотали объ уступкѣ имъ нѣкоторыхъ пограничныхъ земель. Это побудило наше правительство уладить какъ нибудь дѣло и, въ случаѣ крайнемъ, даже кое-что уступить имъ. Въ началѣ 1816 года главнымъ начальникомъ кавказской арміи былъ назначенъ Алексѣй Петровичъ *Ермоловъ*, который вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ приказаніе отправиться чрезвычайнымъ посломъ въ Тегеранъ. Ознакомившись съ положеніемъ дѣла на мѣстѣ, Ермоловъ въ апрѣлѣ слѣдующаго года отправился къ персидскому шаху, въ сопровожденіи огромной свиты и военнаго конвоя. На всемъ пути, персіане встрѣчали русскаго генерала съ большимъ почетомъ и оказывали всевозможные знаки уваженія, такъ, напримѣръ, за 7 верстъ отъ Тавриза его встрѣтили военный губернаторъ и сынъ втораго министра, а передъ самымъ городомъ въ честь его было выстроено въ парадѣ до 16 тысячъ войска съ 42 орудіями; самъ наслѣдникъ престола, Абассъ Мирза въ простой одеждѣ ѣздилъ позади войска и смотрѣлъ за порядкомъ. При дворѣ персидскаго шаха существовалъ строгій этикетъ: чтобы войдти, напримѣръ, въ комнату наслѣднаго принца, необходимо было снять сапоги и надѣть красные чулки; въ такомъ видѣ представлялись ему всегда чужеземные послы, не исключая пословъ Наполеона и британскаго правительства; но Ермоловъ считалъ такое переодѣванье униженіемъ своего достоинства и наотрѣзъ отказался подчиниться такому требованію. Абассъ Мирза долженъ былъ уступить и принялъ Ермолова не въ комнатѣ, сидя на коврѣ, а во дворѣ, стоя у окна, черезъ которое было видно изображеніе шаха. На аудіенціи принцъ держалъ себя вѣжливо, а потомъ угощалъ Ермолова и всю его свиту обѣдомъ, показывалъ ему свою конницу и стрѣльбу въ цѣль. Уѣзжая изъ Тавриза, Ермоловъ не счелъ нужнымъ даже откланяться Абассу, потому что получилъ аудіенцію на

дворѣ, что не считалъ для себя за большую честь; впрочемъ, передавая это любимцу принца, онъ замѣтилъ: «съ принцемъ какъ человѣкомъ милымъ и любезнымъ, съ которымъ пріятно знакомство, желалъ бы еще гдѣ нибудь встрѣтиться». Прибывъ въ лагерь шаха, Ермоловъ предупредилъ его министровъ, что будетъ неуступчивъ въ переговорахъ, а замѣтивъ малѣйшее намѣреніе нарушить миръ, объявитъ самъ войну и тогда потребуетъ границы уже до Аракса. На аудіенціи шахъ принялъ его безъ обычнаго этикета и, какъ желалъ Ермоловъ, со всѣми чиновниками посольства; затѣмъ устраивалъ въ честь русскихъ гостей разныя увеселенія и увѣрялъ ихъ, что предпочитаетъ дружбу императора пользѣ отъ владѣнія землями. Ермоловъ зналъ хорошо привычку персидскихъ дипломатовъ отпираться при случаѣ отъ своихъ словъ и обѣщаній, и потому настоялъ, чтобы всѣ переговоры велись письменно. При прощаніи съ Ермоловымъ, шахъ пожаловалъ ему и нѣкоторымъ его офицерамъ знаки ордена Льва и Солнца.

За успѣшное посольство въ Тегеранъ, государь произвелъ главнокомандующаго въ генералы отъ инфантеріи.

Обладая большимъ умомъ и рѣдкою наблюдательностію, Ермоловъ очень скоро ознакомился съ положеніемъ дѣлъ на Кавказѣ и въ Закавказьи и съ характеромъ многихъ горныхъ владѣльцевъ. Силы края были незначительны, а между тѣмъ владѣнія наши не были прочны; военно-грузинская дорога подвергалась безпрерывнымъ нападеніямъ отважныхъ чеченцевъ и лезгиновъ; въ Закавказьи врагами нашими были джарцы, татары и турки, а на кавказской линіи закубанцы и кабардинцы, которые находились подъ властію турокъ и, какъ мусульмане, ненавидѣли русскихъ и давали пріютъ всѣмъ разбойникамъ. Горцы повсюду захватывали въ плѣнъ русскихъ, чтобы возвращать ихъ за большой выкупъ. До Ермолова для выкупа плѣнныхъ дѣлались сборы въ Россіи

и отпускались большія деньги отъ казны, чѣмъ еще болѣе поощрялось хищничество горцевъ. Ермоловъ постарался прекратить постыдную дань; для этого онъ захватилъ одинъ разъ всѣхъ князей, черезъ владѣнія которыхъ провезли захваченнаго въ плѣнъ майора Швецова, и заставилъ ихъ собрать деньги для его выкупа; другой разъ захватилъ множество чеченскихъ женщинъ и продалъ ихъ другимъ враждебнымъ племенамъ по рублю серебромъ за каждую. Этимъ навелъ ужасъ на хищниковъ и надолго отучилъ ихъ отъ захватовъ. Чтобы обезопасить еще болѣе наши владѣнія отъ безпрерывнаго нападенія горцевъ, Ермоловъ ходилъ противъ нихъ въ походъ самъ или посылалъ отряды съ генералами Вельяминовымъ и Мадатовымъ; подъ выстрѣлами непріятеля они построили цѣлый рядъ укрѣпленій въ опасныхъ мѣстахъ, такъ напримѣръ ими были построены: крѣпость *Грозная* и *Андреевское укрѣпленіе* на р. Сунжѣ, *Злобный окопъ* на р. Аксаѣ и многія другія. Край постепенно сталъ успокоиваться. Чеченцы не только перестали разбойничать, но и ходили съ нашими отрядами противъ другихъ горцевъ; давали намъ подводы, лѣсъ и т. д. Въ Андреевѣ и Кабардѣ прекратился постыдный торгъ невольниками, а лезгины и чеченцы, отрѣзанные рядомъ укрѣпленій отъ черкесовъ и другихъ безпокойныхъ племенъ, обратились къ мирнымъ занятіямъ; наконецъ почти весь центръ и сѣверъ Дагестана подчинились русскому оружію, приняли присягу, начали платить дань и выставлять ополченіе.

Въ управленіи краемъ Ермоловъ отличался бережливостію и всегда стоялъ за интересы казны; но тамъ, гдѣ выгоды края требовали извѣстныхъ пожертвованій, онъ не останавливался; такъ, напримѣръ, для развитія торговли и промышленности, онъ выхлопоталъ у императора разныя льготы для торговаго класса. Главнымъ помощникомъ Ермолова былъ *князь Мадатовъ*; человѣкъ храбрый, умный и, какъ урожденецъ

Кавказа, знавшій прекрасно страну и народъ. Ему Ермоловъ поручилъ управленіе нѣкоторыми ханствами. Мадатовъ устраивалъ здѣсь областные суды, на которыхъ часто самъ присутствовалъ и разбиралъ жалобы: каждый обиженный получалъ справедливое удовлетвореніе. Скоро явилось довѣріе къ русскому генералу и, какъ слѣдствіе его, полное спокойствіе и безопасность края. «Въ Кабардѣ—говорила поговорка—женщина можетъ ходить безопасно съ блюдомъ золота на головѣ.»

Вновь присоединенный край обязанъ ему проведеніемъ дорогъ, на которыхъ онъ устраивалъ казачьи посты и почтовыя станціи, развитіемъ земледѣлія и другихъ промысловъ: при немъ въ первый разъ были посажены сѣмена хлопчатой бумаги, привезенныя съ острова Бурбона.

Также важны были его военныя дѣйствія противъ горныхъ племенъ Дагестана. Между прочимъ ему было поручено усмирить *Сурхай хана* Казикумыцкаго, который нарушилъ присягу, помогая разбойничьимъ набѣгамъ дикихъ горцевъ на наши укрѣпленія. Небольшому отряду предстояла трудная дорога. «Бурные потоки—говоритъ одинъ участникъ похода—послѣ сильныхъ дождей, стремясь съ горъ и увлекая огромные камни, заграждали имъ дорогу; горные скаты были покрыты дремучими лѣсами. На самомъ возвышенномъ пунктѣ хребта находится ужасная пропасть, около шести сажень ширины, и болѣе двухъ сотъ сажень глубиною, чрезъ которую, вмѣсто моста, были перекинуты три дуба съ вѣтвями, образовавшіе переправу, шириною не болѣе какъ въ три фута. Князь Мадатовъ переѣхалъ первымъ по этому опасному мосту; за нимъ слѣдовали войска его. Когда всѣ перебрались на другую сторону крѣпости, одинъ изъ офицеровъ спросилъ у Мадатова о названіи моста. — «Чертовскій!» отвѣчалъ генералъ, и дѣйствительно едва ли этотъ мостъ былъ достоинъ другаго имени. Въ укрѣпленіи Кубѣ

Мадатовъ присоединилъ къ себѣ до 800 магометанскихъ наѣздниковъ, изъ которыхъ многіе были высоки ростомъ и вооружены на подобіе средневѣковыхъ рыцарей, въ панцыряхъ, шлемахъ, со щитами и копьями. Всѣ они были крайне горды и самолюбивы. «Еслибъ Аллахъ сказалъ, — воскликнулъ одинъ изъ нихъ,—что есть въ мірѣ человѣкъ храбрѣе меня, я со стыда убилъ бы себя». Нужна была необыкновенная осторожность въ обращеніи съ такимъ удалымъ народомъ, и Мадатовъ умѣлъ съ ними поладить. Сурхай собралъ огромныя силы и занялъ неприступныя позиціи въ горахъ, но Мадатовъ завладѣлъ ею, отрѣзалъ бѣгущему непріятелю отступленіе и разбилъ его въ узкомъ и крутомъ ущельѣ; кромѣ 600 плѣнныхъ намъ достался весь лагерь, масса боевыхъ припасовъ и богатая ставка Сурхая. Послѣ этого вся область была приведена въ подчиненіе и снова присягнула Россіи.

До сихъ поръ борьба наша съ кавказскими племенами Дагестана не представляла большихъ трудностей: между ними постоянно существовали вражда и соперничество, которыми искусно пользовались русскіе главнокомандующіе; но въ 1824 году въ Дагестанѣ начало распространяться новое ученіе мюридовъ, которое заставило разрозненыя племена забыть вѣковую вражду и соединиться въ одно общее, враждебное Россіи.

Въ бѣдной Дагестанской деревушкѣ Ярегъ до сихъ поръ еще сохраняется небольшая мечеть въ два этажа, съ наружною лѣстницей и съ балкономъ; внутри она также бѣдна, какъ снаружи: по коричневымъ стѣнамъ выведены изреченія изъ корана, на полу простые войлочные ковры; посрединѣ что-то въ родѣ каѳедры изъ орѣховаго дерева. Въ этой бѣдной мечети проповѣдывалъ въ первый разъ основатель мюридизма *Мулла Магометъ*. Поселившись въ 1823 г. въ дер. Ярегъ, Мулла Магометъ сначала жилъ уединенно, никого не посѣщалъ и изучалъ коранъ; только въ праздничные дни являлся передъ толпой народа и поучалъ его своими вдохновенными проповѣ-

дями. Слава о его строгой жизни и новомъ ученіи распространилась быстро; чтобы послушать необыкновеннаго проповѣдника, къ нему стали стекаться издалека, и вотъ однажды, когда слушатели были подготовлены, Мулла сказалъ громовую проповѣдь противъ Русскихъ и въ защиту корана. «Русскіе (говорилъ онъ) пришли въ вашу землю и почти безъ боя подчинили васъ своей власти. Свободный мусульманинъ сдѣлался рабомъ невѣрнаго, рабомъ того, кто оскверняетъ его мечети, лишаетъ его свободы и, можетъ быть, думаетъ уничтожить исламъ. Можетъ ли народъ, допустившій такое зло, надѣяться на благость Всевышняго? Нѣтъ! На него падетъ печать небеснаго проклятія, и никакія молитвы не смоютъ ея. Небо не слышитъ ихъ, и для нечестиваго закрытъ путь къ трону Аллаха. Молись же народъ, кайся и готовь оружіе на погибель невѣрныхъ; наступитъ часъ, и я благословлю тебя на бой». Слушатели, тронутые до слезъ, дали ему клятву быть истинными *мюридами*, т. е. учениками и начали обходить деревни и села, аулы и укрѣпленія, громко проповѣдуя ненависть къ гяурамъ и призывая ихъ взяться за оружіе, чтобы отомстить врагамъ вѣры. Въ іюлѣ 25 года Чеченцы напали на одинъ русскій укрѣпленный постъ, завладѣли имъ и перерѣзали всѣхъ солдатъ и офицеровъ. Преувеличенный слухъ о побѣдѣ надъ гяурами быстро увеличилъ полчища мятежныхъ горцевъ до 4-хъ тысячъ человѣкъ, и мятежь распространился по всему Дагестану. Ермолову удалось успокоить только ближайшіе пункты, и то не надолго, потому что онъ долженъ былъ отправиться противъ Кабардинцевъ, а затѣмъ вести новые переговоры съ Персіанами, которые все еще надѣялись на уступки и, въ случаѣ войны съ Россіей, расчитывали на возстаніе горцевъ. Видя неизбѣжность войны, Ермоловъ просилъ императора усилить кавказскій корпусъ; но 19 ноября императора уже не было въ живыхъ.

Третій польскій сеймъ долженъ былъ открыться въ 1822 году, но готовившійся разрывъ съ Портою изъ-за греческаго возстанія и безпорядки въ царствѣ заставили императора отложить его до 1825 года.—Положеніе царства въ послѣдніе годы царствованія императора Александра было очень печально и не предвѣщало ничего хорошаго. Въ оппозиціи правительству были не только отдѣльныя, неслужащія личности и молодежь, но члены сейма, министры и члены государственнаго совѣта, такъ что партія правительства ограничивалась только намѣстникомъ Заіончекомъ и коммиссаромъ правительства Новосильцевымъ. Правительственной газеты не издавалось вовсе, а польскія, такъ называемыя патріотическія газеты, выписывали изъ иностранныхъ газетъ и журналовъ все враждебное нашему правительству, а отъ себя объясняли новости въ искаженномъ видѣ и ложно толковали всякую мѣру правительства. Публика съ жадностію читала дерзкія политическія брошюры; на литографіяхъ, перстняхъ и другихъ драгоцѣнностяхъ изображали Наполеона, Понятовскаго или Костюшко, и только ихъ имена раздавались въ сочиненіяхъ стихотворныхъ и прозаическихъ и со сцены театровъ. Антрепренеры театровъ, поддѣлываясь подъ вкусъ публики, давали пьесы либеральныя и буйныя, способныя возбудить бурю смятенія даже въ благонамѣренныхъ людяхъ и тихихъ. Польская молодежь собиралась въ тайныя общества и ученики высшихъ заведеній менѣе занимались науками, нежели политическими вопросами. Самъ управляющій Виленскимъ учебнымъ округомъ, князь Чарторижскій видѣлъ въ народномъ образованіи средство полонизировать съ успѣхомъ весь край до Двины и Днѣпра, составлявшій въ мечтахъ завзятыхъ Поляковъ старинную и неотъемлемую собственность Польши, и въ 8 губерніяхъ изо всѣхъ школъ изгналъ русскій языкъ, поставивъ главными предметами изученія польскій языкъ и польскую исторію. Не лучше было положеніе финансовъ: упадокъ торговли и промышленности въ

странѣ привелъ ихъ въ страшное разстройство, расходы превосходили доходы, и дефицитъ съ каждымъ годомъ увеличивался, а между тѣмъ, когда императоръ настаивалъ на необходимости уменьшить расходы по всѣмъ министерствамъ, Поляки видѣли въ этомъ законномъ требованіи нарушеніе своихъ правъ и громко обвиняли его въ посягательствѣ на свою свободу.

Со всѣмъ зломъ приходилось бороться одному Новосильцеву, и онъ больше чѣмъ намѣстникъ хлопоталъ о спокойствіи и примиреніи края: увольнялъ особенно опасныхъ изъ служащихъ, указывалъ императору на необходимость подвергнуть строгой цензурѣ всѣ иностранные журналы и брошюры и завести въ Варшавѣ особый журналъ въ духѣ и интересахъ правительства, какъ это было въ Англіи, Франціи, Австріи и Пруссіи. По его настоянію, закрыты были массонскія ложи и, вмѣстѣ съ училищною реформою, заведенъ строгій надзоръ за учащеюся молодежью. Послѣ отставки Чарторижскаго, императоръ назначилъ на его мѣсто Новосильцева и тѣмъ спасъ край отъ ополяченія. Поправленіе финансовъ царства Польскаго императоръ поручилъ князю Любецкому, который въ 1821 году и былъ назначенъ министромъ финансовъ царства Польскаго. *Князь Ксаверій Францовичъ Друцкой-Любецкой* былъ по происхожденію—полякъ, и по вѣрѣ — католикъ, но учился въ бывшемъ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и, какъ офицеръ русской арміи, совершалъ съ Суворовымъ итальянскую компанію; затѣмъ служилъ по выборамъ гродненскаго дворянства, былъ гражданскимъ губернаторомъ въ Гродно и Вильно, а въ послѣднее время предсѣдателемъ особаго комитета, учрежденнаго для расчета имперіи съ царствомъ. Любецкой былъ человѣкъ благонамѣренный, добрый и честный, но увлекавшійся своими финансовыми идеями и создававшій съ быстротою различные проекты. Несмотря на нѣкоторыя неудачи, Любецкой въ три года исправилъ финансы, такъ что въ

24 году превосходство доходовъ надъ расходами дозволило употребить большія суммы денегъ на погашеніе долга страны.

Въ февралѣ 1825 года объявлено было Высочайшимъ манифестомъ о созваніи сейма въ Варшавѣ съ 1 мая по 1 іюля. Такъ какъ до сихъ поръ депутаты вели пренія не столько для того, чтобы пріискать лучшее средство для блага страны; а чтобы пріобрѣсти популярность между соотечественниками, и по большей части теряли время въ пустыхъ декламаціяхъ, то одновременно съ манифестомъ былъ изданъ дополнительный актъ, которымъ возвѣщалось, что публичныя засѣданія будутъ только при открытіи и закрытіи сейма, а также при другихъ торжественныхъ случаяхъ.—Къ назначенному сроку собрались въ Варшаву всѣ сенаторы и депутаты. Пріѣхалъ государь и открылъ сеймъ рѣчью на французскомъ языкѣ. Указывая представителямъ Польши, что̀ сдѣлано имъ для страны, императоръ продолжалъ: «Мои мысли будутъ сопровождать васъ при выполненіи вашихъ обязанностей. Я приму всякое улучшеніе вами предложенное, но никогда недозволю самовольствъ, противныхъ вашей собственной пользѣ».

«Представители царства Польскаго! Совѣщайтесь спокойно, независимо отъ всякаго посторонняго вліянія. Въ вашихъ рукахъ—будущность вашего отечества. Имѣйте въ виду единственно его благо, его истинныя пользы, окажите ему всѣ тѣ услуги, коихъ оно отъ васъ ожидаетъ, и содѣйствуйте Мнѣ въ исполненіи тѣхъ желаній, которыя никогда не переставалъ Я питать въ отношеніи къ вашему благоденствію».

Совѣщанія были спокойны и Поляки почти единогласно одобрили всѣ проекты законовъ. Это очень порадовало императора, и потому, прощаясь съ ними, онъ съ удовольствіемъ указывалъ имъ на это въ своей прощальной рѣчи.

ГЛАВА XIX.

Состояніе военныхъ поселеній въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра.— Открытіе Лицея и Публичной библіотеки.— Лазаревскій институтъ. — Преобразованіе Педагогическаго института въ С.-Петербургскій университетъ и графъ Уваровъ.—Магницкій и Руничъ.— Перемѣна въ министерствѣ: значеніе графа Аракчеева, удаленіе князя Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія.— Шишковъ.— Ланской.— Татищевъ и Дибичъ. — Канкринъ и его значеніе. — Перемѣна въ характерѣ Императора. — Наводненіе 7 ноября 1824 года.

Прошло нѣсколько лѣтъ со времени учрежденія военныхъ поселеній; возстанія и другіе непріятные случаи были забыты, и число военнопоселенныхъ къ концу царствованія Императора Александра до того увеличилось, что они составляли почти третью часть всей русской арміи. Частію привычка, частію страхъ ужасныхъ наказаній за ослушаніе удерживало поселянъ отъ новыхъ волненій. Но положеніе ихъ оставалось по прежнему ужаснымъ. Хозяева тяготились своимъ положеніемъ, потому что отвѣчали передъ неумолимымъ начальствомъ за исправность своихъ полевыхъ работъ, за рабочій и домашній скотъ, за чистоту и опрятность не только одежды, но дома, двора и улицы; съ хозяекъ взыскивали за каждую пропавшую курицу, за соръ не выметенный изъ избы, за ухватъ и кочергу, если они стояли не на указанномъ мѣстѣ. Во всякой крестьянской семьѣ дѣти составляютъ помощь при работахъ; въ военныхъ поселеніяхъ этого не могло быть, потому что они посѣщали школу или производили ученья на

плацу; даже дочери не могли выйдти замужъ иначе, какъ по распоряженію начальства. Есть извѣстіе, что отъ времени до времени устраивалось сразу нѣсколько свадебъ, при чемъ пускалась въ ходъ лотерея: изъ одной шапки вынимались имена мужскія, изъ другой—женскія, и совпадавшія имена обвѣнчивали. «Изъ всѣхъ видовъ рабства — говоритъ Богдановичъ — едва ли не самый тяжкій тотъ, который стѣсняетъ человѣка въ домашней его жизни, не давая ему и той ничтожной доли свободы, которая остается узнику за дверями его темницы. А потому и не должно удивляться общему неудовольствію коренныхъ жителей, терпѣвшихъ одновременно невзгоды крестьянскаго и солдатскаго быта, и новыхъ поселенцевъ солдатъ, отвыкшихъ отъ земледѣлія и принужденныхъ заниматься сельскими работами, и вмѣстѣ съ тѣмъ строевыми обязанностями.»

Народъ не терпѣлъ военныхъ поселеній и приходилъ въ ужасъ, если разносился слухъ, что въ какомъ нибудь мѣстѣ намѣреваются устроить таковыя. Въ этомъ страхѣ за свою свободу, народъ сталъ смотрѣть на частыя путешествія Государя съ сомнѣніемъ, какъ будто опасаясь, что онъ высматриваетъ новыя мѣста для военныхъ поселеній, и пересталъ встрѣчать его съ прежнимъ восторгомъ. Для казны военныя поселенія не дали того, на что расчитывалъ Аракчеевъ, потому что содержались на счетъ другихъ производительныхъ силъ государства и образовали вооруженную военную касту, не имѣвшую корней въ общемъ населеніи страны, слѣдовательно, способную угрожать государству мятежами и насильственными переворотами, какъ и оказалось въ послѣдствіи. Нравственное состояніе поселенныхъ было въ крайнемъ упадкѣ: не только между солдатами, но и въ средѣ офицеровъ господствовали въ обширныхъ размѣрахъ обманъ, подслуживаніе, шпіонство и доносы, и нерѣдко *въ бѣгахъ* находились служившіе въ поселеніяхъ офицеры, чего никогда еще не было въ

русской арміи. Случаи смерти, часто внезапной, и самоубійствъ были чрезвычайно часты, и вообще смертность восходила до $^1/_{10}$ всего числа взрослыхъ поселенцевъ.

Но Аракчеевъ доносилъ Государю только объ однѣхъ пріятныхъ явленіяхъ и неразъ указывалъ ему на чудесное состояніе духа военныхъ поселянъ. «Во всѣхъ военныхъ поселеніяхъ, слава Богу, благополучно, смирно и тихо» — писалъ онъ. «Я вчерась возвратился изъ Есьянъ, смотрѣлъ тамъ 6-ю фузелерную роту, которая составлена по большей части изъ тѣхъ людей, которые при поступленіи своемъ въ военное поселеніе, сдѣлали извѣстные вамъ безпорядки, но признаюсь былъ отмѣнно ими восхищенъ; люди прекрасные, здоровые, веселые и съ самымъ яснымъ на лицахъ душевнымъ усердіемъ». «Въ военныхъ поселеніяхъ» — писалъ Аракчеевъ въ другомъ письмѣ — «слава Богу, вездѣ благополучно, а въ Новогородскомъ и масленицу провели смирно и тихо».

Кромѣ создателя военныхъ поселеній, Аракчеева, Государю хвалили ихъ, въ угоду сильному временщику, даже такіе люди, какъ Лопухинъ, Чернышевъ, Кочубей и Сперанскій, не говоря уже о Княжнинѣ и Клейнмихелѣ, которые буквальнымъ исполненіемъ воли Аракчеева сдѣлали себѣ карьеру. Наконецъ, Аракчеевъ старался, чтобы императоръ, во время объѣздовъ, видѣлъ только внѣшніе признаки довольства и благосостоянія, чистоту, опрятность и порядокъ.

Дѣятельность императора Александра и его просвѣщенныхъ совѣтниковъ на пользу науки и образованности была на время пріостановлена войнами и неизбѣжнымъ при нихъ разстройствомъ финансовъ, но не успѣли окончиться войны, не умолкли еще русскія пушки, какъ императоръ обратился къ мирнымъ занятіямъ: снова учреждаются ученыя общества и заведенія, открываются библіотеки, университеты, гимназіи, уѣздныя и приходскія училища.

Передъ самой отечественной войной (въ 1811 году) былъ открытъ въ Царскомъ селѣ первый русскій *лицей*, который долженъ былъ готовить молодыхъ людей къ высшимъ сферамъ гражданской службы. Съ нимъ соединялись надежды создать образцовое заведеніе, способное стать въ уровень съ наполеоновскими Lycées или англійскими College той эпохи, поэтому его окружили всей матеріальной и воспитательной роскошью, какая только была возможна. Директоромъ лицея, послѣ мягкаго *Малиновскаго*, былъ извѣстный *Е. А. Энгельгардтъ*, прекрасный педагогъ и человѣкъ почтенный, честный и независимый. Профессорами лицея были люди молодые, даровитые и притомъ извѣстные своими знаніями, какъ напримѣръ Кошанскій, Кайдановъ, Карцевъ, Куницынъ и др. Въ лицейскую программу внесены были, кромѣ широкаго курса общаго образованія, общественныя и политическія науки, которыя въ изложеніи Куницына стали важнымъ образовательнымъ средствомъ. Въ воспитанникахъ возбуждались и поддерживались литературные интересы, которые съ самаго начала привились къ лицейскому кружку. Первые лицеисты—писатели группировались около даровитаго своего товарища Пушкина, который, по выходѣ изъ заведенія, тотчасъ же занялъ высокое мѣсто въ русской литературѣ. Въ самомъ началѣ одинъ изъ профессоровъ лицея завелъ пансіонъ для приготовленія молодыхъ людей ко вступленію въ лицей; пансіонъ этотъ вскорѣ причисленъ былъ, съ Высочайшаго соизволенія, къ казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, подъ именемъ *лицейскаго пансіона*, и сравненъ въ служебныхъ правахъ съ гимназіями.

Въ іюнѣ 1817 г. Царскосельскій лицей сдѣлалъ первый выпускъ своихъ воспитанниковъ. На торжественный актъ явился самъ Императоръ, но не въ сопровожденіи всего двора и важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ, а по домашнему, съ однимъ только министромъ народнаго просвѣщенія, княземъ Голицынымъ. Государь былъ веселъ, ласковъ и ми-

лостивъ, самъ раздавалъ призы и аттестаты воспитанникамъ и тутъ же объявилъ значительныя награды наставникамъ. Между 29 выпускными воспитанниками Императору были представлены: титулярный совѣтникъ *князь Александръ Горчаковъ* (нынѣшній канцлеръ Россійской имперіи) и коллежскій секретарь *Александръ Пушкинъ*.

Въ годъ отечественной войны при Харьковскомъ университетѣ было учреждено «*Общество наукъ*»; черезъ 2 года при Казанскомъ университетѣ — «*Общество любителей отечественной словесности*», которое въ періодъ отъ 16 до 26 года издало множество книгъ ученаго содержанія, стихотворенія Батюшкова, Вяземскаго, Гнѣдича, Жуковскаго и переводы классиковъ Мерзлякова.

Въ 1814 году въ Петербургѣ была открыта для публики *публичная библіотека*. Возникла она слѣдующимъ образомъ. Въ Варшавѣ, въ половинѣ XVIII в., существовала багатѣйшая библіотека *братьевъ Залусскихъ*. Графъ Іосифъ Залусскій, Кіевскій епископъ, собиралъ книги въ теченіи 45 лѣтъ и довелъ ихъ число до 200 тысячъ томовъ; братъ его Андрей, епископъ Краковскій, увеличилъ библіотеку покупкою множества рѣдкихъ книгъ у разныхъ духовныхъ лицъ и, помѣстивъ всю библіотеку въ громадный домъ, открылъ ее для публики. По завѣщанію Залусскихъ, вся библіотека съ домомъ и ежегоднымъ доходомъ отъ оставленнаго капитала перешла во владѣніе Варшавской іезуитской коллегіи. Когда коллегія была упразднена, библіотека сдѣлалась государственною, а, по покореніи Праги и Варшавы Суворовымъ, досталась побѣдителямъ. По повелѣнію Императрицы Екатерины, всѣ книги были перевезены въ Петербургъ и отданы въ вѣдѣніе императорскаго кабинета; для помѣщенія ихъ начали строить большой домъ, но онъ не былъ оконченъ, по случаю смерти императрицы. Въ началѣ царствованія Александра снова былъ поднятъ вопросъ о библіотекѣ, и архитекторъ *Руско* измѣнилъ первоначальное

строеніе (*Соколова*) въ то превосходное зданіе публичной библіотеки, которое украшаетъ Невскій проспектъ до сихъ поръ. Имѣя видъ большаго четыреугольника, зданіе выходитъ на три улицы: Садовую, Невскій и площадь, на которой теперь стоитъ памятникъ Екатеринѣ II. Фасадъ украшаютъ восемнадцать іоническихъ колоннъ, между которыми поставлены колоссальные бюсты греческихъ философовъ и мудрецовъ; надъ небольшимъ фронтономъ возвышается изображеніе богини мудрости, Аѳины, сидящей на креслѣ во всеоружіи, съ копьемъ въ рукѣ. Библіотекѣ стали отпускать большія суммы денегъ и даровали право получать безвозмездно по два экземляра всякой книги, издаваемой въ имперіи. Въ 1805 году библіотека значительно увеличилась присоединеніемъ къ ней, щедротами государя, такъ называемаго музея *Дубровскаго*, который долго служилъ по дипломатической части и, проживя внѣ Россіи до 26 лѣтъ, съ неутомимымъ прилежаніемъ и рѣдкимъ счастіемъ собиралъ древнія рукописи [1]). Изъ нихъ составилась огромная коллекція памятниковъ тринадцати вѣковъ.

Открытіе библіотеки для публики состоялось 2 января 1814 г., въ день посѣщенія ея императоромъ въ 1812 году, и было особенно торжественно. Директоръ библіотеки, просвѣщенный Алексѣй Николаевичъ *Оленинъ*, пригласилъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, членовъ государственнаго совѣта и синода, министровъ, сенаторовъ и знатныхъ особъ обоего пола; не были забыты ученые и любители просвѣщенія. Торжество открылось краткимъ отчетомъ директора; за нимъ читали: библіотекарь Красовскій «о пользѣ человѣческихъ знаній» и помощникъ его Гнѣдичъ «о причинахъ, замедляющихъ успѣхи нашей словесности». Переводчикъ Иліады доказывалъ, что пренебреженіе изученіемъ греческаго и

---

[1]) Такъ напримѣръ, въ Бастиліи онъ пріобрѣлъ рѣдкія бумаги и подлинныя письма Французскихъ королей; въ Италіи — подлинникъ Плутарха, въ Испаніи — рѣдкій коранъ, писанный, по преданію, Фатимой, дочерью Магомета.

латинскаго языковъ, а также слѣпая привязанность къ французскому языку приносятъ большой вредъ русской словесности. Въ заключеніе, помощникъ библіотекаря Крыловъ прочелъ новую басню *Водолазы*, въ которой старался, показать, что:

Хотя въ ученіи зримъ многихъ благъ причину,
Но дерзкій умъ находитъ въ немъ пучину
И свой погибельный конецъ;
Лишь съ разницею тою,
Что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою.

Въ 1816 г. въ Москвѣ былъ открытъ *Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ* на значительныя пожертвованія братьевъ Лазаревыхъ. Институтъ долженъ былъ преслѣдовать двоякую цѣль: 1) приготовлять переводчиковъ, медиковъ и другихъ чиновниковъ государственной службы, и 2) молодыхъ людей изъ духовнаго сословія армянскаго исповѣданія приготовлять къ поступленію въ священники или учителя армянскихъ семинарій.

Вслѣдъ за Казанью появился университетъ въ Харьковѣ; тогда же предположено было открыть еще нѣсколько университетовъ и между прочимъ въ столицѣ. Въ Петербургѣ уже давно существовалъ *Педагогическій институтъ*, изъ котораго въ 1808 г. послано было за границу нѣсколько лучшихъ студентовъ для образованія будущихъ профессоровъ и адъюнктовъ въ предполагаемый университетъ. Когда попечителемъ Санктъ-Петербургскаго округа сдѣланъ былъ молодой и высокообразованный Уваровъ, главный педагогическій институтъ былъ переименованъ въ *Санктъ-Петербургскій университетъ* (8 февраля 1819 года). Графъ Сергѣй Семеновичъ *Уваровъ* получилъ строго-классическое образованіе и рано пристрастился къ ученымъ занятіямъ. Въ 1806 году, когда ему было только 20 лѣтъ, онъ назначенъ былъ на дипломатическую службу въ Вѣну, и здѣсь, среди обольщеній вѣнской жизни, умѣлъ остаться вѣренъ своимъ ученымъ и литературнымъ

стремленіямъ, быстро накоплялъ запасъ начитанности, и сильно развивался умственно и эстетически въ обществѣ принца де Линя и другихъ знаменитостей, украшавшихъ тогда пребываніемъ своимъ столицу Австріи. Черезъ три года онъ былъ переведенъ въ Парижъ, гдѣ въ Наполеоновскомъ институтѣ находились всѣ свѣтила французской науки. Уваровъ познакомился съ знаменитыми оріенталистами и, увлекшись мыслью сдѣлать Россію первымъ государствомъ въ изученіи Востока, написалъ «проектъ Азіатской академіи въ Россіи», напечатанный въ 1810 году въ Парижѣ на французскомъ языкѣ. Это сочиненіе пріобрѣло ему извѣстность въ Европѣ и расположеніе Императора Александра, который сдѣлалъ его попечителемъ Санктпетербургскаго учебнаго округа. Нѣсколько другихъ ученыхъ сочиненій доставили ему вскорѣ президентство въ академіи наукъ. Какъ попечитель и президентъ академіи, ученый и образованный Уваровъ старался поскорѣе привести въ исполненіе одобренную государемъ мысль объ учрежденіи въ столицѣ университета, потому что уже предвидѣлъ тѣ грозныя тучи, которыя собирались надъ наукой въ Россіи.

Предвидѣнія его сбылись очень скоро. Хотя Іезуиты были изгнаны изъ Россіи послѣ 1815 года, но посѣянныя ими сѣмена не пропали. Очень многіе у насъ успѣли заразиться іезуитскими стремленіями владычествовать надъ людьми, стараясь дѣлать ихъ суевѣрными, невѣжественными и безнравственными, убивая въ нихъ всякую силу разума и воли. Усталость и разочарованіе Государя, его стремленія уединиться и печаль послѣ смерти любимой сестры Екатерины Павловны, наконецъ волненія среди германскихъ студентовъ, были причинами для такихъ людей, подъ покровомъ преданности вѣрѣ и престолу, громко говорить противъ нашихъ университетовъ и требовать кореннаго ихъ преобразованія. Принимая за образецъ для своихъ дѣйствій мѣры Меттерниха и карлсбадскія постановленія, они начали очищать нашу учебную литературу и

университеты отъ всего, что несогласовалось съ ихъ вкусами. Ихъ удары разразились прежде всего надъ цензурой. Запрещались такія книги, въ которыхъ не могло быть ничего неблагонамѣреннаго, какъ напримѣръ Всеобщая исторія Кайданова, басни Федра къ изданіи Кошанскаго и др. За цензурой гроза разразилась надъ Казанскимъ университетомъ, куда былъ назначенъ попечителемъ учебнаго округа извѣстный гонитель всякой свободы мысли и слова — Магницкій.

Михаилъ Леонтьевичъ *Магницкій* происходилъ отъ хорошей, но недостаточной фамиліи. Поступивъ въ Московскій университетъ, онъ блестящимъ образомъ окончилъ тамъ курсъ и поступилъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ; затѣмъ Магницкій служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и, по служебнымъ дѣламъ, былъ въ Вѣнѣ и Парижѣ. Въ 1802 году онъ вернулся въ Россію и занималъ различныя должности, пока не сошелся со Сперанскимъ и не сдѣлался ближайшимъ повѣреннымъ смѣлыхъ его предначертаній. Вмѣстѣ со своимъ патрономъ онъ палъ и вмѣстѣ съ нимъ былъ прощенъ. Обладая умомъ гибкимъ, вкрадчивымъ, Магницкій не разбиралъ средствъ для того, чтобы проложить себѣ дорогу.—Будучи губернаторомъ въ Симбирскѣ, онъ началъ преслѣдовать и жечь «опасныя книги», сблизился съ министромъ народнаго просвѣщенія, княземъ Голицынымъ и поступилъ въ главное правленіе училищъ. Посланный сдѣлать ревизію Казанскаго университета, Магницкій чуть не закрылъ его, и, если университетъ уцѣлѣлъ, то только благодаря волѣ самого Государя; при всемъ томъ рѣшено было сдѣлать въ немъ коренныя преобразованія, и Магницкій назначенъ былъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа. Опираясь на могущественное содѣйствіе князя Голицына, новый попечитель желалъ измѣнить всю систему образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи и построить ее, по собственному его выраженію, «на актѣ священнаго союза». На первыхъ порахъ онъ удалилъ до одинадцати профес-

соровъ, «неблагонадежныхъ по образу мыслей»; въ библіотекѣ университета приказано было истребить все, что казалось вреднымъ; многія книги не выдавались не только студентамъ, но и профессорамъ, и, въ продолженіи семи лѣтъ, для университета вовсе не пріобрѣталось книгъ, такъ что профессора стали жаловаться на недостатокъ самыхъ необходимыхъ пособій. Студенты были подчинены разнымъ іезуитскимъ правиламъ, и вскорѣ университетъ принялъ видъ какого-то монашествующаго ордена съ средневѣковымъ католическимъ обрядомъ Главное правленіе училищъ раздѣляло убѣжденія Магницкаго, и Уваровъ со своимъ образомъ мыслей оставался почти одинокимъ. Не видя возможности бороться со врагами просвѣщенія, онъ въ 1821 году вышелъ въ отставку. На его мѣсто поставленъ былъ сторонникъ Магницкаго, Руничъ, человѣкъ умный, но безъ характера и жадный до почестей. Онъ сталъ копировать во всемъ Магницкаго, и Петербургскій университетъ, только что начавшій свою славную жизнь, потерпѣлъ гоненіе... Три лучшихъ профессора были уволены и, только заступничествомъ Уварова и Мордвинова, не были подвергнуты уголовному преслѣдованію; студенты были подчинены тѣмъ же правиламъ, которыя Магницкій ввелъ въ своемъ округѣ. Эти перемѣны принесли большой вредъ университету, какъ для успѣшности научнаго преподаванія, такъ и по отношенію къ нравственности воспитывавшихся поколѣній. Одинъ за другимъ покидали университетъ люди благородные, умные и даровитые, неспособные помириться съ деспотическими требованіями Магницкаго и были замѣняемы новыми профессорами, по большей части людьми бездарными и малоучеными, но покорными и «благонамѣренными». Молодежь—говоритъ краснорѣчивый историкъ Петербургскаго университета — «болѣзненно поражена была разгромомъ 1821 года въ самой веснѣ жизни, и въ нѣкоторыхъ изъ среды ея цвѣтъ всякаго развитія побитъ еще въ почкахъ; большинство ея было потрясено и пришибено

этимъ разгромомъ и всѣмъ вслѣдъ затѣмъ видѣннымъ и испытаннымъ, до такой степени что никогда въ жизни, даже и при благопріятной перемѣнѣ обстоятельствъ, не могло уже очнуться, чтобы думать не по заданной программѣ, и дѣйствовать не по чужой указкѣ». Злоупотребленіе религіей уронило религіозное и нравственное чувство и произвело застой въ научной и умственной области, породивъ лицемѣріе, хапжество и раболѣпство. «Нравственный развратъ росъ и усиливался», — говорилъ императору прямодушный Шишковъ — «ослѣпленіе, подъ священнѣйшими именами благочестія и человѣколюбія, умѣло вползать въ сердца и поражать ихъ ядомъ; подъ видомъ распространенія христіанства стремились поколебать православную вѣру»... Соглашаясь съ умнымъ и преданнымъ адмираломъ, Государь, въ январѣ 1824 года, приказалъ Санктъ-Петербургскому университету руководствоваться во всѣхъ его дѣйствіяхъ уставомъ Московскаго университета; а черезъ три мѣсяца и министерство народнаго просвѣщенія было передано *Шишкову*.

Укажемъ кстати на всѣ перемѣны въ министерствѣ, которыя произошли въ послѣдніе шесть лѣтъ царствованія императора Александра.

Мы уже видѣли, что съ 1812 года вліяніе графа Аракчеева на императора стало быстро усиливаться. Въ 1816 году онъ успѣлъ «все прибрать къ своимъ рукамъ» и, докладывая государю обо всѣхъ дѣлахъ самъ, сдѣлался главнымъ и единственнымъ двигателемъ государственной машины того времени. Когда гордый временщикъ переѣзжалъ въ Грузино, всѣ сановники и высокопоставленныя лица спѣшили къ нему на поклонъ. «Явишься, бывало, къ какому нибудь министру» — говоритъ одинъ современникъ (Гречь) — «требуешь если не правосудія, то объясненія, отвѣта. Наконецъ добьешься: «ступайте къ графу Алексѣю Андреевичу». Извѣстно напримѣръ, что Карамзинъ только тогда получилъ пособіе на изданіе сво-

ей исторіи, когда сдѣлалъ визитъ первому министру. Съ возведеніемъ же Аракчеева на степень перваго министра, всѣ другіе сановники потеряли свое вліяніе на дѣла. Только одинъ человѣкъ могъ быть противовѣсомъ Аракчеева, какъ другъ дѣтства императора и преданный ему всей душой своей: это былъ князь Голицынъ, мистическое настроеніе котораго какъ нельзя болѣе отвѣчало личнымъ наклонностямъ самого императора. Аракчеевъ попытался было завербовать Голицына въ число «своихъ», но когда это не удалось, сталъ искать причины удалить его отъ министерства народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ. Орудіемъ для низверженія Голицына Аракчеевъ избралъ извѣстнаго своимъ фанатизмомъ архимандрита новгородскаго Юрьева монастыря, *Фотія*, который уже успѣлъ пріобрѣсти вліяніе на самаго императора. Прежде Фотій былъ близокъ къ Голицыну, но потомъ разошелся съ нимъ и рѣшился напасть на него всѣмъ вліяніемъ своей духовной власти. Съ этою цѣлью онъ пригласилъ однажды Голицына къ графинѣ Орловой и приготовился встрѣтить его здѣсь торжественно, стоя у налоя, на которомъ лежало евангеліе и крестъ. Войдя въ комнату, Голицынъ подошелъ подъ благословеніе архимандрита, но Фотій остановилъ его и потребовалъ, чтобъ «онъ прежде отрекся отъ богоотступныхъ дѣлъ своихъ, покровительствуя иностраннымъ лжеучителямъ, возстающимъ противъ церкви и престола». «Поди къ царю, — прибавилъ онъ грозно,— стань передъ нимъ на колѣни и скажи, что ты виноватъ, самъ дѣлалъ худо и его вводилъ въ заблужденіе». Когда разсерженный князь спросилъ у монаха, какое право имѣетъ онъ говорить съ нимъ такимъ языкомъ, Фотій предалъ его проклятію и обо всемъ сообщилъ государю.

Скоро представился другой случай. Одинъ католическій священникъ, покровительствуемый княземъ Голицынымъ, Госнеръ, издалъ переводъ нѣмецкаго сочиненія: «Толкованіе на евангеліе Матѳея», въ которомъ высказывались мнѣнія, несо-

гласныя съ ученіемъ православной церкви; такъ между прочимъ въ немъ говорилось, что Спаситель, прежде земной своей жизни, воплощался въ другихъ мірахъ. Магницкій какъ-то узналъ объ этомъ и, въ угоду Аракчееву, добылъ изъ типографіи корректурные листы перевода. Хотя книга была арестована до выхода ея изъ типографіи, но пострадали цензоры, разрѣшившіе печатаніе ея, и оба директора департамента (Поповъ и Тургеневъ). Князь же Голицынъ былъ уволенъ отъ управленія министерствомъ и лишенъ предсѣдательства въ Библейскомъ обществѣ.

Президентомъ Библейскаго общества былъ сдѣланъ петербургскій и новгородскій *митрополитъ Серафимъ*, а министромъ народнаго просвѣщенія—адмиралъ *Шишковъ*: православная часть отошла отъ него, въ видѣ особой канцеляріи, къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода. Честный, умный и образованный Шишковъ былъ уже слишкомъ старъ въ это время и отличался упрямымъ пристрастіемъ ко всему старинному.

Болѣе перемѣнъ испытало министерство внутреннихъ дѣлъ. Послѣ смерти *Козодавлева* (въ 1819 г.), министерствомъ управляли: *князь Голицынъ*—три мѣсяца, *графъ Кочубей*—четыре года, *Кампенгаузенъ*—два мѣсяца и, наконецъ, Василій Сергѣевичъ *Ланской*, бывшій при Екатеринѣ II гусарскимъ полковникомъ, а потомъ саратовскимъ губернаторомъ; въ царствованіе Александра Ланской былъ сначала гродненскимъ губернаторомъ, а затѣмъ членомъ временнаго правительства въ герцогствѣ Варшавскомъ. Какъ министръ, онъ не обнаружилъ блестящихъ способностей и большой дѣятельности, но оставилъ по себѣ память ласковаго и доступнаго сановника.

Военнымъ министромъ, по смерти *Меллера Закомельскаго* (въ 1823 г.), былъ назначенъ генералъ кригсъ-коммиссаръ Александръ Ивановичъ *Татищевъ*. Подобно своему предшественнику, Татищевъ завѣдывалъ только одной хозяйственной частью министерства и потому зависѣлъ отъ начальника главнаго шта-

ба Волконскаго. Когда Волконскій былъ отправленъ въ Парижъ, по случаю коронаціи Карла X, Аракчеевъ подставилъ на его мѣсто начальника штаба первой арміи, барона Дибича. Иванъ Ивановичъ *Дибичъ* началъ свою службу въ Семеновскомъ полку, гдѣ успѣлъ пріобрѣсти уваженіе и довѣріе всѣхъ товарищей; говорятъ, что многіе изъ нихъ прибѣгали въ своихъ недоразумѣніяхъ и спорахъ къ его совѣтамъ и подчинялись его рѣшенію. Некрасивый и неуклюжій, но умный, настойчивый и рѣшительный, Дибичъ всегда отличался хладнокровіемъ и разсудительностью, а въ войнѣ 1805, 1807 и 1812 гг. выказалъ большую храбрость и распорядительность.

Въ 1823 году былъ отставленъ министръ финансовъ, графъ Гурьевъ, и на мѣсто его, стараніями того же графа Аракчеева, былъ назначенъ *Канкринъ*. Въ этомъ отношеніи Россія была много обязана Аракчееву, потому что Канкринъ вывелъ наши финансы и государственное хозяйство изъ того бѣдственнаго состоянія, въ которомъ они находились уже нѣсколько лѣтъ.

Егоръ Францовичъ Канкринъ, по происхожденію нѣмецъ, получилъ образованіе въ нѣмецкихъ университетахъ, гдѣ съ особенною любовью занимался законовѣденіемъ и политической экономіей. Въ 1800 году онъ пріѣхалъ въ Россію и началъ службу по солянымъ дѣламъ, въ качествѣ помощника своего отца. Нѣсколько умныхъ сочиненій по финансовымъ вопросамъ обратили на него всеобщее вниманіе. Вскорѣ даровитый нѣмецъ сошелся съ военнымъ министромъ Барклаемъ-де-Толли и, за новое сочиненіе «о средствахъ продовольствовать большія арміи», былъ въ 1812 году назначенъ генералъ-интендантомъ первой арміи, а въ 1813 году—всей русской арміи. По окончаніи войны, Канкринъ съ успѣхомъ ликвидировалъ всѣ дѣла съ союзными государствами по довольствію нашихъ войскъ и былъ за то осыпанъ милостями Государя. Новое его сочиненіе «О военной экономіи» доставило ему почетную и справедливую извѣстность въ Европѣ. Обладая обширными свѣдѣніями, глу-

бокимъ умомъ и находчивостью, Канкринъ былъ болѣе другихъ министровъ на своемъ мѣстѣ.

Государственное хозяйство Канкринъ считалъ сходнымъ съ частнымъ хозяйствомъ, поэтому въ основаніе своей теоріи полагалъ чисто практическіе выводы, извлекаемые имъ изъ его ежедневной жизни. Въ молодости онъ испыталъ большую нужду, но пріучилъ себя переносить всѣ невзгоды бѣдности со стоическимъ равнодушіемъ: самъ чинилъ себѣ платье и сапоги и нерѣдко отказывался отъ куренія табаку; отсюда онъ вынесъ привычку къ лишеніямъ, и даже въ позднѣйшіе годы крайняя простота и умѣренность въ образѣ жизни составляли отличительныя черты его характера. Когда онъ сдѣлался министромъ и слѣдовательно получилъ большое содержаніе, его видѣли дома не иначе, какъ въ солдатской шинели и съ дешевой сигарой во рту; въ кабинетѣ у него даже не было стакана и онъ пилъ воду какъ попало; часы у него были старомодные, серебряные, которые онъ цѣнилъ выше всякихъ другихъ. Конверты бумагъ и писемъ, къ нему приходившихъ, онъ всегда распечатывалъ тщательно, откладывалъ въ сторону и сберегалъ, говоря, что «онѣ на что нибудь пригодятся». «Бѣдность — говаривалъ Канкринъ, — пріучила меня съ неохотою отдавать деньги, и потому я теперь нарочно не записываю своихъ расходовъ, чтобы не раздражаться ихъ обширностію. *Въ государственномъ, какъ и въ частномъ быту*, необходимо помнить, что раззориться можно не столько отъ капитальныхъ расходовъ, какъ отъ ежедневныхъ мелочныхъ издержекъ. Первые дѣлаются не вдругъ, по зрѣломъ размышленіи, а на послѣднія не обращаемъ вниманія, между тѣмъ копѣйки растутъ въ рубли» [1]).

Многіе ученые считаютъ время управленія министерствомъ финансовъ графа Канкрина цѣлою эпохою въ исторіи рус-

---

[1]) Впрочемъ Канкринъ не былъ жаденъ до денегъ. Когда императоръ Николай опредѣлилъ на воспитаніе его двухъ сыновей по 1000 рублей, Канкринъ отказался отъ нихъ въ пользу нуждающихся.

скихъ финансовъ [1]), такъ какъ имъ установлены были общія начала управленія, надолго опредѣлившія духъ и направленіе финансовой системы въ Россіи.

Передъ вступленіемъ Канкрина въ должность министра, уже въ теченіе многихъ лѣтъ существовалъ значительный дефицитъ; поэтому въ самомъ началѣ онъ приступилъ къ предотвращенію его на будущее время; для этого сначала сократилъ значительно издержки на военное вѣдомство, а затѣмъ постепенно сталъ сокращать издержки и другихъ министерствъ. Для увеличенія государственныхъ доходовъ онъ увеличилъ питейный сборъ, который поступилъ въ казенное управленіе: продажу вина стали производить въ бóльшемъ числѣ мѣстъ. Правда, что казна выиграла, но нравственность народа пострадала; неудивительно, что многіе члены государственнаго совѣта, и особенно Мордвиновъ, возставали противъ такого дохода, который основывался на возбужденіи народа къ пьянству. Самъ Канкринъ не разъ сознавался въ зловредности своей системы, но отстаивалъ ее, по необходимости. «Я согласенъ съ вами, *батушки*,— говорилъ онъ имъ,— и готовъ отказаться отъ питейнаго сбора, если только вы укажете мнѣ, въ замѣну его, столь же изобильный источникъ доходовъ». Но главная заслуга Канкрина состояла въ томъ, что онъ ввелъ порядокъ въ финансы и экономію въ расходахъ; вслѣдствіе чего, въ первые четыре года своего управленія министерствомъ, уменьшилъ годовой расходъ на седьмую часть и скопилъ въ 1827 году болѣе 42.500,000 рублей серебромъ.

По возвращеніи съ Веронскаго конгресса, императоръ уже не ѣздилъ за границу: онъ либо жилъ въ любимомъ имъ Царскомъ селѣ, либо посѣщалъ различные концы своей обширной имперіи. Всѣ замѣчали въ немъ большую перемѣну: онъ ка-

[1]) Канкринъ былъ министромъ финансовъ и въ слѣдующее царствованіе — до 1844 года.

зался усталымъ и разочарованнымъ. Еще въ 1819 г. неожиданная кончина любимой сестры Екатерины Павловны [1]) сильно и надолго опечалила его. Конгрессы, семеновская исторія, возстаніе грековъ, безурядицы и волненія въ облагодѣтельственномъ имъ Царствѣ Польскомъ и наконецъ открытый имъ рядъ злоупотребленій по всѣмъ отраслямъ управленія — увеличили его мрачное настроеніе. Когда онъ возвращался въ Россію, близъ Порхова подломилась отъ тяжести его коляски перекладина на мосту, коляска провалилась и государь сильно ушибъ себѣ ногу. Паденіе и ушибъ еще болѣе усилили его привычку грустить и задумываться. Самая домашняя жизнь не могла отвлечь его умъ отъ грустныхъ размышленій: Елизавета Алексѣевна, ангелъ по добротѣ и кротости, отличалась унылымъ, меланхолическимъ характеромъ и была продолжительное время больна; дѣтей у императора не было [2]). Вслѣдствіе этого онъ давно оставилъ всѣ празднества, выходы, избѣгалъ общества, отвергъ всякаго рода придворную пышность. Избѣгая шумной столицы, онъ большею частью проводилъ время въ Царскомъ селѣ, занимаясь въ своемъ кабинетѣ дѣлами или гуляя въ густыхъ уединенныхъ аллеяхъ парка; иногда онъ посѣщалъ Новгородскій Юрьевъ монастырь, близъ котораго были расположены военныя поселенія, и тамъ бесѣдовалъ и молился вмѣстѣ съ извѣстнымъ архимандритомъ Фотіемъ. Въ минуты же особаго внутренняго смятенія императоръ старался забыться въ вихрѣ необыкновенно быстрой ѣзды и безпрестанныхъ путешествій. По камеръ-фурьерскому исчисленію, онъ изъѣздилъ въ свою жизнь *до двухъ сотъ тысячъ верстъ.* (Состоявшій при немъ отъ 1814 до 1825 г. генералъ Саломка утверждалъ, что въ эти послѣдніе годы императоръ сдѣлалъ до ста тысячъ верстъ).

---

[1]) Вел. кн. Екатерина Павловна, вдова принца Гольштейнъ-Ольденбургскаго Петра-Георга, вышла замужъ вторично за Фридриха-Вильгельма, короля Виртембергскаго.

[2]) Обѣ дочери императора, *Марія* и *Елизавета*, жили очень недолго (первая родилась въ 1799 г.— умерла въ 1800 г.; вторая род. въ 1806 г.— ум. въ 1808).

Не успѣлъ (въ ноябрѣ 1824 г.) государь возвратиться изъ своего путешествія по Россіи, какъ ужасное несчастіе разразилось надъ столицей и снова потрясло его до глубины души.

Всю ночь на 7 ноября дулъ съ моря сильный вѣтеръ, нагнавшій въ Неву и во всѣ каналы Петербурга массу воды. Вѣтеръ не прекратился и по утру; поэтому вода начала выходить изъ береговъ и разливаться по улицамъ и площадямъ города, заливая нижніе этажи и угрожая жителямъ полнымъ потопленіемъ и разрушеніемъ ихъ домовъ. Петербуржцы, неожидавшіе серьезнаго наводненія, сначала были безпечны; но, когда вода залила нижніе этажи домовъ и продолжала прибывать, приходили въ отчаяніе и теряли голову. «Вода—говоритъ одинъ Васильеостровскій обыватель—лилась быстро и обильнымъ потокомъ во дворы, по улицамъ, въ нижніе этажи, и покрыла весь островъ на весьма высокую мѣру. У насъ, въ соборномъ дворѣ, было оной до цѣлой печатной сажени; между тѣмъ какъ 1747 г. наводненіе помнившіе увѣряли, что тогда въ семъ дворѣ воды было менѣе ¼ аршина. Комнаты нижняго этажа, гдѣ я квартировалъ, были залиты оною до двухъ аршинъ; въ обоихъ церквахъ полы покрыты были вершковъ на пять. Правду сказать, ужасно и вспомнить о семъ событіи. Какъ съ горы вода катилась во всѣ мѣста,—большія барки съ грузомъ своимъ плыли по проспектамъ острова, дрова и бревна очень скоро наполнили дворы,—лошади тонули съ упряжью и экипажами; куры, коровы—все гибло въ сіи страшныя минуты; а люди, не успѣвшіе укрыться куда нибудь, цѣплялись по проспектамъ за вѣтви деревъ и висѣли, пока могли, а тамъ или, при помощи, спасались, или падали въ воду. Двѣ лошади выпряженныя приплыли къ намъ во дворъ; долго плавали по оному и наконецъ какимъ-то инстинктомъ попали на довольно высокое церковное крыльцо и тутъ нашли исканное спасеніе. Корова, вѣроятно, желая

спастись отъ смерти, подымалась на высокое сквозное крыльцо; но вода залила сіе бѣдное животное, морозъ окостенилъ ее и въ такомъ положеніи я видѣлъ ее висящую. Домы и колокольни были наполнены застигнутыми водою. Добрые жители острова, на проспектахъ жившіе, выкидывали изъ оконъ веревки и втаскивали погибавшихъ.»

Императоръ былъ до глубины души пораженъ новымъ несчастьемъ и считалъ его въ своемъ мрачномъ настроеніи наказаніемъ за грѣхи. Въ порывѣ своей сострадательной души онъ неусыпно распоряжался разсылкою катеровъ для спасенія погибающихъ и бо́льшую часть времени провелъ на балконѣ Зимняго дворца. Едва вода стекла на столько, что можно было проѣхать по улицамъ, онъ отправился въ Галерную гавань. Здѣсь представилась передъ нимъ во всей своей наготѣ ужасная картина разрушенія. Государь вышелъ изъ экипажа и долго стоялъ на одномъ мѣстѣ, не находя въ себѣ силъ сказать что нибудь: по его щекамъ медленно текли слезы. Окружившій его народъ плакалъ или рыдалъ. «За наши грѣхи Богъ насъ караетъ», сказалъ кто-то изъ толпы. «Нѣтъ, за мои!» съ грустію отвѣчалъ императоръ и самъ началъ распоряжаться о временномъ пріютѣ и пособіи для пострадавшихъ. Изъ Галерной государь отправился на Литейный заводъ. Подъѣхавъ къ уцѣлѣвшему зданію, вокругъ котораго толпились массы народа, онъ увидѣлъ новую картину несчастія: на полу и нарахъ лежало болѣе 12 труповъ, одни—въ гробахъ, другіе—безъ гробовъ. Государь и тутъ оставался нѣсколько времени, какъ будто намѣренно пытая себя этимъ зрѣлищемъ, чтобы внутренними муками искупить тотъ грѣхъ, который создало его мрачное воображеніе. «Я бывалъ въ кровопролитныхъ сраженіяхъ — разсказывалъ потомъ императоръ — видалъ послѣ битвы мѣста, покрытыя бездушными трупами, слыхалъ стоны раненыхъ, но это — неизбѣжный жребій войны; а тутъ увидѣлъ людей, вдругъ, такъ сказать,

осиротѣвшихъ, лишившихся въ одну минуту всего, что для нихъ было любезнѣе въ жизни; это ни съ чѣмъ сравниться не можетъ!»

«На третій день послѣ наводненія—говоритъ тотъ же современникъ (протоіерей Виноградовъ)—сердце мое повлекло меня въ 17-ю линію и ея окрестности. Тамъ я видѣлъ добрѣйшаго императора—утѣшителя несчастныхъ подданныхъ и съ нимъ графа Михаила Андреевича Милорадовича. Послѣдній спросилъ у меня: «что батюшка! отпѣвать кого пришли?» — «Я пришелъ, ваше сіятельство, поплакать о участи согражданъ», отвѣчалъ я. — «Да, и мы затѣмъ же пришли съ государемъ», кончилъ Милорадовичъ — и оба поднялись они по линіи на превысокую дровяную гору, пробираясь по среднему проспекту. Не могу и теперь безъ слезъ разсказывать плачевныхъ картинъ, водою начертанныхъ. Улица у 17-й линіи, направо, идущая къ Смоленскому кладбищу, наполнена была могильными крестами, которые водою снесены съ своихъ мѣстъ сюда. Не по далеку отъ сихъ могильныхъ памятниковъ подошелъ я къ преширокому черному гробу: плачущая женщина стала просить меня отпѣть покойницъ, на что я извинился ей моимъ саномъ діакона; напослѣдокъ она раскрыла гробъ, и что представилось очамъ моимъ, мало зрѣвшимъ отъ множества слезъ? Довольно пожилая мать съ дочерью, зрѣлыхъ лѣтъ дѣвицею, одѣтыя въ шелковыя зеленаго цвѣта капоты, руками и ногами крѣпко обнявшіяся, лицемъ къ лицу! Ихъ такъ нашли въ лодкѣ, въ 17-й линіи; а домъ, гдѣ жили онѣ, изъ 21-й линіи переплылъ въ 14-ю. По сей линіи вообще у каждаго дома почти готово было домовище (гробъ); ибо каждый почти домъ вмѣщалъ въ себѣ мертвеца, или извлеченнаго изъ развалинъ, или только освобожденнаго оттуда. Другія линіи были также непроходимы отъ нанесенныхъ домовъ, барокъ, бревенъ, дровъ и проч. Недѣли времени и тысячи людей нужны были, чтобы очистить и привести въ по-

рядокъ нашъ островъ .. О Васильевскій островъ! я сказываю только частицу. Прочіе предметы горести сокрыты были отъ взора моего, да и не достало бы силы описывать все. Бѣдная гавань, Черная рѣчка, Чекуши—что потеряли! Дѣти, отцы, матери, кровные, сосѣди—они передадутъ потомству неописуемые утраты.»

Примѣръ государя вызвалъ подражаніе у подданныхъ: не только Петербургъ, но и вся имперія посылала свои пожертвованія деньгами, съѣстными припасами, дровами и платьемъ. Особенно крупныя пожертвованія были отъ императорской фамиліи (250,000 рублей), отъ Комиссіи Духовныхъ Училищъ (500,000 рублей), отъ Великаго Княжества Финляндскаго (300,000 рублей) и отъ различныхъ обществъ; присылались деньги и изъ за границы, такъ братья Ротшильды прислали пожертвованіе изъ Вѣны, Бекендорфъ—изъ Карлсруэ, Алопеусъ и Россъ—изъ Берлина и т. д. Но замѣчательнѣе и крупнѣе другихъ было пожертвованіе графа Аракчеева На другой день послѣ наводненія онъ прислалъ императору слѣдующее письмо. «.... Я не могъ спать всю ночь, зная ваше душевное расположеніе; а потому и увѣренъ самъ въ себѣ, сколь много Ваше Величество страдаете теперь о вчерашнемъ несчастіи. Но Богъ, конечно, иногда посылаетъ подобныя несчастія и для того, чтобы избранные его могли еще болѣе показать страдательное свое попеченіе къ несчастнымъ. Ваше Величество, конечно, употребите оное нынѣ въ настоящее дѣйствіе. Для сего надобны деньги, и деньги неотлагательныя, для поданія помощи бѣднѣйшимъ, а не богатымъ. Подданные Ваши должны Вамъ помогать; а потому и осмѣливаюсь представить Вамъ мои мысли. Вашимъ, Батюшка, благоразумнымъ распоряженіемъ съ моими малыми трудами составленъ довольно знатный капиталъ военнаго поселенія. Я, по званію своему, не требовалъ изъ онаго даже столовыхъ себѣ денегъ. Нынѣ испрашиваю въ награду себѣ отдѣлить изъ

онаго капитала *одинъ милліонъ на пособіе бѣднѣйшимъ людямъ*, за что, конечно, Богъ поможетъ дѣлу сему съ пользою для отечества и славою Вашего Величества еще лучшимъ образомъ въ исполненіи своемъ продолжаться...»

По его инициативѣ былъ образованъ особый комитетъ для пособія жителямъ столицы; тогда паперти церковныя сдѣлались мѣстомъ раздаянія царевой милостыни, на острову и въ другихъ мѣстахъ открылись дома для пріюта и питанія; адмиралтейская сторона безостановочно подавала заневской сторонѣ хлѣбъ, платье и дрова. Августѣйшая мать императора, Марія Θедоровна, эта «мать всѣхъ бѣдныхъ и несчастныхъ», открыла новыя убѣжища, подъ кровомъ своимъ, для воспитанія дѣтей, родители или воспитатели которыхъ погибли въ наводненіе.

ГЛАВА XX.

Болѣзнь императрицы и сборы императора на югъ.—Посѣщеніе Александро-Невской лавры и бесѣда съ схимникомъ Алексѣемъ.—Поѣздка въ Таганрогъ.—Путешествіе въ Крымъ.—Болѣзнь и смерть императора Александра.—Письмо императрицы Елизаветы Алексѣевны.—Впечатлѣніе, которое произвела смерть императора на народъ.—Похороны императора.

Осенью 1825 года разстроенное здоровье императрицы Елизаветы Алексѣевны стало возбуждать серьезныя опасенія докторовъ: они видѣли въ болѣзни ея развивающуюся чахотку и совѣтовали ей провести предстоящую зиму гдѣ нибудь въ Италіи или на островѣ Мальтѣ; но императрица не хотѣла слышать о заграничномъ путешествіи. «Я совершенно здорова», говорила она, «да если бы и дѣйствительно болѣзнь моя усилилась, то женѣ русскаго Императора слѣдовало бы умереть въ Россіи».—Императоръ старался превозмогать свое мрачное расположеніе духа и, въ присутствіи супруги, казался не только довольнымъ, но и веселымъ. Желая увезти ее на югъ, онъ говорилъ ей о необходимости такого путешествія для его собственнаго здоровья и, тогда императрица согласилась, избравъ для своего мѣстопребыванія небольшой городокъ при устьѣ Дона—Таганрогъ. «Видно Таганрогъ полезенъ для государя», говорила довольная императрица. «А мнѣ съ нимъ будетъ хорошо вездѣ». Рѣшено было, что императоръ выѣдетъ изъ Петербурга 1 сентября, самъ приготовитъ для императрицы помѣщеніе и потомъ уже встрѣтитъ ее на мѣстѣ.

За два дня до отъѣзда, государь отправился на молебствіе въ Александро-невскую лавру, въ сопровожденіи великихъ князей Николая и Михаила Павловичей, великой княгини Александры Ѳеодоровны и высшихъ государственныхъ сановниковъ. Въ лаврѣ его ожидало все главное столичное духовенство. Послѣ литургіи государь пошелъ завтракать къ митрополиту Серафиму и здѣсь, отозвавъ его въ сторону, сказалъ шепотомъ: «прошу васъ отслужить для меня одного послѣ завтра, въ 4 часа утра, панихиду, которую желаю отслушать предъ отъѣздомъ въ южныя губерніи».

— «Панихиду?» спросилъ удивленный митрополитъ.

— «Да», отвѣчалъ государь и тяжело вздохнулъ. «Отправляясь куда либо, я обыкновенно приношу молитву въ Казанскомъ соборѣ, но настоящее путешествіе мое не похоже на прежнія... И къ тому-же, здѣсь почиваютъ мои малолѣтныя дочери и вблизи отсюда столь же дорогая мнѣ... Да будетъ мой путь подъ покровомъ этихъ ангеловъ!»

1 сентября, до разсвѣта, государь прискакалъ къ лаврѣ въ коляскѣ, запряженной тройкой и былъ встрѣченъ у воротъ монастыря митрополитомъ Серафимомъ и всей монашествующей братіей въ траурномъ облаченіи. Выйдя изъ коляски, онъ приложился ко кресту и, принявъ благословеніе отъ Серафима, пошелъ въ соборъ. Послѣ панихиды онъ зашелъ на нѣсколько минутъ въ келью митрополита, гдѣ ему представили престарѣлаго схимника Алексѣя. Побесѣдовавъ со старцемъ, изможденнымъ лишеніями и подвижническою жизнію, Александръ пожелалъ получить его благословеніе; схимникъ съ своей стороны просилъ государя посѣтить его убогую келью. Войдя въ келью, Александръ былъ пораженъ ея мрачнымъ видомъ: вся комната была обита чернымъ сукномъ, вездѣ черныя скамьи, и у одной стѣны большой крестъ и неугасимая лампада передъ образами. Когда императоръ спросилъ, на чемъ спитъ старецъ, послѣдній открылъ черный покровъ и, указавъ на гробъ, окру-

женный горящими свѣчами, сказалъ ему гробовымъ голосомъ: «вотъ мое ложе, и оно принадлежитъ не мнѣ одному, но всѣмъ людямъ. Мы всѣ успокоимся на немъ послѣднимъ сномъ вѣчнымъ». Разговоръ со схимникомъ и обстановка его кельи произвели на впечатлительную душу императора сильное впечатлѣніе. Уѣзжая изъ лавры, онъ сказалъ монахамъ: «любезные братья о Христѣ! молитесь за меня, молитесь за императрицу!»

Въ этотъ же день государь выѣхалъ изъ Петербурга, въ сопровожденіи начальника главнаго штаба, барона Дибича, и лейбъ-медика Виллiе. У самой заставы онъ приказалъ остановиться, привсталъ въ коляскѣ и, обратившись назадъ, въ задумчивости нѣсколько минутъ глядѣлъ на столицу: какъ бы предчувствуя, что не увидитъ болѣе Петербурга, онъ хотѣлъ проститься съ нимъ.

Государь ѣхалъ чрезвычайно быстро: не смотря на остановки въ разныхъ городахъ и неизбѣжныя встрѣчи, онъ прибылъ въ Таганрогъ 14 сентября. Черезъ девять дней онъ встрѣтилъ императрицу и водворилъ ее въ домѣ, который былъ устроенъ по образцу любимаго Царскаго Села. Съ перваго же дня пріѣзда Елизаветы Александровны, государь окружилъ ее самою нѣжною заботливостью, предупреждалъ малѣйшія ея желанія, старался доставлять ей развлеченія, сопровождалъ ее въ ея прогулкахъ пѣшкомъ или въ коляскѣ, и государыня, подъ вліяніемъ этой теплой любви и ласковости, ожила и видимо поправилась здоровьемъ. Тогда государь предпринялъ небольшое путешествіе: посѣтилъ Ростовъ, Нахичевань, Новочеркаскъ и другія станицы; затѣмъ рѣшился принять приглашеніе Новороссійскаго генералъ-губернатора, графа Воронцова, посѣтить Крымъ, говоря, что «добрымъ сосѣдямъ слѣдуетъ жить въ согласіи». Нелюбя пышности, императоръ жилъ здѣсь уже совершенно просто: «надо, чтобы переходъ къ частной жизни не былъ рѣзокъ», говорилъ онъ шутя. Вмѣстѣ съ кня-

земъ Волконскимъ онъ выбиралъ мѣсто для постройки постояннаго дворца и, повидимому, былъ очень занятъ его распредѣленіемъ. «И ты выйдешь въ отставку вмѣстѣ со мной»,— говорилъ онъ постоянному своему спутнику,—«и будешь у меня библіотекаремъ». Вообще, государь, возвратившись къ прежней любви и къ прежней мысли, былъ очень веселъ: казалось, *онъ нашелъ наконецъ тотъ уголокъ* въ Европѣ, о которомъ мечталъ въ юные годы и гдѣ желалъ навсегда поселиться.

20 октября государь отправился въ Крымъ и въ первые дни былъ веселъ и разговорчивъ; но скоро утомленіе отъ продолжительныхъ переѣздовъ верхомъ и отступленіе отъ обыкновенной діеты произвели разстройство желудка; а вредная вечерняя свѣжесть воздуха, которой онъ подвергался очень часто, забывая всякую усталость, и посѣщеніе госпиталей, гдѣ свирѣпствовалъ тифъ, еще болѣе ухудшили его здоровье. Разговаривая въ Бахчисараѣ съ Вилліе о здоровьѣ императрицы, онъ признался, что и самъ нездоровъ и уже нѣсколько ночей спитъ безпокойно. «Впрочемъ,—прибавилъ онъ съ усмѣшкою,— я не вижу надобности ни въ васъ, ни въ вашей латинской кухнѣ, и съумѣю вылѣчить себя самъ. Къ тому же я твердо надѣюсь на милость Божію и на мою крѣпкую натуру».

Не терпя никогда лекарствъ, государь наотрѣзъ отказался отъ леченія, но торопился возвратиться *къ себѣ, домой.* 5-го ноября онъ вернулся въ Таганрогъ уже съ лихорадкой, но весь вечеръ провелъ съ императрицей и на другой день обѣдалъ съ нею, а потомъ занимался дѣлами. Въ этотъ же день къ нему пришло донесеніе о заговорѣ Пестеля и сильно потрясло его.— Вилліе предлагалъ ему принять хининъ, но государь отказался; вслѣдствіе этого болѣзнь усиливалась. Черезъ два дня уже появились признаки тифозно-желчной горячки, и императоръ не могъ сходить съ дивана, который нарочно поставили въ его кабинетѣ. 9-го онъ позволилъ написать о своемъ положеніи

вдовствующей императрицѣ, а 11-го — великому князю Константину Павловичу.

Императрица не отходила отъ его постели и никому не уступала обязанности ухаживать за больнымъ. При видѣ опасности, угрожавшей императору, она позабыла собственную болѣзнь и, казалось, самоотверженность возстановляла угасающія ея силы.

14-го числа у императора начался бредъ: «чудовища, неблагодарные!» восклицалъ онъ въ бреду. Доктора потеряли всякую надежду на выздоровленіе и черезъ Волконскаго и Виллiѐ передали императрицѣ, что, *«во всякомъ случаѣ*, желательно было бы, чтобы государь пріобщился св. таинъ». Императрица вздрогнула. Долго не могла она придти въ себя; наконецъ собрала всѣ силы и сама явилась просить государя исполнить долгъ христіанина.

— «Такъ я очень боленъ?» спросилъ государь.

— «Нѣтъ, дорогой мой другъ, но ты не хочешь принимать никакихъ лекарствъ; попробуемъ этого».

Государь охотно согласился и настолько имѣлъ въ себѣ силы, что утѣшалъ императрицу.

На другой день онъ исповѣдался у протоіерея Федотова и, причастившись св. таинъ, въ присутствіи своей супруги, поцѣловалъ руку служителя Божія; затѣмъ сказалъ прерывающимся голосомъ: «Я никогда не былъ въ такомъ утѣшительномъ положеніи, въ какомъ нахожусь теперь; благодарю сердечно». На другой день больному сдѣлалось какъ будто лучше. Онъ подозвалъ къ себѣ императрицу, поцѣловалъ у нея обѣ руки и прижалъ ихъ къ сердцу. Замѣтивъ обычную улыбку на устахъ Александра, Волконскій обрадовался и хотѣлъ поцѣловать его руку, но государь живо отнялъ ее и сказалъ: «какой прекрасный день!» Потомъ обратился къ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и сказалъ ей: «ты, должно быть, очень устала». Быстро по городу полетѣла вѣсть, что императору лучше: утромъ

17 ноября всѣ бросили свои занятія, купцы заперли лавки и шли въ соборъ молить Бога о здравіи государя; всѣ плакали и сами священники неоднократно прерывали службу рыданіями. Но къ вечеру императору сдѣлалось снова хуже; на другой день онъ былъ въ забытьи и никого не узнавалъ. «Наступило 19 ноября, говоритъ очевидецъ (докторъ Тарасовъ). Утро было пасмурное и мрачное; площадь передъ дворцомъ вся была покрыта народомъ, который изъ церквей, послѣ моленія объ исцѣленіи государя, приходилъ толпами ко дворцу, чтобъ получить вѣсть о положеніи императора».

«Государь постепенно слабѣлъ, часто открывалъ глаза и прямо устремлялъ ихъ на императрицу и св. распятіе. Послѣдніе взоры его столь были умилительны и выражали столь спокойное и небесное упованіе, что всѣ мы, присутствовавшіе, при безутѣшномъ рыданіи, проникнуты были невыразимымъ благоговѣніемъ. Въ выраженіи лица его незамѣтно было ничего земнаго, а райское наслажденіе и ни единой черты страданія. Дыханіе становилось все рѣже и тише. Наконецъ, въ десять часовъ и сорокъ семь минутъ утра незабвенный и великій монархъ мирно и покойно испустилъ послѣдній вздохъ, и благочестивая великая душа его возлетѣла на небо!»

«Государыня императрица неотлучно сидѣвшая при августѣйшемъ своемъ умирающемъ, ровно 12 часовъ, встала съ своего мѣста въ этотъ торжественно-ужасный моментъ, помолилась на колѣняхъ св. распятію, висѣвшему на стѣнѣ предъ усопшимъ, потомъ перекрестила императора, поцѣловала его нѣжно, еще перекрестила его, закрыла вѣки глазъ его; сложивши свой платокъ подвязала ему подбородокъ, наконецъ опять на колѣняхъ помолилась св. распятію, низко поклонившись усопшему, и, отерши свои слезы, вышла изъ кабинета въ свои комнаты. Князь Волконскій хотѣлъ было слѣдовать за нею, но императрица, оборотясь къ нему, сказала: «останьтесь князь, здѣсь; ваше присутствіе здѣсь теперь необходимо нужно»

«Маменька!»—писала Елизавета Алексѣевна императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.—«Нашъ Ангелъ въ небесахъ, а я еще влачу жизнь на землѣ. Кто думалъ, чтобы я, слабая, больная, могла пережить его? Не оставляйте меня... Я одна, совершенно одна въ этомъ плачевномъ мірѣ... Нашъ милый другъ сохранилъ обычный ему благосклонный видъ; его посмертная улыбка убѣждаетъ меня въ томъ, что онъ счастливъ; что тамъ лучше нежели здѣсь.... Въ такой потерѣ, единственное мое утѣшеніе — надежда вскорѣ соединиться съ нимъ» [1]).

Въ то время не было еще ни телеграфовъ, ни желѣзныхъ дорогъ, да и почтамъ довѣрялись неохотно, поэтому вѣсть о смерти Александра пронеслась сначала глухимъ и тревожнымъ гуломъ по всей имперіи и народъ дрогнулъ; когда же печальное извѣстіе разразилось во всей своей оффиціальной истинѣ и было напечатано приведенное выше письмо императрицы Елизаветы Алексѣевны, тогда одинъ общій вопль народа отвѣтилъ сѣтующей державной вдовѣ. Современники оставили намъ свидѣтельство о томъ впечатлѣніи, какое произвело на петербужцевъ роковое извѣстіе о смерти императора. Утромъ 27 ноября происходило молебствіе о здравіи императора въ церкви Зимняго дворца и въ Александро-Невской лаврѣ: въ первой находился Жуковскій, во второй — Блудовъ. Когда, во время самаго молебна, великій князь Николай Павловичъ, котораго вызвали изъ церкви, по случаю пріѣзда курьера, вернулся и подалъ знакъ рукой духовенству и пѣвчимъ, «все умолкло, оцепенѣло отъ недоумѣнія, но вдругъ всѣ разомъ поняли, что императора не стало; церковь глубоко охнула и чрезъ минуту все пришло въ волненіе; все слилось въ одинъ говоръ криковъ, рыданія и плача... Невозможно выразить отчаянія тутъ же находившейся вдовствующей императрицы». «Кто привезъ роковое

---

[1]) Императрица Елизавета Алексѣевна не долго пережила своего супруга: она скончалась 4 мая 1826 г., на обратномъ пути изъ Таганрога, въ г. Бѣлевѣ, Тульской губерніи.

извѣстіе въ церковь Александро-Невской лавры,—я не знаю, говорилъ Блудовъ,—да едва ли кто изъ присутствующихъ зналъ, только оно съ быстротою электрической искры обошло всѣхъ присутствующихъ и общій вопль, общее рыданіе прервали Божественную службу».

Тѣло императора было набальзамировано, одѣто въ парадный генеральскій мундиръ, но безъ Андреевской ленты и шпаги; на голову была возложена корона. Сердце императора, помѣщенное въ серебряномъ, густо вызолоченомъ сосудѣ и внутренности, въ особомъ кивотѣ, были герметически закупорены.

22 декабря печальная процессія выступила изъ Таганрога, въ сопровожденіи значительнаго казачьяго эскорта. Планъ путешествія до Петербурга былъ составленъ барономъ Дибичемъ: весь день тѣло везли и останавливались на почлеги только въ городахъ или селахъ, чтобы гробъ всегда ночевалъ въ церкви. На всемъ пути, тѣло императора встрѣчали массы народа, собиравшагося иногда очень издалека. «Не было никого,—говоритъ очевидецъ,—«кто бы не оплакивалъ Благословеннаго монарха». Тульскіе оружейники встрѣтили процессію всей массой за 5 верстъ отъ города и просили позволенія отпречь лошадей, чтобы везти колесницу на себѣ; но особенно торжественна и трогательна была встрѣча въ Москвѣ: «плачь и вопль былъ всеобщій» и самъ митрополитъ Филаретъ встрѣтилъ печальную процессію передъ городомъ. Въ Москвѣ гробъ былъ поставленъ на парадную колесницу, запряженную 8-ю придворными лошадями, одѣтыми въ глубокій трауръ; дорожная прислуга была замѣнена придворной. При этомъ произошелъ одинъ замѣчательный случай. Когда парадная колесница должна была тронуться въ путь, на козлы попрежнему сѣлъ старинный лейбъ-кучеръ покойнаго императора, Илья Байковъ; но въ это время къ нему подошелъ назначенный церемоніаломъ придворный кучеръ и потребовалъ, чтобъ Илья уступилъ ему мѣсто. Илья настойчиво отказывался. На споръ явился унтеръ-штальмей-

стеръ и приказалъ Байкову уступить; но Байковъ и его не послушался. Довели дѣло до князя Голицына, который уже приказалъ стащить Илью съ козелъ силою, говоря ему, что онъ *съ бородою* и потому не можетъ быть въ церемоніи. Тогда Байковъ, въ чувствѣ преданности императору, сказалъ князю: «я возилъ императора 30 лѣтъ и хочу служить ему до его могилы, а если теперь мѣшаетъ только моя борода, то прикажите сейчасъ ее сбрить». Голицынъ, тронутый такою преданностью кучера, оставилъ его на козлахъ [1]).

Изъ Москвы печальная процессія направилась черезъ Тверь, Валдай и Новгородъ и 8 марта 1826 г. приблизилась къ Царскому Селу. «Не доходя по ижорскому шоссе версты двѣ до колоніи»,— говоритъ Тарасовъ,—«она встрѣчена была всѣми жителями Царскаго Села съ духовенствомъ и крестьянами царскосельскаго дворцоваго вѣдомства, и здѣсь остановилась, ожидая императора. День былъ солнечный и довольно теплый, такъ что на шоссе таялъ снѣгъ и была грязь. Императоръ [2]) не замедлилъ выѣхать на встрѣчу съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и всѣми первыми чинами двора. Сошедъ съ коляски, императоръ, приближась къ колесницѣ, поклонился въ землю, потомъ, взошедъ на колесницу, упалъ на гробъ и залился слезами; съ другой стороны колесницы тоже сдѣлалъ Михаилъ Павловичъ. По совершеніи литіи, шествіе двинулось къ Царскому Селу; императоръ съ братомъ въ траурныхъ плащахъ и распущенныхъ шляпахъ слѣдовали непосредственно за колесницею пѣшкомъ до дворцовой церкви, въ которую внесенъ

---

[1]) Государь любилъ Байкова не только за его преданность, но и за душевныя качества. Однажды, при обычной прогулкѣ императора, по улицамъ Петербурга, въ дрожкахъ запряженныхъ въ одну лошадь, Илья привезъ его на конецъ города. «Зачѣмъ ты поѣхалъ сюда?» спросилъ Александръ. «Если, ваше величество, позволите мнѣ, то я скажу о томъ послѣ», отвѣчалъ Илья и, проѣхавъ нѣсколько домовъ, остановился у полуразвалившейся избы. «Государь!»—сказалъ онъ—«здѣсь живетъ вдова моего прежняго господина».

По возвращеніи съ прогулки, государь назначилъ ей пожизненную пенсію.

[2]) Николай Павловичъ.

былъ гробъ и поставленъ на великолѣпный катафалкъ подъ балдахиномъ».

Изъ Царскаго Села гробъ императора былъ перевезенъ съ большою торжественностью въ Петербургъ и поставленъ на семь дней въ Казанскомъ соборѣ. Изъ собора шествіе направилось по Невскому, черезъ Неву, по Новому мосту, который былъ построенъ, по повелѣнію покойнаго императора, и черезъ который онъ переѣхалъ первый, но въ гробу.

Отпѣваніе и похороны императора въ Петропавловской церкви произошли 22-го марта. «Не было ни одного», — говорить тотъ-же современникъ, — «кто бы не проливалъ самыхъ сердечныхъ слезъ по Незабвенномъ монархѣ!»

Гробъ императора помѣстили въ мѣдный ковчегъ, замкнутый 4 замками; а ковчегъ поставили въ нарочно приготовленный склепъ, сводъ котораго тотчасъ-же задѣлали.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

СТРАН.

ГЛАВА XI. Преобразованія Сперанскаго послѣ Ерфуртскаго свиданія.—Открытіе государственнаго совѣта.—Манифестъ о преобразованіи министерствъ.—Новые министры: Балашевъ, принцъ Георгій Ольденбургскій, князь Голицынъ, Барклай-де-Толли.—Противники Сперанскаго и Карамзинъ.—Его „записка о древней и новой Россіи".—Указы о придворныхъ званіяхъ и объ экзаменахъ на гражданскіе чины.—Финансовыя преобразованія Сперанскаго.—Его многочисленные враги и неожиданная ссылка.—Шишковъ—государственный секретарь.—Графъ Ростопчинъ—главнокомандующій Москвы. 1

ГЛАВА XII. Честолюбіе Наполеона и новые захваты.—Тяжесть континентальной системы.—Приготовленія къ войнѣ и переговоры.—Союзъ Наполеона съ Пруссіей и Австріей.—Отъѣздъ государя къ арміи.—Рѣшимость Александра и русскаго народа.—Планы войны и начало войны.—Лагерь при Дриссѣ.—Пріѣздъ государя въ Москву.—Подвигъ графа Остермана.—Соединеніе обѣихъ армій у Смоленска.—Невѣровскій и дѣло у Краснаго.—Раевскій и Дохтуровъ задерживаютъ Наполеона у Смоленска.—Отступленіе Барклая-де-Толли къ Москвѣ.—Ропотъ народа и арміи.—Назначеніе главнокомандующимъ Кутузова и пріѣздъ его къ арміи.—Путешествіе государя въ Або для свиданія со шведскимъ наслѣднымъ принцемъ 22

ГЛАВА XIII. Отступленіе Кутузова къ Бородину.—Бородинская позиція.—Приближеніе Наполеона и бой на Шевардинѣ.—Канунъ битвы.—Бородинская битва.—Отступленіе арміи къ Москвѣ и Милорадовичъ.—Совѣтъ въ Филяхъ.—Настроеніе Москвы.—Отступленіе русской арміи черезъ Москву.—Вступленіе Наполеона въ Москву.—Пожаръ Москвы.—Грабежи и безчинства.—Государь узнаетъ о потерѣ Москвы.—Разговоръ его съ полковникомъ Мишо.—Переходъ Кутузова на Калужскую дорогу.—Партизаны и крестьяне тревожатъ непріятеля.—Дѣло у Тарутина.—Битва у Малоярославца 46

ГЛАВА XIV. Поспѣшное отступленіе Наполеона.—Дѣло у Вязьмы.—Наполеонъ въ Смоленскѣ.—Красненская битва.—Пораженіе Нея.—

СТРАН.

Печальное состоянiе французской армiи.—Радость государя и русскаго народа.—Благодарственный манифестъ и награды.—Переправа французовъ через Березину.—Морозы и окончательное разстройство непрiятельской армiи.—Отъѣздъ Наполеона изъ армiи.—Духъ нашей армiи.—Непрiятель переходитъ границу.—Отступленiе Шварценберга, Рейнье и Макдональда.—Прiѣздъ государя въ Вильну.—Патрiотическое напряженiе въ войну 1812 г. и отраженiе его въ литературѣ: басни Крылова, афиши Ростопчина; каррикатуры 69

ГЛАВА XV. Императоръ Александръ выступаетъ на защиту Европы.—Занятiе Варшавы.—Союзъ съ Пруссiей и свиданiе императора съ королемъ.—Движенiе армiи впередъ.—Болѣзнь и смерть Кутузова.—Приготовленiя Наполеона.—Битвы при Люценѣ и Бауценѣ.—Перемирiе и конгрессъ въ Прагѣ.—Союзъ съ Австрiей.—Шварценбергъ, Блюхеръ и Бернадоттъ.—Осада Дрездена.—Кульмская побѣда.—Успѣхи сѣверной армiи.—Трехдневная битва у Лейпцига и вступленiе императора въ Лейпцигъ.—Дѣло у Ганау.—Кавказъ послѣ 1813 года: Тормасовъ, Паулуччи и Ртищевъ.—Подвиги Котляревскаго — Миръ съ персiанами 92

ГЛАВА XVI. Переходъ союзниковъ черезъ Рейнъ.—Битва у Брiенна.—Дѣло при Шампоберѣ.—Успѣхи Наполеона и отступленiе союзныхъ армiй.—Битвы у Краона и у Лаона.—Пораженiе Мармона.—Дѣло у Арсисъ.—Послѣднiй маневръ Наполеона.—Битва у Феръ-Шампенуаза.—Битва у Парижа.—Капитуляцiя Парижа и вступленiе въ него союзниковъ.—Временное правительство; отреченiе Наполеона.—Торжество императора Александра.—Прiѣздъ короля Людовика.—Первый Парижскiй миръ.—Отъѣздъ изъ Парижа императора Александра.—Прiѣздъ его въ Россiю. 112

ГЛАВА XVII. Съѣздъ государей въ Вѣну.—Цѣль конгресса и раздоръ между представителями разныхъ державъ.—Условiя конгресса.—Бѣгство Наполеона съ острова Эльбы.—Прiѣздъ государя въ Гейдельбергъ и встрѣча съ баронессой Криднеръ.—Прiѣздъ союзныхъ государей въ Парижъ.—Актъ священнаго союза.—Второй Парижскiй миръ.—Возвращенiе государя и перемѣна въ его характерѣ.—Аракчеевъ и новые министры.—Посѣщенiе Москвы.—Военныя поселенiя.—Бракосочетанiе великаго князя Николая Павловича.—Посѣщенiе Москвы.—Рожденiе нынѣ царствующаго императора Александра Николаевича.—Храмъ Спасителя.—Украшенiе Петербурга.—Царство Польское и его неустройства.—Записка Карамзина.—Государь недоволенъ поляками 133

ГЛАВА XVIII. Конгрессъ въ Ахенѣ.—Волненiя между германскою молодежью.—Смерть Коцебу.—Карлсбадскiя совѣщанiя.—Взглядъ императора Александра.—Возстанiе въ Испанiи, Португалiи и Неаполѣ.—Конгрессъ въ Троппау.—Семеновская исторiя.—Конгрессъ въ Лайбахѣ.—Возстанiе Грековъ и Александръ Ипсиланти.—Изувѣрства Турокъ.—Отставка графа Каподистрiа.—Конгрессъ въ Веронѣ.—Кавказъ и Закавказье съ 1816 по 1825 годъ: Ермоловъ и его посольство

СТРАН.

въ Персію; успокоеніе края; князь Мадатовъ; Мулла Магометъ и начало мюридизма.— Состояніе Польши въ послѣдніе годы царствованія императора Александра.— Новосильцевъ и Друцкой-Любецкой.— Третій сеймъ 154

ГЛАВА XIX. Состояніе военныхъ поселеній въ послѣдніе годы царствованія Императора Александра.—Открытіе Лицея и Публичной библіотеки.—Лазаревскій институтъ.—Преобразованіе Педагогическаго института въ С.-Петербургскій университетъ и графъ Уваровъ.— Магницкій и Руничъ.—Перемѣна въ министерствѣ: значеніе графа Аракчеева, удаленіе князя Голицына изъ министерства народнаго просвѣщенія. — Шишковъ. — Ланской. — Татищевъ и Дибичъ.—Канкринъ и его значеніе.—Перемѣна въ характерѣ Императора.—Наводненіе 7 ноября 1824 года. 177

ГЛАВА XX. Болѣзнь императрицы и сборы императора на югъ.— Посѣщеніе Александро-Невской лавры и бесѣда съ схимникомъ Алексѣемъ.—Поѣздка въ Таганрогъ.—Путешествіе въ Крымъ.—Болѣзнь и смерть императора Александра.—Письмо императрицы Елизаветы Алексѣевны.—Впечатлѣніе, которое произвела смерть императора на народъ.—Похороны императора 199

